

ВЫСШЕЕ

ОБРАЗОВАНИЕ

В. П. Козлов

АРХИВОВЕДЕНИЕ

Учебник и практикум

УМО ВО
РЕКОМЕНДУЕТ

 Юрайт
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. П. Козлов

АРХИВОВЕДЕНИЕ

Учителем Зинаиде Георгиевне
Тодоршино и семье передаю
5 июля

В. Козлов 10.05.2021г

УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ ДЛЯ ВУЗОВ

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебника и практикума для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям*

**Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва • Юрайт • 2021

УДК 930.25(075.8)
ББК 79.3я73
К59

Автор:

Козлов Владимир Петрович — член-корреспондент Российской академии наук, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры архивоведения факультета архивоведения и документоведения, профессор учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Козлов, В. П.
К59 Архивоведение : учебник и практикум для вузов / В. П. Козлов. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 329 с. — (Высшее образование). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-14066-8

Курс доктора исторических наук, заслуженного профессора РГГУ, члена-корреспондента РАН В.П. Козлова является итогом его многолетней практической работы как историка-архивиста и бывшего руководителя государственной архивной службы России. В нем предложен оригинальный взгляд на архивоведение как научную дисциплину, разрабатывающую теоретические вопросы сохранения, пополнения и трансляции документальной исторической памяти через один из ее депозитариев — архивы, ее поиска в них. Курс содержит новые понятия и идеи о роли документа в качестве регулятора человеческой жизнедеятельности и его трансформации в документальный исторический источник как носителя документальной исторической памяти, ее свободе и несвободе, а также видах, формах и особенностях ее поиска в архивах и трансляции в прошлом и современном мире.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Издание адресовано студентам высших учебных заведений, обучающимся по гуманитарным направлениям.

УДК 930.25(075.8)
ББК 79.3я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-534-14066-8

© Козлов В. П., 2021
© ООО «Издательство Юрайт», 2021

Оглавление

Принятые сокращения.....	7
Предисловие	9
Тема 1. Архивоведение как научная дисциплина.....	30
1.1. Архивоведение и его основные проблемы	30
1.2. Объект архивоведения.....	36
1.3. Предмет архивоведения	40
1.4. Принципы архивоведения	42
1.5. Методы архивоведения	50
<i>Контрольные задания</i>	<i>54</i>
Тема 2. Документное регулирование человеческой жизнедеятельности и ее документальное запоминание.....	55
2.1. Документ как интеллектуальный продукт	55
2.2. Понятие «документ»	59
2.3. Документ как материальный носитель информации	69
2.4. Документ и его информация.....	71
2.5. Архивоведческо-источниковедческий смысл понятия «текст документа»	<i>73</i>
2.6. Структура документа	80
2.7. Формуляр документа	94
2.8. Форма документа	96
2.9. Вид документа	97
2.10. Эволюция документа.....	98
2.11. Трансформация (фазы бытования) документа	110
2.12. Формы реализации документом функциональной заданности	120
2.13. Признаки документа как документального исторического источника	123
2.14. Классы документов.....	132
<i>Контрольные задания</i>	<i>137</i>
Тема 3. Документальная память и документальное наследие — фундаментальные категории архивоведения	138
3.1. Документальная память как особый тип исторической памяти	138
3.2. Виды, структура и особые свойства документальной памяти.....	143

3.3. Документальная память в составе историко-культурного достояния (наследия) страны	156
3.4. Репрезентативность документальной исторической памяти.....	161
Контрольные задания	169
Тема 4. Сбережение документальной исторической памяти и документального наследия: необходимость и достаточность	170
4.1. Сохранение накопленной документальной исторической памяти.....	170
4.2. Пополнение документальной исторической памяти.....	183
4.3. Экспертиза ценности архивных документов	186
4.4. Реконструкция документальной исторической памяти	194
Контрольные задания	196
Тема 5. Классификация и упорядочение архивных документов и документальной исторической памяти	197
5.1. Из истории документальных классификаций	197
5.2. Современные классификации документов	200
5.3. Познавательная (прикладная) классификация архивных документов.....	210
5.4. Универсальная классификация архивных документов	217
Контрольные задания	220
Тема 6. Архив как информационная система	221
6.1. Функциональная универсальность архива.....	221
6.2. Типология архивов.....	224
6.3. Основные элементы информационной системы архива	237
6.4. Архивная среда бытования архивного документа в фазе покоя и фазе его публичного состояния	246
6.5. Учетная упорядоченность архивного документа в архивной среде его бытования	249
6.6. Архивный документ в системе первичной и вторичной архивной информации архива.....	250
6.7. Вторичная архивная информация и преодоление дискретности документальной исторической памяти	253
6.8. Архивный документ в системе категорий его различной ценности как документального достояния	255
Контрольные задания	261
Тема 7. Трансляция документальной исторической памяти	262
7.1. Постоперативная востребованность документальной исторической памяти и ее виды	262
7.2. Факторы, ограничивающие востребованность документальной исторической памяти	279
7.3. Несвобода и свобода документальной исторической памяти	280
Контрольные задания	293

Тема 8. Архивная эвристика как поиск заданной части документальной исторической памяти	294
8.1. Общее представление об архивной эвристике и ее развитии в России.....	294
8.2. Объект, предмет и принципы архивной эвристики.....	299
8.3. Типы и виды запросов архивной информации	302
8.4. Факторы, затрудняющие архивный поиск.....	304
8.5. Документальные отложения и их роль в архивном поиске.....	306
8.6. Методы поиска архивной информации.....	311
8.7. Справочный инструментарий поиска архивной информации.....	314
8.8. Стратегия и тактика архивного поиска в зависимости от типа и вида запроса.....	316
<i>Контрольные задания</i>	<i>321</i>
Заключение	322
Рекомендуемая литература	327
Новые издания по дисциплине «Архивоведение» и смежным дисциплинам	329

Принятые сокращения

- АН — Академия наук
ВКП(б) — Всероссийская Коммунистическая Партия большевиков
ВНИИДАД — Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАФ СССР — Государственный архивный фонд СССР
ГКО — Государственный комитет обороны
ГПУ — Государственное политическое управление
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
КГБ — Комитет государственной безопасности
Колхозцентр — Всесоюзный союз сельскохозяйственных коллективов СССР
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МТС — машинно-тракторная станция
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НСА — научно-справочный аппарат
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
Росархив — Государственная архивная служба Российской Федерации (1992—1996 гг.); Федеральная архивная служба Российской Федерации (1996—2004 гг.); Федеральное архивное агентство (с 2004 г.)
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМИ — средства массовой информации

СНК РСФСР — Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства
ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК ВКП(б) — Центральный Комитет ВКП(б)
ЦК КПСС — Центральный Комитет КПСС
ЦК РКП(б) — Центральный Комитет РКП(б)

Предисловие

Настоящая книга представляет собой попытку теоретического осмысления роли документа и документальной памяти в системе архивоведческого знания, изучающего работу с документами на этапе их сбережения и использования.

«Документальная память» — понятие, сравнительно недавно введенное в научный оборот как обобщающее обозначение всего информационного массива, закрепленного в процессе бытования документов как оперативных регуляторов человеческой жизнедеятельности.

С давних пор осмысление сбережения и трансляции документальной памяти, документов и институтов, занимающихся практической работой в этих направлениях, являлось и является задачей специальной историко-документальной дисциплины — архивоведения. Архивоведение развивалось в тесной связи с архивным делом. Символическим будет выглядеть напоминание об описи так называемого Царского архива середины XVI в. Она показывает, что государственные бумаги Московии XII—XVI вв. высшего уровня происхождения находились здесь, во-первых, в полном порядке, т. е. были описаны и имели неплохие условия хранения, и, во-вторых, активно использовались в политической борьбе Иваном Грозным¹. И в это время, и особенно позже, документы официального происхождения, прежде всего связанные с имущественными и генеалогическими делами, в России, как и везде в мире, ценились очень высоко. Архивное нестроение этих и последующих лет в России было связано в основном с техногенными катастрофами в виде пожаров. Значимость документов как регуляторов современной жизни была подчеркнута петровским Генеральным регламентом, а политическая роль архивного документа древности не раз демонстрировалась в документальных публикациях петровского времени. Административные преобразования XVIII в. не сопровождались массовыми документальными утратами — они носили, скорее, случайный характер. Более того, они привели к созданию исторических ведомственных архивов, которые хотя и находились десятилетиями в неупорядоченном состоянии, но все же сберега-

¹ Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции. Вып. 1—3. М., 1978.

лись. Во второй половине XVIII—XIX вв. к ним начали осторожно подпускать и историков, не имевших никакого отношения к архивам, — сначала доверенных императорами лиц, вроде Н. М. Карамзина¹ и С. М. Соловьева, затем избранных из числа университетской профессуры, потом даже историков-любителей.

Тем не менее символом дореволюционного государственного архивного строительства для автора остается серебряный ковчег, изготовленный по распоряжению Екатерины II для хранения более чем трехсотметровой длины столбца Соборного уложения 1649 г.² Ковчег, даже серебряный, — не самое лучшее место хранения документа такого уровня, но вместе с тем он — намек на недоступность памятника и его уникальный характер. Напомним, что, например, хлопоты А. С. Пушкина о доступе к следственному делу над Е. И. Пугачевым, закончились ничем³.

С учетом сказанного мы должны оценивать декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. и для государства, и для сохранения его документальной памяти. Этим декретом государство признало необходимость архивного дела для своего функционирования. В тот момент речь шла преимущественно об использовании большевиками архивных документов в политических и идеологических целях. Это отчетливо видно в последующих официальных документах, связанных с архивным строительством. Так, декрет СНК от 29 июля 1919 г. в русле политики национализации отменял «все ограничительные для государства условия», на которых частные архивы русских писателей, композиторов, художников и ученых хранились до революции в библиотеках и музеях, одновременно вводя государственную монополию на их издание и государственный контроль за их использованием. Политическую заинтересованность новой власти в архивных документах продемонстрировали декрет СНК от 2 августа 1923 г. о концентрации в Центрархиве⁴ архивов противников советской власти, декрет ВЦИК от 12 сентября 1923 г. об архивах семьи Романовых и некоторых других лиц, постановление ЦИК СССР от 10 апреля 1929 г. «О Центральном архивном управлении Союза ССР», наконец, само создание в составе Единого государственного архивного фонда страны (ЕГАФ) специальной «политической секции»⁵.

¹ Козлов В. П., Козлова Н. А. Архивные разыскания Н. М. Карамзина // Советские архивы. 1977. № 3. С. 63—67.

² Ныне этот столбец отреставрирован и разделен на отдельные страницы.

³ Смолыгина Э. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. Источниковедческое исследование. М., 1995.

⁴ Центрархив (Центральный архив) — официальное наименование сети архивных учреждений РСФСР.

⁵ Подробнее см.: Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917—1980. М., 1994. С. 34—91.

На протяжении последующих лет власть широко использовала политическую и идеологическую роль архивных документов как доставшихся ей в наследство, так и создаваемых вновь. И в этом не было бы ничего странного — так было, есть и будет в любом государстве, если бы речь не шла о глубинной и повсеместной фальсификации исторического прошлого народов нашей страны, о сокрытии и забвении национальных святынь. Не случайно глава архивной службы историк М. Н. Покровский заявил однажды, что не собирается издавать «барахло» — документы по древнерусской истории. Фильтр постулированных идеологических и политических догматов надежно охранял пользователей от всего многообразия информации, хранящейся в российских архивах. Однако он не препятствовал их сохранению.

Вместе с тем политическая и идеологическая целесообразность, обеспечившая принятие декрета СНК от 1 июня 1918 г., лишь стимулировала реализацию идей отечественных историков и архивистов, сформулированных много ранее. Ключевое место среди них занимала идея централизации архивного дела. В этом смысле июньский 1918 г. декрет наносил серьезный удар по сильным традициям ведомственного хранения, которые подпитывались реальным положением вещей: едва ли не повсеместное отсутствие возможностей для концентрации документов не только в специально построенных хранилищах, но и вообще в каких-либо приспособленных помещениях.

С выходом декрета от 1 июня 1918 г., последующих декретов, таких как «Положение о Центральном архиве РСФСР», утвержденное декретом ВЦИК в 1922 г., произошло крупнейшее экономическое, психологическое, социальное и организационное изменение отношения к архивам: архивы стали самостоятельной институцией, а архивное дело впервые в нашей стране на государственном уровне было признано одним из элементов государственности и самостоятельным объектом хозяйствования. Последствия этого для архивов России трудно переоценить: целевой, самостоятельный, долгие годы во многом централизованный бюджет позволил начать медленное, но налаженное строительство специализированных архивохранилищ, техническое оснащение и регулярное переоснащение архивов, организовать создание страхового фонда, обеспечить подготовку кадров архивистов и т. д. Новой России в 1991 г. досталась отнюдь не самая худшая в мире инфраструктура архивного дела.

Декрет от 1 июня 1918 г. заложил основы упорядочения Архивного фонда страны. К 1992 г. была создана система архивохранилищ, отразившая политическую организацию, административно-территориальное деление государства, специфику отдельных сфер его жизнедеятельности и жизнедеятельности общества. Речь идет об организации государственных архивов, Архивного фонда КПСС,

отраслевых архивных фондов, ведомственных хранилищ, Архивного фонда АН СССР, рукописных отделов библиотек, музеев, научных организаций. Эта система доказала свою жизнестойкость и эффективность, прежде всего в сохранении накопленных за столетия архивных документов, их комплектовании и использовании для обеспечения социально-правовых, научных и иных интересов граждан. Функционируя в рамках и интересах тоталитарного государства, она в то же время впервые в истории нашей страны приобрела атрибут государственности, достаточно организованно собирая и пополняя архивы государственных институтов прошлого и настоящего, а также в особой форме — на базе рукописных отделов библиотек, музеев, научных организаций, в соответствии еще с дореволюционными традициями — личных архивов и отчасти архивов общественных организаций.

Конечно, этой системе был присущ ряд недостатков. Некоторые из них с позиций сегодняшнего дня выглядят относительно в сравнении с идеальной моделью архивного дела, другие носили системный характер.

К числу первых можно отнести отказ от идеи национального, точнее общероссийского федерального государственного, архива, чрезмерную и не оправданную не только экономически, но и профессионально концентрацию в ряде ведомств государственных бумаг с истекшими сроками ведомственного хранения, параллелизм в комплектовании документами личного происхождения между государственными архивами и рукописными отделами библиотек, музеев, научных организаций. Эти недостатки можно считать относительными хотя бы потому, что опыт зарубежного архивного строительства свидетельствует о многообразии форм организации хранения архивных документов, в том числе по модели, близкой и даже совпадающей с российской.

К числу системных недостатков можно отнести обособленное существование государственных архивов и архивов бывшей КПСС, полное отсутствие негосударственных архивов, разделение целостных комплексов документов высших органов государственной власти, государственного управления России, Российской империи, Советского Союза между несколькими центральными архивами, в результате чего история страны и государства в документах ее верховных институтов оказалась раздробленной и перемешанной не только в центральных, но и в мощных ведомственных архивах.

Несмотря на эти и ряд других недостатков, созданная система государственного хранения архивных документов обеспечила решение главной задачи — сохранение накопленных столетиями документальных богатств. А это в свою очередь создает возможность для формирования представлений о непрерывности процессов

становления, развития, а также понимания кризисных состояний российской государственности. Несмотря на утраты в периоды политических и военных катаклизмов, сознательное уничтожение документов, макулатурные кампании, Архивному фонду России не был нанесен ущерб такого масштаба, который бы позволил говорить о невозможности беспристрастного изучения отечественной истории, оперирования архивными данными в доказательстве той или иной точки зрения на исторический процесс, историю российской государственности, общества и человека. В равной степени мы можем констатировать и то, что не было существенных утрат национальных реликвий Московского царства, России, Российской империи, Советского Союза. В последнем случае мы имеем в виду и сохранение имеющих постоянное и прогностически особо важное правовое значение оригиналов государственных бумаг о формировании территории Российского государства.

Реализация приноровленной к интересам тоталитарного государства идеи централизации управления архивами, архивным делом создала условия и для успешных попыток перехода к реализации идеи управления документацией. Эта идея получила развитие и практическое воплощение в «Основных правилах постановки документальной части делопроизводства и работы архивов учреждений, организаций и предприятий СССР» (1962 г.), Единой государственной системе делопроизводства, Усовершенствованной системе организационно-распорядительной документации и др.

Девяностые годы XX в. для российского архивного дела прошли под знаком потребительского отношения к архивам и со стороны государства, и со стороны общества, в забвении важной роли инфраструктурной составляющей в функционировании архивов. Потребовалось целое последующее десятилетие, чтобы восстановить инфраструктуру архивного дела и приступить к ее развитию и модернизации.

В период реформ 1990-х гг. российские архивисты столкнулись с целым рядом неизвестных ранее проблем. Собственность на архивные документы, интеллектуальная собственность, авторское право на архивную информацию, разграничение предметов ведения архивного дела между федеральным архивным ведомством и архивными службами субъектов Федерации, муниципальными архивами, правовой статус архивов приватизируемых, обанкротившихся предприятий и учреждений, механизмы защиты государственной тайны, тайны личной жизни, рассекречивание архивных документов, попечительство над негосударственной частью Архивного фонда Российской Федерации, сохранение документов на электронных носителях, внедрение компьютерных технологий в архивное дело — это далеко не полный перечень тех проблем, которые приходилось решать архивной службе страны в последние 30 лет.

За это время произошли существенные изменения в системе организации хранения документов Архивного фонда Российской Федерации. Например, появились негосударственные хранилища документов, в том числе поступающих из-за рубежа, архивы партий, общественных движений, негосударственных организаций. В архивное дело страны все шире стали внедряться автоматизированные технологии. Архивный фонд КПСС перешел в ведение государственной архивной службы.

В нелегких социально-экономических и сложных политических условиях удавалось сохранять целостность отраслевой системы, управляемость ею как по вертикали, так и по горизонтали, прежде всего с помощью коллективно вырабатываемых, широко апробированных нормативов хранения, комплектования, учета и использования архивных документов. За все годы реформ удалось избежать межведомственных конфликтов, конфликтов между субъектами Федерации и между ними и Росархивом, связанных с претензиями на те или иные документальные комплексы. А это значит, что единая архивная служба в государственном организме России оставалась стабилизирующим звеном, внося свой вклад в его единство и целостность.

Годы реформ стали прорывом в использовании архивных документов. Их документальные публикации в основном посвящены малоизвестным страницам нашей истории, прежде всего XX столетия, когда российская государственность испытала особенно крупные и непрогнозируемые по своим последствиям потрясения. Общество получило возможность объективно взглянуть на свою историю и сегодня, не отягощенное идеологическими путями, попытаться учесть многомерный опыт истории России, который, если он будет востребован, позволит извлечь необходимые уроки.

В любой сфере человеческой жизнедеятельности существует несколько типов знания. Первый тип — знание практическое, основанное на здравом смысле. Второй тип — знание технологическое, основанное на обобщении практики, опыта. И третий тип — знание теоретическое, в гуманитарной сфере предполагающее поиск и формулировку неких условных заключений, отражающих определенные связи и отношения.

Архивоведение в его практической составляющей возникло одновременно с практическим документоведением. Затем в России приблизительно до середины XIX в. оно развивалось в рамках работы конкретных рекомендаций и правил организации хранения документов в архиве. Оно занималось исключительно администрированием конкретных архивных комплексов и в этом смысле представляло собой собственно архивное дело — совокупность решений и действий, часто разрозненных, по упорядочению архивных документов, которые в своей определенной части, даже скорее частич-

ках, стали рассматриваться как «раритеты», уникамы, поражающие воображение своей «старинной».

Возникновение собственно архивоведения как технологического знания в России с известной долей условности можно отнести ко второй половине XIX в. Именно тогда возникли первые попытки осмысления архивного документа, архивов преимущественно как некоего культурно-исторического явления. Это архивоведение можно назвать по своей форме еще и историческим, поскольку в его основе лежал исключительно потребительский подход к архивным документам и архивам как хранилищам исторической информации — не случайно носителями и разработчиками такого архивоведения стали преимущественно историки.

Июньский 1918 г. декрет об архивах в России стал результатом усилий представителей прежде всего исторического архивоведения. Однако он создал возможности для дальнейшего развития в стране на основе практического архивоведения архивоведения технологического. Его главной особенностью стала нацеленность на нормативное и методическое закрепление выработанных и выработавшихся практическим архивоведением процессов и процедур работы с документами, унификация организации их хранения и упорядочения. За время своего развития приблизительно до середины 1960-х гг. технологическое архивоведение в России добилось выдающихся результатов в развитии представлений о систематизации архивных фондов, классификации документной информации, построении НСА, экспертизе ценности документов и др. В части, связанной с пониманием социальной роли документа и архивов, оно преодолело ограниченность исторического архивоведения. Постоянно испытывая на себе определяющее во всем воздействие политических и идеологических доктрин времени, например, в классификации архивной информации и документов, экспертизе ценности документов, технологическое архивоведение тем не менее в своих конкретных рекомендациях оказалось удивительно прагматичным и даже в ряде вопросов, например, в понимании НСА архивов как определенной системы, выходило на более высокий уровень осмысления регулируемого им архивного дела страны¹.

В истории архивоведческой мысли конца 1940-х — 1860-х гг. огромную роль сыграли разработки преподавателей МГИАИ: К. Г. Митяева, И. Л. Маяковского, В. В. Максакова². Благодаря этим специалистам, архивоведческое знание практического и технологического характера обрело черты упорядоченности, системности и историзма,

¹ Подробнее см.: Хорхордина Т. И. История архивоведческой мысли : учебник. М., 2012.

² См.: Митяев К. Г. Теория и практика архивного дела : учебник. М., 1946 ; Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960 ; Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917—1945). М., 1969.

хотя оно в фактическом плане оказалось избирательным и идеологически ангажированным в соответствии с условностями времени, когда писались эти труды.

С созданием в 1966 г. ВНИИДАД, несмотря на бросающуюся в глаза противоречивость его названия — постулирование документоведения как научной дисциплины и ограничение архивоведения технологиями архивного дела, — параллельно с практическим и технологическим архивоведением появились возможности и для развития собственно архивоведения как теоретического знания о документе в архиве и об архивах, т. е. для развития теоретического архивоведения. В его основу первоначально были положены идеи системного анализа документальных комплексов и информационного подхода к документу как носителю информации, в определенной форме и виде отражающего действительность. Информационно-системный подход в теоретическом архивоведении в 1960—1970-е гг. в наиболее полном виде был разработан в трудах В. Н. Автократова¹. Почти параллельно с ним в исследованиях Б. С. Илизарова² документ, архив стали рассматриваться как элементы социальной памяти человечества, что открывало возможности для понимания не только системных и информационных связей документов, но и для изучения их взаимодействия с обществом, государством и человеком.

Для всех очевидны те огромные институциональные и инфраструктурные изменения, которые произошли в российском архивном деле за последние 30 лет. Наши предшественники-архивисты и представить не могли хотя бы части таких изменений, в том числе активно разрабатывая теоретическую модель отечественного архивоведения и отчасти успешно внедряя ее отдельные элементы в практику архивного дела страны. В какой степени эта модель и ее отдельные части соответствуют современным российским реалиям, что из нее ушло безвозвратно как бы само собой, что нуждается в корректировке сейчас и что остается неизбылемым — ответы на эти вопросы имеют не только познавательное теоретическое, но и практическое значение, реагируя на современные процессы в жизни страны.

Для того чтобы хотя бы частично ответить на эти вопросы, было бы важно рассмотреть непротиворечивые, т. е. тогда общепризнанные, элементы советской модели архивного дела, которые содержатся в трудах его признанных теоретиков, таких как В. Н. Автократов, А. В. Елпатьевский, Б. С. Илизаров, В. В. Цаплин, отчасти И. Д. Ковальченко и др. При этом заметим сразу несколько особен-

¹ См.: Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001.

² См.: Илизаров Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения. М., 1984.

ностей их модели. Во-первых, она не распространялась на такие архивные комплексы, как классы документов личного и сакрального происхождения, а также документы КПСС и советских спецслужб. Речь шла исключительно о документах части класса официального государственного происхождения, поэтому мы такое архивоведение вправе назвать исключительно административным. Во-вторых, в этой модели полностью отсутствовали проблемы доступа к архивным документам и свободы и несвободы архивной информации, без рассмотрения и решения которых любая модель архивного дела невозможна. В-третьих, эта модель создавалась под определяющим влиянием теории информации, в результате которой объектом архивоведческого знания становилась ретроспективная архивная информация, а документ как материальный объект оказывался на периферии архивоведческого знания. Это отразилось и на толковании понятия «документ». Теоретиков того времени, вероятно, удовлетворяло в его определении наличие понятия «носитель информации». И напрасно. В архивоведении очень важно подчеркивание такого свойства документа как являться материальным объектом. Для его сохранения создаются особые условия, он учитывается именно как материальный объект, его движение внутри и вне архива отслеживается именно как перемещение материального объекта.

Наконец, в-четвертых, эта модель в своей основе строилась исключительно из материалистического понимания теории отражения, в которой архивная информация выступала в качестве субъекта, с высокой степенью полноты отражающего объект — реальность, в создании которой эта же информация участвовала как один из ее регуляторов. Получалось, что ретроспективная информация может существовать сама по себе, тогда как это невозможно, вернее, возможно лишь в фазе ее оперативного бытования и то в исключительных случаях в отношении визуальной и аудиоинформации. Модель по этой причине полностью исключала теорию запоминания, в которой ретроспективная информация существует только в виде документа, т. е. зафиксирована на каком-либо конечном материальном носителе и представляет собой особый тип памяти — документальную память. Однако справедливости ради следует сказать, что в работах Илизарова были намечены пути преодоления этих ограничений административного архивоведения. Именно он первым в отечественной литературе начал применительно к архивам говорить о «памяти», правда, назвав ее «социальной» по субъекту — обществу, а не по объекту — документу.

Но и в рамках административной модели архивного дела и архивоведения мы встречаем у предшественников важные и точные наблюдения. Возьмем для примера статью А. В. Елпатьевского «Об использовании понятий теории информации в современном

архивоведении»¹ — это целый каскад размышлений автора об информации как главной ценности документа, представляющей собой «документированное знание». Это знание, по мысли автора, прямо зависит от функции (функций) документа и его связи с другими документами в документной системе — поразительно точное и актуальное для современного архивоведения наблюдение. Далее автор пытается определить соотношение информации как «документированного знания» с «историческим фактом», между которыми он помещает «факт-событие», «факт источника», «факт-знание». Нам кажется, Елпатьевский в этой части своей работы не смог до конца продумать свои размышления и придать им системность в архивоведческом ключе. «Исторический факт» не может являться ни предметом, ни объектом, ни чем-либо иным в архивоведческом знании. Это — удел размышлений историков. Для архивоведения же интересно и важно было развить мысль о «документированном знании» в документальной информации. Это знание есть документальное свидетельство о прошлом — достоверное или не достоверное — для архивоведения это не имеет значения. Важна ценность этого знания ради его сохранения как документального свидетельства-факта, свидетельства-события, свидетельства-явления, свидетельства-процесса прошлого.

Вопреки своей жесткой позиции относительно экспертизы ценности документов, основой которой является мысль не только о невозможности, но и отсутствии необходимости вечного сохранения как определенных комплексов документов, так и целых фондов фондообразователей, о чем мы поговорим ниже, в рассматриваемой статье Елпатьевский пишет о неисчерпаемости информации документа, вероятно, имея в виду документ в определенной системе документации. И с этим невозможно не согласиться, тем более что автор предложил абсолютно оригинальное доказательство этого, основанное на пересечении знания теории информации и теории документа. Смысл его рассуждений в этой части заключается в следующем. По мнению Елпатьевского, можно в архивоведческом смысле измерить объем документной информации или «документального знания». Единицей измерения он предлагает сделать «элементарные смысловые единицы» — дескрипторы. Умножив количество таких дескрипторов, имеющих в документе, на «количество суждений, которые могут быть приложены к данной совокупности» дескрипторов, мы и можем получить некий измеряемый объем «документированного знания». Елпатьевский делает абсолютно правильную оговорку относительно того, что если количество дескрипторов в принципе определимо, то число

¹ См.: Елпатьевский А. В. Избранные труды по архивоведению и архивному делу. М., 2015. С. 117—126.

«суждений» о каждом из них — вещь абсолютно исторически изменчивая.

В современном архивоведческом знании просто нет других работ, которые могли бы столь аргументированно показать неисчерпаемое познавательное значение документа как свидетельства о прошлом. Елпатьевский — ученый-архивист здесь фактически стал над Елпатьевским — архивистом-бюрократом. И логика его научных рассуждений сегодня для нас не просто интересна, но и принципиально важна. Смысл ее заключается, на наш взгляд, в размышлении над категориями «необходимость» и «возможность» применительно к сохранению памяти о прошлом. В научно-историческом, источниковедческом смысле категория «необходимость» без каких-либо оговорок означает сохранение каждого мгновения случившейся жизни, фиксирующегося в каждом документе. В архивоведческом смысле эта категория не может существовать без категории «возможность», смысл которой заключается в способности современного человечества в той или иной форме сохранить весь создаваемый документальный массив. Разумное сочетание этих двух категорий есть современный процесс экспертизы ценности документов и комплектования архивов.

В теоретической модели советского архивного дела одно из ключевых мест занимала концепция Государственного архивного фонда СССР.

Сейчас кто-то обязательно увидит в этой концепции «отрывки» российского имперского самодержавства и советского тоталитаризма. Об этом мы специально поговорим далее. Здесь же отметим следующее. Современное поколение архивистов может ошибаться во многом и, имея дело с прошлым, кажется, по определению должно быть консерваторами, отставая от нового. Но можно подчеркнуть интересный и важный факт: пять-шесть поколений наших предшественников, не зная и не додумывая многого, в главном были солидарны с нами, или мы оказались всего лишь их вольными или невольными учениками и последователями.

В чем суть проблемы, спросит, возможно, не только далекий от архивоведения и архивного дела человек, но и профессиональный архивист? Суть проблемы, на наш взгляд, заключается в понимании документального наследия нашей страны и в отношении к организации ее сохранения и преумножения современной документальной памятью. И совсем не важно, как это документальное наследие будет юридически или каким-то иным способом обозначаться: Государственный архивный фонд СССР или РСФСР, Архивный фонд Российской Федерации или как-то иначе.

Важно иное. К нему и обратимся, познакомившись с абсолютно программной статьей А. В. Елпатьевского, написанной совместно с В. Н. Автократовым, о концепции разработки Государственного

архивного фонда СССР¹. В статье что ни фраза, то методология, что ни предложение, то идеология.

Оставим идеологию с трескучей порослью цитат из К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и за ними посмотрим на методологию, в основе которой лежит живая мысль и опытное знание.

Мысль первая. Документальное наследие России есть не что иное, как память каждого человека, общества и государства. Человечество, общество, государство современности должны быть озабочены сохранением этой памяти не только ради своих интересов, но и ради будущих, не во всем понятных интересов человеческих сообществ. Память о стране, государстве, несколько раз изменявших не только свое название, но и фундаментальные основы, о народах, здесь обитавших и живущих, должна быть сохранена вопреки любым будущим и современным историческим катаклизмам. Такое сохранение есть современная государственная и общественная ответственность. Она невозможна без соответствующих институтов, управляющих сохранением и использованием самого большого и самого деликатного информационного массива. Эта, на первый взгляд, очевидная мысль, сформулированная еще в XVIII в. В. Н. Татищевым, сегодня в череде уже состоявшихся и еще возможных административных реформ, затронувших и архивную службу России, кажется не утратившей своей актуальности.

Мысль вторая. Документальное наследие страны — есть общенародная собственность. В современных условиях капиталистического развития России со священным правом собственности она кажется не просто спорной, но и в правовом отношении противоречащей российской Конституции. Но право не может быть внеморальным. Документальная память — наиболее адекватная составляющая часть исторической памяти народа, ее особый тип. Ее деление по сегментам собственности опасно для России в гораздо большей степени, чем для любой другой страны. Она как воздух, который невозможно поделить. Она как нервы, обеспечивающие жизнедеятельность человека.

Однако на сегодня дележ состоялся, породив, например, так и не слухавший пока коллапс в комплектовании российских архивов. Строгие формулировки «Закона об архивном деле в Российской Федерации»², формально опирающиеся на нормы Конституции, обойти невозможно. Понятие «Архивный фонд Российской Федерации», ныне ставшее еще более многочастным и аморфным, чем в СССР, уже не может быть фундаментальной архивоведческой ка-

¹ См.: Елпатьевский А. В. Избранные труды по архивоведению и архивному делу. С. 260—267.

² Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации».

тегорией. Оно ложно ориентирует архивоведческое знание, создает иллюзию целого, уже разложенного на части. Новое понятие — «документальное наследие Российской Федерации», представляющее ее «документальную историческую память», — кажется, могло бы стать важным уточняющим развитием идей ставшего виртуальным «Архивного фонда Российской Федерации».

Мысль третья — централизация архивного дела в СССР как основа сохранения и пополнения Государственного архивного фонда СССР. Положа руку на сердце, скажем, что даже в СССР она не была реализована в полной мере. Достаточно напомнить, что существовал вполне обособленно «Архивный фонд АН СССР», не говоря уже об «отраслевых архивных фондах» и Архивном фонде КПСС. Централизация архивного дела, конечно же, не зная, а всего лишь эффективные способ и форма решения задач управления документацией и документальным наследием. И именно в этом направлении в архивном строительстве СССР было сделано немало. В свете сегодняшних тревожных симптомов с централизацией архивного дела России напомним два позитивных, оправдавших себя, результата централизации в СССР: наличие стройной и функционально ответственной структуры органов управления архивным делом и четкой системы контроля за управлением документацией и документальным наследием. Ныне эти структура и система, мягко говоря, испытывают разрушающие воздействия. Пока их последствия менее заметны на фоне любого возобновляемого наследия, например, разрушенного лесного хозяйства, но они рано или поздно непременно заявят о себе. Иначе говоря, идея централизации архивного дела и в наше время, сохраняя свою актуальность, требует новых решений или хотя бы сохранения старых организационных форм.

Мысль четвертая — о принципиальной важности соблюдения «принципа территориального соответствия хранящихся архивных фондов», т. е. территориального принципа комплектования. Вещь очевиднейшая, ибо документальная история региона должна быть максимально приближена к нему. Но в современной России после административной реформы 2004 г. эта идея испытывает сильнейшее разрушающее воздействие собственнической идеологии.

Мысль пятая — о важной роли централизованного государственного учета документального наследия страны. Кажется, в ее реализации современные российские архивисты достигли реальных результатов, возможно, даже превзойдя замысел своих предшественников. Во-первых, создана система электронного централизованного учета. Во-вторых, часть этой системы уже стала публичной, т. е. выполняет функцию документального поиска на уровне архивного фонда, чему, конечно же, порадуются пользователи российских государственных и муниципальных архивов. Увы, до включения в эту систему других государственных архивохранилищ,

несмотря на оправданно жесткую законодательную норму, еще очень и очень далеко, что подтверждает еще одну мысль Елпатьевского и Автокротова о необходимости избавления архивного дела страны от ведомственного разобщения.

Здесь было бы полезно напомнить и о других соображениях авторов, сохраняющих свою актуальность и неизбежность в качестве важных архивоведческих постулатов. Тут и размышления о недробности архивных фондов, профиле архива как важной архивоведческой категории, призыв к развитию исследований в области «исторического документоведения» и др.

В блоке работ, связанном с комплектованием, экспертизой ценности, фондированием архивных документов и созданием поисковых средств к документальному наследию страны выделяются три статьи с коллективным авторством А. В. Елпатьевского, Т. Г. Коленкиной, В. В. Цаплина, В. Н. Автокротова об экспертизе ценности архивных документов и комплектовании советских архивов¹.

Все они носили программный характер и касались прежде всего теоретического обоснования новой системы комплектования и экспертизы ценности документов советской истории. Сегодня, когда реализация этой системы стала состоявшимся фактом, важно еще раз рассмотреть логику рассуждений ее создателей. Она сводилась приблизительно к следующему. Объем создаваемых в стране документов стремительно растет. Никакому государству не под силу все их сохранить. Главное же — в этом нет и необходимости, так как существует «неравноценность» фиксации документами реальной действительности. Она определяется функциональным предназначением учреждения, организации, предприятия, т. е. их ролью в общественной жизнедеятельности и функциональным предназначением документов, создаваемых в процессе их деятельности. Следовательно, можно отсечь часть учреждений, а значит, и все создаваемые ими документальные комплексы от какого-либо внимания со стороны архивистов, а в остальной части учреждений отсечь определенные виды документов, связанные с их незначительным для понимания роли учреждения, организации, предприятия функциональным предназначением.

Прочитав авторов: «Каждая «жизнь» (или отрасль) проявляется, в первую очередь, в деятельности участвующих в ней людей. В то же время эта деятельность невозможна без соответствующей организационной формы, т. е. системы государственных и общественных учреждений и предприятий, связанных между собой общечеловеческой, целевым назначением и определенной сферой деятельности. Таковую систему учреждений представляет конкретное министерство с его центральными и местными органами или ка-

¹ См.: Елпатьевский А. В. Избранные труды по архивоведению и архивному делу. С. 22—40, 69—87, 172—218.

кое-либо другое ведомство. При этом каждая "жизнь" (отрасль, сфера деятельности) бывает представлена обычно несколькими ведомствами, без системы учреждений которых она не в состоянии проявить себя достаточно полно и законченно...»¹

И далее: «Следовательно, каждое ведомство бывает представлено далеко не равнозначными учреждениями различного назначения, роль которых в выполнении задач, стоящих перед ведомством в развитии данной отрасли жизни общества, также различна. Одни из них непосредственно участвуют в ее развитии и по праву могут быть названы основными учреждениями, другие же лишь способствуют созданию необходимых условий для их работы»².

Авторы вводят понятие «документного оптимума», суть которого заключается в выстраивании приоритета документов «безусловно важных» перед «менее важными и незначительными», а цель — при минимуме документов, поступающих в архив, — обеспечить максимум сохранения информации о произошедшем. Автократов, например, прямо писал о «неравноценности документов перед лицом исторического познания».

Эти общие теоретические рассуждения, интересные сами по себе, уже во время их обнародования казались спорными. В наши дни они еще более вызывают вопросы. Прежде всего, в целом ряде отраслей современной российской действительности оправданно и не оправданно, но разрушены вертикальные и горизонтальные связи, позволявшие ранее вполне обоснованно говорить о системности документов. «Системы документирования как законченные линии информации» с вертикальными и горизонтальными связями хотя и существуют (и будут существовать), но уже в четко фиксированных отраслях. «Разлив информации» становится все более и более ограниченным. Кроме того, ранее стандартизированная «повседневность», включая, например, одинаковый статус однотипных учреждений, организаций, предприятий, позволявшая вполне обоснованно говорить о выборке в той или иной ее форме, ныне уже стала разнообразной. К этому надо добавить, что переходный характер современной российской действительности ставит особую задачу сохранения о ней документальной памяти во всей ее полноте и разнообразии, чтобы будущие ее исследователи смогли лучше понять, что и как из нее выросло, а что «завяло» и ушло безвозвратно.

Какие же выводы можем сделать сегодня мы, читая разработки наших коллег-предшественников о теоретической модели комплектовании советских архивов и экспертизе ценности документов?

¹ См.: Елпатьевский А. В. Избранные труды по архивоведению и архивному делу. С. 25.

² См.: Елпатьевский А. В. Указ. соч. С. 26.

Первое. В условиях советской действительности они довели до совершенства теоретическую основу административно-командной системы комплектования советских архивов. В отношении документального наследия советской истории она оказалась абсолютно оправданной, хотя и не во всем эффективной. Она в значительной степени внесла упорядоченность в советский документальный хаос, позволив с высокой степенью адекватности сохранить документальное наследие советской истории. В отношении отраслей и систем документации, сохранивших признаки, о которых писали наши предшественники, она вполне применима и сейчас.

Второе. В то же время сегодня теоретические посылки разработчиков этой системы нуждаются в серьезной корректировке. Идея самоценности документа как фиксации и запоминания мгновения действительности в качестве важнейшего принципа комплектования и экспертизы, может быть, окажется плодотворной, тем более что большая часть критериев экспертизы ценности документов, сформулированных в советское время, кажутся вполне приемлемыми и для нашего времени. Правда, здесь нас может поджидать одна теоретическая ловушка, связанная с понятием «документ», активно внедряющаяся в некоторых теоретических построениях последних лет. Смысл этой идеи заключается в том, что документом надо признавать только то, что включается в «систему документирования», т. е. реально выполняет поставленную перед документом задачу. Согласно этой позиции, например, черновики и проекты документов документами не являются, а представляют собой всего лишь «скомканную бумажку», место которой в корзине. Такой подход пока раздается из среды документоведов, а не архивистов.

Древние говорили приблизительно так: не думай, что ты умнее своих предшественников в чем-либо, приличнее считать, что ты более опытен и этот опыт дает тебе время. Поэтому не стоит серьезно упрекать наших предшественников. В идеологическом государстве с его административно-командной системой управления они работали почти во всем стройную и не противоречивую теорию документа — от его создания до бытования в качестве архивного документа и документального исторического источника — и методы управления им и документальным наследием. Для государства под названием СССР они были безупречны, отражая его ценности и принципы организации жизнедеятельности. Как и положено в идеологическом государстве, они всего лишь прикрывались по крайнему мере, сохранения документального наследия советской истории. Эти теория и методы в своей значительной части себя оправдали. Сохраняют свое значение они и сейчас, оставаясь ядром современной теории архивоведения.

Вершиной советского архивоведения стала докторская диссертация В. Н. Автократова, изданная уже после смерти автора отдельной книгой¹. О важнейших положениях этого труда мы будем говорить ниже в соответствующих темах. Здесь же отметим, что в рамках марксистско-ленинской методологии им была предложена первая системная модель архивоведческого знания о документе как информационном продукте и архиве как особой информационной системе. На наш взгляд, с теми или иными поправками оказались оправданными и перспективными терминологические новации автора.

После выхода в свет названных выше работ развитие архивоведческого знания сосредоточилось на частных рассмотрении его отдельных сюжетов, причем такое рассмотрение до сих пор носит изолированный друг от друга характер, когда авторы, анализируя ту или иную проблему, будто не слышат друг друга, ограничиваясь библиографическими ссылками на предшественников или в лучшем случае говоря о дискуссионном характере их идей. И только в последние годы постепенно обозначилось общее ядро таких исследований — документ как цивилизационное явление. В рамках этого ядра намечилось и осмысление электронного документа как части традиционного или особого объекта будущего, пока еще не совсем ясного архивоведения.

Из работ теоретического характера последних лет следует выделить прежде всего труды Т. И. Хорхординой². Для них характерны широкая источниковая база, интерес к персональным разработчикам архивоведческих проблем и в большинстве случаев удачные попытки рассмотрения архивоведческой мысли в динамике, в борениях разных идей и преемственности развития части их. Разработки Хорхординой, пожалуй, впервые в историографии убедительно показали существование и особость архивоведческого знания как знания об архивном документе и архивах.

Обобщенный характер решения современных проблем архивного дела с экскурсами в различные собственно теоретические проблемы архивоведения был предложен в учебном пособии коллектива преподавателей Историко-архивного института РГГУ³. Это на сегодня наиболее добротное изложение современных архивных технологий, предложенное в яркой дидактической форме.

В последнее 20-летие архивоведческая мысль медленно, противоречиво, в дискуссиях нащупывает новые подходы в осмыслении документа, документальной памяти и архивов. К настоящему времени сложились не менее пяти направлений или подходов такого

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения.

² Помимо названных выше исследований автора см. также: Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.

³ Бурова Е. М., Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П. Архивоведение (теория и методика) : учебник для вузов. М., 2012.

осмысления. Так называемый «книговедческий» или «культурологический» подход находит свое отражение в разработках Г. Н. Швецово-Водки¹, Е. А. Плешкевича². О когнитивном понимании документа и архива было заявлено в незавершенных в связи со смертью работам О. М. Медушевской³. Оригинальными и успешными выглядят исследования документа Г. А. Двоеносовой, основанные на синергетической теории мира⁴. «Административное архивоведение» по-прежнему популярно и в некоторых современных учебниках по архивоведению⁵. Наши разработки в этом смысле можно считать основанными на архивно-источниковедческой трактовке традиционных и новых проблем архивоведения. Они восходят к ряду идей К. Б. Гельмана-Виноградова, впервые широко заговорившего о документальной памяти как одном из феноменов человеческой цивилизации⁶ и работам Б. С. Илизарова, названным выше.

Уже после того как был написан текст этой книги, частично изданный в 2017 г.⁷, вышла в свет публикация дневника выдающегося советского архивиста В. С. Цаплина. В нем имеется запись от 5 июля 1990 г. Ко времени этой записи автор дневника опубликовал несколько перестроечных статей об экономике СССР первых двух десятилетий его существования, демографии и репрессиях, основанные на только что рассекреченных документах ЦГАНХ⁸, и поэтому нижеследующее рассуждение в определенной степени связано не только с обобщением опыта практической работы Цаплина

¹ Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги : учебное пособие. М. ; Киев, 2009.

² См., например: Плешкевич Е. А. Эволюция теоретических представлений о документе. М., 2011.

³ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

⁴ Двоеносова Г. А. Объект и предмет теории документа // Документ. Архив. Информационное общество: Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Москва, 26—27 сентября 2013 г. М., 2014. С. 14—24; Ее же. Документ и его роль в обществе // Документация в информационном обществе: нормативно-методическое обеспечение управления документами: Доклады и сообщения на 100 Международной научно-практической конференции 18—19 ноября 2014 г. М., 2015. С. 289—296.

⁵ Архивоведение Беларуси. Ч. 1. / М. Ф. Шумейко [и др.]. Минск, 1997 ; Архивоведение / под ред. М. Ф. Шумейко). Минск, 2013 ; Городнова А. А. Архивоведение : краткий конспект лекций. Нижний Новгород, 2005 ; Ульянина Е. А., Яхонтович Я. С. Архивоведение : конспект лекций. М., 2007 ; Канавина Н. В. Архивоведение : учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. Саратов, 2007 ; Малышева С. Ю. Архивоведение : учебное пособие. Казань, 2016 ; Тельников А. Д. Архивоведение. М., 2018 ; Раскин Д. И., Соколов А. Р. Архивоведение : учебник для академического бакалавриата. М., 2017 ; Раскин Д. И. Методика и практика архивоведения. СПб., 2018 ; Спичак А. В. Архивоведение : практикум для студентов направления 46.03.02 «Документоведение и архивоведение» всех форм обучения. Нижневартовск, 2018.

⁶ Гельман-Виноградов К. Б. Особая миссия документов. М., 2009.

⁷ Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. М., 2017.

⁸ ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР.

как архивиста, но и его размышлениями над документальными источниками советской поры. Цаплин записал: «Связь архивоведения с документоведением неоспорима. Пока эти дисциплины пытаются развиваться в основном обособленно друг от друга, объединяясь в какой-то степени практикой архивного дела...

Источниковедение (как анализ и отбор источника для использования в любых целях) и архивоведческая экспертиза (отбор источников для хранения) неотделимы друг от друга.

Это два этапа единого процесса использования документов. Настало время создания интегрированной научной дисциплины, объединяющей в своей принципиальной основе архивоведение, документоведение и источниковедение...»¹

Иначе говоря, Цаплин в конце своей архивной карьеры призвал к созданию интегрированной дисциплины, изучающей феномен документа как регулятора человеческой жизнедеятельности и как носителя документальных свидетельств об этой жизнедеятельности.

Настоящая книга представляет собой попытку создания системы теоретического знания о документе как носителе особого типа исторической памяти — документальной — и архиве как информационной системе, обеспечивающей сохранение и трансляцию документальной памяти. Специальный раздел посвящен теории и методике поиска архивной информации. В ней автор стремился не противопоставлять такое теоретическое знание разработкам в области архивного дела, основанным на изложении и комментировании законодательных и нормативных актов, регулирующих его, а использовать их в необходимых случаях в теоретических построениях. В этом смысле книгу следует рассматривать как заключительный курс к курсу практического архивного дела. Фактический материал, на котором она основана, связан в основном с документацией XX в. В ней лишь частично затрагиваются архивоведческие проблемы электронных документов и архивов.

В процессе освоения материала, изложенного в настоящем курсе, обучающийся должен:

знать

- определение архивоведения как научной дисциплины, ее объект, предмет, принципы и методы;
- понятие «документ» и какое место занимает документ в регулировании человеческой жизнедеятельности в процессе своего оперативного бытования и как носитель особой — документальной памяти — об этой жизнедеятельности;
- эволюцию носителя и информации документа в России в X—XX вв.;

¹ Цаплин В. В. «Я могу считать себя счастливым человеком...»: дневники (1977—1990 гг.). М., 2019. С. 423.

- трансформацию документа от его создания до превращения в документальный исторический источник;
 - классы документов и их особенности;
 - типы исторической памяти и место среди них документальной исторической памяти;
 - формы, методы, принципы сохранения и пополнения документальной исторической памяти, приемы реконструкции ее утраченной части;
 - историю классификаций и современные классификации архивных документов;
 - познавательные особенности документа как исторического источника в сравнении с книгой и музейным предметом;
 - понимание архива как информационной системы и ее основных элементов;
 - представления о несвободе и свободе документальной исторической памяти и историю их взаимоотношений в России;
 - постоперативные востребованности документальной исторической памяти и формы ее трансляции;
 - основные современные нормативные, методические документы, регулирующие архивное дело в России, и теоретические разработки в области архивоведения;
 - принципы и методы архивной эвристики;
 - основополагающую архивоведческую терминологию;
- уметь**
- обоснованно выбирать и применять существующие принципы и методы архивоведения в работе с документальной исторической памятью;
 - относить архивные документы к соответствующим классам и типам;
 - применять классификации архивных документов в зависимости от организации их хранения и целей их использования;
 - определять полезность и ценность архивных документов;
 - разрабатывать элементы системы вторичной архивной информации в конкретном архиве;
 - прогнозировать постпрактическую востребованность архивных документов;
 - разрабатывать конкретные проекты реализации различных форм использования документальной исторической памяти;
 - своевременно определять документальные комплексы, доступ к которым должен быть свободным;
 - уметь применять принципы и методы архивной эвристики в практической работе по трансляции документальной исторической памяти;
 - использовать знание современных тенденций развития исторических исследований при выработке стратегии и тактики управ-

ления документацией и документальным наследием в зависимости от типов архивов;

- разрабатывать совместно с пользователями или с их привлечением актуальные проекты освоения документального наследия и принимать участие в их реализации;

- свободно ориентироваться в современной историографии, имеющей отношение к непосредственной сфере его ответственности в управлении документацией и документальным наследием;

- применять самостоятельно современную законодательную и нормативно-методическую базу в работе с документом на разных стадиях его бытования и как части документального наследия;

- профессионально оценивать возможные позитивные и негативные последствия различных модернизационных явлений в жизни страны на управление документацией и документальным наследием;

- готовить аналитические документы по текущим и ретроспективным вопросам, связанным с предметом его деятельности в сфере управления документацией и документальным наследием;

- анализировать современные проблемы документоведения и архивоведения и выработать предложения по их решению;

владеть

- основами выбранной методологии познания прошлого;

- методами и приемами современной работы с документальными историческими источниками;

- современными поисковыми средствами и системами поиска архивной информации;

- принципами и методами упорядочения архивных документов и их научной обработки;

- правилами обеспечения доступности архивных документов;

- правилами хранения, обеспечения сохранения государственной и иных тайн, охраняемых российским законодательством, содержащихся в архивных документах;

- общепринятыми этическими нормами общения с пользователями документов и использования документной информации.

Тема 1

АРХИВОВЕДЕНИЕ

КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1.1. Архивоведение и его основные проблемы

Вопрос о прикладном (архивное дело) и теоретическом (архивоведение) знании сферы документальной памяти имеет не только научно-познавательный смысл. Не менее важно, какое знание и при каких условиях транслируется в процессе образовательной деятельности. В настоящее время в образовательном процессе на уровне бакалавриата и магистратуры для студентов разных специальностей действует не менее девяти учебников, учебных пособий, курсов лекций под названием «Архивоведение».

Согласно Федеральному закону «Об архивном деле в Российской Федерации» архивное дело — это «деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов». Цитируемый закон содержит основные нормы организации архивного дела в нашей стране, носящие исключительно прикладной характер. К настоящему времени эти нормы воплощаются в жизнь, хотя и в разной степени, через разработку соответствующих методик.

Однако сами по себе такие методики, как правило, должны иметь или имеют соответствующую теоретическую базу. Именно поэтому постепенно из архивного дела как прикладного знания выделилась научная дисциплина — архивоведение. Задача и смысл этой дисциплины очевидны — создание теоретического ядра архивного дела и его методических основ. Такое теоретическое ядро сегодня состоит не менее чем из четырех частей: теории управления или организации больших массивов данных, применения результатов естественно-научных знаний в архивном деле, обоснованного использования информационных технологий в хранении, комплектовании, учете и использовании архивных документов и собственно архивоведческих принципов и методов организации архивных документов. Последняя часть и составляет преимущественно содержание настоящей книги.

Впрочем, сама дефиниция архивоведения как научной дисциплины в литературе, включая учебную, не имеет общепринятой формулировки (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Определения понятия «архивоведение» в современной литературе¹

Автор, год издания	Дефиниция
М. Ф. Шумейко и др., 1997	Наука об архивах, изучающая историю, организацию, теорию и методику работы архивов в области учета, описания, использования, обеспечения сохранности документов, научную организацию труда и экономику архивного дела
В. Н. Автократов, 2001	Историческая научная дисциплина, изучающая теорию и методику работы с архивными документами и организационные вопросы архивного дела, а также его историю
Е. В. Старостин, 2005	Комплексная научная дисциплина, которая разрабатывает теоретические, правовые и методические вопросы архивного дела и объединяет несколько специальных дисциплин: теорию, методику архивного дела, историю и организацию архивного дела, архивное право, научную организацию труда в архиве и др.
А. А. Городнова, 2005	Наука, изучающая историю, теорию и практику архивного дела
Е. В. Алексеева и др., 2007	Комплексная научная дисциплина, разрабатывающая теоретические, правовые и методические вопросы «науки об архивах»
Е. А. Ульянина и др., 2007	Научная дисциплина, которая занимается изучением и разработкой теоретических, методических и организационных основ архивного дела
Н. В. Канавина, 2007	Комплексная научная дисциплина, составными компонентами которой являются: теория и методика архивоведения, история и организация архивного дела, археография, архивное право, архивоведческое терминоведение, архивная статистика
Е. М. Бурова и др., 2012	Комплексная научная и учебная дисциплина, разрабатывающая теоретические, правовые и методические вопросы архивного дела
Е. В. Булюлина, 2013	Комплексная научная дисциплина, разрабатывающая теоретические, правовые и методические вопросы архивного дела

¹ Полное описание названий работ см. в Предисловии.

Автор, год издания	Дефиниция
С. Ю. Малышева, 2016	Комплексная научная дисциплина, изучающая и разрабатывающая теоретические, методические и организационные вопросы архивного дела и их историю
Д. И. Раскин и др., 2017	Комплексная научная дисциплина, разрабатывающая теоретические, методические, правовые и другие вопросы научного знания об архивах
Д. И. Раскин, 2018	То же
А. В. Спичак, 2018	Комплексная научная дисциплина, разрабатывающая теоретические, правовые и методические вопросы «науки об архивах»
Л. А. Даховник, 2019	Комплексная научная дисциплина, разрабатывающая теоретические, методические, правовые и другие вопросы научного знания об архивах

Из 14 приведенных определений архивоведения большинство (10) восходит к определению этой дисциплины в «Словаре архивной терминологии социалистических стран» в части признания ее «комплексной». Некоторые из них испытали воздействие «Словаря» и в части характеристики круга проблем, рассматриваемых архивоведением как вопросы теории, права и методики архивного дела. При этом в учебнике РГГУ 2007 г. «архивное дело» неудачно заменено «наукой об архивах», в результате чего получился классический круг: архивоведение как наука определяется через «науку об архивах». В одном из определений теоретический характер архивоведческого знания подчеркнут включением в ее состав архивоведческого терминоведения как осмысленного обобщения определенных **новых явлений** в архивном деле. Еще одна дефиниция отмечает учебный характер дисциплины.

Особняком от этих определений архивоведения оказалась дефиниция Автокротова, который подчеркнул принадлежность дисциплины к историческим. Автокротов и ряд других авторов к кругу архивоведческих проблем относят историю архивного дела, историю архивов. В то же время некоторые толкования включают в дефиницию ряд сфер деятельности, которые относятся к архивному делу: архивное право, **архивный менеджмент**, архивную статистику, научную организацию труда в архивах.

Таким образом, в современной литературе нет единого понимания архивоведения как научной дисциплины. Приведенные определения объединяют архивоведение как систему теоретических знаний о документе и архиве с архивным делом и другими практическими сферами деятельности, связанными с архивами. Это становится особенно ясным при знакомстве с содержанием соот-

ветствующих учебников и учебных пособий, в которых собственно архивоведение есть не что иное, как архивное дело.

В нашем понимании *архивоведение* как научная дисциплина представляет собой систему знания, рассматривающего документ как особый цивилизационный продукт, его трансформацию из регулятора человеческой жизнедеятельности в носителя особой — документальной — памяти о ней, организацию ее сохранения, поиска и трансляции.

Если отвлечься от деталей, то главными *задачами архивоведения* является поиск ответов на вопросы: для чего человечеству потребовалось такое изобретение, как документ? Зачем нужно его сохранение как архивного документа? Как происходит его трансформация в частичку историко-культурного наследия и трансляция его памяти о прошлом для обеспечения общественных запросов настоящего и будущего? Как в море архивных документов разыскивать нужную архивную информацию? Ответы на эти вопросы имеют прямое отношение к жизнедеятельности общества, так как в их основе находится понимание документальной памяти как особого типа памяти общества о себе в прошлом и признание важности ее сохранения и использования в современной и будущей жизни людей. Здесь недостаточно уповать на то, что документы также представляют собой артефакты, здесь речь идет о доказательстве пользы правдивой истории, которая может быть создана и сегодня, и через тысячу лет только и исключительно на основе документальных источников. Архивоведение, таким образом, тесно связано с теорией познания вообще и исторического в частности, противопоставляя постоянно рождающимся новомодным теориям о непознаваемости мира и человека свои аргументы.

Они могут быть получены при исследовании объекта архивоведения — документа и его предмета — документа в архивной среде его бытования.

Эти главные проблемные вопросы архивоведения сопровождаются комплексом других — частных, но не менее важных для понимания феномена документа. Речь идет о необходимости и возможности (достаточности) сбережения той части документальной памяти, которая сохраняет свою полезность и ценность. Какая часть документальной памяти должна быть обязательно сохранена и в качестве исторической документальной памяти может обеспечить репрезентативные ответы на современные и неизвестные будущие запросы к ней об ушедшем времени? В этой части своего познавательного движения архивоведение опирается на выводы и наблюдения информатики, документального источниковедения, философии, математики. Как рационально упорядочить миллиарды носителей этой исторической документальной памяти — документы, организовать их эффективный поиск и управление их использо-

ванием? В поиске ответов на этот вопрос архивоведение опирается на теорию управления **большими** множествами объектов. Где пределы несвободы и свободы документальной памяти? В ответе на этот вопрос невозможно обойтись без различных учений о человеке и обществе как социальных организмах, жизнедеятельность которых связана с активным потреблением информации. Какое место занимают архивы как хранители и трансляторы документальной памяти в системе других депозитариев исторической памяти? Удовлетворительный ответ на этот вопрос невозможен без книговедческих и музееведческих исследований.

Настоящая книга содержит попытки ответов на эти и другие вопросы. Эти ответы в своей значительной части не новы, являясь обобщением практического, технологического и методического опыта управления документами, накопленного в нашей стране. Они призваны «приподнять» архивоведческое знание, сделать его более системным и теоретическим, связать такое знание с рядом современных общественных проблем, среди которых наиболее близкой к архивоведению является проблема формирования и использования документальной памяти как одного из типов исторической памяти, одного из «кирпичиков» общественной жизни, способного удовлетворить интересы человека, общества и государства в их разных стремлениях постигнуть прошлое.

Характер и своеобразие любой научной дисциплины можно увидеть при рассмотрении ее предмета и объекта, которые могут либо подтвердить определение такой дисциплины, либо вступить с ее определением в противоречие. Рассмотрим современные толкования предмета и объекта архивоведения как научной дисциплины (табл. 1.2).

Таблица 1.1

Определения понятий «предмет» и «объект» архивоведения в современной литературе¹

Автор, год издания	Предмет дисциплины	Объект дисциплины
В. Н. Автократов, 2001	Архивная информационная среда	Документная ретроспективная информация
Е. В. Старостин, 2005	Не назван	Не назван
А. А. Городнова, 2005	Принципы и методы отбора документов, подлежащих архивному хранению; хранение, обеспечивающее полную сохранность документов;	Не назван

¹ Полное описание названий работ см. в Предисловии.

Автор, год издания	Предмет дисциплины	Объект дисциплины
	создание системы информации о содержании документов; организация всестороннего использования документной информации; организация работы архивных учреждений	
Е. В. Алексеева и др., 2007	Процессы и методы научной работы с документами: принципы и методы отбора и организации документов, подлежащих архивному хранению; способы хранения, обеспечивающие полную сохранность материала; создание системы информации о содержании документов; организация всестороннего использования документной информации; организация работы архивных учреждений	Текстовые документы на бумажной основе, научно-технические и кинофотодокументы, звукозаписи, микрофильмы и другие документы на различных носителях, хранящиеся и подлежащие хранению в архивах
Е. А. Ульянина и др., 2007	Не назван	Не назван
Е. М. Бурова и др., 2012	Основные направления изучения и работы с архивными документами	Архивный документ
М. Ф. Шумейко и др., 2013	Накопление архивных документов (комплектование архивов); упорядочение; создание средств поиска; собственно поиск; хранение; организация использования документов	Документная ретроспективная информация
С. Ю. Малышева, 2016	Архивный документ	Архивные документы, находящиеся на хранении и подлежащие архивному хранению
Д. И. Раскин и др., 2017	Процессы формирования архивов, их хранения, обработки (описания) и использования, а также организация деятельности архивов	Архивные документы и комплексы этих документов
Д. И. Раскин, 2018	То же	Архивные документы (и их копии, хранящиеся в архивах), а также комплексы этих документов,

Автор, год издания	Предмет дисциплины	Объект дисциплины
		организованные по определенным принципам, средства информации о составе и содержании этих комплексов, а также архивы как организационные структуры
А. Д. Тельчаров, 2018	Принципы и методы отбора документов, подлежащих архивному хранению; способы хранения, обеспечивающие полную сохранность документов; создание системы информации о содержании документов; организация работы архивных учреждений; организация всестороннего использования документальной информации	Не назван

Как видим, в ряде случаев определения предмета (2) или объекта (4) архивоведения вообще отсутствуют. В других случаях предметом называются архивный документ (1), основные или расширенные функции архива (6) в разнообразных и не всегда удачных формулировках. Особняком стоит определение Автократова. Не отличается единством и определение объекта архивоведения. Для ряда авторов это документы или архивные документы (4), ретроспективная архивная информация (2). По большому счету, определение предмета и объекта архивоведения большинство авторов считают делом формальным — отсюда небрежность формулировок и их частое противоречие с дефинициями архивоведения, даваемыми теми же авторами. Исключением являются определения предмета и объекта архивоведения Автократова, в которых отчетливо просматривается подчеркивание теоретического характера архивоведения как научной дисциплины.

1.2. Объект архивоведения

В теме 2 будет подробно рассмотрена роль документа в общественной жизни. Эта роль была и остается вещью самодостаточной, а потому требующей осмысления. Здесь же заметим, что документ играет каждый раз свою особую роль в таких дисциплинах, как документоведение, археография, документальное источниковедение.

Как и в этих дисциплинах, в архивоведении ему отведено ключевое место.

Объект любой науки — это нечто сущностное, обобщенное и всеобщее, что пронизывает все ее разделы. Если мы обратимся к самой близкой к архивоведению научной дисциплине, которую столетиями разрабатывали корифеи отечественной культуры, — к знанию, называемому книговедением, то обнаружим, что объектом в ряде исследований признается книга. И ни у кого никогда не было сомнения в том, что это не так. Почему же тогда в архивоведении мы до сих пор спорим о его объекте? Этому можно дать только одно объяснение. Архивоведение как научное знание развивалось в более жесткой, чем книговедение, познавательной среде. Оно испытывало сильнейшее административное давление, поскольку в первую очередь было связано с государственным управлением, частью которого архивы были, есть и будут. Книга же, как элемент прежде всего публичной культуры, всегда привлекала большее внимание и ее феноменом занимались лучшие мыслители прошлого. Кроме того, на протяжении столетий книга как физический объект выглядела понятно — это был тиражированный кодекс, неизменный в своих экземплярах.

Таким образом, по аналогии с книговедением объектом архивоведения мы должны признать документ. Однако дело не столько в аналогии, сколько в сущности архивоведческого знания. Документ попадает в сферу архивоведческого знания сразу же после его создания. Номенклатура дел есть результат документоведческого и архивоведческого знания одновременно. Селекция документов на стадии их экспертизы ценности — это также результат документоведческого и в еще большей степени архивоведческого и источникововедческого знания. Такая своеобразная «прополка» документов обеспечивает сохранение части их для вечного хранения уже в качестве архивных документов. Такие документы становятся объектом осмысления, во-первых, как рукотворное свидетельство о прошлом, во-вторых, как объект, требующий особой системы упорядочения, и, в-третьих, как объект его постпрактической регулирующей фазы бытования уже в качестве объекта использования.

Выше мы уже говорили, что если посмотреть в ретроспективе, то можно заметить, что наше архивоведение, многие годы являясь административным архивоведением, т. е. архивоведением класса документов официального государственного происхождения, не торопилось признавать другие классы, типы и виды документов в качестве своего объекта, и это на фоне того, что архивное дело уже активно работало с классом документов личного или сакрального происхождения. Рукописные отделы при императорской Публичной библиотеке и Румянцевском музее являлись красноречивым подтверждением этого. Если мы откроем описание рукописей

Румянцевского музея А. Х. Востокова или описание рукописей собрания графа Ф. А. Толстого, составленное К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым¹, то увидим, что значительную часть этих двух классических описаний составляют богословские и богослужебные рукописи. Более того, рукописную коллекцию Московского государственного архива Министерства иностранных дел (МИД), а до того — Московского архива Коллегии иностранных дел, содержащую преимущественно документы личного происхождения, начали активно формировать сами архивисты: Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, М. А. Оболенский. Архивоведение как научное знание явно отставало от архивного дела, которое уже в начале XIX в. включило классы документов личного и сакрального происхождения в сферу своих интересов. И не только в этом. Административное архивоведение, например, после появления фотокинофонодокументов также не спешило признать их документами, если посмотреть на определения архивоведения и археографии в энциклопедических словарях конца XIX в. Фотодокументы получили статус документа только после того, как они стали использоваться в следственно-судебной практике как доказательство, а фонодокументы, по всей вероятности, — только после того, как стало понятно, что это не только способ развлечения, но и живое слово, голос, правда, пока еще только выдающихся людей — не только певцов, композиторов или музыкантов, но и мыслителей, например, Л. Н. Толстого. Долгое время и кинодокументы оставались способом развлечения — до тех пор, пока (скорее всего, после коронации Николая II) не стало ясно, что они являются мощным пропагандистским средством — документом публичным, наглядным и массовым².

¹ Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842; Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825 (с последующими «прибавлениями»).

² В литературе нередко говорится о некоей «особости» аудиовизуальных документов. Из известных нам работ эту «особость» постарался обосновать Р. Эдмондсон — сотрудник Национального архива кино и звукозаписей Австралии, который на различные гранты написал пространный отчет «Философия аудиовизуального архивирования» (Эдмондсон Р. Философия аудиовизуального архивирования // Аудиовизуальные архивы на рубеже XX—XXI веков: (отечественный и зарубежный опыт). М., 2003. С. 241—242). Для данной темы важны два вывода автора. Вывод первый: «Философия аудиовизуального архивирования может иметь много общего с философией других аналогичных профессий, но предполагается, что она должна идти скорее от природы аудиовизуальных носителей информации, а не быть автоматической аналогией тех профессий». Вывод второй: «Аудиовизуальное архивирование рассматривается на практике (но еще не официально) как полноправная профессия. Из этого следует, что оно рассматривается не как часть уже существующих «собирательских» профессий, таких как архивная наука, библиотечное дело или музеология, а наряду с ними» (здесь и далее выделено нами. — В. К.).

Исторически сложилось так, что в отечественной историографии феномен документа традиционно рассматривается значительным числом различных научных дисциплин, включая социологию, книговедение, правоведение, искусствоведение, документоведение, архивоведение, археографию, документальное источниковедение. Совсем недавно документ был объявлен объектом и предметом «исторической текстологии»¹. Однако его толкование в этих сферах познания, методики и принципы их изучения далеко не совпадают.

Нет такого же единства в понимании документа в выросших из одного корня научных дисциплинах, таких как документоведение, архивоведение, археография и документальное источниковедение. Насколько объективно такое положение, мы рассмотрим далее. Заметим, что ни одно из определений документа, тщательно проанализированных в книге Г. Н. Швецово-Водки², не может быть положено в основу архивоведческого знания. Если документ — это материальный объект с закрепленной на нем информацией, то в это понятие надо включать не только книгу, но и любой продукт, созданный человеком, — он материален, несет информацию о своей конфигурации, цвете, запахе и т. д. Раньше мы могли как-то отделять книгу от документа, исходя из их разной степени доступности — книга была продуктом изначально более публичным, чем документ. Однако тогда из числа документов мы должны исключить кино-, видео-, фонодокументы, большая часть которых изначально публичная по своей сути, как и книга. Интернет вообще сравнивал по степени публичности книгу и документ.

Феномен документа архивоведение должно объяснить каким-то иным образом, вероятно, через его главную функциональную заданность — регулирование человеческой жизнедеятельности. Но и здесь есть свои нюансы, связанные с классом документов личного происхождения — что регулируют они? Если они регулируют духовную жизнь, то книга тут также не самый последний регулятор. Правда, книгу можно считать одной из форм бытования архивно-

Нам кажется, что «природа» происхождения любого типа и вида документа едина и не делима: носитель информации как материальный объект и сама информация в виде структурированных сообщений. «Философия аудиовизуального архивирования» Эдмондсона на самом деле есть не что иное, как попытка преодоления инерции небрежения к аудиовизуальному документу, имеющего быть не только в России. И в прагматическом смысле обе его идеи, подчеркивающие *особость и важность аудиовизуального документа*, не вызывают никаких возражений.

Однако попытка представить «особость» аудиовизуального наследия человечества от всего документального наследия, в России закрепляемая даже нормативно, оборачивается горькими последствиями и результатами в практической сфере, приводя к масштабным утратам аудиовизуальных документов, о чем мы еще будем говорить ниже.

¹ См.: Данилевский И. В. Историческая текстология : учебное пособие. М., 2018.

² Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги. С. 17—20.

го документа, который в этом смысле всегда первичен и уникален, если учесть, что книга, прежде чем стать таковой, существует как нетиражированный документ.

Современное архивное дело, кажется, ушло консерватизм архивистов конца XIX в., поэтому оно без колебаний признало, что электронные способы и средства фиксации информации создают нечто иное, как документ. Однако осмысление электронного документа в рамках архивоведения явно отстает. Возможно, прежде всего потому, что это уже какое-то другое архивоведение. В нем в принципе отсутствуют или, вернее, не имеют никакого значения такие архивоведческие проблемы, как фондирование, экспертиза ценности, профиль архива и др. В нем документ как материальный объект на первый взгляд, отсутствует. Здесь имеется лишь некая нематериальная сущность, называемая информацией и всего лишь средства ее фиксации: вместо пера, фотоаппарата или типографского станка — электронные устройства. Локальные электронные сети, Интернет кажутся похожими на описанный Ст. Лемом из его фантастических произведений под названием «Солярис» океан, где мириады капель воды вдруг становятся единым, живым организмом. Тем не менее электронный документ способен материализоваться и в традиционных формах — в виде принтерной распечатки или разных электронных дисков, а в будущем, возможно, чего-то другого.

Конечно же, историк скажет, что информация архивного документа важнее его самого. Архивист никогда не встанет на эту точку зрения, ибо он хранит, организует и обеспечивает использование документа. Архивная информация для него всегда не вторичная вещь, но вещь, равнозначная с ее носителем, ибо он знает, что если не будет архивного документа, то не будет и архивной информации, а не наоборот.

Документ как объект архивоведения связывает все части архивоведческого знания, присутствуя в каждой из них. Он рождает проблемность архивоведческого знания, ставя новые задачи и требуя новых методов их решения.

1.3. Предмет архивоведения

Предмет архивоведения в нашем понимании — это архивная среда бытования документа, т. е. организованная совокупность архивных документов, выступающая в качестве особой сущности — архива как информационной системы и структуры, обеспечивающей сохранение и трансляцию архивных документов и архивной информации. Если документ представляет собой исключительно единство информации и ее носителя, то архив существует только как средо-

точие архивных документов, как их обособленное объединенное бытование. Без архивного документа существование архива невозможно. Документ рождает архив, а архив обеспечивает особую жизнь документу, точнее — некоей совокупности документов. Такое объединение может быть кратковременным, долговременным и относительно постоянным. Рассмотрение архива как предмета архивоведения открывает возможности понять «жизнь» в нем архивного документа как важнейшей части информационной системы архива и одновременно как самостоятельного продукта человеческой жизнедеятельности. Такое рассмотрение ставит перед архивоведением задачи разработки различных основных и второстепенных вопросов упорядочения, трансляции и поиска архивных документов.

Архив как совокупность архивных документов является результатом реализации определенных представлений его организаторов о нем. Они формируют модель архива, отражающую особенности функционирования трех основных направлений его деятельности: комплектования, обеспечения сохранности и использования. Архивоведение призвано предложить наиболее оптимальные элементы такой модели, носящие как типовой, так и специфический характер.

Архив как предмет архивоведения представляет интерес не только своей моделью, в которой его профиль является важным организующим архивные документы признаком. Это также определенный административный, социальный, научный, культурный, правовой, информационный организм, жизнедеятельность которого подчиняется, как и вся человеческая жизнь, определенным публичным и непубличным правовым нормам, а также выражается в непубличных проявлениях реальной жизни, т. е. говоря старым термином — «обычным правом». Архивоведение, рассматривая архив как свой предмет, разумеется, не может не иметь в виду эти аспекты его состояния, но все же должно его перевести в свою прикладную часть — архивное дело. Зато осмысление развития этой прикладной части архивного дела, т. е. его история, должно быть одной из составляющих архивоведческого знания.

Таким образом, документ и архив как объект и предмет архивоведения демонстрируют двуединую сущность архивоведческого знания. Его четкие объектность и предметность подчеркивают особость такого знания и дают возможность определить место этого знания в иерархии научного познания вообще. Важнейшим критерием установления этого места является понимание архивоведения как знания о регулирующей роли документа в жизнедеятельности человека, общества и государства и запоминании им процессов и результатов такого регулирования. Архивоведение, таким образом, можно отнести к классу наук, связанных с разработкой проблем различных типов памяти. Ее границы среди разных типов памяти определяются памятью документальной. В системе познания

мира и человека архивоведение занимает свое особое место, постигающее феномен документа как интеллектуального продукта человеческой жизнедеятельности и объясняющее его роль в сохранении и трансляции прошлого как документальной памяти о нем.

1.4. Принципы архивоведения

Принцип в науке — это мировоззренческая позиция, признающая определенный познавательный постулат, который становится одним из элементов в фундаменте научной теории. Он позволяет с помощью различных методов познать сущность изучаемых объекта и предмета, по возможности выявить некие закономерности их бытования. *Принцип* — это методология субъекта, изучающего некие объект и предмет, — в нашем случае документ и архив. Ошибка в его формулировке неизбежно скажется на понимании объекта и предмета любого знания и на методах его получения. Иначе говоря, принцип какой-либо науки — это своего рода дорожная карта, а ее методы — это способы движения по такой карте к цели.

Последней попыткой сформулировать архивоведческие принципы стал учебник по архивоведению 2012 г., подготовленный в Историко-архивном институте¹. Мы не будем их комментировать, ибо по ходу дальнейшего повествования станет понятно, насколько предлагаемые в ней положения совпадают и расходятся с учебником.

Применительно к архивоведческому знанию мы сегодня можем говорить о двух общенаучных принципах, без которых его существование и приращение невозможны.

Первый принцип хорошо известен и в определенной степени проработан. Это *принцип историзма*. В архивоведении принцип историзма находит свое выражение в нескольких признаках. Во-первых, архивоведческое знание по своей природе исторично, так как историчен его объект — документ, фиксирующий время в разные моменты состояния проживающего в нем социума. Во-вторых, сам документ изменяется во времени: меняются его носители, появляются новые виды и разновидности документов на фоне отмирания старых. В-третьих, не остается во времени статичным предмет архивоведения — архив. Он либо постоянно изменяет состав своих документов, либо увеличивает свой объем, либо изменяет среду бытования в нем документов. В-четвертых, не каждый архив сохраняет свое место среди других архивов. Он может быть ликвидирован, объединен с другими, раздроблен, может изменить свою ведомственную принадлежность под воздействием экономических, политических и иных решений и т. д.

¹ См.: Бурова Е. М., Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П. Архивоведение (теория и методика)...

Иначе говоря, и объект, и предмет архивоведения постоянно меняют свои признаки под воздействием фактора времени. Эта изменчивость объективна, хотя имеются случаи и субъективного характера, о которых будет сказано далее.

Архивоведение учитывает принцип историзма при выработке рекомендаций по комплектованию, обеспечению сохранности и использованию архивных документов. Например, введение ограничительной даты, до которой любые архивные документы не подлежат уничтожению, или разные принципы описания архивных документов в зависимости от времени их создания есть реализация принципа историзма.

Использование принципа историзма в архивоведении ныне особенно актуально. Как мы помним, по Августину Блаженному, времени будущего и времени прошлого не существует, есть только время настоящего. В гносеологическом смысле это означает, что познание прошлого невозможно и что возможна лишь конструкция прошлого в интересах настоящего.

Такое понимание времени просто убивает архивное дело и тем более делает не нужным архивоведение. Оно игнорирует необходимость изучения документальных исторических источников, т. е. архивных документов, и всю сферу, связанную с их осмыслением. При таком понимании прошлого и его воспроизведении документальный исторический источник является всего лишь иллюстративным материалом, а не основой вскрытия прошлого.

Не стоит думать, что точка зрения Августина Блаженного канула в Лету. Она не только жива, но распространена и сегодня. Она исходит из признания определяющей роли конструирования, а не реконструкции прошлого. В таком подходе, по большому счету, нет места не только документальному историческому источнику, но и архивоведению как одной из сфер его осмысления и упорядочения.

Сегодня говорить о принципе историзма в архивоведении — значит, демонстрировать непреходящую роль архивных документов в познании прошлого, показывать непрерывность времени, запечатленную в архивных документах и архивах, поддерживать общественный оптимизм в отношении будущего и рассудочность в понимании прошлого.

Второй общенаучный принцип архивоведческого знания — *принцип обязательной классификации его объекта и предмета*. Любое знание, претендующее на научную дисциплинарность, невозможно без классификации ее объекта и предмета, позволяющей установить общее и особенное в различных частях, составляющих их.

Документоведение, архивоведение, археография, документальное источниковедение имеют дело с бесконечным множеством документов. Без классификации это множество будет казаться ха-

осом. В документоведении основой такой классификации является функциональный подход, в архивоведении — принцип происхождения или пофондовый, в археографии — сразу несколько принципов, включая и наиболее универсальный — хронологический, в документальном источниковедении — функционально-хронологический, повидовой и др. Все эти классификации являются комплексным отражением двуличной природы документа как физической сущности носителя информации и способов ее фиксации, а также собственно информации, носящей, как и человеческая жизнедеятельность, многообразный характер. Существующие в четырех названных дисциплинах разные основания классификации не мешают этим дисциплинам жить и развиваться, но, если мы говорим об архивоведении, необходимо отметить общие основания такой классификации и в этой научной дисциплине.

Если существует некая система, а в наше время это — система систем документирования человеческой жизнедеятельности, что давно доказано и не подлежит сомнению, то архивоведение вместе с документоведением обзано предложить их непротиворечивую классификацию. Здесь мы сталкиваемся с еще не разрешенной проблемой: подобных классификаций множество в нашей литературе, и в них не просматривается убедительного единства. Классификация, основанная на целевой заданности, т. е. на функции документа, кажется нам наиболее убедительной для документоведения и приемлемой для архивоведения. К сожалению, и она не имеет общепринятых схем.

Однако, если мы признаем, что документ, как объект архивоведения в конце концов приобретает в архиве историко-познавательную функцию, то тогда его классификация в архивоведении возможна на совершенно иных основаниях. Они связаны, например, с тем, что совокупности архивных документов способны показывать зарождение события и явления, их развитие, завершение, результаты и последствия.

Важно подчеркнуть особую роль архива в такой классификации. Выше уже говорилось, что архив, с позиций архивоведения, является не только административной институцией, но и информационной системой, в которой документ становится ее опознанной частичкой, связанной с другими документами. Архив почти всегда концентрирует лишь часть каждой документационной системы, но зато он обеспечивает объединение всех этих частей. В этом смысле следует еще раз подчеркнуть, что профиль архива является одним из системообразующих принципов архивоведческого знания. Его несоблюдение приводит либо к избытку, либо к недостатку архивных документов в архиве.

Профиль архива является надежной основой и для классификации архивов. Именно он дает возможность свести все их многооб-

разие к нескольким классам, типам и видам, обеспечивая не только их познавательную упорядоченность, но и более эффективный предметный поиск необходимой пользователю информации.

Таким образом, принцип классификации в архивоведении позволяет предлагать архивному делу как универсальные, так и специальные схемы организации архивных документов и их хранения в рамках разных по профилю архивах. Ниже на этих вопросах мы остановимся более подробно, учитывая, что принцип классификации в архивоведении тесно связан с поиском архивных документов.

На наш взгляд, можно говорить не менее чем о *девяти специальных архивоведческих принципах*, отражающих специфику архивоведческого знания и познания.

Первым специальным принципом архивоведения можно назвать принцип *документального запоминания прошлого*. Понятие «память» универсально. Обращаем внимание на одну особенность современного знания о памяти — оно очень разветвлено. Природное свойство запоминания и его передача сохраняются естественным и пока независимым от воли человека путем. Оказывается, сохраняя в неизменчивости некое ядро, оно способно трансформироваться, создавая бесчисленное разнообразие живого мира. Наука под названием «генетика» всегда стремилась к тому, чтобы не только изучать эти множества, но и сохранять их. Иначе невозможно объяснить, почему С. И. Вавилов колесил по свету, собирая семена разных злаков, коллекция которых была сохранена в блокадном Ленинграде. Так и архивоведение призвано обосновать необходимость сохранения документальной памяти — памяти не только о человеке как физиологическом объекте, но и как существе социальном, о совокупности людей в их разных состояниях, в том числе в рамках конкретных государственных образований.

Однако ни в одной классификации типов и видов памяти мы не увидим даже намека на ее особый тип — документальную память. О ее особенностях мы писали неоднократно. Подчеркнем, что эти особенности как раз и дают нам возможность отделить документ, говоря словами О. М. Медушевской, как интеллектуальный продукт от других интеллектуальных продуктов, создаваемых человеком, например, от стула, пера или бумаги, а значит, идентифицировать знание о нем как особое — архивоведческое знание.

Почему документальная память, это важнейшее системообразующее понятие архивоведческого знания, отсутствует в нашем архивоведении или проскакивает в нем скороговоркой слов? Ответ надо искать в том, что его до сих пор подавляет другое понятие. Оно было изобретено нашими выдающимися предшественниками в условиях государственного нестроения и Гражданской войны, когда нужно было спасти архивные документы. Это понятие, потом

не раз модифицировавшееся, сегодня называется Архивным фондом России. На наш взгляд, это не научное архивоведческое, а чисто административное понятие, играющее и сегодня важнейшую организующую роль в архивном деле. От этого чисто российского «ноу-хау» ни в коем случае мы не должны отказаться. Однако оно имеет отношение только и исключительно к управлению архивным наследием нашей страны, а также, быть может, к архивному наследию бывших республик СССР, где оно с некоторыми модификациями продолжает использоваться. В архивоведении других стран ничего подобного нет.

Итак, в архивоведческом знании понятие «документальная память» должно занять ключевое системообразующее место, а принцип документального запоминания должен стать важнейшим. Если это особый тип памяти, то мы должны непременно показать эти особенности. Иначе говоря, объяснив и поняв специфику документальной памяти, мы должны в рамках архивоведения как знания не технологического, а теоретического, выявить особенности ее сохранения, организации и трансляции.

Принцип документального запоминания прошлого ставит вопрос о полезности и ценности для человека, общества, государства документальной памяти, который является не чем иным, как вторым существенно архивоведческим принципом. Принцип полезности и ценности документальной памяти предполагает безусловное вечное сохранение ее некоей части. Этот принцип открывает возможности для рассуждения и ответа на вопрос: зачем? Прежде всего, для того чтобы современные Августины Блаженные безмолвствовали. Это — в жизни, но с позиций архивоведения надо объяснять, почему рано или поздно утилизируются заводы и фабрики, самолеты и подводные лодки, а их чертежи и все документы, связанные с их созданием, сохраняются? Ответ или ответы на этот вопрос — одна из ключевых архивоведческих проблем. Она так или иначе связана с признанием того, что мир общественный, человеческий, не может жить без документальной памяти в каждое мгновение ее состояния. Этот второй специальный архивоведческий принцип имеет прямое отношение, например, к сфере комплектования архивов. Этот же принцип предполагает общепринятые обоснования репрезентативности сохраняемой части документальной памяти, в том числе с учетом развития современных информационных технологий.

Принцип сохранения документальной памяти вытекает из историчности бытия каждого поколения человеческих сообществ и людей. Множество видимых и невидимых нитей связывают нас с прошлым, делают это прошлое не только полезным, но и ценным. Оно востребуется по самым разным причинам практического, познавательного, политического характера. Эта востребованность то сжи-

мается, то расширяется, то узко локализована, то широкополосна. Но она существует и существовала всегда.

Отсюда возникает потребность не только отбора, но и сохранения документальной памяти. Она не может реализовываться усилиями лишь энтузиастов-одиночек, общественными организациями, оставаясь сферой ответственности прежде всего государства. Архивоведение разрабатывает общепринятые разумные принципы такого сохранения, становящиеся обязательными после их государственного признания, например, в виде специальных рекомендаций и даже правил, а архивы обеспечивают сохранение и трансфер документальной памяти в будущее.

Что такое архив? Во-первых, это некая институция, юридически самостоятельная или не самостоятельная в структуре другой самостоятельной институции. Во-вторых, везде и всегда она не является постоянной. Она изменчива во времени: сегодня она есть, завтра ее нет. Это всего лишь оболочка, в которой существует, продолжает свою жизнь документ. Однако, в-третьих, при любых своих изменениях эта структура — самостоятельная или нет — точно всегда и везде обеспечивает сохранение документов и трансляцию их информации. И то, и другое может изменяться во времени: изобретаются новые средства сохранения документов и трансляции их информации. И все это ради одного — обеспечения сохранности документа и его информации.

Принцип сохранения документальной памяти тесно связан с четвертым специальным архивоведческим принципом, который можно назвать *принципом упорядочения документов*. У этого архивоведческого принципа существуют как бы две ипостаси.

Первая — это физическая упорядоченность и вторая — учетная упорядоченность. Незыблемая сущность первой — это архивный фонд и архивная коллекция. Только эти упорядочивающие единицы обеспечивают преодоление архивного хаоса.

Учетная ипостась принципа упорядочения документов среди прочего предполагает обязательную персонализацию документа по крайней мере на уровне характеристики его вида, автора, времени создания, стратиграфии, т. е. фиксации местонахождения документа среди других документов в архиве.

Без практической реализации принципа упорядочения, который предполагает своеобразную «паспортизацию» документа, сам документ становится мертворожденной сущностью. Он остается одиноким странником, заблудившимся среди миллиардов других, таких же неопознанных странников.

Незыблемая сущность второй ипостаси этого принципа — закрепление этой упорядоченности и недопущение ее изменения. Они обеспечиваются системой учетных документов и НСА, в которых опись дел или документов играют основополагающую роль. Опись

дел или документов — это не опись предметов некоего склада. Если последняя всегда динамична, то первая — абсолютно статична, реализуя четвертый принцип архивоведения. Образно говоря, если архивные фонды — это своего рода система планет Солнечной системы или наша галактика, то их учетные документы являются не чем иным, как каталогом объектов, составляющих архивную Солнечную систему или архивную галактику.

Любое изучное знание носит системный характер, прежде всего потому, что части, составляющие его объект и предмет, за внешней хаотичностью своего состояния являются всего лишь элементами такой естественной системы. Следовательно, задача архивоведения как научной дисциплины заключается в характеристике этой системы. Во многом она давно выявлена и изучена: это система документации как некая совокупность взаимосвязанных документов, создающаяся для организации функционирования определенной сферы человеческой жизнедеятельности. В такой системе каждый документ имеет свое целевое предназначение, ради которого он создается в качестве определенного регулятора. Более того, мы уже давно говорим о многих системах документации, взаимосвязанных или совершенно изолированных друг от друга. Иначе говоря, принцип системности предмета и объекта архивоведческого знания мы могли бы считать пятым специальным принципом архивоведения. Он охватывает все сферы архивного дела, имея особое значение в таких их проявлениях как экспертиза ценности документов и НСА.

Этот принцип означает, что документ не как абстрактное понятие, а как конкретное и реальное проявление взаимодействия между людьми и их сообществами, между человеком и государством всегда, а в наше время почти обязательно, является элементом некоей системы документов, а значит, находится в той или иной связи с документами такой системы. Причем, в отличие от книги такая связь в первую очередь естественная, отражающая регулирование с помощью документа реальной человеческой жизнедеятельности, а не основанной на логических построениях. Эта связь проявляет себя в горизонтальных и вертикальных документационных «цепочках документов» одного и нескольких фондообразователей, решающих общую задачу во времени (например, дневник и мемуары человека, рассказывающие об одном и том же событии). На основе этого принципа документоведение, например, разрабатывает наиболее рациональные «цепочки» документов для документирования конкретных функций и с их учетом рекомендует первичную организацию хранения документов. Архивоведение учитывает этот принцип, например, при экспертизе ценности документов, зная, что в такой «цепочке» происходит повторение, поглощение инфор-

мации разных документов. Археография и документальное источниковедение при выявлении документов по теме документальной публикации или исследовании стремятся максимально полно использовать или реконструировать по каким-либо причинам разорванную связь документов «цепочки» для получения наиболее полного документального массива, отразившего факт, событие, явление, процесс прошлого.

Создание практически любого документа — почти всегда процесс субъективный, возможно, исключая документальную фиксацию физических, природных явлений, например, при измерении температуры, влажности воздуха, давления атмосферы. В этом смысле документоведение бессильно в своих возможностях ограничения такого субъективизма даже там, где оно крайне необходимо, например, при документировании финансовой деятельности. Совсем иначе обстоит дело, когда документ становится объектом и предметом архивоведения. В таком случае *принцип беспристрастия*, т. е. максимально формализованного подхода к оценке и интерпретации документа, является основополагающим шестым специальным архивоведческим принципом. В архивоведении он важен, например, при экспертизе ценности документов, разработке НСА к архивным документам.

Седьмым специальным архивоведческим принципом, на наш взгляд, является *принцип несвободы и свободы архивной информации*. Смысл его в том, что общество, с одной стороны, вынуждено считаться с запретом на доступ к части документальной памяти по соображениям государственной, общественной и личной безопасности, а с другой — то же общество рано или поздно, вернее, обоснованно своевременно, но должно знать о деятельности своих институций и людей прошлого, какой бы она не была. В этом архивоведческом принципе находит свое выражение общенаучный принцип историзма. Архивоведение призвано объяснить уже не смысл документального запоминания, а роль документальной памяти для человека, общества, государства. Очень часто в этом смысле архивная информация носит болезненный характер. Нередко она подчинена корпоративным интересам. Однако важно объяснить, что в потоке времени эти две вещи — ничтожны, а часто с высоты времен кажутся выдающимися по своему значению измерителями времени, препятствовавшему свободе архивной информации. Архивоведение должно показать смысл, причины и последствия этого борения между свободой и несвободой архивной информации. Иначе говоря, принцип несвободы и свободы архивной информации похож на международный символ профессии архивиста — двуликого Януса. Одной стороной он символизирует недоступность документальной памяти, другой — ее неотвратимую свободу.

Восьмым принципом архивоведческого знания можно было бы признать принцип *необходимого и возможного (достаточного)* доказательства обоснованности рекомендаций и решений, связанных с управлением документальной памятью и документальным наследием. Под необходимым в данном случае понимается совокупность неких общепринятых признаков, свойств, показателей, обеспечивающих объективность определенных теоретических постулатов, приемлемых для организации той или иной сферы архивного дела. Под достаточным (возможным) имеется в виду признание истинности этих теоретических постулатов на основе анализа легших в их основу признаков, свойств и показателей. Например, в комплектовании архивоведческий принцип необходимого и достаточного связан с репрезентативностью формируемой документальной памяти, в НСА — с обоснованной глубиной и детальностью создающейся вторичной архивной информации, в использовании — с полнотой выявленной архивной информации по теме запроса и т. д.

Девятым принципом архивоведения является принцип *неизбежного взаимодействия архивного документа и архива с общественным сознанием*, включая и ту его часть, которая обычно ассоциируется с государством. Речь идет о содержательном, а не инфраструктурном взаимодействии. Общественное сознание постоянно востребует документальную память в самых разных, как увидим в теме 7, интересах. Одновременно и документальная память во многих случаях способна формировать общественное сознание прямо и опосредованно.

Таким образом, по меньшей мере два общенаучных и девять специальных принципов в нашем представлении определяют суть архивоведческого знания как знания теоретического в той мере, в какой это знание может выйти за границы описательности или *свода* нормативов и правил прикладного характера, важных для архивного дела. Они открывают возможности провести более или менее понятную границу между архивным делом и теоретическим архивоведческим знанием. Последнее в этом случае может очертить особую сферу *человеческого познания*, имеющего дело с таким цивилизационным продуктом, как документ, почти всегда утрачивающим свою регулирующую функцию и в ряде случаев обретающим историко-познавательное значение.

1.5. Методы архивоведения

Аккумуляция накопленного и формирование нового знания о документе и архиве архивоведение обеспечивает с помощью общенаучных, специальных и частных методов изучения объекта и предмета с последующей трансляцией полученного знания на эти объект и предмет для их совершенствования.

Из *общенаучных методов* для архивоведения особый интерес представляют пять.

Сравнительно-исторический метод позволяет проследить на протяжении всего времени существования объекта и предмета архивоведения особенности их бытования в разные исторические периоды, выявить характерные черты функционирования документа и архива, их развитие или отмирание во времени. Этот метод дает возможность, например, построить «дерево жизни» документов на протяжении столетий и тем самым показать связь возникновения, функционирования и отмирания разных видов документов либо, наоборот, их стойкое соответствие политическим, социально-экономическим и духовным процессам в жизни человека, общества, государства в разные периоды их бытия. Он же позволяет проследить развитие типологии архивов — от их минимального разнообразия к некоей постоянно развивающейся системе, приуроченной к государственному устройству, формам собственности, типам и видам документов, особенностям их носителей.

Метод системного анализа объекта и предмета архивоведения открывает возможности рассмотрения документа и архива в системах документации человеческой жизнедеятельности и в различных по типу и уровням депозитариях исторической памяти. Он позволяет, например, установить различные формы повторения и концентрации документной информации и определять с высокой степенью обоснованности документальные комплексы, подлежащие и не подлежащие вечному сохранению. С его помощью возможно создание взаимосвязанной системы поиска документов и документной информации в рамках архивного фонда, архива, системы архивов, установление по разным параметрам обоснованности такой системы.

Метод функционального анализа объекта и предмета архивоведения позволяет создать иерархическую схему документов и архивов, дает возможность определять разные по своим классам, типам и видам документальные комплексы, а также по характеру информации выстроить рациональную систему депозитариев документальной памяти. С его помощью, например, можно создавать удобные для поиска документов и архивной информации документные классификации.

Метод наблюдения за состоянием объекта и предмета архивоведения позволяет описать состояние выделенных параметров документов и архивов и на этом основании сделать обоснованные обобщения об их новизне, рациональности и полезности использования в архивном деле. Этот метод дает возможность, например, анализировать сложившуюся систему архивов с точки зрения ее эффективности, своевременно обнаруживать новые элементы документации

человеческой жизнедеятельности и определить новые, соответствующие им, депозитарии.

Метод статистического анализа объекта и предмета архивоведения дает возможность, используя статистические данные о состоянии различных показателей объекта и предмета архивоведения на определенном временном отрезке, выявить явления и процессы, характерные для их позитивного и негативного развития и тем самым выработать рекомендации по их поддержке или нейтрализации. Например, статистика использования разных документальных комплексов открывает возможности опережающего создания по ним НСА или фонда пользования.

Среди *специальных методов* архивоведения выделяются метод типизации объекта и предмета архивоведения, метод моделирования организации и деятельности его объекта (архива) и метод реконструкции.

Метод типизации объекта и предмета архивоведения дает возможность определить типичность и особенность определенных документальных комплексов и документов и на этой основе рекомендовать процедуры особых действий с ними (их выборку для вечного сохранения, создание страхового фонда, очередность и способы их научной обработки и др.), а также выделить классы, типы и виды архивов с присущими им особенностями для их учета при выработке рациональных систем организации хранения документальной памяти.

Метод моделирования организации и деятельности объекта архивоведения позволяет обосновать ту или иную модель архива и определить его предназначение в сохранении и трансляции документальной памяти. Этот метод в последние годы, например, с разной степенью обоснованности применялся при решении вопросов о судьбе архивов бывшей КПСС и интеграции их деятельности с государственными архивами страны. В результате его наработки в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств привели к созданию самостоятельных архивов бывшей КПСС, филиалов государственных архивов или сделали архивы бывшей КПСС структурными подразделениями государственных архивов.

Метод реконструкции в архивоведении исходит из того, что одним из признаков объекта архивоведения (документа) и предмета источниковедения как науки (документального свидетельства о факте, событии, явлении прошлого) является их дискретность, т. е. разделенность как тех, так и других во времени и пространстве. Это — объективная заданность, характеризующая структуру объекта и предмета и процесс их изменения. Для источниковедения принципиально важным является нейтрализация дискретности документальных источников, в том числе преодоление разобщения всей совокупности архивных документов, отразивших то или иное

событие, явление, процесс прошлого. Дискретность документов как объективная заданность, не позволяющая иметь одновременно такие документы, чрезвычайно болезненна для источниковедения. Она усугубляется дискретностью предмета архивоведения — расщеплением архивов в соответствии с их профилями и административно-территориальным делением.

Кроме того, практическая работа с документальной исторической памятью часто обнаруживает ее необоснованные лакуны, вызванные форс-мажорными и иными обстоятельствами, которые оказываются болезненными для исследования прошлого.

Для архивоведения нейтрализация признака дискретности связана не с реконструкцией всего источникового массива о событии, явлении, процессе прошлого, а с реконструкцией исторически или логически связанных с ними документальных комплексов — фондов, коллекций и др. Создание НСА и есть один из вариантов такой реконструкции, а вернее, преодоления дискретности. Решая в ходе ее чисто архивные задачи, архивист устраняет названное выше неудобство историка, поскольку система НСА обеспечивает ему возможность хотя бы в самом общем виде преодолеть дискретность источниковой базы и, значит, создать более благоприятные условия для исторической реконструкции. Архивоведение совместно с источниковедением вырабатывает также методы и приемы реконструкции утраченных частей документальной памяти. Иначе говоря, несмотря на разность целей и задач, в данном случае интересы источниковедения и архивоведения пересекаются, обеспечивая преодоление дискретности документов и документальных свидетельств.

Таким образом, метод реконструкции позволяет архивоведению сформулировать и использовать подходы, во-первых, преодолевающие дискретность документальной памяти и, во-вторых, восстанавливающие утраченные части документального наследия.

Из *частных методов* архивоведения традиционно и в наше время широкой популярностью пользуется метод демонстрации документа и архива и метод оценки нормативно-методического обеспечения архивного дела как свода действующих норм, правил и методик работы с документами и работы архива.

Метод демонстрации документа и архива открывает возможности оценки их бытования с позиций некоей идеальной модели. С одной стороны, он открывает возможности вторжения архивоведения в процессы документирования, а с другой — позволяет оценить роль архива как информационной и институциональной сущности.

Метод оценки нормативно-методического обеспечения архивного дела позволяет определить своевременность, эффективность и полезность действующих правовых норм, правил и рекомендаций в управлении документацией и документальным наследием. Такая

оценка позволяет ставить задачи по их уточнению, замене и разработке новых проблемных вопросов.

В настоящей теме мы постарались показать самостоятельную роль архивоведческого знания в общем комплексе наук и научных дисциплин о человеке и обществе. В самом широком смысле эта роль связана с сохранением, пополнением и трансляцией документального исторического наследия как носителя памяти о прошлом и как одного из условий обеспечения обществом возможностей для своего познания в исторической ретроспективе. Осмысление этого наследия и обоснованная теоретическим знанием практическая регуляция его состояния являются главной задачей архивоведения, которую оно решает в своих специальных разделах, к рассмотрению которых мы и переходим в следующих темах учебника.

Контрольные задания

1. Назовите основные проблемы архивоведения.
2. Рассмотрите предмет архивоведения.
3. Расскажите об объекте архивоведения.
4. Охарактеризуйте принципы архивоведения.
5. Расскажите о методах архивоведения.

Тема 2

ДОКУМЕНТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ЗАПОМИНАНИЕ

2.1. Документ как интеллектуальный продукт

Документ — одно из старейших и величайших изобретений человечества, сравнимое, например, с изобретением колеса или часов. Колесо потребовалось людям для преодоления пространства, часы — для измерения времени. Документ изначально был предназначен людьми для преодоления пространства и движения во времени и по времени.

Определяющая задача любого документа — регулирование человеческой жизнедеятельности с помощью различных по своему характеру информационных импульсов, понятных для автора и адресата документа и принимаемых ими в качестве определенного целеполагания.

Многогранная жизнь и деятельность человека, общества, государства столетия документировались не только по-разному, но и в разных пределах и объемах. Этому было несколько причин.

Во-первых, невозможно и нет необходимости документировать каждое мгновение бытия, даже и сегодня, в век электронных технологий, несмотря на то, что вектор движения к этому в современной жизни обозначается все более.

Во-вторых, существуют ситуации (факты, события, явления, процессы, действия и решения), документирование которых невозможно в силу каких-либо обстоятельств. Например, ведение личного дневника является исключительно следствием желания, воли и организованности человека, чрезвычайные происшествия именно в силу их внезапности также нередко остаются задокументированными едва ли не после случившегося, хотя сегодня мы нередко встречаемся с их синхронным видеодокументированием.

В-третьих, человеческая история не раз подтверждала, что имеют место случаи принципиального недокументирования важных фактов и событий в жизнедеятельности человека, общества, госу-

дарства в силу особых соображений сохранения тайны неких решений или действий, или опасения возможной сохранностью документального свидетельства понести в будущем ответственность за принятые решения и совершенные действия. Нам известны, например, результаты политических судебных процессов в СССР в 1930-е гг., но во многих случаях остается только строить догадки и гипотезы о направлявшей их воле И. В. Сталина. Сохранился дневник посетителя Сталина¹, в том числе первых дней начала Великой Отечественной войны, однако, характер его бесед со своими посетителями может быть реконструирован только на основании решений ведомств, которые эти посетители возглавляли в первые дни войны. Известна, например, директива ОГПУ полпредам ОГПУ от 22 февраля 1930 г., предписывавшая запрет на ведение кино- и фотосъемки «процесса раскулачивания и всех моментов, связанных с этим (конфискации имущества, выселения, переселения и т. д.)»². Не раз приходится иметь дело с принципиальной недокументированностью сегодня кажущихся однозначно важными процессов, явлений и событий локальной и микроистории. Например, наделы земли по тяглам и ее внутриобщинные переделы до 1917 г. сегодня известны нам в лучшем случае только из задокументированных конфликтных ситуаций и земских опросов крестьянских общин второй половины XIX в. Массовые ситуации этого важнейшего явления крестьянской жизни просто не документировались, оставаясь каждый год на протяжении столетий устными договоренностями крестьянского схода. Иначе говоря, отсутствует очень важный пласт недокументированной информации, который теперь мог бы нам дать представление о взаимоотношениях в крестьянской общине, особенно в XVII—XVIII вв.

В-четвертых, процесс документирования человеческой жизнедеятельности — дело затратное, особенно когда речь идет о Средневековье. Пергамен и бумага стоили недешево в России, особенно до 70—80-х гг. XVII в., когда только началось собственное более или менее массовое производство бумаги в стране. Носитель документа в виде бересты хотя и использовался достаточно широко, но по всей видимости, только в некоторых регионах. И этот фактор также сдерживал документирование.

Наконец, в-пятых, характер, объем, сама возможность документирования связаны с уровнем образованности и технической оснащенности общества. По этой причине редки, например, крестьянские дневники, письма, тем более воспоминания XVIII—XIX вв.

¹ На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.). М., 2008. С. 337—339.

² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение: 1930—1940 : в 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 764.

и, наоборот, мы видим, как в современном мире с внедрением электронных технологий резко расширяются зоны документирования — фиксация происходящего на улицах, в офисах, магазинах, вокзалах, аэропортах, подъездах домов и т. д.

Усложнение организации человеческой жизнедеятельности потребовало необходимости и даже обязательности документирования его различных сфер. Более того, нельзя не согласиться с О. М. Медушевской, утверждающей, что создание документа является «безальтернативным условием существования человеческого сообщества»¹. Медушевская даже полагает, что у человека имеется «генетическая предрасположенность» к документированию, «запуск» которого происходит в условиях социума и выступает как «социобиологическое отличительное свойство человека».

Иначе говоря, в человеческой жизнедеятельности ее документирование является результатом определенных потребностей и определенных необходимостей, связанных с разрешением с помощью документов стандартных и не стандартных жизненных ситуаций, которые реализуются при наличии соответствующих возможностей их документирования, включая технические. Все это и определяет обязательность и необязательность создания и дальнейшего бытования документа.

Отметим, чем сложнее становится социальная жизнь, тем больше она порождает документов. Водительское удостоверение, диагностическая карта, страховой полис, лицензионное свидетельство, завещание, договор купли-продажи, паспорт, торговый чек, проездной билет, пенсионное свидетельство, образовательные аттестаты и дипломы, квитанции оплаты коммунальных услуг — это лишь малая часть документов, без которых невозможна современная организация жизни общества и отдельного человека.

Разумеется, нужно отдавать себе отчет в том, что создание того или иного документа, возникновение новых видов документов — явление не первичное, а вторичное, отражающее, фиксирующее некую целевую установку государства, общества, корпоративных сообществ, человека. В некотором роде документ становится лишь точкой в целеполагании и целедостижении, а в большинстве случаев даже многоточием, если учесть, что, зафиксировав достижение определенной цели, выполнив свое функциональное предназначение, он продолжает выполнять роль своеобразного оператора совершенно иных интересов, связанных преимущественно с трансляцией памяти о прошлом.

Итак, в повседневной жизни документ — это всегда результат целедостижения и всегда вторичен в отношении действий такого целедостижения. Он фиксатор и носитель информации о целедостижении. При этом надо помнить, что существуют три принципиаль-

¹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 45.

но важных и принципиально отличающихся друг от друга по характеру целедостижения класса документов, о чем мы будем подробно говорить ниже.

Для современного обычного человека документ — это фантом, далеко не всегда замечаемый элемент и спутник его жизнедеятельности и жизнеобеспечения. До поры до времени документ для человека является чем-то похожим на воздух, который всегда рядом, вместе с человеком — везде и всюду, и потому он остается незамеченным до тех пор, пока воздуха для жизни человека хватает. Но как только его становится меньше, как только человек начинает чувствовать удушье, ему становится понятно, что без этого, всегда незамечаемого «вещества» ему может быть плохо. Так и с документом в жизни человека. Его роль в новой и новейшей истории человечества не только не уменьшилась, но сохраняет тенденцию роста под воздействием процессов глобализации, усложнения общественных отношений, угрозы терроризма и массы других факторов. Простоватое, но точное по своей сути выражение, родившееся в XX в., — «Без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек» — на самом деле точно отражает роль документа в современной человеческой цивилизации.

Современный период человеческой истории называют временем информации. Информация сегодня — это не только духовная среда, но и среда жизнедеятельности и жизнеобеспечения конкретного человека, социумов, народов и государств. Случается, что человек управляет информацией, но бывает, что и она, по разным причинам в силу особой значимости начинает управлять человеком и людьми.

Вероятно, в человеческой истории так было всегда. В древности дым костров на вершинах холмов был не чем иным, как информацией, сигнализировавшей о приближении врага, и порождал соответствующие действия по приготовлению к обороне. Потом системы создания информации, ее закрепления и доставки начали совершенствоваться, и в конце концов приобрели современные очертания.

Признавая современное общество информационным, следует иметь в виду, что такая характеристика лишь отчасти соответствует действительности в том смысле, что оно является обществом со все больше и больше расширяющимся документированием, ибо существование информации само собой, без носителя, по большому счету, невозможно. Можно спорить о целесообразности этого расширяющегося документирования. С одной стороны, оно вызывается серьезными причинами, например, видеосъемка публичных мест — один из способов борьбы с терроризмом. С другой стороны, рост объемов документирования отражает неэффективность регулирования человеческой жизнедеятельности, которая часто измеряется не результатами, а документами. Однако имеются какие-

то еще не очень познанные явления и процессы, которые отражает само бытие документа и на которые его изучение должно дать ответы. Например, почему в безусловно более демократических государствах XX — начала XXI в. в сравнении с их прежними состояниями в XIX в. количество документов, регулирующих отношения человека и государства, стало большим в разы? Что отражает этот процесс: усложнение жизни или модифицированные в сравнении с прошлым новые формы контроля за человеком со стороны государства, а может быть, и первое и второе? Любые ответы на эти вопросы ставят перед архивоведением свои особые проблемы, отличные, например, от теории управления большими системами.

Современный этап документирования человеческой жизнедеятельности характеризуется ко всему прочему параллельным и дублирующим существованием традиционного бумажного и электронного документирования с неопределенной пока перспективой полной или, скорее всего, частичной замены последним традиционных способов документирования.

Государственный механизм где-то грозно, где-то натужно, где-то в борениях и страстях рождает законы, положения, правила, инструкции и другие нормативные документы, по которым людям предначертано жить. Государственные и негосударственные корпоративные сообщества организуют свою жизнь опять же на основе нормативных, организационно-распорядительных, финансовых, кадровых и прочих разнообразных документов. Ничуть не отстает от них и современный рядовой человек, фиксирующий с помощью аудио- и видеозаписей эпизоды своей частной, и не только, жизни. Более того, интересы безопасности понудили фиксировать с помощью видеозаписей вообще все происходящее в конкретном месте или при совершении определенных действий. Например, сегодня обязательна видеофиксация конкурсов-торгов, защиты диссертаций. Человек стал не только управлять информацией, но и во многих случаях оказался беззащитной жертвой всеобщего и не зависимо от него документирования своей жизни, как публичной, так и не публичной.

Таким образом, чем сложнее становится социальная жизнь, тем все больше и больше она порождает документов. Тенденция ко всеобщему документированию человеческой жизнедеятельности является для архивоведения объективной реальностью. Этот вызов времени находит свое отражение в архивоведческом знании, обогащая и усложняя его проблематику.

2.2. Понятие «документ»

В силу универсальности природы документа и выполняемых им функций не существует его общепринятого толкования.

Обыденное понимание документа связано с его ролью в жизни конкретного человека. Для бытового понимания документа характерно, что человек считает документ практически нужным ему в каждый момент его жизни и в некоторой перспективе. Обычный человек часто не обращает внимания на то, какую роль играет документ в его жизни, начиная от распорядительного и нормативного актов и заканчивая ведомостью выдачи заработной платы. Бывают, конечно, случаи, когда человек особо остро осознает значение документа, например, подтверждающего право собственности в виде завещания. Все же в первую очередь людей волнует и занимает сам факт их действий, их результаты, а не то, на основании чего они стали возможны и почему оказались зафиксированными. Поэтому в обыденном сознании отношение к документу становится безразличным после того, как он сыграл свою роль в жизнедеятельности конкретного человека. Расхожее выражение «Сдано в архив» отражало и отражает распространенное представление о ненужности чего-либо, в том числе и документа, после того, как тот выполнил свое предназначение и приобрел качества архивного документа, т. е. переданного на хранение в архив. В своей массе значение некоторых документов люди начинают осознавать слишком поздно для его сохранности, например, когда понимают, что прибавки к их пенсиям часто зависят от заработной платы, которую они удостоверяли своими подписями в ведомостях выплаты подчас 20 и более лет назад.

Обыденное отношение к документу отличается, например, от отношения к книге. Воспетая многими поколениями мыслителей человечества, книга, на протяжении столетий существовавшая как публичный интеллектуальный продукт, концентрирующий знания о мире, обществе и человеке, заслуженно обеспечила более уважительное отношение к себе, нежели документ.

Впрочем, отдельные виды документов изначально были обречены на более пристальное, чем книга, к себе отношение, когда речь шла, например, о документах об имущественно-правовых и межгосударственных отношениях. Собственно говоря, именно их существование и привело к появлению архивов.

Любопытно, что бытовое понимание документа оказалось очень динамичным, оперативно откликаясь и регистрируя его роль в той или иной исторической ситуации. В новой России, например, он стал знаком, символизирующим некое «доказательство», например, определенных действий и намерений. Закон воспринимается поэтому как закон, а не как документ, государственный бюджет — как бюджет, а не как документ и т. д.

В книге Г. Н. Швецова-Водки¹ автор приводит и анализирует 25 существующих определений документа, сводя их в восемь групп,

¹ См. Швецова-Водка Г. Н. *Общая теория документа и книги.*

каждая из которых по принципу «матрешки» поглощает более частные. На этой основе автор утверждает во мнении о невозможности универсального определения документа, поскольку «для разных ученых, в разных контекстах, разных науках понятие “документ” имеет разный объект».

Соглашаясь с последним выводом, попробуем с позиций теоретических установок настоящей книги обозреть современные определения документа, которые существуют в законодательстве, различных нормативах, в методической и научной литературе. Условно они сводятся к нескольким толкованиям.

Первое толкование можно назвать *культурологическим*. Согласно ему, документ — это все то, что создано и создается человеком в процессе его жизнедеятельности сознательно (механизмы, объекты недвижимости, собственно документы, в том числе как отражение технического прогресса в создании их носителей, способов закрепления на последних информации и т. д.) или бессознательно (например, отпечаток ступни древнего человека в застывшей лаве вулкана).

Второе толкование документа, которое можно назвать *когнитивным*, видит в нем одну из разновидностей «вещей» как «интеллектуальных продуктов», реализующих человеческое мышление, продолжающих его, т. е. равных всему тому, что создается человеком и человечеством: от, например, стула до космического корабля. Оно справедливо отделяет сознательное и бессознательное в деятельности человека и тем самым ограничивает понятие «документ».

Третье толкование можно назвать *документоведческим*. В соответствии с ним документом является определенным образом структурированная информация, закрепленная различными способами на различных носителях с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать на основе одного или нескольких специальных и общепризнанных элементов персонификации такой информации: заголовка, указаний на автора и адресата документа, бланка, печати, подписи, включая электронную, и других, придающих документу определенную знаковую, юридическую, административную важность.

Четвертое определение можно назвать *информационным*. Оно видит в документе любую информацию, зафиксированную на любом носителе (камне, бересте, бумаге, коже, фотобумаге, киноленте, диске грампластинки, магнитной ленте, CD, DVD, системном блоке компьютера и т. д.) любой системой письма или иным способом. Согласно ему, например, любая черта, проведенная средневековым человеком на стене церкви, является документом.

Пятое толкование документа можно назвать *архивоведчески-источниковедческим*. Согласно ему, документ — это информация, закрепленная различными способами на различных носителях,

представляющих собой материальные объекты. В отличие от первого и третьего определений и вслед за вторым и четвертым в этом толковании под информацией понимается не все сознательные или бессознательные следы человеческой деятельности, включая бессмысленный набор разных начертаний, а некие структурированные создателем документа сообщения, имеющие какой-либо смысл, понятный не только автору, но и адресату документа.

Важно проанализировать каждое из приведенных толкований. Первое из них фактически размывает понимание документа и, приравнивая его к произведениям не только материальной культуры человечества, но и бессознательным действиям людей, фактически лишает документ специфических, присущих только ему функциональных предназначений.

Второе толкование справедливо ограничивает первое, но не раскрывает отличия документа от других «интеллектуальных продуктов», создаваемых человеком.

Третье толкование также обоснованно ограничивает первое, вводя понятия носителя информации документа, информации и ее определенной упорядоченности. Вместе с тем оно признает документом только такой документ, который имеет соответствующие общепринятые реквизит или реквизиты. В соответствии с этим толкованием из числа документов исключается целый класс документов личного происхождения, класс документов сакрального происхождения, черновые варианты официальных и не официальных документов, неатрибутированные с точки зрения автора, времени создания, иногда даже содержания, документы и другие, имеющие важное значение для архивоведения, археографии, документально-источниковедения.

Четвертое толкование необоснованно расширяет понимание документа до включения в него бессмысленного набора информационных элементов, например, повторяющегося набора букв на бумаге.

Таким образом, при признании материальной и идеальной сущности документа как материального объекта с закрепленной на нем информацией мы видим, как его культурологическое и когнитивное, расширительные толкования, в том числе в качестве любого интеллектуального продукта деятельности человека¹, так и ограниченное понимание исключительно как документа официально-документоведения документом признается только официальный документ. В архивоведении это понятие распространяется не только на документы официального, но и личного происхождения. Однако здесь целый класс документов сакрального происхождения традиционно исключается из объекта этой научной

¹ См.: Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории.

дисциплины, несмотря на то, что в нашей стране архивное дело, как говорилось выше, в некоторых своих частях развивалось, прежде всего, как архивное дело сакральных документов (вспомним, что первые печатные справочники о составе и содержании архивов были связаны в первую очередь с сакральными документами¹). Археография с трудом освобождается от ограничения своего объекта только памятниками древней традиции и включения в ее предмет, например, аудиовизуальных документов.

В последние годы мы нередко начали встречаться с нивелировкой понятия «документ» как особого регулятора человеческой жизнедеятельности, включая ее духовную сферу, с попытками связать это понятие с термином «информационный объект». Внешне этот термин выглядит правильным и привлекательным. Однако он влечет за собой институциональные потрясения. Возможно, когда-нибудь три депозитария исторической памяти — архивы, библиотеки, музеи — сольются в единый депозитарий, некий «арбимуз», — электронные технологии уже сейчас, например, почти стерли разницу между документом и книгой. Но по большому счету и Солнце, и другие звезды, вообще все материальное, окружающее нас, — это тоже «информационный объект» «арбимуза».

С учетом этого очень сложно понять, для чего тогда нужно посягать на документоведческо-архивоведческое и источниковедческое толкования документа как особого материального объекта, регулирующего с помощью специфических структурированных сообщений человеческую жизнедеятельность и обеспечивающего запоминание этого регулирования? Есть водяная пушка, с помощью которой разгоняют недовольных. Ее функция понятна. А есть приказ мэра, например, Парижа о разгоне недовольных. И то, и другое — «информационные объекты». Но только чрезмерно философствующие не увидят между ними разницы. Эта разница — функциональная. Она же — системная. В природе насекомые опыляют цветы растений и служат пищей для птиц. В общественной жизни, например, стул является одним из признаков комфорта. А документальный чертеж этого стула — всего лишь мера человеческого умоделия. В некоторых опубликованных работах авторы задаются вопросом: документ — это сущностное понятие или познавательная категория? И приходят даже к выводу, что документа как такового в природе не существует. Цитирую одного из таких авторов: «термин “документ” связан не с бытием как таковым, а с процессом познания этого бытия». Тут, что ни слово, то фантазия. Книга — это действительно одна из форм отражения познания бытия. Документ также

¹ См.: *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора... графа Федора Андреевича Толстова.

в качестве исторического источника может быть средством познания бытия, но до этого он имел совсем иное предназначение. Допустим, кто-то потеряет свой паспорт. Следствием этого будут многие неприятности для него лично. После этого он будет утверждать, что паспорт как один из видов документа не связан «с бытием как таковым?»

Документ, утверждают некоторые авторы, — это «след идеи». Конечно, это так, когда документ становится документальным историческим источником. А когда по воле этой идеи происходят реальные действия — это все же нечто иное, чем просто «идея». Это — действие, это организация этого действия и его результат, который часто приводит к другому действию.

Среди различных толкований документа следует особо остановиться на библиотечковедческо-библиографоведческом. Причин для этого, по меньшей мере, две. Во-первых, книга — наиболее близкий к документу объект интеллектуальной деятельности человека. Она признается и одной из форм существования документа. Во-вторых, в книговедении мы видим явно большую, чем в других научных дисциплинах, продвинутость в понимании документа как интеллектуального продукта. Она способствовала постепенному переходу от толкования документа как средства передачи знаний или информации к пониманию его как источника знаний и информации.

Эта продвинутость, впрочем, носит противоречивый характер и даже в отдельных случаях не лишена эпатажа. Совпадает лишь положение о том, что книга является одной из форм существования документа. Само же толкование документа носит как расширительный, включая все, что существует во Вселенной независимо от сознания человека, так и явно ограничительный характер, когда в число документов включаются лишь материальные объекты с письменной информацией, или это понятие ограничивается лишь официальным документом. Так, например, согласно Е. А. Плешкевичу, документ — это «информационный объект, который представляет собой семантически модулированный физический процесс вещественной или вещественно-волновой природы, предназначенный для многократного использования в рамках социальной информационной системы, обеспечивающей его использование в социальном пространстве»¹. Как видим, это в целом интересное определение явно ориентировано на документ как книгу — отсюда ограничение его информации семантической и подчеркивание «многократности использования». В то же время книга в качестве разновидности документа определяется как «материальный объект», а не «материальный продукт» человеческого умоделия.

¹ Плешкевич Е. А. Документальный подход в библиотечковедении и библиографии: этапы формирования и направления развития. М., 2012. С. 156.

В другом месте в определении документа акценты расставлены несколько иначе: это «сложный вторичный информационный объект, обладающий вещественной или вещественно-волновой природой, состоящий из двух информационных элементов: информационного сообщения и метаинформационного сообщения (реквизиты, выходные сведения), содержащих сведения об документально-информационной системе, которая обеспечивает семантическую симметричность информационного процесса»¹.

Вероятно, понимая ограниченность своих толкований документа и невозможность их использования, например, в архивоведении, Плешкевич предложил выделять диахронный, оперативный и архивный «типы» документов. К диахронным он отнес документы, вращающиеся в сфере библиотечного дела и библиографии, и их основной признак автор видит в том, что они находятся «в состоянии постоянной актуализации». Вопреки своим определениям документа к числу диахронных он отнес не только традиционную книгу, но и аудиовизуальные документы². Следующим «типом» документов, по Плешкевичу, выступают «оперативные документы» как документы, «созданные для непосредственного оперативного обеспечения процессов социального управления», предназначенные для «передачи» информации «кратковременной, оперативной ценности», например, организационно-распорядительная документация³. Наконец, к третьему «типу» документов Плешкевичем отнесены «архивные документы» — документы, «обладающие потенциальной ценностью» с исключительно семантической информацией, оказывающиеся таковыми в результате процедуры экспертизы ценности⁴.

В таком делении документов по «типам» мы находим немало противоречий. Во-первых, невозможно определить степень актуального состояния диахронного и архивного документа. К тому же часть архивных документов, будучи опубликованной, становится принадлежностью диахронных. Во-вторых, в числе «оперативных документов» находятся не только документы с кратковременной и долговременной, но и вечной ценностью. В-третьих, архивный «тип» документа является всего лишь результатом трансформации части оперативных документов. Иначе говоря, толкование документа, по Плешкевичу, в силу его противоречивости никак не может быть использовано в архивоведении и документальном источниковедении.

¹ Плешкевич Е. А. Документальный подход в библиотековедении и библиографии. С. 166—167.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 187—188.

⁴ Там же. С. 189—191.

В ряде работ обосновывается «теория относительности документа», смысл которой заключается в том, что документ существует только при наличии интереса к нему со стороны субъекта. Утверждается также, что существуют псевдодокументы, например, просроченные, недействительные, недействующие документы, фальсификаты и т. д.¹

Рассматривая книгу как форму бытования документа, книговеды пытаются дать ей свое определение через документ. Наиболее пространственная точка зрения связывает книгу с тиражированным документом. Такое толкование может быть принято лишь частично, поскольку книга, содержащая, например, такой документ, как международный договор, не будет иметь юридической силы, которой обладает лишь особым образом оформленный оригинал этого договора. Имеют место случаи, когда отделение книги от документа осуществляется на основании круга их читателей, и книга объявляется более публичным интеллектуальным продуктом, чем другие документы. И это положение мы можем принять лишь частично, если вспомним, что существует прикладная археография, благодаря которой некоторые документы тиражируются, в том числе и в форме книг.

Книговедческий подход к толкованию документа испытывает особые трудности, когда речь заходит о визуальном документе. И в недавнем, и в современном общественном сознании существует устойчивое представление о том, что фотография — это не документ. Более того, в среде профессиональных архивистов и историков вопреки теории документа и архивному законодательству из-за непрофессионализма или небрежности такая точка зрения внедряется в общественное сознание, в основном, через выставочные архивные проекты. Эти небрежность или незнание отражают сознательно или бессознательно отношение к фотографии как к некоей неопределяемой сущности — в лучшем случае как иллюстрации в историческом повествовании или только как особому произведению искусства. Наличие такого подхода неизбежно играет отрицательную роль в сбережении фотографий и в понимании, использовании и интерпретации их как особого вида документальных исторических источников. Ниже мы покажем, что с позиций архивоведения и документального источниковедения можно обнаружить всего несколько принципиальных отличий фотодокумента от письменного документа.

Для темы нашего учебника наиболее предпочтительным является пятое толкование документа. Во-первых, в отличие от второго толкования оно включает в себя три класса документов — официального, неофициального и сакрального происхождения. Во-вторых, для него

¹ Столяров Ю. Н. Развитие документологической терминологии // Научно-техническая информация. Серия 1. 2004. № 8, с. 7—8.

в отличие от третьего толкования носитель документа, как и его информация, являются равнозначными, что имеет принципиальное значение при хранении документа, его учете, перемещении, нередко особой самоценности носителя и др. В-третьих, оно признает документом носители с еще не идентифицированной информацией, копии, черновики документов. В-четвертых, оно включает в число документов только те, которые содержат информацию в виде структурированных сообщений, т. е. сообщений, имеющих смысл.

Однако оно требует определенной конкретизации, уточнения, учитывая дальнейшие рассуждения в этой книге.

Во-первых, в нашем понимании документа принципиально важным является включение в него различных видов документов личного и сакрального происхождения как особых и равноценных классов по отношению к документам официальным, даже созданным не только государственными, корпоративными структурами, но и общественными объединениями. Природа документов личного и сакрального происхождения совершенно иная. Она связана с функционированием не государственных, корпоративных или общественных организаций, а с проявлением человеческого, личного начала, с его личной духовной свободой, несвободой и ангажированностью, с его сознательным выбором священного учения, зафиксированного в сакральных документах, и желанием ему поклоняться. Это личностное начало полностью (за небольшим исключением, например, резолюции в отдельных случаях на официальных документах их адресатов) отсутствует в официальном документировании.

Во-вторых, нетрудно заметить, что все приведенные выше определения документа страдают несовершенством либо потому, что носят чрезмерно абстрактный характер, либо рассуждают о документе с утилитарно-прагматических позиций. Но нельзя не заметить во всех или в большинстве из них двух общих составляющих. Первая заключается в том, что документ представляет собой даже в случае, если мы имеем дело с электронным документом, все же материальный объект, выступающий, в отличие от других материальных объектов, носителем информации. Вторая составляющая видит в документе информацию, представленную определенными структурированными сообщениями.

Исходя из этих предварительных соображений, мы можем определить документ следующим образом.

Документ — материальный объект, выступающий в качестве носителя информации в виде структурированных сообщений, имеющих смысл, задаваемых целевыми установками его автора, техническими возможностями, правилами, нормами и традициями создания материального объекта и его информации.

Представляется, что такое определение может удовлетворить все четыре дисциплины, которые так или иначе занимаются изучением феномена документа. Для документоведения важно, что правила и нормы создания документа могут предусматривать его определенные реквизиты, а целевые установки автора определяют функциональную заданность документа. Для архивоведения это определение представляет интерес, поскольку рассматривает документ не только как носителя структурированной информации, но и как материальный объект, обеспечивающий возможность его учета, классификации, поиска и движения, а также не исключает классы документов личного и сакрального происхождения, создаваемые на основе «традиций», т. е. без нормативной заданности. Для археографии и источниковедения такое определение важно двумя основными составляющими документа — носителем и структурированной информацией, отрывающими возможности отбора документов для документальной публикации, их комментирования, критического анализа, для выявления достоверных, недостоверных и сфальсифицированных документальных свидетельств о фактах, событиях, явлениях прошлого.

Это определение документа все же важно скорректировать еще одним, на наш взгляд, важным соображением. Только документ фиксирует мгновение действительности — не всегда каждое, но все же относительно короткое. Сады и парки, механизмы и предметы недвижимости, ландшафты, создаваемые человеческими руками и головой, т. е. «интеллектуальные продукты», в отличие от документа никогда не находятся в статике, постоянно под различными воздействиями изменяясь: старея и разрушаясь, модернизируясь и преобразуясь. Даже книга, картина, скульптура менее статичны в фиксации мгновения действительности, чем документ. Именно это свойство документа делает его особым результатом человеческой жизнедеятельности и одновременно — свидетельством об этой жизнедеятельности. Можно подновить, подправить, приспособить к комфортным нормам современности сохранившиеся дворянские усадьбы, проведя в них, например, электричество, поставив калориферы, кондиционеры, но чертежи изначальных проектов изменить невозможно — именно в них зафиксировано это мгновение действительности и одновременно — мгновение времени. Соединяясь в одно целое и для людей, которые когда-то создавали документ, и для нас сегодняшних эти два мгновения и дают представление о прошлом.

Статичная фиксация документом какого-либо состояния действительности является его одним из самых выдающихся свойств, имеющих два главных параметра. Параметр первый — исключение любых позднейших после оперативного бытования документа вторжений в эту фиксацию. Параметр второй — по возможности

недопущение изменения места документов среди других документов, определенное в период его оперативного бытования. Случаи первого порядка — редчайшие и при их обнаружении становящиеся предметом преследования административного и уголовного характера. Случаи второго порядка более распространены и связаны с целым рядом объективных и субъективных причин. Так, например, произошло с Литовской метрикой. В конце XVIII в. часть ее была вывезена из Польши в Россию, а в начале XIX в. была обработана и описана по российским архивным правилам¹. Так случилось и с так называемым Смоленским архивом. Вывезенный командой А. Розенберга в Германию, этот архив был переработан в соответствии с агитационно-пропагандистскими задачами гитлеровской Германии, а затем, оказавшись в руках американских оккупационных частей, был еще раз перетасован в русле идей борьбы с СССР в годы «холодной войны»².

2.3. Документ как материальный носитель информации

Выше мы отмечали, что документ, являясь продуктом человеческой жизнедеятельности, включает две неразрывные составляющие — материальный физический объект (носитель информации) и определенным образом структурированную информацию, даже если последняя по каким-либо причинам остается некоторое время недоступной человеческому пониманию, как это было, например, с документами индейцев майя.

Носитель информации документа, как и сам документ, является особым цивилизационным материальным продуктом, отражающим технический прогресс человечества³. Первоначально такими носителями были произведения природы: скалы, камни, деревья и их кора. Однако со временем в разных странах начали появляться искусственные, специально созданные руками человека носители информации: сделанные из глины, специального камыша, воска, кожи, холста, бумаги, специальные носители со светочувствительным и звукочувствительным слоями и т. д. Бывали случаи, когда экстремальность ситуации вызывала необходимость использовать в качестве носителя информации документа любые подручные средства. Например, Ф. М. Миронов, осужденный в 1919 г. за орга-

¹ Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 65.

² Гримстед П. К. Возвращение «Смоленского архива»: от инструмента нацистской и американской советологии к роли пешки в международных политических интригах в области реституции // Возвращение «Смоленского архива». М., 2005. С. 56—126.

³ Подробнее см. электронное издание Росархива: История письма, документа и архивного дела в России. Ч. 1: История письма. М., 2008.

низацию антибольшевистского восстания на Дону, вел свой дневник на одной из стен Балашовской тюрьмы¹.

Дороговизна искусственных носителей информации в момент их изобретения и определенного времени применения, постоянно сдерживала процесс документирования, который по этой причине оставался уделом не просто грамотных, но избранных людей. Однако каждый раз технический прогресс приводил в определенное время к массовому производству того или иного носителя, который с неизбежностью в процессе экономической и технологической конкуренции вытеснял ранее существовавшие носители информации или становился равнозначным с ними. Папирус заменил глину, бумага — пергамент, пленочные носители были потеснены электронными носителями, в наше время почти равнозначными с носителями бумажными. Каждый новый носитель документа со временем создавал возможности для все более дешевого и массового документирования. Изобретение фото-, фоно-, кино-, видеотехнологий сопровождалось революционными изменениями в развитии носителей информации. Со временем документ получил возможность массового публичного и непубличного распространения. При этом, как и до изобретения книгопечатания, на современном этапе человеческого развития происходит все большее и большее стирание его границ с книгой. Процесс документирования в условиях удешевлявшейся стоимости различных носителей и конкуренции между ними постепенно обретал черты массовости, демократичности, охватывая не только официальные стороны жизнедеятельности государства и общества, но и личную жизнь граждан.

Носители информации документа в истории человеческой цивилизации развивались одновременно со способами ее фиксации: письменным, зрительным, включая визуальный, звуковым. Разумеется, сама по себе идея фиксации зрительной и звуковой информации была не менее революционна, чем изобретение бумаги или электронных технологий. Она может быть сравнима с изобретением письменности.

В качестве материального, физического объекта для документирования важно, чтобы этот объект в момент своего создания обладал определенными общепринятыми параметрами своего физического состояния — качества, цвета, размера (формата) носителя — и способа закрепления на нем информации. Документоведение предусматривает обязательное или возможное движение документа во времени и пространстве, нормативные гарантии его сохранения в течение определенных, присущих каждому документу сроков, промежуточные или конечную стабилизации среди других

¹ Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917—1921 гг.). М., 1997. С. 433—435.

документов, а также возможность разрешения окончательной судьбы, вплоть до уничтожения.

Технический прогресс в развитии носителей документа и способов фиксации информации ставил перед архивоведением каждый раз с изобретением и внедрением в жизнь нового носителя и новые проблемы.

Для архивоведения каждый новый носитель документа означал необходимость разработки особых условий его вечного сохранения: для бумажных носителей — одних, для визуальных или звуковых — других, для электронных — третьих и т. д., а также выработки дифференцированных и эффективных систем их описания, учета и поиска. Вместе с тем все более увеличивавшийся и разнообразный объем различных носителей документов поставил перед архивоведением задачу их разумного и достаточного отбора для вечного сохранения.

Для архивоведения документ как физический объект важен по нескольким причинам. Во-первых, благодаря своей материальной физической составляющей документ может быть размещен и классифицирован в пределах архива, фонда, дела, других комплексов (комплектов) и соответствующим образом учтен как материальный объект. Во-вторых, в качестве физического объекта документ постоянно испытывает воздействие фактора времени и интенсивного использования, которые создают угрозу его неприкосновенности и даже утраты, а иногда и приводят к такой утрате. Архивное дело нейтрализует или парирует такую угрозу с помощью современных технических средств хранения и контроля за обеспечением нормативных условий хранения, а также «страхует» сохранность носителя информации документа с помощью создания фонда пользования — копии документа, используемой вместо его оригинала, и собственно страхового фонда, гарантирующего сохранность информации документа в случае его непредвиденной утраты. Фонд пользования и страховой фонд являются не столько заменителями оригинала документа (это в принципе невозможно), сколько его представителями, парируя угрозы возможной утраты информации оригинала документа.

2.4. Документ и его информация

Второй элемент документа — это его информация. В ряде исследований, посвященных философии информации, выдвинута идея ее амбивалентной сущности как неразрывного единства материального и идеального¹. По существу, это перевернутое определение документа в широком смысле его понимания как носите-

¹ Соколов А. В. Философия информации. СПб., 2010.

ля с закрепленной на нем информацией, имеющей определенный смысл. Если это так, возникает вопрос о «философии» чего́ нам следует говорить. Если это философия-мегатеория, то она имеет право называться «философией информации». Если это философия как специальная теория объекта, то она должна называться теорией документа. Автор книги не видит противоречия между первым и вторым. Он только хочет подчеркнуть, что в специальной теории в зависимости от решаемых задач не всегда идеальное и материальное информации или документа представляются абсолютно равнозначными. Для учета, обеспечения сохранности книг и архивных документов на первый план выдвигается материальная сущность информации документа, и в этом смысле как бы не была ясна его амбивалентность, документ, написанный на ужасающей по качеству бумаге 1920-х гг., архивист будет озабочен прежде всего сохранить как «субстрат-носитель». Учитывать такой документ он будет, прежде всего, как особый физический объект. При расчете площадей для будущих поступлений архивист будет исходить из материальной сущности размещаемых в них объектов. Вместе с тем при создании, например, полнотекстовых баз данных приоритет имеет их идеальное, содержательное (или, как иногда говорят, «образующие содержание смыслы»), значение. При создании, например, традиционного НСА — каталогов или описей — имеет значение и то и другое в равной мере.

Представляется интересными и в целом не противоречивыми рассуждения некоторых авторов о трех типах информации, основанных на способах их существования — семантической, биологической, машинной информации, хотя последний термин и вызывает сомнение (например, почему не технотронной?). И все же такое широкое определение информации, с одной стороны, вызывает возражение объединением информации как продукта человеческого духа и информации биологической — божественной или природной; с другой стороны, включение в понятие информации физической (машинной) информации также кажется спорным. Все же речь должна идти об информации, так или иначе создаваемой человеком, имеющей определенную социальную значимость. В этом смысле дым костра, который в древности специально предупреждал о приближении неприятеля, можно считать информацией в отличие, например, от дыма горящего леса.

Иначе говоря, широкая философская трактовка информации нивелирует феноменальное выражение ее смысла в коммуникабельной знаковой форме и в ее документальном выражении. В этом ракурсе смысл информации заключается еще и в документировании. Сегодня полет на самолете человека вызывает создание не менее пяти документов, таких как билет, две бирки на ручной и багажной клади, наклейку на ручную кладь службы безопасности, посадоч-

ный талон. Эти документы представляют собой не просто знаковую и различимую форму и играют коммуникативную роль, но имеют и доказательное значение. Записи видеокамер на улицах, в подъездах, в офисах — почти везде несут не просто информацию, они документируют происходящее. Философия информации без понимания целеполагания ее возникновения выглядит излишне абстрактной для прикладных наук, имеющих дело с информацией. Иначе говоря, при широком философском толковании информации мы не сможем понять разницы, например, между личным письмом рядового гражданина и записью в книге регистрации гражданского состояния о его рождении или смерти. Между тем в практической жизни это различие имеет колоссальное значение.

С учетом сказанного автор склонен все же сосредоточить свое внимание не на философии информации, а на прикладных исследованиях, изучающих определенные информационные коммуникации и определенные типы информации. В практическом смысле это могло бы обозначать создание теории «жизни» документа. Теория «жизни» документа могла бы дать ответы на интересные вопросы о том, как и почему зарождается информация, как она фиксируется, как функционирует в различных системах, почему частично сознательно утилизируется, почему спустя столетия оказывается востребованной и как, в конце концов, становится источником самопознания обществом самого себя в исторической ретроспективе.

Выше, в дефиниции документа, мы говорили о том, что такая информация должна представлять собой не просто сообщение, нередко являющееся бессмысленным, а *структурированное сообщение*. Под структурированным сообщением документа мы понимаем изначально определенным образом упорядоченную автором документа информацию, имеющую определенный смысл и значение для его деятельности и для деятельности ее получателя. Иначе говоря, информация в виде структурированного сообщения должна быть понятна не только ее создателю, но распознаваться ее получателем, а в более широком смысле — любым, кто ею хочет и может воспользоваться.

2.5. Архивоведческо-источниковедческий смысл понятия «текст документа»

В современной литературе, когда говорят о реконструкции прошлого, нередко понятие «текст» вытесняет понятие «источник». Например, И. Н. Данилевский сочувственно цитирует Ю. М. Лотмана: «Историк обречен иметь дело с текстами. Между событием «как оно произошло» и историком стоит текст, и это коренным об-

разом меняет научную ситуацию»¹. С таким заключением можно лишь частично согласиться, осознавая его опасные последствия. Между событием и историком на самом деле стоит, если речь идет об архивоведении или о документальном источниковедении, документ. А он, как известно из сказанного выше, представляет собой не просто текст, но и еще носитель и способ фиксации текста, имеющие подчас важнейшее значение для толкования текста. Даже тогда, когда такой текст обнародован, правила археографии требуют обязательной характеристики его носителя. Но самое главное, это далеко не всегда просто текст, создающийся для историка, а преимущественно текст, возникающий в процессе организации человеческой жизнедеятельности.

Невозможно отрицать, что текст — важнейшая составная часть документального источника. В этом смысле можно согласиться с дефиницией текста, данной Данилевским: «любое высказывание, выраженное в языковой форме», которая подразумевает, во-первых, что язык — это «любая система кодировки информации», а сама информация — это «любое сообщение, которое может быть переведено (перекодировано) на метаязык современной исторической науки»². Отметим два важных исключения. Во-первых, определение Данилевского — это фактически широкое определение документа, которое мы разобрали выше. Во-вторых, определение Данилевского делает «текстом» и носитель документа, т. е. лишает функционального своеобразия даже традиционное узкое понимание документа. Однако такое определение вполне соответствует нашему толкованию документа, становящемуся документальным источником, поскольку оно включает в себя тексты не только письменных, но и аудиовизуальных документов. Таким образом, архивно-источниковедческое понимание текста документа означает, что это — сообщение, зафиксированное любым способом кодировки информации, способное быть переведенным (перекодированным) на метаязык.

Текст письменного документального источника — это текст документа, информация которого зафиксирована различными способами письма: ручным, машинописным, типографским, с помощью ксерокса, принтера и др. Любой такой текст требует его правильного понимания, прежде всего используемой в нем терминологии. Например, в различных документах первых лет советской власти встречается термин «убежище». Его современное употребление означает «укрытие», «безопасное место». Однако его употребление в контексте текстов других документов тех лет говорит о том, что он обозначал социальные учреждения — дома престарелых или инвалидов.

¹ Данилевский И. Н. Историческая текстология. С. 332

² Там же. С. 39.

Текст аудиодокумента близок по своим параметрам к тексту письменного. Во-первых, в советское время он, как правило, представлял собой всего лишь озвученный текст письменного документа. Во-вторых, как речевое произведение, он передает в первую очередь слово, закодированное не письмом, а звуком. Кажется, на этом и заканчивается сходство двух форм человеческой коммуникации. Различий между ними также не менее двух. Во-первых, текст аудиодокумента способен передавать звук — от гудка паровоза или пения птиц до различных шумов и музыкальных произведений. Во-вторых, такой документ может дополнить информацию воспроизводимого письменного источника через интонации, изменение громкости голоса и тем самым придать письменному документу особое эмоциональное состояние. В этом смысле, например, печатное сообщение ТАСС о полете Ю. А. Гагарина воспринимается менее значимо, чем то же сообщение, прочитанное по радио Ю. Б. Левитаном. Наличие в аудиодокументе особого интонационного фона составляет его второе отличие от письменного документа.

Архивная и археографическая практика последних десятилетий свидетельствует о том, что перевод речевых документов в письменные тексты характерен для документов «устной истории». Большой опыт в 1980-е гг. в этом отношении был накоплен РГАНТД¹, сотрудники которого активно начали вводить в научный оборот сделанные фонозаписи в форме их типографских публикаций. Однако интонационные и эмоциональные особенности речевых текстов в таких публикациях не указываются². Иначе говоря, в результате устная речь серьезно искажается за счет утраты тональности, темпа речи.

Тексты визуальных документов, представленных кино-, фото-, видео-, изобразительными документами (КФВИД) имеют свою специфику. Правда, иногда эта специфика при более внимательном рассмотрении является набором обычных свойств документов, например, письменных. Говорят, например, об «элементах уникальности и неповторимости информации» фотодокументов, особенности их эстетических «свойств», роли монтажа «при интерпретации реальных событий и фактов» в кинодокументах, «эмоциональной насыщенности кинофотодокументов». Так, В. М. Магидов выделяет девять специфических черт фотодокументов и не менее пяти — кинодокументов. Однако их большая часть — «образное представление события», «разнообразие информации», «широкая доступность», возможность «фальсификации событий», фиксация жизни «в ее наименее контро-

¹ РГАНТД — Российский государственный архив научно-технической документации.

² «Были трудности и у Гагарина». Фонозаписи воспоминаний современников. 1983 г. Публикацию подготовили А. И. Хамидулин и О. Н. Чернышева // Исторический архив. 1999. № 4. С. 45.

лируемых и наиболее неосознанных моментах, доступных только глазу камеры», монтаж как «установление осмысленной последовательности кадров»¹ — никак не является специфической, чем-либо отличающейся от документов с письменными и аудиотекстами.

Названные признаки «специфики» визуальных документов можно легко обнаружить в письменных, где мы встретим и образное представление событий, и фальсификации, и придирчивое редактирование текста, не отличающееся ничем от монтажа и т. д. Что же касается фиксации «наименее контролируемых и наиболее неосознанных моментов», то во многих случаях визуальный источник не может по этой части соперничать с дневниками, мемуарами, тайными аудиозаписями.

Если, например, посмотреть на фотографию как на особый вид документов, можно заметить, что в ней обнаруживается немало общего с другими видами документов, в том числе с письменными документами, прежде всего, если все их мы будем рассматривать с позиций эволюции носителя и способа фиксации информации. Фотодокументирование на данный момент, как и письменное документирование прошло три стадии своего развития — от элитарного документирования через массовое, а теперь, в эпоху цифровой фотографии, — ко всеобщему фотодокументированию. Этот процесс имеет две противоречивые стороны. С одной стороны, всеобщее фотодокументирование теперь способно зафиксировать многое из того, что было не под силу элитарному и даже массовому документированию — от природных и техногенных катастроф до нахождения человека в экстремальной ситуации. С другой стороны, хорошо известна необъяснимая закономерность, согласно которой чем более массовым является документ, тем меньше у него шансов быть сохраненным.

Как и письменный документ, по происхождению фотодокумент может быть отнесен к одному из двух классов — официального или неофициального документирования — со всеми вытекающими из этого последствиями определения его значения как документального исторического источника. При небольшом напряжении воображения и мысли мы можем обнаружить и фотодокументы сакрального класса документов. К ним, например, можно отнести фотопортреты признанных Церковью святых, являющиеся для верующих носителями особого смысла их поступков и веры. Для некоторых религиозных течений сакральными становятся фотокопии текстовых документов, например, метрических книг.

Тогда в чем же отличие фотодокумента, например, от документа письменного? Вопрос банальный, банален и ответ на него: фотодокумент содержит не письменную или звуковую, а зрительную или

¹ Источниковедение новейшей истории России. М., 2004. С. 215—221.

ных технологических процессов. Наконец восьмая функция — фиксация состояния макро- и микромира.

Как видим, по большому счету, за небольшим исключением, нет принципиальной разницы между функциональной заданностью фотодокумента и письменного документа. Более того, во многих случаях они не могут существовать друг без друга, а фотодокумент часто является носителем еще и письменного документа в виде его авторского заголовка на обороте фотографии. Например, некоторые отчеты о научной работе не могут существовать без сопутствующих письменным документам фотодокументов, и наоборот.

Рассмотренные особенности в принципе характерны и для текстов других видов визуальных документов.

Таким образом, с одной стороны, в функциональном отношении визуальный документ ничем не отличается от письменного документа. С другой стороны, визуальный документ представляет нам зрительную информацию нередко не только первого (основного), но и второго (случайного) плана. Такую зрительную информацию можно классифицировать на портретную, видовую, событийную, ситуационную, предметную и смешанную (комбинированную).

Эта зрительная информация обладает почти абсолютным соответствием с фиксируемым объектом, тем более, когда речь идет о трехмерном изображении, и в этом смысле по своей точности превосходит любое письменное или звуковое его описание. Например, словесные портреты разыскиваемых службами безопасности и охраны порядка людей всегда уступают их индивидуальным фотопортретам. Любое письменное или аудиоописание события в своем общем плане уступит его визуальной фиксации. Однако благодаря методу комбинации «прочтение» текстов письменного, аудио- и визуального источника, касающегося одного и того же предмета или события, дает наибольший познавательный эффект только при их перекрестном совместном анализе.

Специфику текстов визуальных документов, на наш взгляд, можно свести к нескольким особенностям. Во-первых, они дают зрительную информацию, т. е. объект фиксации представляют не в форме его письменного или устного описания, а изображения с высочайшей степенью аутентичности такого изображения по отношению к реальному объекту. Если в тексте письменного или аудиодокумента часть информации объекта приходится домысливать, то в визуальном она представлена со всей полнотой. Во-вторых, текст визуального документа фиксирует изображение объекта синхронно в определенный момент его бытования, тогда как письменный документ такую фиксацию осуществляет с разной степенью замедления, что снижает его достоверность из-за особенности человеческой памяти забывать. В-третьих, текст визуального документа, прежде всего КФВИД, способен синхронно с объектом фиксировать

его изменение во времени и пространстве, представляя прошедшее в его реальном движении, что не под силу большинству документов с письменным текстом. В-четвертых, КФВИД способны включать не только визуальные, но и письменные и аудиотексты, обеспечивая их оперативную взаимодополняемость. Наконец, стоит упомянуть, что КФВИД являются продуктом сложных технических устройств и технологий. Это создает особые угрозы их утраты или искажения текстов, а также затрудняет их воспроизведение при использовании. Во всем остальном визуальные документы мало чем отличаются, с точки зрения их анализа, от документов с письменными и звуковыми текстами. При их создании также откладывается большой комплекс черновых съемок и записей, важных для источниковедческого анализа. Мы видим и здесь субъективизм отбора объектов фиксации или выбора их ракурсов, неизбежно отражающегося на достоверности. Как и в случае с письменными и звуковыми документами, здесь есть свой редактор — режиссер или сам автор такого источника.

Если аудиодокумент фактически мало чем отличается от письменного документа, то визуальный документ может фиксировать специально заданную и стихийно сложившуюся картину происходящего, причем с такими его приметам, которые не под силу запомнить письменному документу. При этом визуальный документ способен, как и письменный, фиксировать происходящее как в образной, художественной форме, т. е. быть произведением искусства, так и повседневную жизнь в ее реальных проявлениях и без каких-либо претензий на «художественность».

Текст визуального источника может быть представлен: а) только изображением (фотография, кино, видео); б) изображением и письменным текстом (фотография с ее пояснением на обороте, кино и видео с титрами); в) изображением с закадровым текстом диктора или голосами участников съемки. Иначе говоря, в визуальном документе визуальный текст может сопровождаться письменным и (или) аудиотекстами, а может существовать исключительно как визуальный текст.

Таким образом, структурированная информация документа может быть представлена: а) в виде традиционного письменного структурированного сообщения; б) в виде звукового структурированного сообщения, зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств; в) в виде изобразительного (визуального), включая кино, фото, видео структурированного сообщения, зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств; г) в виде визуально-звукового структурированного сообщения, также зафиксированного особыми способами с помощью специальных технических средств высокой сложности; д) в виде особой системы функционирования письмен-

ного, звукового, визуального, визуально-звукового структурированного сообщения и их комбинаций в электронной среде.

Иначе говоря, любое структурированное сообщение документа в любом его виде — это *его текст*, т. е. связанная последовательность определенным образом организованных видимых и не видимых глазом знаков, обозначающих некий смысл документа. Поэтому в дальнейшем, рассуждая о структурированных сообщениях как текстах документов, мы будем иметь в виду и традиционный текст документа и тексты документов, созданных с помощью современных технических средств.

2.6. Структура документа

Современная нормативная база управления документами исходит из того, что любой документ включает информацию регулятивного характера и информацию о самом документе. Последняя составляет формуляр документа как совокупность его отдельных элементов — реквизитов, располагаемых в определенном порядке. В современном документировании с учетом электронного документирования насчитывается до 30 реквизитов. С точки зрения задач нашей книги, такая система рассмотрения документной информации не совсем подходит. Во-первых, она распространяется только на документы официального происхождения и не касается документов личного происхождения. Во-вторых, сам формуляр и его реквизиты рассматриваются исключительно как элементы право-способности документа. Для архивоведения и документального источниковедения важна прежде всего познавательная сущность документа как исторического источника. Поэтому любой документ рассматривается ими как содержащий основные и дополнительные, в том числе этикетные, структурированные сообщения.

К числу **основных структурированных сообщений** текста документа относятся: собственно основное структурированное сообщение, указания автора(ов), адресата(ов), **вида, даты, места** создания документа, его заголовок (аннотация), гриф секретности.

Собственно основное структурированное сообщение документа может быть представлено двумя видами: просто структурированное основное сообщение и сложно структурированное основное сообщение.

Просто структурированное основное сообщение документа отражает однократный и конкретный смысл замысла, намерения, действия автора документа, его состояния. Такое сообщение — это точечная реализация конкретной оперативной функции документа. Например, визитная карточка, паспорт, удостоверение личности, служебный пропуск, другие личные документы содержат **просто**

структурированные сообщения о человеке, выполняя функцию его представления, удостоверения в чем-либо. Приглашение на конференцию, банкет, другие мероприятия является просто структурированным основным сообщением, выполняющим информационную функцию. Поздравление с чем-либо или по поводу чего-либо как просто структурированное основное сообщение отражает коммуникативную функцию данного вида документа. Конкретная протокольная запись с конкретным поручением юридическому или физическому лицу, приказ, содержащий аналогичное поручение в качестве просто структурированных основных сообщений отражают директивную и организационную функции этих видов документов. Примером просто структурированного основного сообщения может быть заявление бывшего члена партии социалистов-революционеров Л. В. Коноплевой в ЦК РКП(б) от 26 февраля 1922 г. о вызове ее на суд: «Прошу Центральный Комитет, в случае предания суду участников боевой террористической борьбы П. С-Р. в 1917—1918 гг. вызвать меня на суд»¹.

Для архивоведения наличие документов с просто структурированными основными сообщениями, унифицированными в результате усилий документоведения, является основанием для выработки критериев выборочного приема на вечное хранение некоторой совокупности таких документов. Перед документальным источниковедением наличие документов с просто структурированными основными сообщениями, унифицированными в пределах их конкретных видов, открывает перспективы статистического анализа таких сообщений для установления конкретных явлений и процессов прошлого.

Сложно структурированное основное сообщение документа представляет собой совокупность просто структурированных основных сообщений, отражающих многоплановость замысла автора документа, в результате которого нередко возникает многоаспектный документ. При этом явно разнятся между собой документы официального происхождения, содержащие сложно структурированные основные сообщения, и документы личного и сакрального происхождения с аналогичными сообщениями.

Документы официального происхождения со сложно структурированными основными сообщениями разнообразны и представлены многочисленными видами. Например, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., современные Уголовный кодекс, Трудовой кодекс являются документами со сложно структурированными основными сообщениями, отражая их законодательно-упорядочи-

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002. С. 176.

структурированные сообщения о человеке, выполняя функцию его представления, удостоверения в чем-либо. Приглашение на конференцию, банкет, другие мероприятия является просто структурированным основным сообщением, выполняющим информационную функцию. Поздравление с чем-либо или по поводу чего-либо как просто структурированное основное сообщение отражает коммуникативную функцию данного вида документа. Конкретная протокольная запись с конкретным поручением юридическому или физическому лицу, приказ, содержащий аналогичное поручение в качестве просто структурированных основных сообщений отражают директивную и организационную функции этих видов документов. Примером просто структурированного основного сообщения может быть заявление бывшего члена партии социалистов-революционеров Л. В. Коноплевой в ЦК РКП(б) от 26 февраля 1922 г. о вызове ее на суд: «Прошу Центральный Комитет, в случае предания суду участников боевой террористической борьбы П. С-Р. в 1917—1918 гг. вызвать меня на суд»¹.

Для архивоведения наличие документов с просто структурированными основными сообщениями, унифицированными в результате усилий документоведения, является основанием для выработки критериев выборочного приема на вечное хранение некоторой совокупности таких документов. Перед документальным источниковедением наличие документов с просто структурированными основными сообщениями, унифицированными в пределах их конкретных видов, открывает перспективы статистического анализа таких сообщений для установления конкретных явлений и процессов прошлого.

Сложно структурированное основное сообщение документа представляет собой совокупность просто структурированных основных сообщений, отражающих многоплановость замысла автора документа, в результате которого нередко возникает многоаспектный документ. При этом явно разнятся между собой документы официального происхождения, содержащие сложно структурированные основные сообщения, и документы личного и сакрального происхождения с аналогичными сообщениями.

Документы официального происхождения со сложно структурированными основными сообщениями разнообразны и представлены многочисленными видами. Например, Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное уложение 1649 г., современные Уголовный кодекс, Трудовой кодекс являются документами со сложно структурированными основными сообщениями, отражая их законодательно-упорядочи-

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. М., 2002. С. 176.

вающую функцию. Документами со сложно структурированными основными сообщениями являются прогнозы, планы, отчеты, казы по основной деятельности организаций, протоколы заседаний, на которых рассматриваются блоки вопросов различного характера, документальные фильмы, следственные дела и т. д., иначе говоря, все то, что делает содержание документа многоаспектным, не вписывающимся в трафарет.

Принцип рационализации документирования, являющийся одним из основных в документоведении, признавая необходимость существования документов со сложно структурированными основными сообщениями, предполагает определенную их унификацию. Любопытно, что со временем начинается регулирование формуляра того или иного вида документов, причем не исключено, что впервые такую регуляцию в России начала делать церковь. Московский митрополитий, а затем Патриарший двор, например, пытались это сделать специальными распоряжениями «как писати от святителя наместнику», «как писати отпуская попу в другую епископию», «как писати грамоту игумену»¹. В России, равно как и в других странах, такая унификация на нормативном уровне обозначилась уже со времени петровских реформ и сохраняет свое значение и в наше время.

Для официального документирования Нового и Новейшего времени характерна высокая степень регламентации видов, форм и содержания документов. Так, В. К. Виноградов в статье «Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества»² называет несколько таких документов-регламентов, регулировавших составление информационных сводок о положении в стране. Например, приказом ВЧК от 6 января 1922 г. была утверждена, по словам Виноградова, «очень подробная инструкция со схемами ежедневной и двухнедельных сводок транспортных чрезвычайных комиссий». Несколько ранее, 14 сентября 1921 г. ВЧК утвердила специальную «Инструкцию по госинформации», в которой подробно описывались процедуры сбора, обработки и передачи информации о политической ситуации в регионах.

Регламентный характер носил, например, приказ Генпрокуратуры СССР № 451/47с от 31 июля 1936 г. о порядке ведения протоколов допросов обвиняемых в антисоветской агитации, которым, в частности, предписывалось: «1. Следить и требовать полной точной записи конкретного содержания контрреволюционной агитации и пропаганды обвиняемых в материалах следствия. 2. В тех случаях, когда контрреволюционная деятельность проявлялась в форме

¹ Антонов Д. И., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2007. С. 44—47.

² См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину. Т. 1. Ч. 1. М., 2001. С. 31—73.

распространения всякого рода контрреволюционных измышлений, оскорбительных выражений, нецензурной брани и т. п. по адресу руководителей партии и правительства — в протоколах допросов и других следственных актах должно быть дано описание этой контрреволюционной агитации и пропаганды с передачей характеристики высказанного, не допуская дословной передачи оскорбительных и циничных выражений по адресу руководителей партии и правительства. Цитирование в обвинительных заключениях подлинных контрреволюционных выражений и фраз воспрещается. Обвинительные заключения должны содержать описание действий обвиняемых, общую их квалификацию и ссылку на имеющиеся в деле доказательства»¹. Специальной инструкцией НКВД СССР и Генпрокуратуры СССР от 9 мая 1935 г. регламентировалось формирование следственных дел и документирование заседаний троек НКВД о преступлениях «уголовных и деклассированных элементов»².

Для архивоведения документы со сложно структурированными основными сообщениями ставят по крайней мере два вопроса: их обязательный учет при отборе документов на вечное сохранение (чем более многоаспектен документ, тем больший интерес он представляет для вечного сохранения) и создание эффективной системы поиска их информации. Документальное источниковедение документы со сложно структурированными документальными сообщениями делает либо объектом и предметом специального анализа, либо выделяет и анализирует отдельные структурированные сообщения, имеющие отношение к проблематике конкретного документального источниковедческого исследования. Последний подход характерен, например, для метода контент-анализа документального источника.

За небольшим исключением документы личного происхождения, как правило, содержат сложно структурированные основные сообщения. К ним прежде всего относятся документы творческого характера разных видов и жанров (научные, литературно-художественные произведения и др.), а также письма, дневники, мемуары. Своеобразие сложно структурированных основных сообщений этого класса документов как отражения исключительно мыслительной, духовной жизни человека заключается в свободе фиксации информации и нестандартном, творческом, не ограниченном какими-либо рамками выборе средств и способов ее закрепления на различных носителях.

Для архивоведения и документального источниковедения документы личного происхождения со сложно структурированными сообщениями представляют особый интерес по нескольким причи-

¹ Сталинизм в советской провинции: 1937—1938. М., 2009. С. 256.

² Там же. С. 559—602.

нам. Прежде всего, они могут являться носителями документальных свидетельств прошлого принципиально не отражаемых или по каким-либо причинам не отраженных в документах официального происхождения. Далее: такие документы важны для понимания достоверности или недостоверности других документов, давая возможность сопоставительного анализа их информации. Наконец, благодаря полифоничности и многоаспектности своей информации документы личного происхождения со сложно структурированными основными сообщениями обладают свойством быть самостоятельным документальным историческим источником с часто непредсказуемой востребованностью.

Архивоведение класса документов сакрального происхождения со сложно структурированными сообщениями, носящими преимущественно канонический характер, требуют особых приемов описания, издания и текстологического анализа. Эти приемы разрабатывались в России на протяжении всего XIX в., получив в настоящее время разное методическое обеспечение.

Автор(ы) документа как часть основного структурированного сообщения, является одним из важнейших его идентифицирующих признаков. Без автора с его потребностью что-то сказать посредством документа документ существует только как неопознанная материальная и информационная сущности.

Говоря об *авторе документа официального происхождения*, следует помнить, что в нем автор сигнализирует о своей персональной, личной, коллективной, корпоративной, совместной с кем-либо ответственности за содержание и достоверность документа, с одной стороны, и об иерархии созданного документа и его автора в системе администрирования — с другой. Это выражается, например, в указании фамилии, имени, отчества автора документа и в его интуляции, т. е. титуловании.

В России, как и в европейских странах, до 1917 г. интуляции в официальном документе придавалось особое знаковое значение. Оно демонстрировало государственный, общественный, сословный статус автора и было своего рода особым сигналом для адресата.

В советский период существования официального документа мы обнаруживаем на протяжении не одного года явно неустоявшееся титулование его автора, разумеется, за исключением фамилии. Со временем, однако, оно вошло в русло строгого указания должности (партийной, государственной, общественной) характеристики автора документа.

В российской практике официального и неофициального документирования были нередкими случаи, когда автором документа выступало не одно, а несколько юридических или физических лиц.

Если в досоветское время формула типа «Царь указал, а бояре приговорили» в решении Боярской думы или резолюция императора

на различных «всепоподданейших докладах» типа «Быть по сему» еще кажутся спорными в отношении понимания авторов соответствующих документов, то в советское время коллективное авторство официального документа стало явлением очень распространенным. В официальном документировании советского времени стали популярными в особо важных случаях, например, совместные постановления, циркулярные письма советских, исполнительных, контрольных, надзорных, судебных, партийных органов. Примером коллективного авторства может считаться инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным, советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры от 8 мая 1933 г. «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения»¹, подписанная В. М. Молотовым и И. В. Сталиным, или совместное циркулярное письмо Генпрокуратуры СССР, Верховного Суда СССР, НКВД СССР «О проведении постановления ЦИК СССР и Совнаркома Союза СССР от 16 января 1936 г. «О проверке дел лиц, осужденных по постановлению ЦИК и Совнаркома Союза СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»»².

Такое коллективное авторство официальных документов является одним из показателей неразвитости государственного устройства и управления. В условиях реального разделения ветвей власти не существует никакой необходимости создания документов с коллективным авторством — каждый представитель соответствующей ветви обладает необходимыми полномочиями в создании соответствующего документа. Вместе с тем были и существуют реальные обстоятельства, которые в официальном документировании требуют для решения практических задач создания документов с коллективным авторством, как правило, выполняющих распорядительно-координирующую функцию в пересекающихся и частично совпадающих сферах деятельности разных ведомств.

Политическая целесообразность порой диктовала своеобразную вариативность коллективного авторства. Например, Н. Н. Покровский установил, что, учитывая национальность Л. Д. Троцкого, часть документов, связанных с антирелигиозной кампанией и изъятием церковных ценностей, подписывалась М. И. Калининым. От его же имени давались интервью, написанные Троцким³.

Однако нередко коллективное авторство того или иного документа приобретало совершенно иной характер. Речь идет о доку-

¹ Сталинизм в советской провинции. С. 175—179.

² Там же. С. 654.

³ Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 99—100.

ментах, представляющих изначально и по определению результат публичного или не публичного коллективного рассмотрения тех или иных вопросов в рамках нормативной или не нормативной заданности такого обсуждения. В этих случаях коллективное авторство формально выступает как общее коллективное авторство, а реально — как авторство большинства. Политбюро ЦК РКП(б) 21 апреля 1923 г. рассматривало предложения заместителя председателя ГПУ И. С. Уншлихта о смягчении режима содержания в тюрьме осужденных эсеров. Уншлихт предлагал разрешить им: 1) «длительную прогулку»; 2) возможность общения; 3) «учащение свиданий» с людьми находящимися на свободе. Политбюро большинством членов признало возможным удовлетворить первое и третье предложения Уншлихта, и это стало официальным коллективным решением коллективного автора — Политбюро. Однако на самом деле это было решение лишь большинства. Подлинный лист голосования по этому вопросу зафиксировал: «тов. Зиновьев — голосую за удовлетворение требований № 1 и 3, ибо иначе придется уступить через несколько дней, тов. Каменев — за удовлетворение немедленное № 1 и 3, тт. Троцкий, Молотов — согласны (по 1 и 3 пунктам. — В. К.), тов. Томский — за удовлетворение требования № 1, тт. Сталин и Рыков — за предложение ГПУ»¹.

Следует иметь в виду, что некоторые виды документов уже по определению формально и неформально могут быть результатом только коллективного творчества, например, нормативные акты, хотя индивидуальное начало в них, особенно в первые годы советской власти, может присутствовать очень сильно. В 1924 г. Политбюро несколько раз рассматривало ситуацию с бывшими помещичьими хозяйствами: 15 мая, 12 июня, 11 и 24 декабря². Непосредственно вопросы к заседаниям готовила Центральная контрольная комиссия (ЦКК) ЦК РКП(б), от лица которой первоначально и предполагалось издать соответствующее постановление. Два его варианта были разработаны Н. К. Крупской и А. П. Смирновым. Принципиальных расхождений между ними не было. Оба констатировали «массовое возвращение прежних помещиков» в ранее принадлежавшие им имения и их внедрение в местные земельные органы советской власти. Под давлением ЦКК Наркомзем³ России уже 21 января 1924 г. издал секретный циркуляр «Об удалении из земорганов бывших помещиков» с одновременным изъятием в свое ведение ряда крупных бывших помещичьих имений.

Кроме того, в официальном документировании за формальным автором документа чаще всего стоит автор реальный — так называе-

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 378.

² Политбюро ЦК ВКП(б): повестки дня заседаний: 1919—1952 : каталог. Т. 1: 1919—1929. М., 2000. С. 295, 299, 345, 348.

³ Наркомзем — Народный комиссариат земледелия.

мый исполнитель документа, фамилия которого может указываться и не указываться в документе. Для архивоведения и документально-источниковедения это имеет определенное значение, поскольку личность исполнителя так или иначе воздействует на концептуальную заданность создаваемого документа.

В классе документов неофициального происхождения автор документа всегда выступает как субъект, персонифицирующий себя в определенном сообществе, в определенной сфере деятельности. Каждый документ неофициального происхождения отражает не только правила, стандарты, традиции, но и индивидуальность его автора, а также время. Письмо в «Крестьянскую газету» 27 февраля 1928 г. крестьянин слободы Коренной Богучарского уезда Воронежской губернии подписал не просто своей фамилией. Для придания большей убедительности своему сообщению он его дополнил: «Писал революционер, активно боровшийся в революции 1905 г. и 1917 г., Подобашов Никифор Михайлович, занесенный в исторический музей города Воронежа, из слободы Коренной, Богучарского уезда, почта Манино»¹. Или другое письмо крестьянина Г. И. Прокудина, отрекомендовавшего себя «Крестьянской газете»: «Борец партизана за Советскую власть, сын бедняка переносил большие тиранства от белых колчаковских опричников»². Ему переписал письмо крестьянина из деревни Татырино Изюмской волости Невельского уезда Псковской губернии в «Крестьянскую газету», написанное в дни 10-летия Октябрьского переворота, и на фоне гонений на церковь демонстративно подписанное: «В том подписуюсь член группы верующих Степан Андреев Шлапаков»³.

Это желание выделиться, персонифицировать самого себя как автора документа не просто подписью-фамилией, но подписью-авторской характеристикой остается выдающимся признаком документа неофициального происхождения, особенно первых лет Советской власти. Впрочем, нередко такие авторские подписи напоминают подписи под протоколами допросов того же времени. Свою статью для той же «Крестьянской газеты» о материальном положении участника гражданской войны бывший красноармеец крестьянин станицы Кореновской Кубанского округа Северо-Кавказского края Я. Диконенко для пущей убедительности подписывает не просто фамилией, но и придает своему авторству юридический смысл: «В чем подписуюсь...»⁴. Независимо от него крестьянин П. И. Бажин из деревни Старые Копки Вятской губернии подписывается: «С подлин-

¹ Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М., 1998. С. 19.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 40.

ным верно, что и расписуюсь. Бажин Прокопий Иванович»¹. «Очень виден факт» И. Чугин в своем письме в «Крестьянскую газету» в 1924 г. рассказал о жизни отходника². «Я гражданин Федор Зотеевич Дубровин», — подписывает свое письмо в «Крестьянскую газету» 25 апреля 1927 г. крестьянин из Алтайской губернии³. Вместе с тем нередки традиционные случаи скрыть авторство, например, писем в газету «Беднота» под псевдонимами типа «Свой», «Крестьянин», «Беспартийный крестьянин», «Гражданин свободной мысли»⁴.

Время идет и добавляет новые штрихи в авторскую персонафикацию. Борьба нового со старым рождает поток писем в «Крестьянскую газету» с вполне определенными авторскими самохарактеристиками: «Секретарь ячейки РЛКСМ И. М. Гуцев»⁵, «Селькор С. Кугоров. Фамилию прошу обрезать»⁶.

Авторские самохарактеристики, включая выбор псевдонимов, скрывающих авторов документа, являются одним из признаков их отбора на вечное хранение, так как приобретают особое познавательное значение при их использовании в качестве документальных источников. Так или иначе они помогут глубже понять их содержание, в случае анонимности обнаружить намеки на авторов.

В неофициальном документировании в советское время, да и сейчас, популярными были и остаются коллективные обращения, письма рядовых и выдающихся граждан страны, осуждающих или поддерживающих что-либо или кого-либо, выступающих с предложениями. Коллективное авторство документов неофициального происхождения в принципе также сигнализирует о неблагополучии в обществе или в его отдельной сфере жизнедеятельности. Коллективное авторство документов неофициального происхождения отражает слабость закона и силу авторитета — в данном случае некоего коллектива. В советское время это был некий знак, символ организованного коллективного предложения. Не случайно документы неофициального происхождения с коллективным авторством, как правило, преследуя задачу придания им большего авторитета, посвящены проблемным вопросам. Таковы, например, обращение крестьян Гуляевского сельсовета Западной области о положении в деревне в 1927 г.⁷ или письмо рабочих Ижевского завода председателю СНК СССР А. И. Рыкову от 17 августа 1930 г. о голоде⁸.

¹ Голос народа... С. 126.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 80, 120, 229.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Там же. С. 182.

⁷ Там же. С. 313—314.

⁸ Там же. С. 320—321.

Для архивоведения установление автора документа является важнейшей задачей, связанной с преодолением не частых, но все же встречающихся огрех официального документирования в части отсутствия указания на автора документа и подчас сознательных или небрежных авторских лакун документов личного происхождения. Архивоведение использует методы документального источниковедения ради корректного определения познавательной, информационной значимости документа как документального источника, его достоверности. Архивоведение не может признать его анонимность, согласиться с ней. Наличие подписи автора документа указывает на его подлинность, что немаловажно при его анализе как документального источника.

Адресат(ы) документа является объективно необходимой частью его основного структурированного сообщения. Наличие адресата(ов) вытекает из самой природы документа как средства не устной коммуникации. Иначе говоря, если наличие автора документа свидетельствует о том, что кому-то необходимо что-то сказать, то адресат документа означает, что автор знает или полагает необходимым, кому это надо сказать. Именно по этим причинам могут быть персональный и множественный круг адресатов документа.

Персональный адресат характерен как для официального, так и для неофициального документирования. Его наличие свидетельствует о точной адресности основного структурированного сообщения документа, а в ряде случаев — о его особой важности и даже деликатности для адресата. Персональный адресат сигнализирует о меньшей публичности документа, точечном характере его информации и адресной функциональной заданности.

Множественный круг адресатов документа может быть неопределенно множественным либо множественно ограниченным.

Свойством неопределенно большого круга адресатов обладают, например, законы — они касаются жизнедеятельности каждого гражданина соответствующего государства, литературные произведения — круг их читателей всегда неизвестен и непредсказуем, нормативные акты, например, правила дорожного движения, адресованные каждому водителю автомашины и т. д. Свойством неопределенного круга адресатов обладают аудиовизуальные документы, рассчитанные на тиражирование для продажи. Например, в России уже в начале XX в. производство грамзаписей было поставлено на коммерческую основу. Духовные запросы советского общества во второй половине 1960-х — 1980-х гг., а также развитие техники звукозаписи сломали цензурные барьеры и обеспечили не коммерческое, а бытовое неконтролируемое распространение песен В. С. Высоцкого, так называемой бардовской песни. Приблизительно в эти же годы то же самое произошло с литературными, исто-

рическими и публицистическими произведениями А. И. Солженицына, неконтролируемо распространявшимися в многочисленных машинописных копиях по СССР и другим странам мира.

Множественно ограниченный круг адресатов документа регулируется его автором. При этом часть таких адресатов может являться пассивной стороной (документ им направляется «для сведения», простого информирования о действиях автора документа), а другая часть — активной, обязательной в необходимости реагирования на документ. К числу множественно ограниченного круга адресатов официального документа относятся ведомственные циркулярные письма, отдельные приказы по основной деятельности вышестоящей инстанции по подведомственным организациям и др. Например, постановления Политбюро ЦК ВКП(б) — ЦК КПСС очень часто имели такого рода адресатов. Расчет их рассылки персонализировался как по физическим (выборочным), так и по юридическим лицам. Ограниченно множественный круг адресатов имели агентурные и информационные сводки ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Например, агентурная сводка № 8 ГПУ от 9 июня 1922 г. о результатах наблюдения за иностранными защитниками, прибывшими в РСФСР на процесс над эсерами, была адресована восьми лицам, непосредственно связанным с подготовкой процесса: Л. Д. Троцкому, Ф. Э. Дзержинскому, И. С. Уншлихту, И. В. Сталину, Л. Б. Каменеву, В. Р. Менжинскому, Г. Л. Пятакову, М. А. Трилиссеру¹. Показательно, что среди адресатов отсутствует Н. В. Крыленко, непосредственно занимавшийся процессом и конфликтовавший по отдельным нюансам его проведения с членами Политбюро ЦК РКП(б).

Персональная и ограниченно множественная адресация официальных документов есть дозирование доступности их структурированных сообщений. Примечательно, что такое дозирование, сортировка существовала и существует даже внутри документов ограниченного доступа.

Документы личного происхождения в их адресации в своей подавляющей части строго персонифицированы, в исключительных случаях обращаясь к множественно неограниченному или множественно ограниченному кругу адресатов. Случается, что они отражают, с одной стороны, поразительное невежество их авторов, а с другой — удивительные, ныне совершенно утраченные признаки времени. «Москва, Правительству СССР», — пишет письмо 6 апреля 1926 г. бывший солдат П. Ф. Габов из села Плотниково Каменского района Каменского округа Сибирского края по поводу переговоров СССР с Францией о «царских долгах»². «Председателю Верховного Совета Народных Комиссаров Владимиру Ленину» адресует свое

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 271.

² Голос народа ... С. 20.

обращение от 28 июня 1918 г. «товарищ Председателя Орловского совета» Алхимов (на самом деле подпись подделана)¹. «Здравствуй великий предводитель Российского пролетариата тов. Ленин», — обращается к Ленину 25 декабря 1918 г. анонимный автор с письмом антисоветского содержания². «Гражданин Григорий Иванович Петровский!», — с иронией пишет к «всеукраинскому старосте» крестьянин деревни Ново-Николаевка Первомайского округа УССР 19 июня 1928 г. в своем письме об отсутствии «равенства» в стране Советов³. «Достопочтеннейший т/оварищ/ редактор!», — обращается в «Крестьянскую газету» 9 января 1924 г. крестьянин села Чурашево Воскресенской волости Чебоксарского уезда Чувашской автономной области, невообразимо соединяя в адресации прошлое («достопочтеннейший») и современность («товарищ»)⁴. И в то же время строго точная адресация содержится в заявлении некоего Т. Бурцева от 4 июля 1926 г. с просьбой о восстановлении в партии («В ЦК Партии ВКП(б) — тов. Сталину»⁵) или же рабочего Чернореченского завода Богомолова от 14 августа 1929 г. («Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину»⁶).

Для архивоведения адресат(ы) документа становится важным признаком определения сферы действия документа как регулятора человеческой жизнедеятельности, дополнительным показателем, позволяющим прямо или косвенно судить о полезности, ценности и достоверности его структурированных сообщений: чем выше ранг адресата(ов), тем больше оснований считать их достоверными (особые случаи, исключаяющие этот тезис, требуют и особого рассмотрения). Кроме того, установление адресата документа позволяет «выйти» на новые документальные комплексы, так или иначе связанные с реакцией адресата на структурированные сообщения документа.

Самозаголовок (аннотация) основного структурированного сообщения документа является его важным идентифицирующим признаком. Он включает в последовательном порядке прежде всего заголовок документа, содержащий название его вида и его краткое содержание. В документах официального происхождения эти две части элемента формуляра, как правило, строго регламентировались. Востребовались «справки», «докладные записки», «информации», «доклады» о чем-либо, создавались «ведомости», «обзоры», «пояснительные записки» о чем-либо или к чему-либо, утверждались «поста

¹ Голос народа... С. 48.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 195.

⁶ Там же. С. 267.

новления», «решения», «приказы» о порядке реализации чего-либо, «планы», «директивы», «прогнозы» развития чего-либо и предоставлены «отчеты», «сводки» об их промежуточном или окончательном выполнении и т. д., принимались «законы», «указы», регулирующие что-либо. Как говорилось выше, указание в заголовке документа его вида в принципе ориентирует на характер имеющихся в нем документальных свидетельств и, как правило, в документах советской эпохи оно является адекватным. Однако в архивоведческом смысле важным является раскрытие его содержания, т. е. определение сути сообщений документа, даваемое его автором.

В официальном документировании заголовков может быть простым, включая, например, только название вида документа (протокол, циркулярное письмо, предписание и др.), стандартным, раскрывающим определенный род или вид деятельности (финансовый отчет и т. д.), сложносоставным, включающим краткое содержание документа, субъект и объект его действия, и произвольным, продиктованным конкретным интересом, вкусом автора.

Во многих случаях самозаголовков документа, относящегося к любому классу документов, представляет собой попытку его автора обозначить наиболее важное, существенное в основном структурированном сообщении. Чаще всего он носит стандартный характер, иногда выходит за его пределы. Однако в любом случае в нем просматриваются элементы концептуальной заданности, всегда существующей при создании документа. Поэтому для архивоведения самозаголовков документа приобретает самостоятельное познавательное значение. Он прямо или косвенно свидетельствует о степени беспристрастия или пристрастия его автора в основном сообщении документа и ориентирует исследователя в установлении его достоверности как исторического источника.

В неофициальном документировании диапазон авторской фантазии в составлении заголовка, особенно когда речь идет о литературных произведениях, бесконечен, хотя и подчиняется общему творческому замыслу. Однако и здесь имеются элементы нормативной традиции, связанные, например, с жанровыми особенностями того или иного творческого произведения. Мемуары невозможно назвать дневником, рассказ не может быть назван романом, и наоборот. В то же время и для заголовков такого рода жанрово определенных документов нередко характерно наличие уточняющих элементов, в основном литературно-художественного характера.

Еще одним элементом основного структурированного сообщения документа является гриф секретности, имевший в разные времена разные степени ограничения его доступности в процессе оперативного бытования: «Не для печати», «Для служебного пользования», «Секретно», «Совершенно секретно», «Особой важности», «Особая папка». Такие грифы нередко сопровождалась нумерацией

экземпляров документов и указаниями на их особое сохранение или уничтожение после прочтения, а также присутствием на оригинале документа или его отпуске-копии расчета рассылки — адресатов документа.

На первый взгляд, этот элемент документа кажется мало значимым. Однако на самом деле грифы секретности имеют важные познавательные показания. Например, грифованные документы, носящие директивный характер, как правило, рождали ответный пучок документов с аналогичными грифами секретности. Такой элемент формуляра документа позволяет определить степень известности документа в период его оперативного бытования, установить комплексы рожденных им документальных источников, в том числе с непогашенными грифами секретности. Например, в публикации «Реабилитация: как это было»¹ вопреки нормативным требованиям и общепринятой практике отсутствуют указания на грифы секретности публикуемых рассекреченных документов. Для того чтобы продемонстрировать, насколько важны такие указания в документальной публикации академического типа, приведем всего лишь один пример из этой публикации. В ее первом томе опубликовано «Постановление Президиума ЦК КПСС «Об амнистии»». В нем говорилось: «1. Одобрить внесенный МВД СССР тов. Берия прилагаемый проект Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, разработанный с участием Министерства юстиции СССР и Генерального прокурора СССР. 2. Указ опубликовать в газетах за 28 марта 1953 г.»².

Знающий читатель, конечно, поймет, что в делопроизводстве ЦК КПСС этому решению был обязательно присвоен какой-то гриф секретности. Документ номер три, опубликованный в сборнике как Приказ Министра Внутренних дел СССР, Министра Юстиции СССР и Генерального прокурора СССР «О порядке исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии»» вызывает принципиальный для его понимания вопрос — кому был известен этот приказ: всему народу СССР, компетентным лицам, допущенным к государственной тайне, или лицам, бывшим только его непосредственными исполнителями. Публикация «Реабилитация: как это было», проигнорировав указание на грифы секретности публикуемых документов, лишила ее пользователей понимания характера бытования этих документов в реальной действительности 1950-х гг.

В состав дополнительных структурированных сообщений документа, в том числе этикетных, входят (далеко не всегда в обяза-

¹ Реабилитация: как это было: март 1953 — февраль 1956 : документы. Т. 1. М., 2000.

² Там же. С. 2.

тельном порядке) такие его части, как регистрационные показания, художественное и иное (например, для кинодокументов — указание на производителя пленки, для звуковых документов — организацию, осуществлявшую тиражирование и т. д.) оформление документа, включая электронный, бланк, печать, форму представления его сообщений (таблица, график, схема и др.), угловой штамп, эмблему, фирменный знак. Иногда дополнительные элементы текста предлагают называть «метаинформационными сообщениями».

Дополнительные, в том числе этикетные, структурированные сообщения документа для класса документов официального происхождения являются обязательными или почти обязательными, тогда как для класса документов личного происхождения присуща их высокая степень неустойчивости, необязательности, произвольного набора. В последнем случае все зависит от общей культуры их авторов, характеров, обстоятельств создания документов.

Все элементы дополнительного структурированного сообщения документа сигнализируют, во-первых, об иерархии данного вида документа в среде других документов, во-вторых, о правоспособности такого документа. Они в архивоведении и документальном источниковедении играют важную роль в установлении подлинности документального источника.

И основные, и дополнительные структурированные сообщения документа со временем обретают свойство неопознаваемости. В результате этого некоторые структурированные сообщения документа, понятные во время его оперативного бытования в качестве регулятора человеческой жизнедеятельности, превращаются в неопознанные пробелы, которые с позиций архивоведения, археографии и документального источниковедения подлежат обязательной ликвидации, т. е. распознаванию.

2.7. Формуляр документа

Основные и дополнительные сообщения документа в той или иной форме структурируются в формуляр документа. В широком смысле анализ формуляра документа показывает его развитие во времени как регулятора жизнедеятельности человека, общества, государства и как особого социального феномена, отражающего административные, культурные, технические и иные процессы. В этом смысле документ является продуктом определенного времени, которое диктует ему особенности формы и запоминания его содержания.

В советскую эпоху мы наблюдаем не менее трех способов формирования формуляра документа. Первый — подражательный в оформлении бланка документа его дореволюционным образцам

с модернизацией их отдельных элементов. Второй — экспериментально-произвольный — представлял собой попытки отразить в формуляре документа революционные и социалистические установки и ценности. Третий — организационно-установочный — регулировал элементы формуляра документа через их стандартизацию и унификацию в рамках деятельности определенного ведомства или определенной системы документации. В конечном счете он получил наибольшее распространение и рассматривался как важный инструмент повышения эффективности принятия и реализации управленческих решений.

Визуальные свидетельства бланка документа, как правило, представлены гербом, эмблемой учреждения-автора, угловым штампом в их разных сочетаниях. В разных сочетаниях бланк документа официального происхождения содержит письменные свидетельства: девизы, наименование учреждения-автора документа и (или) его структурной части, его исходящий (регистрационный) номер, дату регистрации, подпись уполномоченного лица и др. Визуальные и письменные свидетельства бланка документа являются относительно постоянными, а потому оформлялись типографским или штемпельным способами.

Заполненный бланк официального документа является носителем свидетельств, удостоверяющих его подлинность, авторство, время создания. Прежде всего поэтому они важны в архивоведческом знании и источниковедческом анализе документальных источников официального происхождения.

В архивоведческом и источниковедческом смысле анализ формуляра документа имеет тройное значение. Во-первых, он сигнализирует о познавательных возможностях документа с тем или иным формуляром. Например, название вида документа и его самозаголовков ориентируют в содержании документа, т. е. в возможности обнаружения в нем определенных свидетельств. Во-вторых, он открывает возможности установить отсутствующие элементы конкретного документа, например, определить автора, адресата, дату создания. В-третьих, элементы формуляра могут указывать на подлинность или подложность документа.

Документальные источники личного происхождения в своем подавляющем большинстве не имеют устойчивых формуляров, тем более в типографской бланковой форме. В СССР право на такой бланк с типографскими набором фамилии, имени, отчества, должности или звания имели лишь высокопоставленные лица. В большинстве случаев бланки таких документов включают их названия и обладателей. Однако это не исключает в архивоведении необходимости их источниковедческого анализа, в том числе, когда автор документа неизвестен либо сознательно является анонимным или скрывается под псевдонимом. Кроме того, некоторые виды доку-

ментов неофициального происхождения с письменными текстами часто почти в обязательном порядке предусматривали сопровождение в виде визуальных текстов, например, сатирических рисунков, и наоборот. Иначе говоря, и в документах личного происхождения обнаруживаются некоторые особые элементы бланка, имеющие для архивоведения свое значение при их источниковедческом анализе.

2.8. Форма документа

Применительно к теме нашей книги важно подчеркнуть, что документная информация может существовать только как структурированное сообщение или их совокупность. Если носитель документа определяет его внешнюю форму, т. е. восприятие текста как письменного, звукового или визуального, то характер структурированного сообщения образует его внутреннюю форму, т. е. содержание. Для архивоведения важно, что внешняя форма документа позволяет подвергать его внешней критике, тогда как внутренняя форма служит основанием для внутренней критики, т. е. определения значимости документной информации в качестве носителя свидетельств о прошлом.

Внешняя и внутренняя формы документа, особенно Новейшего времени, находятся в сложных взаимодействиях. Во-первых, некоторые из документов не могут бытовать друг без друга, как, например, паспорт, существующий как единство визуального и письменного документов. Во-вторых, внутренняя форма документа может приобретать новую внешнюю форму. Например, стенограмма в визуальной или звуковой форме при определенных обстоятельствах может быть переведена в письменную форму. Внутренняя форма нематериальных исторических источников в большинстве случаев преобразуется во внешнюю форму аудиовизуальных в виде аудиовидеокинозаписей, изобразительных документов, например, рисунков, письменных документов, например, записей частушек, народных песен, слухов и др. В-третьих, внешняя форма документального источника нередко более консервативна, сохраняет свои традиционные признаки во времени дольше, чем внутренняя форма и содержание документального источника. Например, сакральный класс документов имеет высокую степень неизменности содержания и формы. Со временем возникают целые системы документации официального происхождения, в которых содержание и формы документов строго регламентируются. Класс документов неофициального происхождения, с точки зрения их содержания и формы, если и не обладает большим разнообразием форм своего бытования, то не менее консервативен в своей зависимости этой формы от содержания.

2.9. Вид документа

Любое основное структурированное сообщение документа претендует на особость. Однотипный характер таких структурированных сообщений, связанный с однотипностью разрешения различных ситуаций человеческой жизнедеятельности, рано или поздно вызывает необходимость их обобщенной персонификации, когда выполняемая документом функция из единичной перерастает в массовую, общераспространенную. Обобщающее обозначение распространенной и специальной, не совпадающей с другими, функции документа и образует его особый вид. Когда этот вид конституируется традицией или специальным нормативом, он приобретает способность аккумулировать определенную информацию и упорядочивать ее. Таким образом, вид документа, говоря словами О. М. Медушевской, «возникает... не в силу подражания, а в силу более глубоких структурообразующих закономерностей»¹.

Вид документа, как и его название, может изменяться динамичнее в сравнении с характером подразумеваемой им информации в ее основных структурированных сообщениях. «Мемории» XVIII в. и современные протоколы заседаний и совещаний, церковноприходские метрические книги и современные акты записи гражданского состояния, «формуляр» дореволюционного чиновника и «анкета» современного государственного и муниципального служащего и т. д., если исходить из их функциональной заданности, — документы одного порядка со сходным составом основных структурированных сообщений, хотя и с разными названиями.

Вид документа — один из его важнейших признаков, определяющих характер его информации, ее структурированные сообщения, заданность, правоспособность, адресность. Он — один из наиболее динамичных и оперативно реагирующих на исторические события, явления и процессы показателей документирования человеческой жизнедеятельности. Политические и административные преобразования Петра I способствовали возникновению в России целого блока новых видов документов, прямо заимствованных из западноевропейской практики документирования либо приспособленных к российским условиям. Революционные события 1917 г. привели к ликвидации многих существовавших на то время видов и разновидностей документов, например, связанных с регулированием сословного устройства страны. Они, например, ввели в России характерный для Французской революции нормативно-распорядительный вид документа — декрет. Другой новый вид документа этого времени — мандат — представлял собой соединение функции удостоверения личности и норматива приказного характера. Гран-

¹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории... С. 88.

диозные идеи социалистического преобразования и коммунистического строительства породили такие новые виды документов, как пятилетние планы развития народного хозяйства, генеральные планы развития его отдельных отраслей, регионов. Современное официальное документирование демонстрирует нам такие интегрированные в глобальные международные процессы документирования виды документов, как «концепция» (например, национальной или информационной безопасности), «стратегия» (например, внешней политики России).

Важно отметить, что развитие носителей информации и технических средств ее фиксации со временем создавало условия и для возникновения новых видов документов. В каких-то своих параметрах они совпадали с традиционными, но в еще большей степени если и не противоречили им, то их дополняли. Письменный протокол заседания, совещания уже не способен конкурировать с их аудио-, видеофиксацией, сегодня являющейся общераспространенной и элементарной. При этом важно подчеркнуть, что часто речь идет о нормативном требовании подобного вида и формы документирования.

2.10. Эволюция документа

В 1974 г. ВНИИДАД издал интересный и во всех отношениях полезный для тех, кто имеет дело с документом, «*Краткий справочник видов и разновидностей документов*»¹, имеющий важное значение для понимания эволюции документа. Справочник зафиксировал почти тысячу видов и разновидностей документов, существовавших в России и СССР с древнейших времен и на момент его выхода в свет, и дал им определения. При всем его несовершенстве (абсолютно разные методы характеристики видов и разновидностей документов для досоветской и советской истории, отсутствие указаний на виды и разновидности документов в непубличной сфере их бытования применительно к советскому периоду, противоречивость и разноречивость дефинитивного ряда, игнорирование многих видов и разновидностей документов, существовавших до 1917 г., например, дневников, мемуаров, карт и др.) он до сих пор содержит интересный фактический материал, отразивший важные явления в истории документирования.

Раздел, посвященный видам и разновидностям документов, существовавших в России с древнейших времен до 1917 г., включил 389 названий. Их статистическая классификация по определенным областям жизнедеятельности государства, общества, человека представляет собой немалую трудность в ряде случаев в связи со слож-

¹ Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974.

ностью отнесения того или иного вида документа к той или иной области жизнедеятельности вследствие подчас многоцелевого характера выполняемых им функций, а потому имеет определенный налет субъективности. Однако, признавая некоторый элемент погрешности, мы приведем здесь эти статистические показатели.

Наибольшее число видов и разновидностей документов, существовавших в России до 1917 г., приходится на имущественно-хозяйственные отношения, включая земельные, торговые, налоговые, таможенные и денежные, — 162 названия видов и разновидностей. Далее следуют виды и разновидности документов, включая законодательные акты, связанные с организацией государственного управления, — их 101. Следующий по объему комплекс видов и разновидностей документов относится к судопроизводству — их, если верить справочнику и избранной автором книги методике, было до 1917 г. 47 наименований. Четвертое место в этой группировке занимают виды и разновидности документов, относящиеся к международным отношениям — их 28. Пятое место — 21 вид и разновидности документов — заняло регулирование внутрицерковной жизни. Организация военного дела включила 14 видов и разновидностей документов. Государственная и военная служба регламентировалась 14 видами и разновидностями документов. Следующая, статистически определяемая группа видов и разновидностей документов, носящая исключительно информационный характер, насчитывает 13 названий. Официально создававшиеся личные документы в нашей классификации их видов и разновидностей насчитывает 11 названий — в их числе патенты на чины, метрика, пас (паспорт) и др. Словарь называет всего один вид документов личного происхождения — «частное письмо», хотя, конечно же, до 1917 г. их было по меньшей мере не менее четырех видов: письмо, дневник, воспоминания, творческие произведения разных жанров. Словарь зафиксировал не менее трех видов документов, связанных с трудовыми отношениями, — также явно заниженная цифра. И, наконец, следует назвать число видов документов, которые автор не смог отнести к той или иной группе. Оно равно 19 наименованиям (поручительства, выходные книги царей, разного рода договоры и т. д.), которые явно не определяют общую статистическую картину. Она же убедительно свидетельствует о том, что документирование в дореволюционной России было связано в первую очередь с регулированием с помощью документов пяти сфер: экономики, государственного управления, судопроизводства, международных отношений, церковных дел. Большая часть остальных видов и разновидностей документов в значительной степени создавалась как производные от этих.

Если признать более или менее корректными наши статистические выкладки видов и разновидностей документов, существовав-

ших в дореволюционной России, то самым загадочным останется ее первая группа. В ней по нашим подсчетам приблизительно 80 % видов и разновидностей документов связано с государственным регулированием экономических отношений, и остальная часть — исключительно с их саморегулированием.

Архивисты конца 1960-х — начала 1970-х гг. внесли в словарь и относительно полный перечень видов и разновидностей документов, использовавшихся в документировании как действующие. Его количественный состав в сравнении с 900-летней предшествующей российской историей был несопоставимо велик. В этом не было ничего необычного — жизнь становилась все более и более сложной, а значит, ее документное регулирование также становилось все более и более сложным, порождая новые виды и разновидности документов. Однако идеология диктовала иные подходы. Огромное «размножение» видов и разновидностей документов в СССР свидетельствовало не только о многообразии новых политических, экономических, социальных и культурных проявлений, но и об административно-командной системе управления и жизни в стране. Поэтому авторы Словаря постарались «сбалансировать» его обе части. Если историческая, устаревшая его часть включила, как уже говорилось, 389 видов и разновидностей документов, то актуальная, действующая его часть назвала около 430 видов и разновидностей. Лидером в этой части стали, как и в первом случае, документы, связанные с экономикой, имущественно-хозяйственными отношениями, — 127 наименований, чуть меньше, чем в историческом разделе Словаря, но вполне сопоставимо с ней. Зато второе место по числу видов и разновидностей заняли документы, связанные с научно-технической деятельностью в стране, — 71 название. На третьем месте оказались виды и разновидности документов, относившиеся к государственному управлению, — 57 наименований. Четвертое место заняли документы информационного характера — афиши, объявления, плакаты и т. д. — всего 30 наименований. Пятое и шестое места соответственно пришлось на личные документы (28 названий) и документы, связанные с международными отношениями (27 названий). И только на седьмом и восьмом местах оказались виды и разновидности документов, касающиеся судопроизводства (19 наименований) и военного дела (18 наименований).

Трудно сказать, насколько корректной является приведенная нами статистика. Если в исторической части Словаря полнота видов и разновидностей документов может считаться достаточно высокой, хотя и явно не отразившей реальность, то показатели видов и разновидностей документов, существовавших в СССР на конец 1960-х — начало 1970-х гг., оказались явно и значительно заниженными. Кроме того, в это время существовали виды и разновидности документов (не менее 33 наименований), которые вообще трудно

отнести к той или иной классификационной группе. Например, социалистические обязательства трудящегося, коллектива, отрасли можно считать относящимися и к экономике, и к организации труда, и к организации государственного управления, и к трудовым отношениям. Наличие столь значительной группы документов с неопределенной функциональной заданностью свидетельствует о неэффективности функционирования государственного и общественного хозяйства, его непомерной идеологизации. К этому следует добавить, что Словарь не включил и не мог включить по определению значительный массив видов и разновидностей документов, связанных с непубличным документированием, а также виды и разновидности партийного документирования, документирования деятельности силовых структур государства.

В начале 2000-х гг. ВНИИДАД, приступая к подготовке словаря видов и разновидностей документов, существовавших и имевших отношение к истории российской государственности с древнейших времен до приблизительно 1918 г., уже был свободен от той идеологической и политической осторожности, которую были вынуждены соблюдать архивисты 70-х гг. XX в., готовя аналогичный словарь. За этот период новый словарь-справочник «*Государственность России*»¹ учел около тысячи названий видов и разновидностей документов, т. е. почти в два раза больше, чем аналогичный словарь-предшественник (документы сакрального класса представлены здесь выборочно).

Анализ данных этого словаря показывает любопытную картину. Во-первых, наблюдается постоянный рост разнообразия видов и разновидностей документов. Если в XV в. их существовало около 60, то в XVI в. их было уже 111, в XVII в. — 193, в XVIII в. — 329, в XIX в. — 316. В названиях этих документов легко просматриваются реалии прошлой российской жизни и главная функциональная заданность того или иного вида документов: «кормленный вид», «отпускная память», «покормленный паспорт», «повинная челобитная», «повольная грамота», «покрутная», «полюбовная запись», «поменная память», «разрубная книга», «распросная сказка» и т. д. Во-вторых, мы наблюдаем относительно кратковременное существование отдельных видов и разновидностей документов, их «отмирание» после определенного времени бытования в системе государственного управления. Так, например, 27 из них бытовали в течение XV—XVII вв. («допросные пункты», «заемная кабала», «закладная грамота», «жалованная заповедная грамота», «повольная грамота» и др.), 26 — в течение XV—XVIII вв. («поручная за-

¹ См.: Государственность России : словарь-справочник. Кн. 6. Ч. 1—2: Документация государственных и церковных учреждений, сословных органов, органов местного управления и частноправовые акты: конец XV века — февраль 1917 года. М., 2009.

пись» и др.), 16 — в XVI—XVII вв. («книга сеунчей», «образовая грамота» и др.), 41 — в XVI—XVIII вв. («выпись», «доезжая память», «кормовая книга» и др.), 25 — в XVII в. («заемная книга», «крестопроводная запись», «межевая запись» и т. д.), 41 — только в XVIII в. («квитантная книга», «межевой список», «провиантские регулы» и др.) и т. д. В-третьих, оказалось, что ряд видов и разновидностей документов обладают высокой степенью устойчивости своего существования, сохранившись вплоть до наших дней. От X в. до нас пошло шесть таких видов и разновидностей («грамота», «договор», «ультиматум» и др.), от XIV в. — 29 («историческая карта», «чертеж» и др.), от XVII в. — 20 («доверенность», «манифест», «ордер» и др.), от XVIII в. — 119 («декларация», «донесение», «конвенция», «предписание», «приказ» и т. д.), от XIX в. — 57 («кроки», «финансовая смета», «стенограмма», «увольнительное свидетельство» и др.).

Иначе говоря, перед нами довольно противоречивая картина развития видов и разновидностей документов в российских реалиях, характеризующаяся, с одной стороны, динамизмом, увеличением их числа и даже оформлением в определенные «цепочки» — системы документации, а с другой — высокой степенью традиционализма. Однако в целом она подтверждает вывод И. Д. Ковальченко, относящийся к историческим источникам вообще: «Характерной чертой эволюции источников является не столько исчезновение тех или иных видов источников, сколько появление новых их видов и разновидностей, что обусловлено усложнением по мере исторического прогресса общественной жизни, появлением все новых и новых общественных функций»¹.

Все же существуют известные трудности в комментировании предложенных данных. Главная из них связана с подчас многофункциональным целевым назначением того или иного вида и разновидности документа. Тем не менее эта субъективная, далеко не полная статистическая картина бытования в России и СССР видов и разновидностей документов позволяет сделать ряд более или менее обоснованных выводов. Во-первых, со временем вымирают целые виды и разновидности документов, либо, сохраняя свои названия, они трансформируются в содержательном отношении в фактически новые виды и разновидности документов. Во-вторых, наибольший массив видов и разновидностей документов прежде всего связан с регулированием экономических отношений и государственным управлением. При этом и в той, и в другой областях наблюдается высокая степень традиционализма набора видов и разновидностей документов и корреляция наполнения присущей каждому из видов и разновидностей документов информации. В-третьих, класс документов неофициального происхождения, оформившись в России

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 124.

примерно в XVIII в., с тех пор сохранил едва ли не абсолютную стабильность своих видов и разновидностей, пополнившись затем разного рода аудиовизуальными документами, например, фиксирующими какие-то события, состояние природы и т. д. Духовная жизнь людей, оказывается, отражается в намного более традиционном и менее обширном круге видов и разновидностей документов, нежели жизнь общегосударственная и общественная, и это при том, что число видов и разновидностей личных документов, регулирующих взаимоотношения человека и государства, государства и общества, общества и человека со временем явно возрастает. Думается, что в этом можно увидеть подчиненную роль человека в том сообществе, где он живет. Объяснить это можно только одним: в досоветский период основной массив такого рода документов приходился в первую очередь на определенные сословия российского государства, после 1917 г. они стали обязательны для всех, потому что все были объявлены равными.

Справочник *«Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации: (1917—1991 гг.)»*¹ через документирование открывает картину взаимоотношений государства и человека в советской России и СССР.

Уже названия документов, в которых отразилась биографическая и генеалогическая информация, т. е. информация о человеке или его семье, роде, звучат отголоском важнейших событий и явлений советской истории: «Акт о национализации имущества», «Анкета для лица, обращающегося за помощью к органам помощи голодающим», «Карточка ребенка, эвакуированного из голодающей местности», «Анкета выдвигенца», «Карточка для учета лишенца», «Протокол опроса по отправлению турецкого подданного», «Анкета лица, ходатайствующего о восстановлении в правах гражданства», «Анкета кулака», «Книга учета трудовой колхозников», «Эшелонный список переселенцев», «Боевая характеристика партизана», «Извещение о гибели (смерти) военнослужащего», «Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Книга трудовой славы комсомольской организации», «Комсомольская путевка» и т. д. Названия документов, как правило, абсолютно точно отражают их функциональное предназначение, а видовой состав подчас детализируется до невероятной глубины, например, разновидностей актов насчитывается 36, анкет — 98, протоколов — 50, свидетельств — 14, учетных карточек — 39, справок — 42, карточек — 43 и т. д.

В этом море видов и разновидностей документов, фиксировавших многообразные отношения между человеком и государством

¹ Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации: (1917—1991 гг.) : справочное пособие. М., 2010.

в советскую эпоху, разобраться непросто. Авторы справочника по существу дают первую в нашей литературе классификацию документов, содержащих документальную информацию биографического и генеалогического характера, выделяя 11 классов документов: гражданского состояния, образования, служебно-трудовых и связанных с ними иных отношений, например, пенсионного обеспечения, гражданства, паспортизации и регистрации населения, учета отдельных групп населения, нотариальных действий, медицинской и социальной помощи, опекуинства, патронирования, усыновления, уголовно-процессуальных действий, политических репрессий, общественно-политической деятельности. В разделе, посвященном характеристике каждого из этих документальных комплексов, подробно рассматриваются правовая база их введения и функционирования, складывания в определенные документальные системы. Здесь же продолжена более детальная классификация документов биографо-генеалогического характера: организационно-распорядительные вышестоящих учреждений, составленные непосредственно в самом учреждении (документы официального происхождения на одно лицо и не включенные в личное дело, документы личного происхождения, не включенные в состав личного дела, учетные документы, финансовые документы, личные дела, личные документы). Тем самым читатель получает исчерпывающее представление не только о системах и подсистемах документирования отношений между людьми и людьми и государством в советское время, но и основных видовых документальных комплексах, зафиксировавших эти отношения. При этом время постоянно корректировало не только видовой состав биографо-генеалогических документов, но и формуляр их традиционно существующих видов. Например, хорошо известна всем анкета, фиксирующая биографические данные о человеке и сведения о его трудовой деятельности. Анкета 1920—1930-х гг. требует сообщить о религиозных взглядах, партийных симпатиях, трудовой деятельности до революций, участии в Гражданской войне и т. д., а анкета 1940—1960-х гг. придирчива к пленению, интернированию, проживанию на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны, наличию родных и близких, проживающих за границей. Личное дело — вообще собрание самых неожиданных документов, в 1920—1930-е гг. нередко печальных для лица, на которое оно заводилось.

Книга содержит и еще один важнейший пласт информации, связанный с тем, кто являлся автором каждого вида и разновидности биографо-генеалогических документов. Заполнение каждого из таких документов — лично самим человеком, с судьбами которого он связан, или чиновником в силу его служебных обязанностей — это то грустная песня, то суровый набат, то гордая мечта. Жизнь так и струится в этих тысячных видах и разновидностях документов переливами, на-

деждами и надломами человеческих судеб, а документ словно зеркало их отражает, но в отличие от зеркала фиксирует навсегда.

Документирование человеческой жизнедеятельности в Новое и Новейшее время — вещь неизбежная, а чаще всего и обязательная. Споры о его пределах будут бесконечными, потому что любое государство чувствует себя комфортнее, различая человека в людях, тогда как любой человек сам для себя стремится определить степень публичности своего «я». В современном мире число документов, которые мы можем отнести прямо или косвенно к биографо-генеалогическим не уменьшается, а увеличивается, начиная от традиционной анкеты и кончая социальной картой москвича или налоговой декларацией. В каждый переживаемый государством и обществом период истории это документирование имеет свои особенности. Так, например, в пособии о документировании жизнедеятельности человека в досоветской России упоминает около 200 видов и разновидностей документов с отчетливо выраженной сословной составляющей. Справочник «Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации» демонстрирует репрессивный характер советского государства по отношению к своим гражданам — 16,1 % всех видов и разновидностей биографо-генеалогических документов так или иначе связаны с карательной политикой советской власти.

Подготовленный ВНИИДАД «Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в деятельности государственных органов Российской Федерации, государственных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и учреждений, организаций, предприятий с указанием сроков хранения»¹ называет 2773 типовых вида и разновидности документов, существующих сегодня только в гражданской сфере управления, без сфер обороны, безопасности, международных отношений, а также систем специальной документации (картографической, геологической, кинематографической, гидрометеорологической и т. д.). С учетом этого можно допустить, что в настоящее время жизнедеятельность государства, общества, человека в нашей стране регулируется не менее чем 5 тыс. видов и разновидностей документов. Бессмысленно говорить о том, много это или мало, хотя документоведение призвано выработать механизмы оптимизации документооборота, в том числе и через уменьшение видов и разновидностей документов. Такова жизнь и таковы механизмы ее регулирования в настоящее время, в которых каждый вид и раз-

¹ Приказ Росархива от 20.12.2019 № 236 «Об утверждении Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения» (зарегистрирован в Минюсте РФ 8 сентября 2010 г. Регистрационный № 18380).

новидность документа играет определенную, вполне возможно, дублирующую, страхующую, а то и вовсе излишнюю роль.

Одна из них — это необходимость документирования имущественно-хозяйственных отношений, среди которых размеры и границы земельных владений, характер и размер налогов являлись важнейшими элементами этих отношений, подлежащие документальной фиксации. Далее важно указать на необходимость документирования товарообмена и торговли между субъектами этих отношений. Вслед за двумя этими категориями или параллельно с ними возникла потребность документального учета хозяйственной и иной деятельности, а со временем и ее документального планирования.

Немаловажным в сфере имущественно-хозяйственных и торговых взаимоотношений и связей со временем становилось публичное, общепринятое их урегулирование — установление своего рода «правил игры» со стороны разных типов государственных формирований в виде специальных нормативных актов.

Эти же государственные формирования со временем захотели регулировать вообще внутреннюю жизнь своих сообществ, стремясь создать эффективную систему управления государством и образцового поведения его граждан. В результате стали возникать документы с организационными функциями, функциями охраны правопорядка, защиты безопасности государства и его граждан. Далее они же оказались заинтересованными в определенной идентификации себя как государственных образований среди других аналогичных, в результате чего появились, стремительно развиваясь, документы дипломатического характера.

Эта же потребность в идентификации только теперь уже каждого конкретного человека, а также фискальные интересы вызвала к жизни документы, регистрирующие рождение и смерть человека. Потом со все более и более сложным развитием общественных отношений возникла потребность в документировании его трудовой биографии.

Осознание человеком себя как личности породило у него желание внутреннего диалога с собой, а затем через документ в виде писем, дневников, воспоминаний, творческих сочинений этот диалог превратить в публичный разговор с неопределенным числом участников.

Таким образом, эволюция документа проходила по двум направлениям: содержательном и технологическом.

Эволюция содержания шла по пути все более и более расширяющегося охвата объектов документирования. У ее истоков стояло документное регулирование сакральной жизни и имущественных отношений, а продолжением стало регулирование межгосударственных, внутригосударственных и межчеловеческих отношений.

а также особых сфер человеческой жизнедеятельности — научной, технической, строительной и др. В результате этого постепенно росло число видов и разновидностей документов при одновременном отмирании их прежних видов. Современная человеческая цивилизация вырастила своеобразное «документальное дерево». Это отчетливо просматривается и в России.

Вместе с тем эволюция документа захватила *носители и способы фиксации информации*. Они коснулись в первую очередь *визуальной информации*. На протяжении столетий визуальная информация представляла собой исключительно изображение, создававшееся человеческим глазом и рукой с помощью рисования.

XX век стал временем постепенного внедрения в жизнь государства, общества и человека массового аудио- и визуального документирования в формах их фотографической, кино-, а затем и видеofиксации. Это было абсолютно новое явление, какое-то время воспринимавшееся как диковинка из-за непонятого даже для просвещенных людей эффекта фиксации факта, события, явления не в текстовой, описательной форме, а в форме их зрительной фиксации.

Такая фиксация вплоть до середины XX в. была делом трудоемким и затратным как бывает всегда в начале освоения новых носителей информации и способов ее фиксации. Возникновение аудио- и визуального документирования поэтому носило элитарный характер, но уже скоро в нем случилась большая перемена. Визуальный документ стал частью официального документирования. С одной стороны, службы безопасности и охраны порядка в России, как и в других странах, быстро оценили большие возможности визуального документирования при фиксации мест и обстоятельств преступлений, а также важную роль фото-, кино-, видеопортрета преступника в анфас и профиль в дополнение к словесному описанию этого портрета. С другой стороны, визуальный документ постепенно стал играть важную пропагандистскую роль. Газеты, журналы, афиши, книги, публиковавшие, например, фотографии присутствия императора, царской семьи на общественных мероприятиях, тем самым создавали у их зрителей впечатление собственного участия в этих мероприятиях, делали образы членов царствующей семьи человеческими, приближенными к народу. Официальное визуальное документирование Первой мировой войны выглядело патристическим, демонстрируя мощные атаки русских войск, взрывы снарядов и бомб, мужественные лики солдат и офицеров, бережную заботу страны о раненых и т. д.

Годы советской власти внесли в визуальное документирование новые черты. По прагматическим соображениям ради получения международной помощи власть не препятствовала фото- и кинофиксации страшных картин голода в Поволжье в 1921 г. И, наоборот,

фотокинодокументирование рукотворного голода, созданного властью в стране на рубеже 1920—1930-х гг., было запрещено. Запрещалась фотокинофиксация эпизодов коллективизации и раскулачивания, исключая радостные картины колхозных хлебозаготовок, строительства гигантов индустрии и их производств. Официальное фотокинодокументирование по существу превратилось в откровенную пропаганду плакатной формы.

Одновременно с такими официальными фотокинодокументами службы безопасности и охраны порядка стали все шире использовать их как доказательство. Тайное аудио- и фотокинодокументирование в их деятельности все больше и больше становилось в порядке вещей, являясь одним из способов формирования доказательной базы изобличения настоящих и мнимых преступлений.

Тем не менее при всей жесткой пристраиваемости официального аудио- и визуального документирования пристальный взгляд найдет в нем уловимые черты времени, которые невозможно обнаружить в письменных документальных источниках. Это одежда гражданских и форма военных лиц, интерьеры внутренних помещений, архитектура зданий и сооружений, оружие, упряжь и убранство лошадей и т. д.

Итак, на протяжении всего XX в. официальное фоно-, фото-, кино-, видеодокументирование развивалось в нескольких направлениях: криминальном, официозно-политическом, агитационно-пропагандистском, идеологическом, научно-познавательном.

На фоне все более и более расширявшегося официального фото-, кино-, видео-, фонодокументирования укреплялось фото-, кино-, видео-, фонодокументирование неофициальное. Оно выросло прежде всего из документирования изображения человека и желания фиксации его речи в устной форме.

До изобретения визуального документирования портрет человека был делом творчества художника. Как правило, в этом случае, имея заказной характер, он являлся результатом коммерческой сделки. По этой причине художественный портрет оставался достоянием избранных, которые хотели этим либо запечатлеть свой личный жизненный успех, как, например, купцы, фабриканты, либо просто имели финансовые возможности сохранить свой образ и образы близких как назидательную память о себе для потомства.

Портретное фото-, кино-, видеодокументирование медленно, но неотвратимо начало конкурировать с художественным документированием. Последнее, конечно, не исчезнет, оно существует и в наши дни. Однако портретное визуальное документирование со временем приобрело массовый характер. Оно дало возможность пусть не каждому, то многим запечатлеть себя, свою семью, круг близких людей. Невольно возникает вопрос — но зачем? В подавляющем большинстве случаев явно не для вечности, а для собственного

удовольствия ощутить себя во времени и послать зримый сигнал близким о своем существовании.

Многие годы портретное визуальное документирование испытывало мощное воздействие художественного документирования. Оно оставалось статичным и постановочным, как в портретном художественном документировании, и сегодня оно продолжает жить. Однако время массового визуального документирования изменило привычный канон портретного фото-, кино-, видеодокументирования. Неподвижность и режиссура фотопортрета стали заменяться динамичным и естественным фиксированием человека во времени и уже в среде его бытования.

Раннее визуальное документирование — это преимущественно портретное и сценическое или режиссерское, постановочное документирование. Однако уже очень скоро в его рамках начало выкристаллизовываться событийное визуальное документирование. Первоначально оно было связано с фиксацией природы и архитектурных памятников, а то и просто городских и деревенских пейзажей, потом оно стало дополняться репортерским документированием мест событий и самих событий.

Почти одновременно с визуальным документированием возникло звуковое, *аудиодокументирование*. Оно также прошло со времени своего изобретения определенную эволюцию. Главный смысл этой эволюции заключался в том, что от простой фиксации звука — голосов знаменитых людей, животных и птиц — через использование фонодокументов как массового продукта культуры аудиодокументирование в конце концов захватило важнейшие сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе тайную и публичную фиксацию человеческой речи, а также звуковую фиксацию и трансляцию любого письменного документа.

Иначе говоря, на протяжении современной человеческой истории «дерево документов» росло стремительно, все более усложняясь и выращивая на стволе новые и новые «ветви», отражая востребованность в них людских сообществ.

Наряду с этим происходил активный процесс сначала достаточно стихийного вхождения, а затем организованного включения документа в определенную систему других документов и, как следствие этого, оформление систем документации определенных или общих сфер человеческой жизнедеятельности. Отраслевая или межотраслевая система документации, по точному определению В. Н. Автократова, — «это программа документационного обеспечения какой-либо общественной функции, включающая набор соответствующих видов документов и определяющая их форму, реквизиты, типические показатели, порядок создания, движения и обработки»¹. К чис-

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 70.

ду таких общих и специальных систем документации относятся, например, организационно-распорядительная, финансовая, кадровая, статистическая, геологическая, гидрологическая, картографическая и др. Программно-системное функционирование документа является его важным свойством, о котором мы будем говорить в других темах учебника.

Таким образом, содержательная и типологическая эволюция документа, зафиксированная архивоведением, ставит практические задачи учета этого явления при выработке стратегии и правил отношения к ним при их сохранении и использовании.

2.11. Трансформация (фазы бытования) документа

Выше мы говорили о принципиальной разнице трех классов документов — документов официального происхождения, документов личного и сакрального происхождения. Здесь же важно подчеркнуть, что, несмотря на указанные расхождения, их объединяют некие общие закономерности создания и бытования, или «жизни», о чем в общих чертах писал еще В. Н. Автократов¹.

Для представления о жизни документа принципиально важным является понимание того, что документ, как любой материальный объект и интеллектуальный продукт, переживает определенные периоды своего существования, и в этом смысле документоведение, архивоведение, археография, документальное источниковедение в какой-то мере есть не что иное, как научные дисциплины, отслеживающие его «жизнь» в пространственно-временном измерении его реального бытования. Выявление и анализ каждого, как иногда говорят, «жизненного цикла» документа, позволяет открыть новые штрихи в понимании этого одного из феноменальных продуктов современной человеческой цивилизации и объекта архивоведения.

Документ, как регулятор человеческой жизнедеятельности и одновременно как ее запоминание, представляет собой своего рода живой организм, живущий по своим особым законам. Его рождению предшествуют «родовые схватки», связанные с концептуальной фазой бытования документа, т. е. с его созданием, согласно теории когнитивной истории, отражающей функцию живой системы в режиме «мышление — действие» или «мысль — слово»².

Создание документа, являющееся *концептуальной фазой его бытования*, проходит три этапа: 1) возникновение замысла документа с целью реализации какой-либо возложенной на него функции; 2) реализация этого замысла, сопровождаемая возникновением вариантов его текста; 3) оформление одного из таких вари-

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 70.

² Медушевская О. М. Теория и методология ... С. 36.

антов на основе определенных юридических норм, когда речь идет об официальном документе (бланк, подпись, печать и др.), либо с помощью общепринятых, основанных на традиции знаковых элементов (подпись, условный символ и др.), когда речь идет о документах личного и сакрального происхождения.

Концептуальная фаза бытования документа сопровождается иногда серией его планов, набросков, вариантов. В этой фазе вырабатывается замысел, содержание, суть задуманной автором документа его целевой заданности, в конце концов реализующейся окончательным текстом документа. Примером концептуальной фазы бытования документа может являться история подготовки сообщения президиума ГПУ о деятельности партии эсеров (1922 г.). Идея такого сообщения возникла во время заседания Президиума ГПУ от 24 февраля 1922 г., на котором были предъявлены обвинения 140 членам партии эсеров. Его проект был готов уже в тот же день и 25 февраля направлен на рассмотрение в Политбюро ЦК ВКП(б)¹, которое отклонило документ и поручило его доработать Л. Б. Камневу и И. С. Уншлихту². Следы этой доработки отразились не менее чем в 15 поправках, ряд которых носил принципиальный характер. Этот проект 27 февраля был вновь рассмотрен Политбюро, которое и признало необходимым его опубликовать³.

В публикации по истории процесса над эсерами зафиксирован и вовсе поразительный пример концептуальной стадии бытования документа, связанный с установлением норм питания осужденных — не менее шести вариантов раскладки таких норм⁴. Красноречивым примером размышлений над документом в фазе его создания является письмо зампреда ГПУ Уншлихта Сталину от 21 июня 1922 г. о высылке ряда врачей. Первоначальный вариант, предполагавший такую высылку «в голодающие губернии, предпочтительно» был заменен на «Оренбургскую губ/ернию/»⁵. Еще одним примером концептуальной фазы бытования документа является подготовка постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»⁶.

Сходными признаками концептуальной фазы бытования обладает и класс документов неофициального происхождения. Наличие планов, набросков, вариантов, поправок будущего окончательного текста документа присуще этому классу не менее, чем классу документов официального происхождения. Например, Л. Д. Троцкий,

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 164—166.

² Там же. С. 167—172.

³ Там же. С. 173.

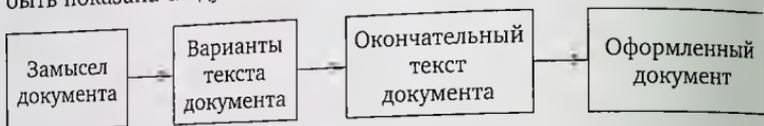
⁴ Там же. С. 178.

⁵ Там же. С. 721—722.

⁶ Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: документы. М., 2002. (Культура и власть от Сталина до Горбачева).

готовая для «Правды» в 1922 г. свою знаменитую статью «Диктатура, где твой хлыст», направленную против антисоветски настроенной российской интеллигенции, испещрил ее многочисленными поправками, вставками, зачеркиваниями. В конце концов, не удовлетворенный написанным, он дает здесь себе самозадание: «Внимательно переписать и пересмотреть Т/роцкий»¹.

Графически концептуальная фаза бытования документа может быть показана следующим образом:

Для документоведения концептуальная фаза бытования документа, завершающаяся его созданием, имеет важное значение, поскольку в этой фазе «рождается» документ как официальное отражение его целевой заданности. Концептуальная фаза бытования документа рассматривается документоведением как удачная или неудачная «техника» его создания. И документоведение старательно прописывает нормальные и оправданные правила применения такой «техники», в том числе в нормативно-унифицированном виде. Например, циркулярное письмо ГПУ от 23 ноября 1922 г. «Об антисоветском движении среди интеллигенции», требуя заведения на «каждого профессора и политически активного студента», на «каждое частное издательство, литературное объединение и отдельных видных литераторов» специальных «карточек-формуляров», подробно прописывало характер включаемых в такие карточки сведений². Понятно, что в таких случаях мыслительный процесс при заполнении этих карточек сводился к минимуму, он заменялся предоставлением сведений, полученных активной агентурно-осведомительной работой.

Согласно смотрят на концептуальную фазу бытования документа архивоведение, археография и документальное источниковедение. Планы, наброски, варианты документа являются для этих дисциплин самодостаточно значимыми, ибо позволяют определить некую подоснову документа, ставшего окончательным и перешедшим в его оперативную фазу бытования. Эта подоснова связана с возможностью установления развития замысла автора документа и в случае наличия и сохранения его «подготовительных материалов», этот замысел может быть реконструирован с большей полнотой и вероятностью, давая важную дополнительную информацию для понимания окончательного варианта текста.

¹ «Очистим Россию надолго...»: репрессии против инакомыслящих: конец 1921 — начало 1923 г. М., 2008. С. 136.

² Там же. С. 541.

К сожалению, применение при создании документа современных компьютерных технологий в большинстве случаев в прямом и переносном смысле «стирает» концептуальную фазу бытования документа, если только сам автор не озаботится сохранением его вариантов, и тем самым лишает архивоведение, археографию и документальное источниковедение дополнительных данных для понимания документа.

После создания документа начинается *фаза его оперативного бытования*. Она проходит две стадии. Стадия *собственно оперативного бытования документа* отражает его функционирование как регулятора реальной действительности. На этой стадии документ прямо и непосредственно выполняет свое предназначение — решение той задачи, выполнение той целевой функции, ради которой он был задуман и создан. Такое бытование может быть как одномоментным, например, личное письмо информационного характера, так и многомоментным, например, законодательный акт, организационно-распорядительный документ, литературное произведение. На этой стадии своего бытования документ может существовать как в опубликованном, так и в неопубликованном виде, а также сохранять приданное ему в момент создания свойство (форму бытования) публичности или принципиальной непубличности. Кроме того, на стадии собственно оперативного бытования за счет резолюций и помет *нарушается неприкосновенность документа*, в результате чего он получает новые дополнительные структурированные сообщения.

Такие нарушения, как правило, представлены: а) подчеркиваниями и отчеркиваниями текста документа, свидетельствующими об особом интересе, который у читателей вызывают те или иные его места; б) особыми отметками типа восклицательного или вопросительного знаков, знака «NB» на полях документа; в) комментариями к отдельным частям текста документа, определено, а не с помощью символов выражающих отношение к прочитанному; г) резолюциями распорядительного, согласительного, информационного, вопросительного, организационного, ознакомительного и другого характера.

Познавательны, например, нарушения неприкосновенности докладов премьер-министров Российской империи императору Николаю II. Они носили системный и многосмысловой характер, отражая представления императора об иерархии государственных дел, которые ему приходилось решать. В одних случаях Николай II просто отмечал свое знакомство с такими докладами, негласно соглашаясь с содержащимися в них предложениями. В других случаях император раздражается многословными комментариями, выражая свое мнение о содержании документов. Примечательно, что иерархия его отношения к тому или иному государственному вопросу

через резолюции на документах совпадает с иерархией их комментирования в дневнике императора¹.

Нарушения неприкосновенности документа в фазе его оперативного бытования типа «в» мы встречаем, например, на листовке Л. Д. Троцкого от 13 сентября 1919 г. о Ф. К. Миронове, поднявшем против большевиков восстание на Дону. На полях этой листовки имеются многочисленные комментарии, отразившие реакцию Троцкого на прочитанное, типа «Кто и когда говорил? Наоборот!», «Ложь!», «Не то! Не то!»²

Характерным примером стадии собственно оперативного бытования документа может служить записка Троцкого Каменеву и Сталину о ходе подготовки к процессу над членами партии эсеров от 7 мая 1922 г., в которой ставился вопрос о необходимости представить А. В. Луначарскому и Н. И. Бухарину, как обвинителям на процессе, в качестве их секретаря сотрудника секретариата ЦК ВКП(б) Василевского. Резолюции адресатов красноречиво показывают выработку решения по этому вопросу: «Молотову. Предлагаю уступить и отдать Василевского на период процесса. И. Сталин. 8/5». Однако В. М. Молотов, как руководитель секретариата ЦК партии, был очень заинтересован в Василевском. Его резолюция отразила это: «Я против. Думаю, что можно найти другого. Кандидатура, напр/имер/, Иконников...8/5. В. Молотов». Сталин соглашается: «Назначить т. Иконникова. И. Сталин»³.

Подобные резолюции подчас содержат важный информационный пласт. Седьмого июля 1922 г. Каменев обратился к Сталину с предложением освободить из-под стражи меньшевика А. А. Югова в связи с тяжелым состоянием его здоровья. Резолюции на этом документе: «Всем членам ПБ. По рекомендации опросом. За удовлетворение ходатайства Каменева. Ст/алин/», «За. Молотов», «За. Томский», «Т. Зиновьев отсутствует», «За. Рыков. 8/VII», «Не возражаю. Троцкий». Решение Политбюро было оформлено в тот же день. Однако уже 10 июля ГПУ вошло в Политбюро с просьбой не освобождать Югова, так как это «не помешает ему заняться политической деятельностью». Резолюции на записке ГПУ: «За удовлетворение ходатайства ГПУ. И. Сталин», «Присоединяюсь к Сталину. М. Калинин», «За пересмотр. В. Молотов», «За пересмотр. М. Томский»⁴. Другой пример нарушения неприкосновенности документа показывает иерархическую последовательность его ис

¹ Козлов В. П. «Загоны шли, приближаясь к зверинцу...» Рецензия на документальную публикацию: Дневники императора Николая II (1894—1918). М., РОС-СПЭН, 2011. Т. 1 // Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 119.

² Филипп Миронов: (Тихий Дон в 1917—1921 гг.). С. 377.

³ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 214.

⁴ «Очистим Россию надолго...» С. 158—159.

полнения. Нарком внешней торговли РСФСР Л. Б. Красин 27 июня 1922 г. написал в ГПУ поручительство за писателя и историка С. П. Мельгунова с просьбой освободить его из-под ареста. Резолюции, нарушившие неприкосновенность документа, отразили его движение и принятие по нему решения: «т. Решетову. Для приобретения к делу. Я. Агранов. 29 июня 1922», «Кишкину. К делу Мельгунова. Пиши скорей заключение о ссылке Мельгунова. И. Решетов. 30 июня /1922 г./»¹.

Известны многочисленные распорядительные резолюции Сталина на протоколах допросов арестованных по политическим обвинениям в 1930-х гг.²

Иногда оперативная стадия бытования официального документа сопровождается возникновением документа по существу неофициального происхождения, вплетаемого в процесс официального документирования. Например, С. П. Мельгунов на бланке предъявленного ему в 1922 г. постановления с обвинением в антисоветской деятельности написал: «Настоящее постановление мне объявлено, в чем и расписуюсь. С. Мельгунов. Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. Мною заявлено, что какие-то три нелегальных эсера у меня были, не зная, кто, не могу дать никакого пояснения...»³

Стадия собственно оперативного бытования документа является не чем иным, как актуальным состоянием всей его информации — изначально созданной автором в виде структурированных сообщений и дополнительной, возникающей в процессе нарушения неприкосновенности документа.

Для документоведения стадия собственно оперативного бытования документа имеет принципиальное значение. Документоведение призвано выработать механизмы и нормы, обеспечивающие наиболее оптимальные параметры регистрации, прохождения, принятия решения, контроля за реализацией решения, инициированного документом в его собственно оперативной стадии бытования. С помощью определенных правил документоведение обеспечивает разумное и по возможности эффективное обеспечение решения функциональной задачи официального документа. Иногда эти правила уступают место конкретным директивам. Например, циркулярное письмо секретного отдела ГПУ от 10 марта 1922 г. «О кооперации» предписывало формирование и структуру «основных» и «вспомогательных» дел, которые должны были заводиться местными органами ГПУ на «каждый губсоюз (облсоюз) от-

¹ «Очистим Россию надолго...» С. 151.

² Реабилитация: как это было... С. 576—578.

³ «Очистим Россию надолго...» С. 542.

дельного вида кооперации», «на каждую первичную кооперативную ячейку (общество, артель, товарищество и т. д.)»¹, а приказ № 335 от 20 декабря подробно регламентировал правила движения дел на «административно-высылаемых»².

Для архивоведения, археографии, документального источниковедения стадия собственно оперативного бытования документа связана с моментом ожидания — ожидания возможности его публичности, недопущения разрушения его неприкосновенности, наблюдением за его движением и концентрацией в документальных потоках. Разрушение неприкосновенности документа в фазе оперативного бытования дает архивоведению, археографии, документальному источниковедению дополнительные признаки для последующей оценки его значения уже как документального исторического источника.

На стадии собственно оперативного бытования документа личного или сакрального происхождения большое значение имеет культура работы с такими документами, опирающаяся на традиции и в принципе сознательно или подсознательно ориентированная на требования архивоведения, археографии и документального источниковедения. В основе этой культуры лежит понимание автором и адресатом документа личного или сакрального происхождения его значимости для себя, близких им людей, человеческого сообщества.

Стадия собственно оперативного бытования документа — это его полезность в достижении цели, поставленной перед документом автором в рамках его взаимодействия с другим (другими) субъектом (субъектами). В этом смысле вне такого взаимодействия полезность документа для других субъектов может быть ничтожной или даже бесполезной. Полезность документа вещь субъективная, но все же приближительно определяемая результатом его действия. В этой фазе реализуется предельная полезность документа между взаимодействующими с помощью документа субъектами.

Однако рано или поздно стадия собственно оперативного бытования документа неизбежно переходит в стадию, связанную с его оперативным бытованием в качестве архивного документа, т. е. документа, хранящегося в архиве. Примером оперативной архивной стадии бытования документа может служить письмо председателя Верховного Трибунала РСФСР Н. В. Крылова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 мая 1922 г. о ходе подготовки процесса над эсерами. Ленин ознакомился с ним или в тот же день или на следующий день. Однако штамп «Архив Ленина» с рукописной пометой о его

¹ «Спикетим Россию вперед», С. 60—61.

² Там же, С. 444—445.

проставлении 11 мая 1922 г. говорит о том, что документ был передан в архив Ленина. Это не означало, что документ утратил свое собственно оперативное значение, поскольку в нем ставилось много вопросов, решавшихся впоследствии. Он всего лишь перешел в оперативную архивную стадию его бытования¹.

Архивная стадия фазы оперативного бытования документа характерна, например, для правовых документов (законов, книг записи актов гражданского состояния, договоров и др.). В этом случае архивирование документа, т. е. определение его стратиграфии среди других документов — в деле, комплексе, фонде, его идентификация, т. е. описание, создание условий для обеспечения сохранности и др., являются не чем иным, как обеспечением возможности оперативного бытования документа в иной, нежели до этого, информационной среде.

Важнейшим показателем архивной стадии фазы оперативного бытования официального документа является его большая, по сравнению с доархивной, степень упорядоченности. Во-первых, на этой стадии документ обретает физические, логические и иные связи с другими документами, и, во-вторых, в случае возникновения необходимости продолжения реализации тех задач, ради которых документ создавался, он становится объектом адресного поиска. В этом смысле характерно, например, что при подготовке процесса над эсерами в стадии оперативного архивного бытования связанных с этим процессом документов в архиве Политбюро ЦК РКП(б) шло их целенаправленное формирование в специальные тематические досье².

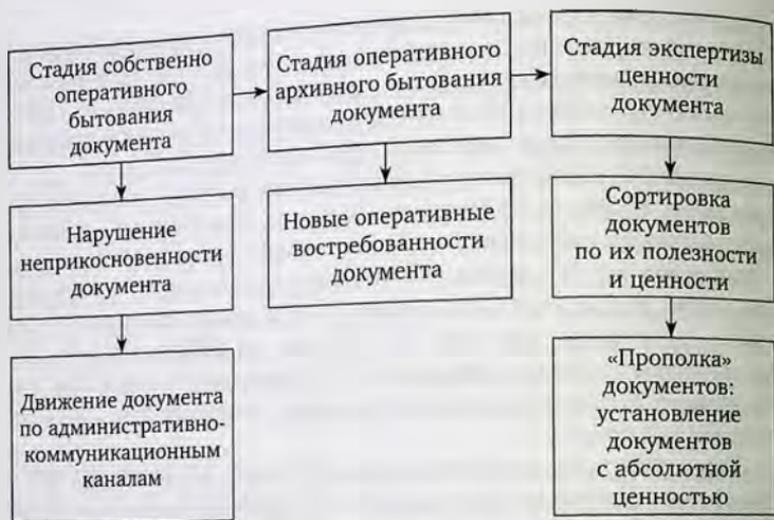
Архивная стадия фазы оперативного бытования документа уже предполагает, хотя и не гарантирует, обеспечение его неприкосновенности.

Документоведение и архивоведение устанавливают сроки хранения официального документа на стадии его оперативного архивного бытования. Выработывая критерии определения таких сроков, документоведение и архивоведение тем самым определяют практическое временное значение документа как регулятора повседневной действительности и перспективы его возможного вечного сохранения. Архивоведение в этот момент выступает равноправным партнером документоведения. Археография и документальное источниковедение принимают посильное участие в определении судьбы документа на этой стадии его бытования.

Графически оперативную фазу бытования документа можно представить следующим образом.

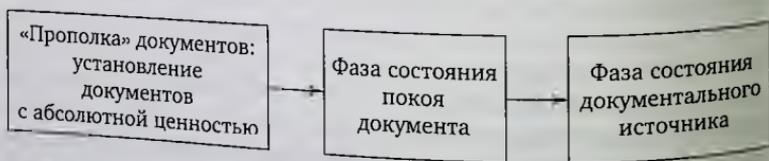
¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 215.

² Там же. С. 5, 60—61, 221 и др.

И в собственно оперативной стадии бытования, и в архивной стадии оперативного бытования документа наступает момент, связанный с приобретением документом *состояния покоя*. Его можно определить как невостребованность документа для решения тех оперативных задач, ради которых он задумывался и создавался (для вариантов текста документа состояние покоя наступает после того, как один из этих вариантов начал реализовывать возложенную на него функцию в общепринятой, реально существующей системе взаимодействия физических и юридических лиц). Иначе говоря, мы наблюдаем убывание предельной полезности документа, что соответствует теориям ценности, рассматривающим подобное явление как закономерность.

Графически переход документа из стадии оперативного архивного хранения фазы оперативного бытования в фазу состояния покоя и фазу состояния документального источника можно представить следующим образом.

Фаза покоя документа, связанная с его невостребованностью для решения ранее выполняемой им функции, определяет новые особенности его состояния.

В фазе покоя документ окончательно утрачивает свое первоначальное целевое назначение. На первый план выдвигается его свойство не регулирования действительности, а запоминание этой

действительности. Память документа со временем не только расширяется за счет памяти других документов, с которыми в фазе покоя он оказывается связан. Ее часть в результате экспертизы ценности уничтожается. Оставшаяся часть включается в состав уже сформированной документальной исторической памяти, непрерывно ее пополняя.

Документ в фазе покоя, уже отнесенный к числу вечно сохраняемых, по-прежнему сохраняет свойство неприкосновенности. Оно означает неприкосновенность стабилизации его места среди других документов, невозможность изменения параметров физического состояния его носителя, исключая реставрационное вмешательство, запрет на любые вторжения в его текст. Кроме того, говоря понятиями когнитивной истории, актуальная информация документа становится «отложенной», т. е. сохраняемой до ее востребования¹.

Новое состояние документа — состояние покоя — фаза, предшествующая его следующей фазе бытования — в качестве *документального исторического источника*. Ниже мы остановимся подробнее на толковании этого понятия, здесь же рассмотрим несколько вопросов, связанных с таким толкованием.

В фазе покоя документа и в фазе его бытования как документального исторического источника документоведение лишается своей регулирующей роли. Категории, принципы, нормы архивоведения теперь для документа приобретают решающее значение. С позиций архивоведения фаза покоя и фаза существования документа в качестве документального исторического источника означают признание изменения его функционального предназначения — уже не регулятора действительности, а свидетельства об этой ушедшей в прошлое действительности — субъективного, недостоверного, сфальсифицированного, но реально сохраненного и подлежащего сохранению. Для архивоведения важно понимание и того, что документ в фазе покоя становится гарантом своей аутентичности. И хотя он может вновь восстановить одно из свойств своей оперативной фазы бытования — свойство движения — это движение совершается уже только в архивной среде его бытования: в читальный или выставочный залы, в реставрационную мастерскую или лабораторию копирования. При этом вырабатываемые в архивном деле правила и нормы такого движения обеспечивают недопущение какого-либо нарушения его неприкосновенности, а создание его копий для фонда пользования и для страхового фонда — гарантию почти абсолютного покоя и сохранения информации в случае непредвиденной утраты оригинала.

Таким образом, выявленные фазы бытования документа, отражая его трансформацию, являются важным моментом в решении

¹ Медушевская О. М. Теория и методология ... С. 132.

практических задач архивного дела. Они связаны с обязательным реагированием на состояние документа в каждой фазе его бытования с помощью специальных решений, действий и нормативов, обеспечивающих полезность и ценность документа и превращение его в публичный документ — документальный исторический источник.

2.12. Формы реализации документом функциональной заданности

Свою функциональную заданность документ реализует в одной из трех форм.

Публичная форма бытования документа означает его функционирование в рамках открытых документационных систем, существующих правил и норм, не предусматривающих каких-либо ограничений на знакомство с ним. Публичная форма бытования документа может быть также связана с его обнародованием либо в качестве объективно присущего ему свойства быть обязательно известным всем и каждому, например, закон, либо по каким-то иным причинам, вызывающим необходимость обнародования документа. Поэтому в современной России сложилась целая система информирования граждан о жизненно важных для них документах официального происхождения и их публикации, начиная от сайтов государственных учреждений и организаций и кончая их опубликованием в «Российской газете».

Закрытая, непубличная, секретная форма бытования документа в качестве регулятора действительности означает ограничение известности его информации, следовательно, и реализуемой им цели по соображениям сохранения государственной, иной охраняемой законом тайны или по иным соображениям, которые вправе установить автор, владелец или собственник документа.

Ограничение доступа к документу известно с глубокой древности. Оно связано с тем, что автор документа, руководствуясь определенными соображениями безопасности, обеспечивает документу непубличную форму бытования, достигая этого либо с помощью специальных систем шифровки информации, либо с помощью различных технических средств, исключающих доступ к документу любых, не уполномоченных волею автора документа лиц, либо с помощью того и другого. Уже в средневековой Руси существовали различные системы тайнописи, со временем все более и более совершенствовавшиеся.

В современной жизни группы документов как «носителей сведений», не подлежащих оглашению, регламентируются законодательными и иными публичными правовыми актами. В недавнем прошлом такие акты не являлись публичными, открывая простор для

произвольного использования непубличной формы обращения документов. Она, например, была характерна почти для всех документов, создававшихся в органах КПСС, службах безопасности, порядка и обороны. Тем не менее дать общие характеристики параметров этого тайного архипелага мы все же можем, тем более что в своих главных проявлениях они носили и носят интернациональный характер.

Во-первых, это комплексы документов, касающиеся внутренней и внешней безопасности той или иной страны, состояния и перспектив развития ее обороны, преступности и оперативно-розыскных мероприятий в отношении ее предотвращения, установления и пресечения.

Во-вторых, это документы, связанные с международными отношениями того или иного государства, содержащие подчас деликатную информацию о выработке и принятии тех или иных решений, могущие затрагивать интересы других сторон международного процесса.

В-третьих, это документы научно-исследовательского характера, содержащие прорывные «ноу-хау» и технологии, и по этой причине важные для государства и корпоративных объединений в достижении определенных политических и экономических целей.

В-четвертых, это документы, содержащие определенного рода экономическую информацию, на которую не распространяется действие международных соглашений и ограничение на доступ к которой по разным причинам жизненно важно для государства и корпоративных объединений.

В-пятых, это документы, содержащие информацию о тайне личной жизни человека, а также документы, информация которых может причинить ущерб безопасности его жилища и семейной жизни.

В принципе перечень комплексов документов, доступ к информации которых может быть ограничен не только в соответствии с законом, но и по той или иной причине запрещен, можно было и продолжить. Общественные объединения и политические организации, негосударственные корпоративные структуры в любой стране вправе ограничивать доступ к своим документам за исключением случаев, оговоренных в законодательстве. Любой человек, опять же за исключением законодательно оговоренных случаев, вправе заявить о своем желании ограничить на определенный срок и для определенных категорий пользователей доступ к документам, переданным на хранение в тот или иной архив.

Иначе говоря, современный этап человеческой цивилизации, открыв возможности для всеобщего документирования ее жизнедеятельности и для неограниченного распространения результатов такого документирования и их интерпретаций, одновременно создал

и создает не поддающийся никаким определениям документальный массив, доступный лишь избранным.

Ограничения доступа к документу по соображениям национальной безопасности, безопасности личности, нося в значительной мере субъективный характер, тем не менее всегда были, остаются и будут оставаться существенным препятствием реализации востребованности документа, если только такая востребованность не носит также ограничительно-непубличный характер.

Вероятно, здесь будет к месту дать оценку изложенному. Безусловно, это явление отражает некую знаковую сторону бытования документа. Оно, несмотря на свою субъективность, связано с существованием одного из способов защиты государства и общества своей безопасности в условиях всеобщего документирования. Разумеется, в нем могут иметь место и преступные намерения. В условиях остающегося все еще несовершенным мира это оправданная защита от его несовершенства. И, вероятно, по этой причине мы должны поставить вопрос о границах не только доступности к документам, содержащим такого рода информацию, но и об их обязательном сохранении.

Закрытая, непубличная форма бытования документа далеко не всегда диктуется объективными причинами и обоснованными нормами. Она часто выступает своего рода формой существования и деятельности властных и иных структур, скрывающих механизмы своей деятельности, ее результаты и цену этих результатов. Философия этой формулы так или иначе уходит в формулу «чуда, тайны, авторитета» как религиозной веры человека в возможность на их основе достичь благоденствия. Подчас это особая, доступная избранным, сфера документирования, существующая параллельно с публичным документированием и решающая одну и ту же задачу. При этом следует учесть, что исполнение инициативного секретного документа рождало лавину опять же секретных документов, аналитическая их обработка снова рождала новые секретные документы и т. д. Не случайно все крупнейшие события и явления советской истории — изъятие церковных ценностей, судебные процессы над меньшевистскими партиями, борьба с оппозицией в ВКП(б), коллективизация, голод начала 1930-х гг., послевоенная политическая борьба в КПСС и т. д. — наряду с массовым, изначально публичным документированием сопровождались не менее массовым непубличным документированием, включившим документы с информацией о реально значимых решениях, действиях и их результатах.

Непублично-публичная форма бытования документа означает перевод документа из непубличной формы его бытования в публичную форму на основе законодательных норм и с помощью специальных механизмов выработки и принятия соответствующих решений. На их основе, например, в 1990-е гг. были рассекречены

для Конституционного суда Российской Федерации значительные комплексы документов по истории реализации Атомного проекта СССР, истории ГУЛАГа, коллективизации и голода в СССР. Однако часто необходимость перевода документа из непубличной формы в публичную вызывается практической потребностью, когда непубличная форма тормозит и даже препятствует его использованию в практических целях как оперативного регулятора жизненно важных процессов прошлого и современности. Так, например, произошло с рассекречиванием совместных постановлений Совета министров СССР и ЦК КПСС, связанных с землеотводом для строительства режимных предприятий, в последние десятилетия изменивших свой профиль деятельности и форму собственности.

2.13. Признаки документа как документального исторического источника

В литературе нет единого понимания не только документа, но и документального источника, как и исторического источника вообще. Сам термин «источник», как нечто не совпадающее с историческим исследованием, в России начал употребляться еще в XVIII в.¹ Кажется, только во второй половине XIX в. появляются первые подобные определения термина: у М. Н. Петрова — «свидетельства и памятники прошедшего, как письменные, так и вещественные», у В. О. Ключевского — «письменные или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ», у Н. П. Загоскина — «все то, что способно послужить нам средством к познанию минувшей жизни народа... тем самым приобретает значение источников к познанию истории этого народа». Согласно С. Ф. Платонову, «в обширном смысле понятие исторического источника включает в своем содержании всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись, наконец, устное предание». Определение исторического источника как «остатка старины» было характерно для многих отечественных исследователей начала XX в.²

Новые и важные оттенки в толкование исторического источника были отмечены А. С. Лаппо-Данилевским. Во-первых, он понимал под ним «всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить

¹ Илизаров С. С. О формировании термина «исторический источник» в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1986. С. 199 — 210.

² Подробнее см.: Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 29—40.

знание о другом объекте». Во-вторых, ученый видит в источнике исключительно произведение психической деятельности человека, т. е., употребляя современную терминологию, «интеллектуальный продукт». В-третьих, таким источником Лаппо-Данилевский считает лишь такой продукт человеческой психики, который «пригоден» для изучения только фактов прошлого исключительно «с историческим значением»¹.

Историк религиозных движений Л. П. Карсавин свое определение исторического источника поставил в зависимость от собственной теории «вживания» историка в прошлое. Для него источник — также остаток прошлого, не связанный с другими аналогичными источниками и оторванный от прошлого.

В дальнейшем понятие «исторический источник» стали связывать со всем, что может способствовать изучению прошлого, выделяя источники материальной и духовной культуры. Для темы данного учебника, однако, важно указать на точку зрения О. А. Добиаш-Рожественской, которая в источниках видела «следы прошлого» в виде «прямых» их остатков и остатки «символические» — письменные, в которых «за видимым знаком — начертанием — стоит символически высказавшееся духовное существо автора — писателя, который сам воспринял след проходящей мимо него истории»².

В конечном счете в советской историографии утвердился ряд положений, связанных с пониманием исторического источника. Во-первых, он стал четко отделяться от исторического исследования. Во-вторых, его широкое толкование распространялось на дошедшие «остатки», «памятники», «продукты», «материалы» как исключительно результаты человеческой деятельности. В-третьих, во всех определениях и комментариях к ним понятие «документальный источник» отсутствовало, в лучшем случае оно подразумевалось частично в термине «письменные источники». В-четвертых, несмотря на наличие в ряде дефиниций мысли о том, что источник является отражением общественной жизни, его толкования всегда статичны и, можно сказать, носят исключительно потребительский характер. В-пятых, преодолевая агностицизм в толковании понятия «источник», дефиниции старательно обходили все ситуации, когда такой агностицизм носил наведенный, т. е. создававшийся специальными усилиями, характер, приводя к непубличности реально существовавших источников.

Важное место в дальнейшем развитии понятия «исторический источник» сыграла книга Л. Н. Пушкарева. Его определение этого понятия звучало следующим образом: «все, непосредственно

¹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. С. 40—41.

² Там же. С. 45.

отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. все созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка»¹. Если отвлечься от мелких спорных неточностей этого определения (например, нравы и обычаи есть часть идеологии, а сама идеология не существует как самостоятельный вид источников, отражаясь и в предметах материальной культуры, и в памятниках письменности), его определение оказалось вполне жизнестойким.

Это определение, например, с сочувствием цитирует автор одного из последних источниковедческих исследований И. Н. Данилевский. Однако в дальнейших рассуждениях ученого обнаруживается совершенно иная позиция. Так, согласно Данилевскому, «историческими источниками на практике будут лишь те тексты, которые наиболее непосредственно передают интересующую историка ретроспективную информацию». В другом месте эта мысль сформулирована еще более определенно: «Историческим источником для изучения конкретного события прошлого может быть только текст, который, во-первых, несет информацию, восходящую к впечатлениям участников и (или) свидетелей этого события, и, во-вторых, наиболее непосредственно передает эту информацию по данному информационному каналу»². Из этих и других рассуждений Данилевского можно понять, что историческим источником для него является, во-первых, только текст, используемый в конкретном историческом исследовании, во-вторых, это преимущественно средневековый текст, и в-третьих, только текст, употребляя нашу терминологию, документальных источников личного происхождения. Но даже принимая такое ограничительное понимание исторического источника, вряд ли можно согласиться с тем, что пригодным для исторического построения можно считать лишь тексты «наиболее непосредственно» передающие информацию о случившемся в прошлом. С этим утверждением можно согласиться только в том случае, когда речь идет о текстах источников, существующих в разновременных списках. Тогда, действительно, наиболее ранний текст можно признать более аутентичным зафиксированному в нем событию. К тому же формула «наиболее непосредственно» несет в себе немалый налет неопределенности. В самом деле, карта прошедших боевых действий, кажется как раз именно таким «наиболее непосредственным текстом» источника для изучения этих боевых действий. Однако помимо такой карты есть еще боевые приказы,

¹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. С. 62—63.

² Данилевский И. Н. Историческая текстология. С. 81.

донесения, наконец, воспоминания участников. Выбор из них «наиболее непосредственных текстов» является труднейшей исследовательской задачей. Однако она не имеет никакого отношения к пониманию исторического источника, ибо все названные выше виды текстов являются полноправными историческими источниками, хотя и разными по степени аутентичности своей информации к болевому событию.

Новое и Новейшее время дает нам многочисленные примеры того, что при реконструкции того или иного события тексты источников, «наиболее непосредственно» повествующих о событии, оказываются менее аутентичными, чем другие тексты. Например, варианты официальных документов, не прошедшие редакторской правки, часто бывают более точными по фиксации происходящего, чем один из них, приглаженный в качестве официального варианта, и наоборот. Казалось бы, визуальные документы в форме видеозаписи, например, конкурсов-торгов на поставку товаров и предоставление услуг, да еще подтвержденные целым веером других документов, включая источники с письменными текстами, например, протоколы, отчеты и т. д., говорят о том, что это наиболее достоверный исторический источник. Однако судебные дела, связанные с коррупционным характером некоторых из таких конкурсов-торгов далеко не редкость в современной жизни, показывая их постановочный характер. Приведем другой пример. После аудио- и визуальных источников может показаться, что стенограммы заседаний, совещаний формально «наиболее непосредственно» фиксируют происходящее, т. е. и наиболее достоверны. Однако это далеко не всегда так. Даже при отсутствии редакторской правки вряд ли можно признать аутентичность их свидетельств в стенограммах, например, партийных собраний 1937 г., часто открывавших затвор репрессий. Наконец, каким «непосредственным участником» события может быть, например, следователь, расследующий уголовное или политическое дело, или чиновник, готовящий сводный отчет или информационную справку на основании неких исходных документов, которые до нас не дошли.

Иначе говоря, даже когда речь идет не об источнике «вообще», а только об источнике для конкретного исторического исследования, невозможно в целом утверждать, что им является только текст, «наиболее непосредственно» фиксирующий происходящее. Источником для изучения этого происходящего является даже сфальсифицированный сознательно текст, поскольку в нем скрывается особый «интерес» в фальсификации событий прошлого.

Для того чтобы фаза бытования документа в качестве документального источника в жизненных циклах документа наступила реально, необходимо несколько условий, обеспечивающих главное — превращение документа в публичный документ.

На наш взгляд, можно говорить о первичном, вторичном и ограниченно первично-вторичном признаках документа как документального исторического источника — объекта уже документального источниковедения. И эти признаки или условия можно объяснить с позиций архивоведения.

Первичным признаком документа как документального исторического источника, согласно нашему пониманию, является его обнародованность: в средствах массовой информации, включая в настоящее время Интернет, в книге, документальной публикации, в том числе в сопровождении его вариантов. В самом деле, например, специалистам в области истории феодализма такое наблюдение было давно и хорошо знакомо, считалось само собой разумеющимся, хотя теоретически, насколько известно, это нигде и не постулировалось. Однако практика их работы была связана именно с признанием безусловности этого положения. Оно исходит не только из вполне понятного признания того, что никогда никакая публикация, даже факсимильная, не сможет заменить подлинника. Достаточно в этой связи привести хотя бы пример с бесконечно продолжающимся еще с XVIII в. источниковедческим анализом духовных и договорных грамот великих и удельных князей, основанном в том числе на обязательном изучении подлинников и приносящим каждый раз самые неожиданные новые результаты. Речь идет и о более фундаментальных выводах, неизбежно следующих из данной теоретической посылки и связанных с решением эвристических, познавательных задач.

При этом принципиально важное значение имеет удостоверение аутентичности такого обнародования документа его оригиналу. Прошлый и современный опыт обнародования документов показывает, что, с одной стороны, высокой степенью аутентичности обладают документы, обнародованные в официальных изданиях, а с другой стороны, даже в таких изданиях по самым разным соображениям из текстов обнародуемых документов исключаются части, связанные с непубличной формой их бытования. Так, например, принятое 10 марта 1930 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» рассылалось только секретарям партийных комитетов. Однако напряжение в советской деревне к этому времени оказалось столь велико, что оно, отредактированное Сталиным, было опубликовано в газете «Правда» 15 марта без ряда важных положений. Иначе говоря, перед исследователями оказался частично сфальсифицированный документальный источник, восходивший к подлинному документу¹.

¹ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. С. 21.

Тем не менее, несмотря на последнее обстоятельство, любой обнародованный документ дает возможность рассматривать его не только в качестве оперативного регулятора того или иного события, факта, явления, процесса или их частных частей, но и как один из источников их познания, т. е. как документальный исторический источник. В этом случае документ становится историческим источником с момента своего обнародования.

Определенные виды документальных источников дореволюционного времени и советской эпохи публиковались сразу или чуть позже их создания в качестве официальных документов. В первую очередь это касалось постановлений, решений, распоряжений партийных, советских, государственных органов, отчетных и статистических документов. Такие публикации требуют обязательной проверки. Прежде всего эта проверка связана с полнотой текстов опубликованных документов. В публикациях не только не обнародовались их секретные части, но и указания на их существование. Далее: в них могут присутствовать искаженные документальные свидетельства, как правило, призванные пригладить негативные события, явления и процессы, а то и придать им вовсе позитивный характер. Иначе говоря, официальные документальные публикации документов бывают не полными и не достоверными, требуя обращения к их архивным оригиналам. Однако сами такие документальные публикации в результате этого становятся самостоятельными документальными источниками о времени их издания, демонстрируя отношение власти к зафиксированным в них событиям, явлениям и процессам.

Вторичным признаком документа как документально-исторического источника является помещение аутентичных сведений о его существовании в публичном НСА архива, начиная от путеводителя по архиву и кончая либо описью фонда (коллекции), либо внутренней описью дела. Вторичный признак документа как исторического источника менее определен, но он все же обеспечивает на уровне публичной справочной информации сообщение о существовании документа, его персонификацию как документального исторического источника, создает возможности его адресного поиска и сигнализирует о его общей и равной для всех доступности. В этом случае все зависит уже не от архивной среды бытования документа, а от умения пользователя найти нужный ему документ и использовать его в соответствии со своими интересами.

Ограниченно перечисленно-вторичным признаком документа как документально-исторического источника является ситуация, когда документ не бывает общим и равно доступным для всех, но тем не менее в той или иной форме становится известным и используется исследователем. В теории архивоведения, законодательной практике западноевропейских стран, в практике работы различных

классов, типов и видов архивов эта ситуация получила название «*доверительного доступа*» к архивным документам. И в прошлом, и сегодня «*доверительный доступ*» является реальностью. И хотя он способствует приращению нового исторического знания, его существование — легальное и нелегальное — представляется одним из опаснейших в понимании документа как документального исторического источника. Он создает иллюзию публичности документа, проверить подлинность, достоверность, точность интерпретаций которого в трудах «*доверенных лиц*» на самом деле у всех остальных не имеется возможностей. Поэтому преодоление ограниченно первично-вторичного признака документа как документального исторического источника, трансформация его в обще и равно доступный документ, является неременным условием признания документа в качестве полноценного документального исторического источника. В этом случае публичность документа как документального исторического источника предполагает его перевод из непубличной (секретной) формы бытования в публичную. Нам пришлось не раз говорить о том, что непубличная форма бытования документа в определенных типах государства приводит к сокрытию огромного пласта информации о процессах, переживаемых государством, обществом, человеком в прошлом¹.

Наличие документов с закрытой формой их бытования означает сокрытие «*другой жизни*» имеющихся в них документальных свидетельств о прошлом. Причем эта «*другая жизнь*», как правило, оказывается более приближенной к действительности. Доверительный доступ к этой «*другой жизни*» означает согласие с ее интерпретацией, а не публичный разговор об ее изучении. Именно с учетом этих обстоятельств, соглашаясь в принципе с делением исторических источников на «*актуальные*», т. е. доступные, введенные в научный оборот и «*потенциальные*», согласно определению И. Д. Ковальченко, «*информация которых еще не использована*»², мы не можем такое деление механически распространить на документ как один из видов исторических источников, ибо в таком случае будет стерта важнейшая черта одной из форм его бытования.

Рассекречивание архивного документа является одним из признаков превращения его в публичный, обще и равнодоступный документ — документальный исторический источник³.

¹ См., напр.: Козлов В. П. О свободе и несвободе документальной исторической памяти // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. М., 2017. С. 41—54.

² Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 115.

³ Иногда применительно к ряду видов документов, в первую очередь фотодокументам, рассмотренные выше признаки их как исторического источника получают странную и ничем не оправданную интерпретацию. Например, А. Н. Назаров, насколько можно его понять в интересной статье о соотношении вербальной

Выше мы могли убедиться в том, что практически любой архив в любой стране имеет закрытый массив документов, содержащих государственную, коммерческую тайну, тайну личной и семейной жизни. Наличие такого массива — объективная реальность, общественно значимое явление, хотя, конечно, в его формирование часто вмешиваются субъективные моменты. Засекречивание документов — отражение того, что они сохраняют то первоначальное целевое назначение, ради которого создавались, сохраняют содержание той целевой функции, ради исполнения которой они предназначались. Условный временной срок, только после истечения которого становится возможным доступ к ним исследователей, является своеобразным знаком, сигнализирующим об утрате документом своего первичного назначения и его переходе в новое качество — документа, предназначенного уже для решения иных задач и достижения иных целей. Собственно говоря, суть рассекречивания можно определить как трансформацию документа из разряда регулятора общественно значимых функций юридических лиц и замыслов физических лиц в разряд обеспечения не менее значимых общественных функций, связанных прежде всего с объективно присутствующей обществу необходимостью познания самого себя в исторической ретроспективе.

В теоретическом отношении идея публичности архивного документа как признака его трансформации в документальный исторический источник является вообще одной из ключевых для архивоведения и принципиально важной для документального источниковедения. В архивоведении она предопределяет решение задач, например, создания и совершенствования научно-справочного аппарата как обязательного признака и элемента публичности архивных документов, последовательность и содержание целых технологических архивных операций, касающихся, например, учета, микрофильмирования и т. д. Для документального источни-

и визуальной информации в кинофотодокументах, не склонен считать кинофото-документы, не имеющие текстовых пояснений, документальным историческим источником. По его словам, «без текстового описания все детали, фиксируемые кино или фотографией, не имеют смысла». Более того, по его словам, «кинодокументы способны расширить наши представления о событии или явлении, но только в том случае, если эти представления предварительно (курсив мой. — Авт.) уже были сформированы текстом». (См.: Назаров А. Н. К вопросу о соотношении вербальной и визуальной составляющих в кинофотодокументах // Аудиовизуальные архивы на рубеже XX—XXI веков: Отечественный и зарубежный опыт). М., 2003. С. 140, 145). Иначе говоря, если кинофотодокумент не идентифицирован изначально, т. е. не указаны место, время, автор его создания, запечатленные в нем лица и действия и т. д., то как исторический источник он бесполезен. Но как раз именно документальное источниковедение наряду с архивоведением призвано установить «смысл», и мы знаем, что оно успешно делало и делает это в отношении традиционных письменных источников.

коведения эта фундаментальная теоретическая посылка означает гарантии свободного и равного доступа к документальным историческим источникам, хранящимся в архивах, возможности проверки и перепроверки выводов конкретных источниковедческих исследований и т. д.

Приведенные выше размышления имеют не только теоретическое значение в плане уяснения процесса трансформации архивных документов в документальные исторические источники и его воздействия на архивные технологии и формирование достоверной источниковой базы. Недоучет, а то и вовсе игнорирование этой общей для архивоведения и источниковедения категории способны нанести серьезный ущерб прикладному архивоведческому и источниковедческому знанию. Здравый смысл, например, готов принять как данность существование оперативно-текущих архивов, т. е. архивов, доступных юридическим лицам для выполнения служебных задач. Понятно существование ограниченно-публичных архивов, т. е. архивов, доступных определенному кругу юридических и физических лиц. Однако доверительный тип архивов, т. е. архивов, доступных доверительному кругу лиц, вступает в противоречие с элементарными этическими нормами, открывает потенциальные возможности для искажений, а то и просто фальсификаций документальной источниковой базы.

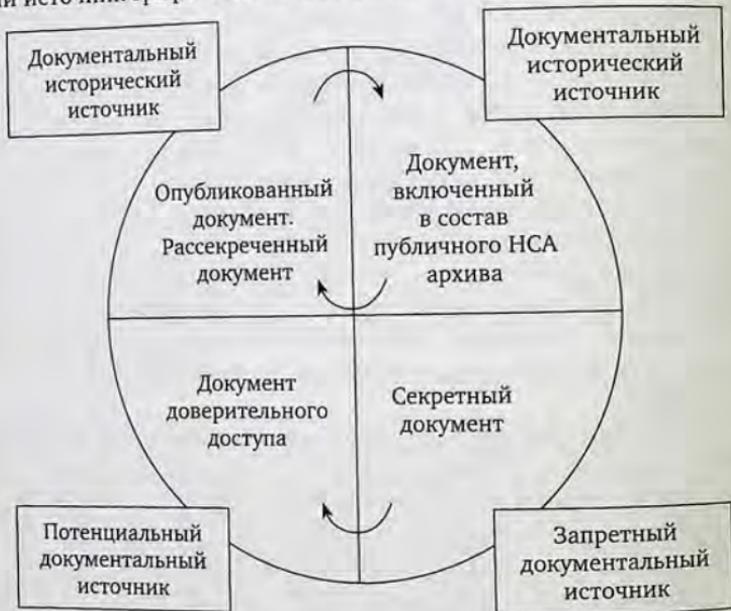
Мы рассмотрели процесс трансформации архивного документа в исторический источник и установили, что определяющим рубежом или критерием такой трансформации является приобретение архивным документом свойств известности и доступности. Сфера публичности архивных документов является, таким образом, общей для архивоведения и источниковедения. Это своеобразный общий «стыковочный узел», в котором объект одной научной дисциплины становится объектом другой научной дисциплины, однако становится не автоматически, а только после проведения с ним целого комплекса соответствующих операций, обеспечивающих строгую фиксацию архивного документа — исторического источника в комплексе других архивных документов и исторических источников, гарантирующих его неизменчивость и доступность. Только после таких операций становится возможным обеспечение нескольких обязательных условий научного поиска — его свобода, проверка выводов исторического исследования, корректное сравнение документальных источников и т. д.

С учетом этого обстоятельства мы и должны подходить к определению понятия «документальный исторический источник», которое имеет первостепенное значение для познания прошлого. Подводя итоги сказанному выше, ему можно дать следующее определение.

Документальный исторический источник — это любой публичный, изначально с момента **своего** бытования являющийся общедоступным или ставший общедоступным, документ, сохраняющий свою аутентичность.

Иначе говоря, любой документ, обнародованный сразу после его создания, — это документальный исторический источник.

Наши рассуждения о трансформации документа в документальный источник графически можно показать следующим образом.

2.14. Классы документов

Для любого документа характерна определенная сфера его происхождения. Даже тогда, когда документ по вполне объективным причинам покидает эту сферу, он остается ее принадлежностью по своему происхождению. Сегодня нам известны только три такие сферы: сфера публичного и не публичного официального документирования, сфера публичного и не публичного личного документирования и сфера публичного и не публичного сакрального документирования. Основываясь на этом, мы можем выделить три класса документов как особых материализованных продуктов мыслительной деятельности человека: класс документов официального происхождения, класс документов личного происхождения и класс сакральных документов.

Класс документов официального происхождения (официальные документы) регулирует жизнедеятельность личности, общества, государства и отражает результаты такого регулирования.

Класс документов личного происхождения фиксирует духовную жизнь человека, его состояние и взаимоотношения с обществом и людьми.

Класс сакральных документов отражает особые отношения человека со священными для него верованиями, убеждениями и символами. Сакральный класс документов фиксирует таинство человеческого общения с признанным им внечеловеческим авторитетом, выступающим для человека и судьей, и наставником, и исповедником. Он отражает особое состояние сознания человека и его действий.

Первый и третий классы документов внутри себя более организованы, более структурированы по видам и разновидностям документов, согласованы по механизмам их взаимодействия, применения и регламентации характера информации документов и их движения в документальном пространстве. Для этих классов документов характерны высокая степень официальной нормативной упорядоченности, а также учет в той или иной степени традиций при их создании и бытовании.

Для класса документов личного происхождения также свойственна некая упорядоченность. Однако она связана не с нормами, а исключительно с традициями. Именно традиции, длительный процесс самоопределения разных признаков и элементов этих документов, а не официальные нормативы способствовали выработке таких видов и разновидностей творческих документов личного происхождения, как роман, повесть, рассказ. Невозможно принять закон, регулирующий правила написания стихотворения, но правила «стихосложения», вроде ямба и хорея, существуют как общеизвестные и общепринятые. Можно, как в советские времена, с помощью ГОСТов закрепить виды и разновидности документов официального происхождения, их форму и даже содержание, но невозможно ни с помощью ГОСТов, ни с помощью закона о техническом регулировании в новой России продиктовать формуляр личного дневника или структуру личных воспоминаний. Класс документов личного происхождения отличается от классов документов официального и сакрального происхождения свободой самовыражения их авторов и свободой формы этого самовыражения.

Однако и в этом классе документов мы можем обнаружить свою особую традиционную символику и даже эстетику, развивающиеся во времени, и характерные для того или иного документа. Например, в XIX в. для личных писем — извещений о смерти и писем — соболезнований в связи со смертью характерна черная окантовка их страниц. Свою эстетическую, формулярную и содержательную

традицию в XIX в. имели рукописные альбомы. Альбомы для фотографий XIX — начала XX вв. подчас имели специальное и вполне самостоятельное художественное оформление. Глядя на «Рукописные книги» А. М. Ремизова нельзя не увидеть, что подбор для них блокнотов имел для Ремизова важный эстетический смысл¹. Легко заметить, что такой вид документов личного происхождения, как письма, во второй половине XVIII — первой половине XIX в. имел свой устоявшийся формуляр: обращение — титулование адресата, содержание, подпись — титулование автора².

В этом классе, вероятно, есть смысл выделить особый подкласс документов «устного документирования», создающийся в стихийной и в определенной степени организованной формах. Речь идет об интервью с людьми, записываемыми традиционным письменным способом и с помощью современных технических средств.

Стихийная форма «устного документирования» предполагает свободный рассказ человека, группы людей о факте, событии, явлении, процессе прошлого, свидетелями, участниками, очевидцами, современниками которых они были. При организованной форме «устного документирования» такой рассказ задается, программируется интервьюером с помощью специального набора вопросов в рамках его понимания факта, события, явления, процесса прошлого либо для целевого уточнения их деталей, а также для некоторого ограничения стихийного рассказа интервьюируемых.

В отличие от внешне похожих на этот подкласс аналогичных документов официального происхождения, возникающих, например, в процессе следственных действий, документы данного подкласса так или иначе представляют собой результат интеллектуального не столько общения, сколько информационного взаимодействия, диалога с большой психологической подосновой двух сторон: транслирующей (интервьюируемый или интервьюируемые) и иницилируемой (задающей/задающих вопросы либо только ставшей инициатором трансляции).

«Устное документирование» в России ведет свое начало по крайней мере с XVIII в., когда получили известное распространение собиранье и публикация, например, «анекдотов» от современников Петра I о его жизни и деятельности. Известно, что А. С. Пушкин прибегал к нему при подготовке «Истории Пугачевского бунта». В России едва ли не первая организованная официальная попытка «устного документирования» относится к 1918—1923 гг., когда в Петрограде действовал Институт живого слова, специализиро-

¹ Ремизов А. М. Рукописные книги. СПб., 2008.

² Этот формуляр имел рекомендательный характер и предлагался в специальных изданиях. См., напр.: Курганов Н. Г. Книга писмовник, а в ней наука русского языка, с семью присовокуплениями, разных учебных и полезно-развлекательных вещей. СПб., 1777.

вавшийся на фонографировании в основном деятелей культуры и науки¹. От современной истории сохранилось немало документов этого подкласса документов личного происхождения. Например, А. И. Солженицын предпринял беспрецедентное «устное документирование» узников ГУЛАГа. Известный российский историк Великой Отечественной войны Г. А. Куманев осуществил масштабные письменные и аудиозаписи ее выдающихся участников². Павел Хлебников свою книгу о чеченской трагедии вообще построил на интервью с одним из лидеров чеченского сепаратизма³. Книга В. А. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте» практически целиком написана на собранных им интервью участников чеченских событий⁴. Удачным примером «устного документирования» последних лет в виде аудиовидеозаписи интервью А. Ширинской стал фильм «Анастасия», посвященный судьбе российской так называемой Бизертской эскадры в Тунисе⁵.

«Устное документирование» сегодня становится все более и более масштабным явлением, связанным в первую очередь с современностью. Не случайно «устному документированию» был посвящен состоявшийся в 1988 г. Международный конгресс архивов. На нем широко обсуждались приемы и методы «устного документирования», причем не раз говорилось о создании некоей общей методологии такого документирования, организации хранения, описания и использования его результатов в исторических исследованиях.

Для документоведения «устное документирование» представляет интерес как процедура, имеющая отношение в ряде случаев к официальному документированию и потому подлежащая регламентации, например, при осуществлении аудиовидеозаписей конкурсов-торгов на предоставление товаров и оказание услуг. Для архивоведения, археографии и документального источниковедения подкласс «устного документирования» класса документов личного происхождения принципиально важен, учитывая, что он может существенно дополнять информацию официальных документов и других документов личного происхождения. В архивоведении этот подкласс ставит вопрос об особых правилах организации его хранения. В археографии при отборе документов для документальной публикации возникает необходимость гармоничного соотношения документов «устного документирования» с другими

¹ Коляда В. А. «Есть звуки, их значенье...» М., 2008. С. 47—48.

² Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. М., 1999.

³ Хлебников П. Разговор с варваром: беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. М., 2004.

⁴ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001.

⁵ В основе рассказа А. Ширинской в этом фильме лежали ранее опубликованные воспоминания: Ширинская А. Бизерта: последние стоянка. СПб., 2006.

документами личного и документами официального происхождения. В документальном источниковедении документов «устного документирования» возникают свои специфические проблемы, связанные с определением их подлинности и достоверности, о чем красноречиво свидетельствуют, например, записи бесед журналиста В. Литова с многолетним министром сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктовым¹.

Графически сказанное выше можно показать следующим образом

Предложенная классификация документов является самой общей архивоведческой классификацией. В теме 5 мы подробно рассмотрим состав документов этих классов — официального и неофициального документирования, которые, как видно из вышеприведенной схемы, вместе с классом сакральных документов и подклассом устного документирования и составляют документальную память. Здесь же, поясняя нашу схему, отметим, что устное документирование может иметь официальное, неофициальное и сакральное происхождение, т. е. являться неким вторичным продуктом, генерируемым в официальной, неофициальной и сакральной сферах, а также само по себе способно стать частью документальной памяти.

Подводя итоги настоящей темы, важно заметить, что в своем подавляющем большинстве документ создается не ради запоминания, а для регулирования чего-либо. Его свойство запоминания в подавляющем большинстве случаев — следствие функциональной заданности документа, ее вторичный и не предусмотренный при создании документа результат.

¹ Бенедиктов И. А. С Сталине и Хрущеве // Молодая гвардия. 1989. № 4. Ср: Интервью, которого не было // Огонек. 1989. № 37. С. 8.

Контрольные задания

1. Укажите смысл определения документа как интеллектуального продукта.
2. Рассмотрите имеющиеся толкования понятия «документ».
3. Расскажите о документе как материальном носителе информации.
4. Расскажите об информации как составной части документа.
5. Покажите эволюцию видов документа в России.
6. Расскажите о трансформации (фазах бытования) документа.
7. Рассмотрите формы реализации документом функциональной заданности.
8. Охарактеризуйте признаки документа как документального исторического источника.
9. Дайте определения и характеристики классов документов.

Тема 3

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ — ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ АРХИВОВЕДЕНИЯ

3.1. Документальная память как особый тип исторической памяти

Понятие «память» многогранно. Это память физическая, когда мы, например, видим вспышку сверхновой звезды, канувшей в небытие иногда миллионы лет назад. Это память физиологическая, сохраняющаяся нашим мозгом, а, может быть, и сердцем. Это память генетическая о каждом из нас как неповторимом божественном или природном создании. В мире человеческом, социальном помимо генетической памяти существует память интеллектуальная, фиксирующая и сохраняющая все проявления души человека и его жизнедеятельности как личности, как социального существа. Интеллектуальная память сохраняется во множестве создаваемых человеком продуктов жизнедеятельности. Ее разновидностью является память историческая, формируемая у человека и общества различными способами.

Историческая память — естественное социальное свойство человека, общества, государства. Главный ее смысл есть воспоминание о прошлом и его многообразные интерпретации. Она изменчива во времени, отражая изменчивость жизни как процесса далеко не всегда поступательного, но двигающегося в бесконечную неопределенность будущего. Эта изменчивость исторической памяти рождает известный скепсис относительно ее соответствия действительному произошедшему прошлому, несмотря на то, что человек, общество, государство в любые времена связаны с этим прошлым тысячами видимых и не видимых нитей, подчас осознанно и не осознанно подчиняясь созданным в прошлом обстоятельствам, оставаясь в их власти или стремясь к их улучшению, поправ-

лению, модернизации, а то и разрушению. Независимо от любого понимания прошлого заметим, что тяга к его узнаванию есть неизменное свойство человеческого ума и души и для человеческого существования обязательное как, например, правила арифметики.

Историческая память среди прочих источников формируется и с помощью документов, которые являются носителями документальной памяти. При этом человеческая история до сих пор свидетельствует, что документ остается не просто равноценным, но и подчас самым долговечным и репрезентативным ее носителем в кругу других исторических источников. Однако существующий скепсис в отношении правдивости исторической памяти рождает один из ключевых вопросов не только архивоведения, но и вообще человеческого бытия: нужна ли человечеству документальная память и если да, то для чего? Не стоит обольщаться: ответов на этот вопрос в современном общественном сознании существует множество. Их можно свести к нескольким. Ответ первый и самый радикальный: документальная память — это лживая фиксация прошлой жизни, она может быть использована для манипулирования нашего прошлого, а потому ее игнорирование и даже ликвидация — вещь нормальная, естественная и оправданная хотя бы экономически. Ответ второй: по экономическим, политическим и идеологическим соображениям нужно утилизировать ту часть документальной памяти, которая зафиксировала ложные основания жизни страны, общества и людей. По этой причине, например, архивы КПСС подлежат ликвидации — там все неправда, и эту неправду сохранять незачем. Ответ третий: документальная память — это пот, слезы, кровь, падения и взлеты жизни наших предков, их горячее дыхание созидания. Она парирует угрозу амнезии прошлого для современности и будущего.

Архивоведение не может не стоять на позиции третьего ответа на поставленный вопрос. Полная или частичная амнезия исторической памяти возможна путем уничтожения документальной памяти, она рождает у государства, общества, человека манкуртизм, а он неизбежно ведет к катастрофе. Архивоведение говорит манкуртизму — «нет». Оно показывает важные особенности документальной памяти, препятствующие исторической амнезии.

Понятие «историческая память» в ее современной трактовке похоже на двуликий Янус. Казалось бы, что ее сугубо научный смысл есть не что иное, как знание о прошлом, получаемое с помощью неких общепринятых методов. Иначе говоря, это общепринятое доказательное знание о прошлом или, проще говоря, это твердо доказанное знание о прошлом, которое невозможно опровергнуть. Такое знание является почти абсолютным в отношении фактов и событий, доказательно полученных на основе анализа источников и относительно гипотетичным в части их объяснения.

Однако, едва ли не с самого появления этого строго научного в историографическом смысле понятия, оно начало размываться с нескольких сторон. Прежде всего, заговорили о коллективной исторической памяти, которая приобрела двоякий смысл. С одной стороны, коллективная историческая память стала рассматриваться с позиций социологии. Проект «Имя России» стал в этом отношении показательным, продемонстрировав коллективное обыденное представление россиян о выдающихся людях России и их своеобразном «рейтинге». С другой стороны, заговорили о конструировании коллективной исторической памяти в пределах, которые могли бы стать одной из «скреп» современной российской государственности. Стало соблазнительным регулировать историческую память не только через разные институты ее добывания и трансляции, но и с помощью законодательства. И то и другое, разумеется, важно и полезно. Но нужно вспомнить, что и обыденная историческая память, и историческая память как «скрепа» есть всего лишь сегмент общественного сознания.

Размывание строго научного понятия «историческая память» обозначилось также с еще одной стороны. Историческая память стала подменять историческое знание, которое реально в лучшем случае является всего лишь одной из разновидностей или одним из типов исторической памяти. И одновременно историческая память стала трактоваться исключительно как память героическая или трагическая.

Иначе говоря, сегодня историческая память выступает как часть общественного сознания и представляет собой многослойный конгломерат представлений о прошлом, существующих у человека, определенных сообществ людей и их государственных объединений. В зависимости от способов и источников ее получения можно говорить о ее нескольких типах.

Первый тип памяти о прошлом — *обыденный*. Это представление человека или большей части общества о прошлом. Ему присущи несколько особенностей. Во-первых, для обыденного типа памяти о прошлом характерна избирательность — он связан преимущественно не с историческими явлениями и процессами, а с именами и событиями, почему-либо особенно запомнившимися его носителям или особенно важными чем-либо для них. Во-вторых, часто ему присуще свойство *памятливости* о своих предках как чувства сопереживания с их судьбами, а через эти судьбы как прикосновение к более широкой картине прошлого своего поселения, города, региона, страны. В-третьих, *обыденный* тип памяти о прошлом, как правило, носит *воспоминательный* характер, а значит, хронологически ограничен периодом жизни двух-трех поколений. В-четвертых, этот тип памяти наиболее восприимчив к *мифологизации* прошлого, воспринимая миф как абсолютную реальность прошлого. Источниками

формирования обыденного типа памяти о прошлом являются СМИ, включая ныне Интернет, рассказы близких и знакомых, произведения литературы и искусства, увлеченные занимательностью своих рассказов музейные и туристические экскурсоводы и еще масса других источников, которые человек встречает на протяжении своей жизни.

Второй тип памяти о прошлом мы условно можем назвать *конструктивистским*, когда человек, общество, государство конструируют прошлое, т. е. протравивают, выстраивают, рисуют его картину под свои цели и задачи, когда прошлое стремятся не только приноровить к настоящему и будущему, но и сделать политической и идеологической прислугой. Раскавычивая слова Августина Блаженного, мы можем сказать, что для конструктивистского типа памяти о прошлом характерна его трактовка исключительно через определенные интересы настоящего. Прошлого, как времени ушедшего, для него не существует, есть только время прошлого как смысловые интересы времени настоящего.

Этот тип памяти имеет свои ответвления. Наиболее мощное из них — *политологическое конструирование памяти* о прошлом, как правило, всегда и везде поддерживаемое разными политическими силами и в их интересах. Другое заметное ответвление конструктивистского типа памяти о прошлом находится в плоскости «искренней веры» или *искренного заблуждения*. Мы имеем в виду веры не только религиозной, но и увлеченность определенной концепцией, увлеченность идеей, увлеченность оригинальным, совершенно необычным видением ушедшего времени — его людей, событий, явлений, процессов.

Конструктивистский тип памяти о прошлом более совершенен в сравнении с обыденным. В разумных пределах, когда речь идет о подпитке с его помощью кардинальных и истинных интересов государства и общества, когда он не противоречит нормам гражданской и религиозной морали и нравственности, этот тип памяти о прошлом необходим и обязателен как таблица умножения для начинающего жить человека. Без азов конструктивистского типа памяти о прошлом человеческая жизнь, жизнь общества и государства невозможны. Эти азы, образно говоря, напоминают канаты Останкинской телевизионной башни в Москве, которые позволяют ей раскачиваться, но не дают упасть.

Однако надо понимать и все опасности конструктивистского типа памяти о прошлом. Его политическая и интеллектуальная *многовариантность* содержат скрытые угрозы религиозного фанатизма, национализма, фашизма, империализма, имущественной ненависти — всего того, что стремится к деформации современного мироустройства, что желает его дестабилизировать вопреки желаниям, надеждам и воле здорового большинства.

Конструктивистский тип памяти о прошлом, во-первых, как правило, «актуализирует» память о прошлом. С одной стороны, это хорошо: нам, сегодняшним, полезно не только знать, но и учиться опыт прошлого при решении сходных современных задач. Во-вторых, конструктивистский тип памяти о прошлом во всех случаях и при любых ситуациях сознательно или неосознанно модернизирует память о прошлом, представляя дело так, как будто мы, сегодняшние, живем в том прошлом, такие умные и все знающие и понимающие, рядом с нашими недотепами-предками. В-третьих, рассматриваемый тип памяти о прошлом, по большому счету с течением времени, но прежде всего по воле политических обстоятельств. В-четвертых, и это, пожалуй, главное, конструктивистский тип памяти о прошлом стремится подчинить факты, события, явления, процессы прошлого интересам современности с целью актуализации, модернизации исторического знания и манипулирования им.

Конструктивистский тип исторической памяти отличается от обыденного типа главным: в его основе лежит исторический источник. Однако его применение, т. е. использование, носит исключительно потребительский характер, особенностью которого является принорвление свидетельств источника к заранее выбранной, придуманной конструкции какого-либо сюжета прошедшего. Исторический источник — вещь бездонная и безграничная, неисчерпаемая по своей сути. Поэтому выборочное, селективное использование его свидетельств и их пристраивание под заранее придуманную конструкцию факта, события, явления или процесса прошлого бывает удобным и внешне эффектным и убедительным.

Научно-познавательный тип исторической памяти прямо противоположен конструктивистскому. В сфере его внимания находится проверенное и достоверное свидетельство источника или их совокупность, на основе которых реконструируется прошлое, устанавливаются события, явления, процессы, случившиеся в прошлом. Иначе говоря, научно-познавательный тип исторической памяти не подстраивает свидетельства источников под определенную схему, а через выявление и анализ свидетельств источников такую схему устанавливает. Формирование научно-познавательного типа исторической памяти представляет собой последовательный процесс установления определенных факта, события, явления и процесса прошлого и доказательство их достоверности на основе свидетельств исторических источников. Научно-познавательный тип исторической памяти изменяется во времени: меняется в сторону постепенного расширения проблематика его интересов, совершенствуются методики «добывания» из исторических источников свидетельств о прошлом и т. д.

Таким образом, конструктивистский и научно-познавательный типы исторической памяти сохраняют в сфере своего внимания исторический источник. Разница заключается в том, что первый тип памяти подходит к источнику от концепции, а научно-исследовательский идет от источника к концепции. Исторический источник — это любой «интеллектуальный продукт», создаваемый человеком. Однако документальный исторический источник среди других видов исторических источников занимает особое место, являясь носителем и особого типа исторической памяти — документальной.

3.2. Виды, структура и особые свойства документальной памяти

Документальная память — это память о произошедшем, зафиксированная в документальных свидетельствах документа и его различных по объему совокупностях, включая весь их сохраненный и пополняемый в масштабах страны массив.

Документальная память имеет две разновидности: собственно документальная память и документальная историческая память.

Собственно документальная память — это память любого документа и совокупности документов. Документальная память имеет по меньшей мере четыре составляющих. Во-первых, это память о каждом конкретном человеке, которому Природой или Богом было суждено жить на Земле. Во-вторых, это память о повседневности каждого мгновения ушедшего прошлого, в которой жил человек. В-третьих, это память о фактах, явлениях, событиях, процессах прошлого, определявших человеческую жизнедеятельность и судьбы конкретных людей и, наоборот, память о человеческой жизнедеятельности, предопределившей те или иные события, факты, явления, процессы в прошлом. В-четвертых, документальная память может выступать как правовая составляющая организации жизни прошлого, могущая иметь прямое или опосредованное значение для современности.

Документальная память в своей основе является результатом регулирующего целеполагания, в своей большей части она не создается как память о чем-либо или о ком-либо. Иначе говоря, документальная память может быть как произвольным, так и непроизвольным свойством документа. *Произвольная документальная память* является результатом соответствующего *изначального* целеполагания при создании документа, т. е. она создается исключительно для фиксации документом памяти о прошлом. Примерами

носителей произвольной документальной памяти являются дневники и мемуары. Большая же часть документальной памяти носит *непроизвольный характер*, когда запоминание документом осуществляется *автоматически* в процессе оперативного бытования при реализации поставленной перед ним задачи. Непроизвольный вид документальной памяти является результатом оперативного бытования ее носителя — документа — как регулятора человеческой жизнедеятельности. Это значит, что она создается не для того, чтобы стать документальной памятью, т. е. не ради запоминания происходящего, а для решения поставленных практических задач. Запоминание этих решений является всего лишь следствием достижения через них определенных целей.

Постоянно пополняясь, документальная память одновременно уточняет свой состав, формируясь с помощью экспертизы ценности составляющих ее документов уже в качестве разновидности исторической памяти — *документальной исторической памяти*. В ней полезность трансформируется в ценность как выражение ее значимости для изучения прошлого. В этом смысле документальная историческая память отличается от других типов исторической памяти рядом важных особенностей.

Как уже говорилось выше, составными элементами, «кирпичиками» документальной исторической памяти являются структурированные сообщения документов. Трансформация документа в документальный исторический источник, описанная в теме 2, в научном познании не может не сопровождаться трансформацией терминологии, фиксирующей этот процесс. Во-первых, документ, как оперативный регулятор человеческой жизнедеятельности, превращается с позиций архивоведения, археографии и документального источниковедения в документальный исторический источник как носитель запомнившихся фактов, событий, явлений, процессов, связанных с этим регулированием. Во-вторых, в результате этого документальное сообщение документа, как структурированная информация, становится *документальным свидетельством о прошлом*, представляющим интерес своими познавательными возможностями. Выше мы говорили о том, что документ может являться носителем просто структурированного и сложно структурированного сообщений. В документальном источниковедении, имеющем дело с документами, практическая полезность которых трансформировалась в информационную ценность, их можно назвать не сообщениями, а некими свидетельствами.

Документальное свидетельство может выступать в четырех ипостасях: документальное свидетельство — факт документального исторического источника как единичное случившегося, документальное свидетельство — факт прошлого в документальном историческом источнике (документальных исторических источников)

как событие произошедшего, документальное свидетельство — факт прошлого в документальном историческом источнике (документальных исторических источниках) как явление прошлого, документальное свидетельство — факт прошлого в документальном историческом источнике (документальных исторических источниках) как процесс прошлого.

Разумеется, предложенная классификация документальных свидетельств может показаться излишне схематичной. Однако в рамках логики рассуждений в настоящем учебнике она выглядит последовательной. Любой документальный исторический источник может быть рассмотрен как отражение единичного, особенного и общего прошлой реальной действительности. Следовательно, все зависит от взгляда исследователя на него. Наша классификация и есть отражение плюрализма таких взглядов и признание того, что ряд документальных источников, с точки зрения нашей классификации, может аккумулировать не только единичное и особенное, но и нечто общее. В этой же связи нас будет интересовать, говоря словами М. А. Барга, не «концептуализированный факт»¹, а документальное свидетельство, доказанное с помощью источниковедческого анализа как достоверное или недостоверное.

*Документальное свидетельство-факт*² представляет собой фиксацию обособленной единичности случившегося в прошлом, не имеющей ни временной, ни пространственной длительности, обладающей исключительной индивидуальностью³. Вневременная и внепространственная недлительность свидетельства документального исторического источника определяет его содержание, а, значит, формальный и неформальный статус как свидетельства-факта. Отраженный в документальном историческом источнике факт понимается нами как нечто произошедшее, не имеющее ничего похожего на другие факты. Жизнь, например, любого человека, отраженная в документальных исторических источниках, представляет собой во многом цепь таких неповторимых фактов, случившихся с ним. В книге Б. С. Илизарова⁴ на основании случайно сохранившихся личных документов некоего А. Я. Бронштейна благодаря их мастерскому источниковедческому и историческому анализу воссоздана жизнь обычного человека советской эпохи, состоявшая из чреды абсолютно единично случившихся с ним фактов.

¹ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 150—162.

² Наши дальнейшие размышления навеяны статьей М. Шильмана «Событие и исторический факт: попытка разведения понятий». URL: <http://abuss.narod.ru/texthtml/factum.htm> (дата обращения: 22.10.2020).

³ См.: Шильман М. Событие и исторический факт: попытка разведения понятий.

⁴ Илизаров Б. С. И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». М.; СПб., 2007. С. 53—87.

Было бы, однако, ошибочно думать о том, что такая череда единичного случившегося в документальном свидетельстве-факте является только и исключительно результатом случайности и хаотичности, индивидуальности и неповторимости. Нередко документальное свидетельство-факт как единичное случившегося является отражением события произошедшего. Например, в уже упомянутой книге Илизарова жизнь человека по фамилии Бронштейн оказалась буквально «впечатанной» в общий контекст истории советского общества — судьба конкретного человека при всей ее неповторимости в частностях и деталях отразила важнейшие события, а то и явления советской истории, запечатленной в совокупности документов, представлявших всего-навсего документальные свидетельства-факты.

Документальное свидетельство — событие произошедшего — это тоже документальное свидетельство — факт случившегося. Однако это факт уже иного, более высокого и широкого порядка, в котором проглядывает нечто более значимое, нежели просто свидетельство-факт. Во-первых, свидетельство-событие представляет собой некую совокупность разнородных свидетельств-фактов. Во-вторых, такое документальное свидетельство-событие обязательно имеет некую связь и взаимосвязь с составившими его документальными свидетельствами-фактами. В-третьих, документальное свидетельство-событие имеет уже определенную временную и пространственную протяженность. В-четвертых, документальное свидетельство-событие — это результат документальных свидетельств-фактов. Это, выражаясь библейским языком, своего рода «исход», а говоря языком технократов — «выбег» в иное измерение документальных свидетельств¹. Взятие Зимнего дворца в октябре 1917 г. и расстрел Белого дома в октябре 1993 г. — при всех различиях обстоятельств и мотивов произошедшего в 1917 г. и в 1993 г. — они стали не чем иным, как событиями. Разрозненные факты и их мотивы, разные в каждом из этих двух разных событий, составили некую цепочку, обретшую в конце концов событийное значение. Понятно, что документальные свидетельства-события могут быть и должны ранжироваться — событие 19 августа 1991 г. вокруг Белого Дома, отраженное в документальных исторических источниках, в том числе в аудио-видеозаписи пресс-конференции членов ГКЧП, не идет, например, ни в какое сравнение с документальным свидетельством-событием о строительстве дачного дома.

Документальное свидетельство-явление представляет собой некую, чаще всего скрытую, совокупность результатов и последствий случившихся документальных фактов-событий. Для него характерно

¹ См.: Шальман М. Событие и исторический факт: попытка разведения понятий.

несколько признаков. Во-первых, это наличие уловимых и скрытых связей между документальными фактами-событиями. Во-вторых, это присутствие в документальном историческом источнике или их некоей совокупности свидетельств «внутренней», авторизированной оценки и интерпретации документальных фактов-свидетельств и фактов-событий. В-третьих, мы и здесь наблюдаем «исход» и «выбег» документального факта-явления за ограниченные документальным свидетельством-событием временные и пространственные границы, а также — в иное измерение — в документальный факт-процесс. Документальный факт прошлого как историческое явление применительно к документальному источниковедению означает череду событий произошедшего, приведших к определенному, значимому для прошлого и современности результату. Чреду таких событий, одновременно совершавшихся в пространстве и на определенном временном протяжении, похожих друг на друга и (или) следующих друг за другом, можно сравнить с веретеном, на которое равномерно наматывается в целом однородная по диаметру нить. Этот своеобразный «закон веретена» для документального источниковедения важен, вызывая потребность выявления и анализа, во-первых, определенных видов исторических источников, например, статистических, и, во-вторых, такого анализа других видов исторических источников, который бы позволил выявить через единичные документальные свидетельства-факты и документальные факты-события скрытое в них документальное свидетельство-явление. Документальное свидетельство-явление, ограниченное во времени, но имеющее много больший, чем просто свидетельство-факт, свидетельство-событие, временной обзор, интересно своими общими и главными сущностными характеристиками¹.

Документальное свидетельство-процесс отражает смену неких состояний, как некие знаковые вехи и даже стадии исторического пути, фиксируя также некие «исход» и «выбег» из документальных свидетельств-явлений. Документальное свидетельство — процесс прошлого представляет собой совокупность разновременных, разнопространственных, разноуровневых, совпадающих и различающихся документальных свидетельств-явлений. Документальное свидетельство-процесс претендует уже на отражение некоей закономерности в историческом пути народа и государства.

Рассуждая о документальных свидетельствах и давая им четырехуровневую типологию, нужно помнить, что все они или их часть могут фиксироваться: 1) на уровне конкретного документального источника; 2) на уровне системы, т. е. взаимосвязанной совокупности документальных источников, возникающей в процессе того или

¹ См.: Шильман М. Событие и исторический факт: попытка разведения понятий.

иною целедостижения; 3) на уровне системы систем совокупностей документальных источников, взаимодействующих в процессе оперативного бытования; 4) на уровне простой совокупности документальных источников, опосредованно связанных с целедостижением, либо независимых друг от друга документальных источников, зафиксировавших полученный результат.

Рассмотрим каждый из таких уровней проявления документальных свидетельств.

Документальное свидетельство на уровне конкретного документального источника, как правило, запоминает частичку действий, связанных с целедостижением. Это и есть свидетельство-факт в указанной выше трактовке. Таковым, например, является «Акт о приведении в исполнение приговора Специального судебного присутствия Верховного суда СССР в отношении Л. П. Берия»¹.

Вне всякого сомнения, бывает просто документальное свидетельство-факт и более значимое аналогичное свидетельство-факт. Приведенное в «Акте» свидетельство-факт имеет важное значение само по себе, означая не просто смерть человека, крупного государственного деятеля, но поражение целой и мощной политической силы в результате ожесточенной борьбы в высшем советском руководстве после смерти Сталина за его «наследие». Другим примером такого рода документальных источников является «Постановление Постоянного мобилизационного совещания при Президиуме ВСНХ СССР о мероприятиях по усилению обороноспособности страны» от 19 мая 1928 г., содержащее целый набор свидетельств-фактов².

Вместе с тем документальное свидетельство на уровне конкретного документального источника может выступать как единичное начальное и законченное действие, зафиксировавшее свидетельство-событие как совокупность фактов, приведших к определенному результату. Таковым, например, является часть аналитического обзора Госплана СССР от 8 октября 1932 г. «К вопросу о развитии производства порохов и взрывчатых веществ в первую пятилетку»³.

Документ как документальный исторический источник может содержать документальные свидетельства о некоем явлении в открытом и скрытом видах. Например, справки Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР конца 1920-х — начала 1930-х гг. показывают объем экспорта из страны зерна. Его постоянный годовой прирост, с одной стороны, свидетельствует о стремлении тогдашнего советского руководства получить дополнительный и мощный источник валюты для закупки техники и оборудования

¹ Лаврентий Берия: 1953: стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 387

² История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР: 1900—1963: документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. М., 2008. С. 163—165.

³ Там же. С. 722—735.

на нужды индустриализации и коллективизации, а с другой — объясняет одну из причин голода, постигшего СССР в начале 1930-х гг. Это пример открытого отражения в документальном историческом источнике явления прошлого.

Точно также документ может отражать совокупность разных явлений в открытом и скрытом видах. Информационные сводки ВЧК — ОГПУ — НКВД руководству страны в значительной мере представляют собой открытый вид фиксации сразу нескольких явлений в жизни советского общества: политические настроения в разных социальных слоях народа, религиозные и национальные движения и т. д.

Документ как документальный исторический источник может зафиксировать некий процесс или совокупность процессов. Таким, например, документом можно считать «Доклад Комиссии академика Кириллина», представляющий собой анализ состояния советской экономики, финансовой системы, демографии и т. д. и в целом зафиксировавший процесс кризиса советской экономики¹.

Документ как документальный исторический источник может быть лишь частичкой, «осколком», в котором отразились документальные свидетельства четырех рассмотренных их видов. Доклад Хрущева на XX съезде КПСС² является одним из примеров такого многопланового проявления документального свидетельства на уровне конкретного документального источника. Уровень конкретного документального источника может также представлять промежуточные и окончательные результаты определенных действий по целедостижению, например, отчеты, статистические данные, и таким образом отражать документальные факты-события, факты-явления, факты-процессы.

Документальное свидетельство на уровне системы документальных источников, представляет собой ограниченную совокупность свидетельств-фактов, свидетельств-явлений, свидетельств-процессов, раскрывающих не только ход и результаты целедостижения, но и неизбежно возникающие в процессе этого сопутствующие документальные свидетельства, важные своими самыми разнообразными познавательными возможностями. В прагматическом смысле это означает бытование документального свидетельства в рамках существовавших ведомственных систем и подсистем документации, когда речь идет о документальных свидетельствах документов официального документирования и о личных архивных фондах документов неофициального документирования.

Документальное свидетельство на уровне системы систем документальных источников включается в сферу документальных

¹ Черкасов П. П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 462—463.

² См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС...

свидетельств разных систем документации. Внутри этой совокупности существуют сложнее взаимодействия документальных свидетельств, отражающих целедостижение во всем многообразии документальных свидетельств о нем.

Документальное свидетельство на уровне простой совокупности документальных исторических источников, прямо или опосредованно связанных с целедостижением, представляет собой искусственно созданную, никогда реально не существовавшую и не существующую совокупность документальных исторических источников, выявленных в процессе решения познавательной задачи, прямо или косвенно отразивших исторический факт в его узком и широком понимании.

Для второго и третьего уровней документальных свидетельств характерна естественная системность документальных исторических источников, обеспечивающая проверяемость и взаимопроверяемость документальных свидетельств, возможность установления процессов их формирования, а значит, определения их достоверности. При этом важно отметить, что функционирование документальных свидетельств в естественных системах документальных исторических источников подчас подвергается самопроверке внутри таких систем. Например, осенью 1931 г. по инициативе И. В. Сталина была создана специальная комиссия по проверке деятельности совхозов, которая среди прочего выявила, что совхозы «фактически повисли на шее государства, обманывали его в своей отчетности..., преуменьшали планы хлебосдачи и отчитывались дутыми цифрами». Аналогичная картина наблюдалась и в последующие годы¹.

Документальные свидетельства первого и четвертого уровней в Новое и Новейшее время почти всегда имеют естественные и искусственные связи с документальными свидетельствами других документальных исторических источников.

Документальное свидетельство может содержаться в исключительно целевых структурированных сообщениях и в нецелевых структурированных сообщениях.

Для целевых структурированных сообщений документального исторического источника характерно их жесткое соответствие целевой заданности конкретного документа. Обычно это достигается с помощью специальных документов-регламентов, о которых мы говорили в теме 2.

Нецелевые документальные сообщения представляют собой, как правило, риторическую часть документа — политические и идеологические «фигуры слова», своего рода «символы веры». Такие свидетельства, на первый взгляд, не имеющие познавательного значения, при специальном анализе дают возможность установить

¹ Голос в СССР: 1929—1934. Т. 2: Июль 1932 — июль 1933. М., 2012. С. 51, 69—70, 116, 189.

общественно-политическую атмосферу создания целевых, сугубо прагматических документальных сообщений.

Документальные свидетельства, основанные на целевых и нецелевых структурированных сообщениях, характерны, например, для вариантов документальных исторических источников, возникающих в фазе создания документа. Такие варианты часто бывают еще не скованы документами-регламентами и не всегда соответствуют традиции. Они представляют собой поиски автором документа в соответствии с его пониманием целедостижения оптимальной системы структурированных сообщений. В этом смысле не вошедшие в окончательный, «канонический» текст документального исторического источника нецелевые структурированные сообщения имеют важное и подчас самостоятельное источниковое значение. Они не только часто дополняют документальные свидетельства целевых структурированных сообщений, но иногда являются самостоятельными документальными свидетельствами.

Существуют и скрытые документальные свидетельства, основанные на нецелевых сообщениях, имеющие подчас важное источниковое значение, о которых писали многие исследователи. По мнению И. Д. Ковальченко именно наличие «скрытой информации» является показателем неисчерпаемости источника, в том числе документального¹. В этом смысле документальный исторический источник является прежде всего носителем скрытых документальных свидетельств. Их выявление, доказательство наличия и интерпретация является сложнейшей источниковедческой проблемой, решение которой оправдано получением новых документальных свидетельств. Например, в документальной публикации «Голод в СССР» помещены документальные свидетельства, содержащие статистические данные о проявлениях сопротивления политике коллективизации в различных формах. Они в открытом виде также отражают сопротивление советской деревни ее модернизации на основе коллективизации и ликвидации кулачества как класса. В этой же публикации помещены документальные свидетельства-факты о конкретных проявлениях недовольства в том или ином регионе страны. Сами по себе такие свидетельства еще не говорят о наличии явления. Перед нами — документальные исторические источники со скрытыми документальными свидетельствами, отразившие явление в скрытом виде, приоткрывающие его только во множестве случившихся фактов. В уже упомянутой книге Илизарова продемонстрированы образцы выявления таких скрытых нецелевых документальных свидетельств и их интерпретаций в историческом исследовании.

Приведенная типология документальных свидетельств документа, ставшего документальным источником, имеет важное значение

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования... С. 119.

для документального источниковедения. Однако она востребована и архивоведением. Здесь такая типология является одним из инструментов отбора документов на вечное хранение, ориентирующая на учет этой типологии при экспертизе ценности. Такая ориентация позволяет определить ценность конкретного документа, совокупности документов, связанных друг с другом, совокупности документов в системе их систем документации, простой совокупности документов, опосредованно связанных друг с другом определенным целедостижением в процессе оперативного бытования.

Для документальной исторической памяти присуща *непосредственность фиксации происходившего*. Она вытекает из главного функционального предназначения документа как оперативного регулятора событий, явлений и процессов современности, как средства и способа вмешательства в них человека и установления результатов такого вмешательства. Это свойство документа неоднозначно для понимания документальной исторической памяти. С одной стороны, она запоминает действительно то, что происходило, что оперативно зафиксировано в документе на оперативной стадии его бытования. С другой стороны, далеко не всегда бытование документа как оперативного регулятора современных ему событий, явлений и процессов отражает их в подлинном виде, т. е. так, как было на самом деле. Пристрастие как черта человеческого характера, определенного человеческого социума — вещь вневременная и вненациональная. По этой причине документальная историческая память требует проверки с помощью особых приемов и методов, общепринятых в научном сообществе.

Следующее свойство документальной исторической памяти — это ее *непрерывность*. При этом непрерывность можно рассматривать в двух плоскостях. Первая плоскость показывает непрерывность документальной памяти народа, государства, поселения, определенного социума и т. д. В этом смысле разрыв такой непрерывности документальной исторической памяти и тем более ее прекращение *вообще* всегда являются сопутствующим признаком катаклизма, катастрофы либо очень значимых социальных и политических явлений и процессов. Вторая плоскость непрерывности документальной исторической памяти означает, что она фиксирует зарождение, развитие, результаты и прекращение какого-либо события, явления, процесса в совокупности документов на протяжении различных временных периодов. В этом случае появляется возможность нейтрализовать недостоверность одного или нескольких документов.

В отличие от всех других типов исторической памяти документальная историческая память *неизменчива*, она есть такая, какая зафиксирована в документах. Это значит, что ее поправить невозможно, так как такие поправки, связанные, например, с уничтожением документов — самым вызывающим способом исказить, деформиро-

вать документальную историческую память — все же так или иначе грозят наказанием для тех, кто посмеет инициировать и исполнить такую самую крайнюю степень деформации документальной памяти. Иначе говоря, документальная историческая память обладает высокой степенью *неприкосновенности* в отличии от других типов исторической памяти, подверженных пересмотру, уточнению, а то и манипулированию. Неизменчивое состояние документа как носителя части документальной исторической памяти можно считать ее одним из выдающихся признаков, хотя, как увидим ниже, случаи разрушения неприкосновенности документальной исторической памяти в истории России имели место не один раз.

Свойство неприкосновенности документальной исторической памяти имеет глубокий философский и познавательный смысл. С одной стороны, оно означает вечное сохранение документальных свидетельств о бытии на Земле человека, народа, государства, несмотря на случающиеся катастрофы. Поэтому разрушение неприкосновенности документальной памяти означает их повторную смерть или гибель, теперь уже окончательные. С другой стороны, свойство неприкосновенности документальной памяти является, во-первых, гарантией ее аутентичности и точности использования, а во-вторых, оно обеспечивает в будущем ее новые и бесконечные по вариативности осмысления. После экспертизы ценности документальной памяти любые ее утраты являются событиями чрезвычайными, даже в случае действия непреодолимой силы. Обеспечение неприкосновенности документальной исторической памяти через комплектование и обеспечение сохранности архивных документов входит в число трех важнейших функций архивов.

Как и обыденному типу исторической памяти части документальной исторической памяти присуще свойство *воспоминательности*. Однако здесь оно более организовано, так как основывается не на устном запоминании, а на сознательной фиксации этого запоминания письменным, аудиовизуальным или иным способом. Это свойство документальной исторической памяти, несмотря на ее высокую организованность, также не лишено пристрастия, которое выявляется благодаря еще одной ее особенности.

Она связана с *системностью* документальной исторической памяти. Это означает, что она состоит не из отдельных сегментов, ячеек, фрагментов, никак не связанных друг с другом, а представляет собой всегда разные, большие и малые, совокупности документов прошлого, естественно в процессе своего оперативного бытования как регуляторов современности оказавшихся связанными друг с другом. Архивное дело, архивный фонд, архив определенного профиля, система архивов страны есть отражение системности документальной исторической памяти. И это свойство документальной памяти, пожалуй, после свойств непосредственной фиксации

прошлого и неприкосновенности, является ее значимой особенно-стью. Прошлое здесь упаковано естественным образом — так, как организовывалась жизнь через ее документированную упорядоченность.

Утрата части документальной памяти в результате экспертизы ценности составляющих ее документов является событием хотя и не совсем нормальным, но все же регулируемым, подкрепленным опытом, публичными нормативами, здравым смыслом и консенсусом экспертов. Можно спорить о репрезентативности оставляемой на вечное хранение ее части по отношению к тому объему, который реально создается в каждое мгновение человеческой жизнедеятельности. Однако системность современного документирования все же позволяет склоняться к тому, что при строгом соблюдении существующих критериев экспертизы ценности документа общий объем документальной информации о факте, событии, явлении, процессе прошлого, учитывая ее свойства быть поглощенной, повторяться и даже дублироваться в документах вечного хранения, может быть достаточно репрезентативен.

Следующей особенностью, правда, только части документальной исторической памяти является ее *неактивированность*, иначе говоря, засекреченность, связанная с ограничением доступа к документам в процессе их оперативного бытования. Это, как говорили мы в теме 2, объективное явление, носящее вневременной и интернациональный характер. Однако оно существенно сужает использование документальной исторической памяти и даже приводит к ее искажению и деформации в каждый момент ее востребованности. Активация этой части документальной памяти также должно быть явлением объективным и своевременным.

Большая часть документальной исторической памяти всегда находится в *свернутом*, т. е. в *невостребованном состоянии*, в ожидании своей актуализации в документальных публикациях, исторических исследованиях, других формах ее развертывания. Они преобразуют с разной степенью успеха документальную историческую память в историческое знание. Свернутость документальной исторической памяти — это нормальное ее состояние. Однако ее актуализация зависит не только от внешней востребованности, но связана с обязательными операциями по ее упорядочению и созданию возможностей для ее поиска, обеспечивающих публичность, а значит, и ее актуализацию.

В теме 2 мы попытались рассмотреть сущность информации вообще и документальной в частности. Смысл наших рассуждений сводился к тому, что документальная информация — это сообщение, имеющее смысл и преследующее определенные цели в момент своего создания как некий регулятор общественных процессов. Как регулятор современности такая информация имеет наивысшую по-

лезность, которая со временем свою полезность ослабляет. Однако, утрачивая полезность, такая информация обнажает или обретает свойство ценности благодаря ее способности отражать произошедшее. Такую информацию в литературе давно рассматривают с позиции теории отражения реальной действительности или как ее запоминание в качестве частного случая отражения¹.

В советской литературе рассмотрение познавательных возможностей исторического источника, в том числе документального, с позиций теории отражения основывалось на том, что существующая независимо от человека реальная действительность и эта же действительность, воссоздаваемая человеком, в той или иной степени, так или иначе отражается в источнике. Теория отображения в исторических источниках реальной действительности в таком толковании носила гносеологический характер и как бы «проскакивала» важный этап такого отображения, связанный с механизмом сохранения этого отображения. В этом случае исторический источник, в том числе документальный, представлял собой не просто отображение, но и запоминание такого отображения и передачу его во времени и пространстве. Поэтому понятие «документальная память», представляя нам одну из разновидностей отображения реальности, одновременно выступает в качестве ее запоминания и носителя такого запоминания. Иначе говоря, понятие «документальная память» — это отображение-запоминание реальной действительности прошлого.

Выше мы упоминали, что вопрос об объективности такого отображения-запоминания можно признать вполне обоснованным, поскольку в подавляющем большинстве случаев оно является, во-первых, результатом субъективного осмысления текущей реальности автором документа и, во-вторых, зависит от ее восприятия уже не автором, а потребителем, в том числе как памяти о произошедшем. С учетом этого можно признать, что документальной исторической памяти, как и любому другому типу исторической памяти, присуще *свойство пристрастности*. Оно имеет свою особенность. Тут пристрастие выступает не как внешнее свойство конструктивистского или научно-исследовательского типов исторической памяти, реконструирующих прошлое по своим принципам и методам, а как ее естественное внутреннее состояние. Пристрастие документальной исторической памяти органично, отражая прошлую современность так, как ее простираивали люди в реальной жизни. Разумеется, это не значит, что пользователи документальной исторической памяти должны воспринимать ее *свойство пристрастности* как данность. Научно-исследовательский тип исторической

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного *признания*. С. 64—70.

памяти и призван с помощью общепризнанных методов и приемов нейтрализовать это свойство документальной памяти. Свойство сиюминутности документальной памяти дает возможность ее проверки на достоверность. В самом деле, могут быть пристрастными 5, 10, 100 документов, но их тысячный взаимосвязанный массив всегда отразит событие, явление, процесс так, как это было на самом деле.

Документальная историческая память является составной частью научно-исследовательской исторической памяти и важнейшим источником ее формирования, развертывания и развития. Однако в документальных публикациях она приобретает свойство непосредственного воздействия на ее пользователя. В этом случае она может выступать предметом занимательного, поучительного чтения и научно-исследовательского интереса без участия историка-провайдера. Различные типы документальных публикаций, выработанные археографией, призваны удовлетворить любой рассмотренный выше тип исторической памяти.

Документальная историческая память, зафиксированная в документах, во все времена и в любой стране является сферой деятельности архивов. Их материальная и интеллектуальная, включая обеспечение специалистами по работе с документами, защищенность означает и защиту документальной памяти от разного вида угроз. Именно при наличии этих угроз и их срабатывании архивы оказываются наименее защищенными, как показывает многовековая история архивов разных стран мира. Заинтересованность государства в сохранении документальной памяти и должна обеспечивать ее обязательную гарантированную защиту.

3.3. Документальная память в составе историко-культурного достояния (наследия) страны

Собственно документальная память не имеет каких-либо границ. Не только каждый документ, но каждое свидетельство, имеющееся в нем, — это напоминание о мгновении действительности, ушедшем в прошлое. Однако не каждый документ, содержащий такое свидетельство, как говорилось выше в этой теме, будет сохранен вечно. Это будет какая-то часть документов, и она, обремененная вечным сохранением, становящаяся документальной исторической памятью, одновременно является документальным наследием в любой стране мира.

В отличие от понятия «документальная память» понятие «документальное наследие» имеет ясный предметный характер. Это понятие носит четкий материализованный признак — то, что каждый из нас может потрогать. Это документ как физическая сущность, как материальный объект. Оно пересекается, но не тождественно

понятию «Архивный фонд страны», волю или неволю сегодня поделенное нашим законодательством на части прагматическим и удобным для управления принципом собственности на документы. В данном случае сложение частей никогда не даст целого. Понятие «документальное наследие» объединяет эти части в единое целое во времени и пространстве. Это научное, организационное и политическое понятие одновременно, придающее особый смысл одному из символов государственности и общенациональной идентичности, каковыми являются национальные архивы как организованные совокупности документальной памяти.

Документальное наследие является частью историко-культурного достояния, нередко органически связанной с ним. В широком смысле историко-культурным достоянием является все то, что остается нам от прошлого, сохранившись без изменения от воздействия разных факторов времени: человеческого небрежения, войн, природных катаклизмов, наслоений повседневности и т. д. Природные ландшафты, здания и сооружения, фольклор, традиции и обычаи, предметы труда, быта, отдыха, транспорта, вооружения и т. д. составляют это наследие, донося до нас реальную картину ушедшей жизни, ее дух, ценности. Эта картина, подпитываемая нашим воображением, связывает нас с прошлым, помогает понять его и ощутить себя в бесконечном потоке времени.

По меньшей мере три последних столетия человечество сознательно стремилось к сохранению своего историко-культурного достояния. Основными институциями такого сохранения стали архивы, библиотеки и музеи. Рассмотрим особенности каждой из этих институций по трем присущим им общим функциям комплектования, сохранения и использования, чтобы выявить особенности документального наследия в системе функционирования историко-культурного достояния.

Для того чтобы хотя бы приблизиться к пониманию этой проблемы, следует прежде всего рассмотреть объекты музейного, библиотечного и архивного хранения. В первом случае — это предмет (включая произведения живописи), во втором случае — книга, в третьем — документ. Разумеется, не следует исключать возможности и даже необходимости взаимопроникновения каждого из этих объектов в разные сферы их хранения, целесообразность которого доказана многочисленными примерами формирования и успешного существования единых архивно-музейных, архивно-библиотечных, музейно-библиотечных комплексов. Будем все же считать подобные комплексы скорее исключением, нежели правилом, а потому попробуем обозначить отличия и сходство этих объектов трех подсистем сохранения разных носителей исторической памяти.

Музейный предмет — будь то произведение искусства или остаток быта прошлых времен — может быть типичен или уникален,

неповторим. Значительная часть музейных предметов обладает также свойством реликвийности по своему происхождению, отношению к событиям прошлого или принадлежности выдающимся людям. Типичность предмета среди прочего означает его массовость, множественность, всеобщее распространение и проникновение в жизнь. Однако практика показала, что именно массовый предмет чаще всего вообще исчезает из состава предметов историко-культурного достояния. Вместе с тем музейный предмет уже в момент своего создания может представлять собой уникальное творение, например, когда речь идет о выдающихся произведениях искусства. Следующая особенность музейного предмета — его высочайшая способность познавательного, зрительного и образного, эмоционального воздействия на пользователя. Например, музейная экспозиция, в которой представлены мотыга, соха, плуг, трактор, наглядно, просто и убедительно раскрывает человеческий прогресс в земледелии.

Книга как объект библиотечного хранения во многом похожа на музейный предмет. Книге присуще свойства массовости или уникальности. Она, как и музейный предмет, может обладать свойством реликвийности. В силу природы своего происхождения этот носитель исторической памяти за очень небольшим исключением изначально является по определению вещью публичной, рассчитанной на массовое распространение и пользование. В этом заключается ее выдающаяся роль в передаче и сохранении исторической памяти. Она в концентрированном виде отражает факты, события, явления и процессы, происходящие, происходившие или могущие произойти в жизни человечества. Ее познавательный, просветительский потенциалы просто невозможно не только выразить строгими формулами, но даже и описать. Книга способна аккумулировать не только собственные неповторимые черты носителя исторической памяти, но и музейные предметы и документы.

Документ обладает практически всеми описанными выше признаками, характерными для музейного предмета и книги. Вместе с тем он имеет существенные отличия от книги и музейного предмета как носитель исторической памяти. Во-первых, создание подавляющей части документов, прежде всего официального происхождения, является обязательным элементом организации человеческой жизнедеятельности. По этой причине документ с большей, чем музейный предмет или книга, частотой, оперативностью, обыденностью отражает действительность, а значит, будет всегда более привлекателен для исследователя. Во-вторых, документ менее публичен, чем музейный предмет или книга. Несмотря на то, что ряд видов документов изначально создается как принципиально публичные документы, существуют, как мы убедились выше, целые сферы человеческой жизнедеятельности, документирование кото-

рых является оправданно принципиально непубличным. В-третьих, документ обладает свойством аутентичности, юридической доказательности зафиксированного в нем факта, события, явления, процесса и по этой причине подлежит обязательному сохранению — вечному или в течение определенных сроков хранения.

Таким образом, анализ музейного предмета, книги, документа говорит о том, что именно последний наиболее полно и приближенно к жизни отражает ее, а значит, среди них является основным носителем исторической памяти.

Комплектование музеев, даже если оно систематическое и строго ориентированное функционально-тематически, носит стихийный характер, поскольку основано не на норме, а на предложении или является результатом целенаправленного поиска.

Комплектование библиотек, особенно тех, которым законом предоставлено право получения и сохранения обязательного экземпляра документа, является более упорядоченным процессом в сравнении с комплектованием музеев. Однако в своей значительной части комплектование библиотек основано на принципе специализации: функционально-тематической (технические, медицинские, исторические и другие библиотеки), рекомендательной (универсальные публичные библиотеки), возрастной (детские, юношеские библиотеки) и т. д.

На этом фоне комплектование архивов, особенно документами официального происхождения, — процесс абсолютно всеобщий для каждой институциональной, включая административную, единицы в стране, систематический, упорядоченный и обязательный, в основе которого лежит обоснованная еще в XVIII в. и никем не оспариваемая и сегодня идея экспертизы ценности документов. Эта идея в принципе оправдала себя, хотя нельзя не признать, что ее практическая реализация связана с человеческим фактором, а значит, не лишена элементов субъективизма.

Таким образом, анализ принципов комплектования музеев, библиотек и архивов показывает, что в системе сохранения исторической памяти архивы обеспечивают большие возможности ее системной концентрации.

Музейный предмет, книга, документ, поступившие в музей, библиотеку, архив, в силу обозначенных выше особенностей комплектования начинают здесь новую жизнь. Она связана прежде всего с их упорядочением, т. е. включением конкретного музейного предмета, книги, документа в уже существующие совокупности музейных предметов, книг, документов.

Стихийность комплектования музеев предметами приводит к искусственным, основанным на логических схемах, системах их упорядочения и хранения, которые в своем большинстве не обеспечивают системного знания о прошлом как внутри самого конкретного

музея, так и в их имеющейся в каждой стране совокупности. Иначе говоря, хранение музейного предмета в музее обеспечивает точное и даже иллюстративное сохранение исторической памяти. Это фрагменты, очень важные и очень информационные по своей сути, но всего лишь случайно обнаруживающие свои когда-то реально существовавшие взаимосвязи. Однако принципиально значимо подчеркнуть, что такие «остатки» в музеях не меняют свою стратиграфию, прежде всего не подвергаются «прополке», а значит, остаются на вечном хранении как элементы исторической памяти.

Более организованное комплектование библиотек обеспечивает и более системную организацию сохранения исторической памяти. Однако существующий здесь принцип «обновления» знания (исключая библиотеки, хранящие вечно обязательный экземпляр любого издания) предполагает регулярно «прополку» книг, т. е. их утилизацию. Такая «прополка», абсолютно оправданная для публичных библиотек, неизбежно разрушает системность исторической памяти. Каждый раз актуализируя ее, такая «прополка» фактически разрушает историческую память, либо отсылает к ее познанию в библиотеки, имеющие право на хранение обязательного экземпляра издания.

В отличие от музейного предмета и книги документ поступает в архив, как правило, во взаимосвязи, в системе других документов, исторически или логически связанных друг с другом, т. е. в составе фонда. Фонд является естественным и органическим образованием, последовательно хронологически отражая факты, события, явления, процессы действительности, случившиеся в пределах сферы деятельности фондообразователя. Более того, конкретный фонд в конкретном архиве обнаруживает свои взаимосвязи с другими фондами и в не меньшей степени с фондами других архивов. Как уже говорилось выше, документ в составе фонда приобретает своеобразное состояние покоя, характеризуемое среди прочего вечной стратиграфией его хранения (архивным шифром) и невозможностью его «прополки». Благодаря указанным свойствам документ и фонд, в котором он находится, фонды, связанные друг с другом, отражают не случайную, не хаотичную, а упорядоченную мозаичную картину прошлой действительности.

Таким образом, анализ организации хранения носителей исторической памяти в музеях, библиотеках и архивах показывает, что в архивах она более упорядочена, более системна, наиболее полно в своем приближении к действительности, а значит, будет всегда оставаться наиболее востребованной.

Функция использования в музеях, библиотеках и архивах также имеет свои отличия. Музеи и библиотеки — организации прежде всего культурно-просветительские и научно-познавательные, что определяет некоторые особенности их форм использования музей-

ных предметов и книг, например, наличие постоянных экспозиций, создание рекомендательных тематических библиографий. Являясь также организациями культурно-просветительскими и научно-познавательными, архивы в силу свойства аутентичности, юридической доказательности сконцентрированных в них документов в сфере использования обязаны удовлетворять запросы общества, связанные с социальной защитой его граждан. Иначе говоря, функция использования в архивах представлена более разнообразными формами в сравнении с музеями и библиотеками¹.

Несмотря на все сказанное, музеи, библиотеки и архивы являются взаимодополняющими друг друга подсистемами единой системы историко-культурного достояния, сохраняя разные по своему происхождению и характеру информации продукты интеллектуальной деятельности человечества. Однако документальное достояние занимает в общем историко-культурном достоянии все же особое место, которое определяется особенностями документальной памяти, прежде всего непосредственностью запоминания происходившего, непрерывностью его запоминания, системностью запоминания, воспоминательностью запоминания.

3.4. Репрезентативность документальной исторической памяти

Репрезентативность документальной исторической памяти можно рассматривать по двум параметрам.

Первый из них связан с репрезентативностью документальной исторической памяти применительно к *конкретной проблематике исторических исследований*. Такую репрезентативность можно установить относительно просто. В нашем случае репрезентативность документальной исторической памяти определяется тем, что, во-первых, каждый ее новый обнаруженный фрагмент не добавляет, а лишь подтверждает наблюдения, полученные ранее на основе уже известных фрагментов, и, во-вторых, в процессе такого исследования обнаруживаются невосполнимые фрагменты документальной

¹ Эти наши общие соображения, впервые обнародованные в 2004 г. (см.: Козлов В. П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. 2004. № 6. С. 71—75), неожиданно для автора вызвали большой резонанс. Во-первых, публикация в «Отечественных архивах» сопровождалась комментариями работников библиотек и музеев. Во-вторых, после этого статья неоднократно переиздавалась в архивоведческих изданиях (Делопроектирование. 2004. № 3. С. 4—6; Архивен преглед. 2004. № 3—4. С. 22—26; Кэму. [Монголия], 2005. № 1 (9). С. 11—14; Latvijas Arhivi. 2006. № 2. С. 7—11; Информационный бюллетень Научно-методического совета архивных учреждений Уральского Федерального округа. Екатеринбург, 2008. № 2 (11). С. 171—176; Никулина Т. В., Ковчинский С. Г. Музей в XXI веке: учебное пособие. Петрозаводск, 2009. С. 126—130). Это говорит о том, что разговор об общем и особенном разных депозитариев исторической памяти остается актуальным.

памяти, которые в лучшем случае можно лишь попытаться реконструировать. Такую репрезентативность документальной исторической памяти мы можем назвать *определяемой, доказательной*.

Однако архивоведение имеет дело не только с документальной исторической памятью, относящейся к изучению конкретной проблематики прошлого. Оно призвано осмыслить репрезентативность всей сохраненной и сохраняемой документальной исторической памяти по отношению к ее *существовавшей документальной памяти*. Тут требуются совсем иные методы и подходы, чтобы определить ее второй параметр.

В теме 4 мы рассмотрим факторы, оказавшие негативное воздействие на разбалансировку такой репрезентативности. Учет этих факторов, влиявших на сбережение документальной исторической памяти, например, советской истории, позволяет внести уточняющие коррективы в расчетах ее репрезентативности. Все они так или иначе дают возможность представить целеполагания формирования документальной исторической памяти и моменты, определяющие объективность и субъективность такого формирования, а значит, и некоторые смыслы ее репрезентативности.

Определение «репрезентативность сохранившейся документальной исторической памяти» мы покажем на примере документального наследия советской истории. Оно в современных условиях возможно: а) по количеству названий фондообразователей и фондов архивов, б) по количеству дел в фондах; в) по характеру и степени повторяемости информации в разных фондах. Такое определение может быть основано на методе трехуровневой зональной ретроспективной прогностики, который предполагает исчисление прогностической массы документирования в соответствии с уровнями ее функционирования. В этой связи выделяются центральный (высший) уровень формирования документальной массы ($V_{ц}$) и административно-территориальные уровни: региональный ($V_{р}$) — республиканский, краевой, губернский (областной), местный ($V_{м}$) — уездный (районный), волостной (советский). Этот метод позволяет приблизительно установить объем создававшейся документальной массы каждого вида учреждений за все время их деятельности. Для федерального уровня такой объем устанавливается по формуле:

$$V_{ц} = v \times t,$$

где $V_{ц}$ — общий объем документирования данного вида учреждений в условных делах, v — объем среднегодового документирования, t — время деятельности учреждения (в годах).

При этом годовой объем министерств и наркоматов советского периода деятельности легко определяется по номенклатурам дел.

Та же формула и тот же подход применяется и при определении прогностической массы документирования управленческих учреждений регионального уровня (V_p).

Эта же формула применима к определению документальной массы учреждений местного — волостного, уездного, районного и сельского (поселкового) — уровней. Только для исчисления документальной массы в целом по региону в нее вводится соответствующий коэффициент, равный числу соответствующих административно-территориальных единиц в регионе. Тогда формула приобретает следующий вид:

$$V_m = n v \times t,$$

где n — изменяющийся коэффициент, равный числу учреждений определенного профиля деятельности местного уровня.

В этой системе зональной трехуровневой ретроспективной прогностики официального документирования особое место занимает документальная масса хозяйствующих субъектов (V_x): заводов, фабрик, кустарных производств, кооперативов, колхозов, совхозов, коммун, шахт, школ, вузов, больниц и т. д. Это наиболее динамично изменяющаяся и наибольшая по численности часть создателей документальной массы с не всегда упорядоченной системой организации ее сбережения. Тем не менее к ним применима формула:

$$V_x = n v_x \times t.$$

Сопоставление прогностически установленных документальных масс центрального (высшего), регионального, местного уровней управления и хозяйствующих субъектов с реальным числом сохранившихся их фондов и объемов дел в них и может дать представление о степени репрезентативности этих фондов и дел.

О том, насколько сохраненная и сохраняемая документальная историческая память открывает возможности репрезентативной исторической памяти прошлого, попытаемся показать на нескольких примерах с привлечением данных Центрального фондового каталога Росархива (ЦФК), в своей значительной части размещенного в Интернете. Он создавался на протяжении десятилетий еще в годы советской власти, а с конца 1990-х гг. ведется в электронном формате. Ныне это мощнейший программный комплекс с базой данных на фонды муниципальных и государственных архивов с указанием их названий, переименований учреждений-фондообразователей, крайних дат, характеристикой состава и содержания документов и еще десятками других показателей. Компьютерная программа позволяет вести тематический поиск по базе данных. Ничего подобного в мире нет — российские архивисты сегодня реализуют идею, которая была высказана еще в XVIII в. В. Н. Татищевым, пытливым

историком и замечательным администратором. ЦФК — прекрасный поисковый инструмент, легко ориентирующий пользователя в самом начале его исследовательской работы в поиске нужной ему информации на уровне архивного фонда по архивам всей страны.

Сегодня в свободном доступе в Интернете ЦФК предлагает данные о 346 865 архивных фондах российских архивов. В их числе 261 967 фондов региональных архивов — муниципальных, государственных республиканских, краевых и областных. Это пока данные по 26 регионам России. Мы наугад провели тематический поиск нескольких видов архивных фондов советского времени и обнаружили, что среди них первое место занимают фонды сельских советов — 12 994 названия. Далее следуют фонды МТС (2778), школ (2572), больниц (716), поселковых советов (485), колхозов (358), волостных исполкомов (64), уездных исполкомов (58), губернских и областных исполкомов (17), жилищно-коммунальных контор (14) и т. д.

Эти данные, пусть и выборочные, рисуют нам очень противоречивую картину. Мы видим, что в региональных архивах накоплен мощный пласт документов официального происхождения, без которого историку обойтись невозможно. Вместе с тем бросается в глаза неравномерность распределения по регионам архивных фондов одинаковых видов и в обязательном порядке существовавших фондообразователей. Понятно, что в первую очередь это было связано с различиями в административно-территориальных делениях, экономических профилях регионов и т. д. Но были и иные причины. Во-первых, количество фондов одного вида учреждений, ныне сохранившихся, всегда меньше количества фондов, реально существовавших, что можно объяснить только их частичной утратой по разным причинам. Во-вторых, число дел в таких сохранившихся однопрофильных фондах существенно отличается друг от друга по регионам. Такая ситуация может быть объяснена не только масштабами деятельности однотипных фондообразователей и разными временными периодами их существования, но и опять же случившимися утратами. В-третьих, обнаруженные расхождения между реально существовавшим и сохранившимся числом однопрофильных фондов и между максимальным и минимальным числом дел в них в течение XX в. постепенно сглаживаются, что обнаруживает уже воздействие регулирующей роли архивной службы страны. Иначе говоря, репрезентативность документальной исторической памяти увеличивается по мере ее формирования ближе к нашему времени. Были и иные причины, о которых мы поговорим далее.

Центральный фондовый каталог дает нам впечатляющую цифру архивных фондов колхозов. Из него же мы узнаем, что в документальном историческом наследии нашей страны полноценные архивные фонды колхозов можно пересчитать по пальцам. Прекрасно

сохранилась, например, землеустроительная документация. Вплоть до курицы, валенок, сох и молотков мы знаем об ущербе, нанесенном гражданам нашей страны, колхозам, государственным предприятиям на оккупированной германскими войсками территории СССР. Но протоколы общих собраний колхозов, судя по ЦФК, — достаточно редкий документальный источник в наших архивах, и это несмотря на то, что «Памятка председателю колхоза», ежегодно издававшаяся и поправлявшаяся с 1929 по 1961 г.¹, постоянно содержала требование документирования жизнедеятельности колхоза, в том числе ведения протоколов общих собраний. По большей части фондов колхозов сегодня такие протоколы либо ликвидированы, либо не велись вовсе, и это очень большая утрата для изучения микроистории и локальной истории.

Не менее противоречивой выглядит картина сохранности документов других хозяйствующих структур регионального масштаба. Здесь явно обнаруживаются лакуны как на уровне целых архивных фондов, так и на уровне числа составлявших их дел. Разумеется, даже в архивах одинакового профиля комплектования, например, государственных региональных, мы не найдем одинаковых по составу архивных фондов и одинаковых по объему составляющих их документов даже среди однотипных фондообразователей. Это объясняется объективными и субъективными причинами накопления каждым таким архивом архивных документов. Например, административно-территориальные преобразования способствовали обогащению или обеднению региональных архивов: в новых административно-территориальных образованиях формирование архивов часто начиналось с «нуля», тогда как сохранившие свой прежний статус или всего лишь изменившие зоны своего комплектования архивы включали в состав архивных фондов документы фондообразователей, находившиеся на территории новых административно-территориальных единиц. В разных регионах по-разному были проведены так называемые макулатурные кампании. Даже в 1950—1980-е гг. нормативные указания и методические разработки советскими архивистами понимались различно, что, естественно, сказалось на составе архивных фондов и объемах включенных в них документов.

Менее существенные, но все же имеющиеся лакуны фондов и дел мы наблюдаем в среднем звене фондообразователей. Они же были не характерны для подавляющего большинства фондообразователей высшего (центрального) звена управления и хозяйствования в СССР.

Как видим, приведенные примеры показывают неоднозначное состояние репрезентативности документальной исторической памя-

¹ См., напр.: Справочник председателя колхоза. Воронеж, 1941.

ти советской истории класса документов официального происхождения. Документация локальной и микроистории в очень значительной своей части либо продублирована, либо так или иначе отражена в хорошо сохранившихся документальных комплексах центральных архивов и архивов советских и партийных учреждений. Окончательную определенность в это могли бы внести специальные исследования фондов всех видов советских учреждений, организаций, предприятий, а также изучение повторяемости информации создававшихся ими документов в других архивных фондах.

Если в отношении советских юридических лиц всегда сохранялось правило обязательного документирования их деятельности, результатом которого являлось создание документов класса официального происхождения, то для физических лиц это правило не являлось обязательным за рядом исключений, связанных с имущественно-хозяйственными делами таких лиц. Поэтому определение репрезентативности класса документов личного происхождения в составе документальной исторической памяти представляет еще большую трудность.

Для представления о том, какое место документы личного происхождения занимают в документальном наследии России, обратимся к трехтомному справочнику «Личные архивные фонды в хранилищах СССР», вышедшему в 1963—1980 гг.¹ По словам составителей, он включил около 35,5 тыс. фондов личного происхождения. В справочник, разумеется, не попали личные фонды деятелей культуры, науки, политических и общественных деятелей, находившиеся на закрытом хранении по идеологическим соображениям. В частности, в него не были включены личные архивные фонды Русского заграничного исторического архива (18 фондов) и его коллекции различных документов личного происхождения (две коллекции), личные фонды, хранившиеся в архивах КПСС (только по бывшему Центральному партийному архиву таких фондов оказалось свыше 236), личные фонды, поступившие в архивы после создания справочника. Если исключить из него приблизительно 1/10 часть личных архивов, пришедшихся на бывшие республики СССР, и добавить личные архивные фонды, не вошедшие по разным причинам в справочник, получится, что в государственных и муниципальных архивах России хранится около 40 тыс. личных архивных фондов. В «Русский биографический словарь» на конец XIX в. было включено более 30 тыс. известных россиян. Кажется, с учетом XX в. корреляция — 30 тыс. известных на конец XIX в. людей и 40 тыс. с учетом истории XX в. личных архивных фондов — выглядит приближающейся к большой абсолютной репрезентативности.

¹ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: указатель. Т. 1. М., 1962; Т. 2. М., 1963; Т. 3. М., 1980.

Если допустить, что средний объем личного фонда составляет 50 единиц хранения, мы получим цифру около 1,7 млн единиц хранения. Это вполне коррелируется с официальными данными о количестве единиц хранения документов личного происхождения, выявленных в процессе последней паспортизации архивов России по состоянию на 1 января 2016 г., размещенными на сайте Росархива (1 676 800), что составляет приблизительно 0,8 % от общего объема дел Архивного фонда страны. Примем эти цифры за условную данность, чтобы подчеркнуть, что документы личного происхождения занимают пусть и не столь значительное, как документы официального происхождения, но все же знаковое место в составе документального наследия России, и их массив имеет в ней высокую степень репрезентативности.

Однако отметим, что и тут не обошлось без лакун. Не всегда ясно, когда именно, но однозначно в первые послереволюционные годы, а также в годы трех советских макулатурных кампаний XX в., были ликвидированы личные архивы мелких и средних помещиков. По большому счету, нам мало что известно о составе документов таких утраченных родовых и семейных архивов, но три документальных комплекса, имевшихся в них, очевидны. Это документы, подтверждающие дворянство каждого члена дворянской семьи или рода, документы на землевладение, включая уставные грамоты на разделение помещицкой и общинной земли после 1861 г., и официальная и частная переписка. Не остатки их, а останки останутся всегда немим укором советским архивистам. Но и тут, кажется, не все безнадежно. Документы о дворянстве, помещицкой землевладении, уставные грамоты продублированы в фондах губернских и центральных правительственных учреждений, так же, как и официальная переписка. Хуже дело обстоит с личной перепиской — большая ее часть утрачена навсегда.

По этим и другим причинам есть повод печалиться. Но не надо и впадать в отчаяние. Пусть сегодня от тысяч поселений, существовавших в России, остались только заросли бузины, сирени, душлистые липы и кирпичные развалины барских усадеб. Однако, дуплистая липа и микроистория нашей страны оставили после себя фундаментальные источники. Писцовые описания, ревизские сказки, переписи населения, промышленные, сельскохозяйственные, конские, подворные переписи, материалы Генерального межевания, переписи «дворов, обязанных постоем», послужные списки чиновников и военнослужащих, — не будем дальше перечислять, — все это прекрасно сохранилось. Добавим еще: в годы макулатурных кампаний стараниями архивистов были спасены крупные местно-вотчинные архивы, чьи владельцы имели земли практически во всех теперешних районах России. Благодаря этому, пусть выборочно, но на их основе сегодня мы можем реконструировать

локальную и микроисторию многих регионов нашей страны, вплоть до отдельных поселений, ныне исчезнувших, причем едва ли не ежемесячно и на протяжении XVIII—XIX вв. Повторим, что документация локальной и микроистории в очень значительной своей части либо продублирована, либо так или иначе отражена в хорошо сохранившихся документальных комплексах центральных имперских архивов и архивов советских и партийных учреждений.

Вышесказанное относится к личным фондам в целом, без установления их части, приходящейся на XX в. Здесь мы сталкиваемся с высокой степенью неопределенности, связанной с тем, что процесс их концентрации в архивах страны еще далеко не завершен.

Репрезентативность класса документов сакрального происхождения в общем массиве документального исторического наследия в принципе не поддается определению ни в абсолютном, ни в относительном измерениях. Для религиозных людей документы сакрального класса представляют собой постоянную непреходящую ценность. Они, как правило, передаются по наследству в качестве семейных и родовых реликвий, а если и продаются, то в качестве дорогостоящего товара. В архивохранилищах мира, где ныне они хранятся больше уже в качестве артефактов, их более чем достаточно. Владельческие записи на многих из них красноречиво свидетельствуют об их сбережении в рамках определенного рода или социальной среды¹. Их попадание в архивы связано, как правило, либо с коллекционной деятельностью частных лиц, либо с социальными катастрофами, приводящими к массовым изъятиям сакральной документации тех или иных религиозных течений и их уничтожением. Их наличие в архивах, таким образом, является случайной неорганизованной выборкой².

Таким образом, абсолютная репрезентативность документальной исторической памяти выглядит явно менее необходимой. Однако в своем относительном измерении репрезентативность документальной исторической памяти выглядит достаточной. Это объясняется жесткой централизацией регулирования жизнедеятельности человека, общества, государства, характерной для императорской и советской России. Она обеспечивала концентрацию в фондах центральных и высших учреждений страны документов нижестоящих структур: планов, отчетов, информации, объяснительных и докладных записок и др. Именно с учетом этого фактора разрабатывалась и реализовывалась реформа комплектования

¹ См., напр., многочисленные владельческие записи на сакральных рукописях, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: *Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина*: указатель. Т. 1. Вып. 3. М., 1996.

² Другой вариант рассмотрения репрезентативности см.: Козлов В. П. *Документальная память в архивоведческом знании*. М., 2017. С. 156—161.

советских архивов второй половины 1950-х гг., уточнялся состав источников комплектования в 1980-х гг. Относительная репрезентативность части фондов официального происхождения была признана не только допустимой, но и обоснованной в формировании документальной исторической памяти позднего СССР.

Подводя итоги настоящему разделу, отметим, что формирование абсолютной репрезентативности документального наследия в России испытало воздействие ряда негативных факторов, о которых мы специально будем говорить в теме 4.

Недостаточность абсолютной репрезентативности документального наследия в значительной степени компенсируется ее относительной репрезентативностью — фрагментарным наличием документов утраченных фондов и прямой и косвенной информации о деятельности их фондообразователей в сохранившихся фондах вышестоящих организаций. Все это дает нам основание полагать, что в целом сохранившаяся часть документального наследия нашей страны адекватно отражает основные проблемы, явления и процессы ее истории, открывая возможности даже для реконструкции утраченных документальных свидетельств о ее отдельных фактах и событиях.

Таким образом, в настоящей теме мы попытались рассмотреть четырехзвенный смысл документальной памяти о прошлом: собственно документальная память — документальная историческая память — документальное наследие — документальное наследие как часть историко-культурного достояния. Четыре этих понятия подчеркивают важную роль документа как объекта архивоведения, его особое место в историко-культурном достоянии. Этим объясняется смысл и задачи тех операций с документом, о которых пойдет речь в следующих темах.

Контрольные задания

1. Дайте определение понятия «память».
2. Дайте определение исторической памяти и рассмотрите ее типологию.
3. Расскажите о документальной памяти как особом типе исторической памяти.
4. Рассмотрите место документальной памяти в составе историко-культурного достояния страны.
5. Покажите общее и особенное в сбережении, хранении и использовании книги, музейного предмета и архивного документа.
6. Охарактеризуйте современное представление о репрезентативности документальной исторической памяти.

Тема 4

СБЕРЕЖЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ДОСТАТОЧНОСТЬ

4.1. Сохранение накопленной документальной исторической памяти

Для данной темы важно описать и понять, что происходит с документом в реальной повседневности уже после его создания и утраты его первоначального практического значения. Иначе говоря, речь идет о судьбе архивного документа, ставшего частью документальной памяти.

Документы любого класса в повседневности обречены на сознательную и бессознательную селекцию. Например, здравый смысл подсказывает, что чеки на приобретенные человеком продукты питания за небольшим исключением (консервированные продукты) есть смысл хранить не больше недели, а чеки оплаты услуг сотовой связи — до получения подтверждения оплаты. Многие люди уже в день получения той или иной услуги просто выбрасывают ее документальное подтверждение, рискуя тем самым лишиться права предъявления претензий. Прагматический интерес заставляет людей сохранять те же чеки на товары долгосрочного пользования более предусмотрительно, по крайней мере в течение действия гарантийного срока на приобретенный товар. Рачительный хозяин квитанции по оплате коммунальных услуг также на всякий случай будет сохранять не меньше года — жизнь и СМИ не раз доказывали, что эти квитанции являются доказательством аккуратности и платежеспособности потребителя коммунальных услуг. Договоры купли-продажи, свидетельства о рождении, дипломы об образовании для современного человека и вовсе имеют едва ли не повседневное и долгосрочное жизненно важное юридическое значение. Каждый человек их старается сохранять.

Кроме того, у любого нормального человека существуют нормальные чувства сопереживания со своими близкими, друзьями, с событиями, которые ему пришлось пережить в давнем и недавнем прошлом. Сохранить свидетельства об этом — фотографии, аудио-видеозаписи, письма, дневники, мемуары — и как артефакт, и как вещь еще более значимую для духовного состояния человека также вполне понятно и объяснимо.

В официальном документировании сохранение и селекция документов определяются правовыми и финансовыми интересами, связанными с пониманием их необходимого и обязательного наличия. В этой сфере обязательность создания того или иного документа требует и обязательности в случае необходимости его предъявления. Тут документ становится часто абсолютно самостоятельным объектом правоотношений. В качестве такового он может быть: а) всеми возможными способами защищен от различных угроз его уничтожения или искажения; б) стать объектом и нередко успешным в масштабах исторического времени разных способов фальсификации своего состояния; в) оказаться изъятым из среды своего бытования и даже сознательно ликвидированным.

Можно с уверенностью сказать, что всегда любой продукт человеческого умоделия в живой повседневности подвергается угрозе утраты, особенно, если он выполнил свою миссию. Корабли, подводные лодки, самолеты, предметы быта не только в результате чрезвычайных обстоятельств, например, войн, но рано или поздно неизбежно — случайно или целенаправленно — подвергаются утилизации. Документ в этом смысле не является исключением. Иначе говоря, фактором, влияющим на сохранность документа в повседневности, является его практическая значимость для физического и юридического лица, а также для той системы государственных, социальных, общественных связей и ценностей, которые существуют в человеческих сообществах. Для документов официального происхождения, как уже говорилось выше, человеческие сообщества со временем выработали специальные механизмы определения практической и исторической значимости и ценности целых категорий документов в виде законодательных норм, специальных перечней документов с указанием сроков их сбережения, носящих нормативный характер. Для документов неофициального происхождения их сохранение помимо соображений прагматического, утилитарного характера зависит от воли их авторов, собственников, распорядителей и владельцев. В далеком XIII в. новгородский мальчик Онфим без колебаний выбросил свою ученическую тетрадку-бересту, чтобы через столетия, найденная в археологическом раскопе, она стала уникальным документом¹. Судя по всему,

¹ Хранится на кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

в реалиях Великого Новгорода эта тетрадка-береста представляла собой уже образец массового, т. е. широко распространенного типового документа. В дальнейшем мы не раз будем сталкиваться с этим странным феноменом, когда именно тот или иной вид массового документа, наиболее ярко отражающий повседневность, утрачивается или подвергается угрозе утраты в первую очередь. Например, солдатские письма, распространенный в XX столетии, периоде широкой грамотности и многочисленных войн, вид документа, в архивах мира представлен очень скромным даже не сегментом, а всего лишь осколком сохранившегося их бывшего огромного массива¹.

На протяжении столетий такая ситуация подпитывалась людским невежеством в понимании значимости архивных документов, когда подчас прозаичные меркантильные интересы торжествовали над сохранением документов. Примеров утраты документов по этим причинам — тысячи. Например, во время Второй Камчатской экспедиции, накануне ее прибытия в Томск местный воевода принял руководителя экспедиции Г. Ф. Миллера за ревизора. По приказу воеводы в течение нескольких ночей практически весь архив уездной канцелярии был сброшен в реку Томь².

Итак, мы говорили о ситуациях, когда утраты документов случаются точно в условиях отсутствия их сознательной и организованной концентрации. В таких ситуациях утраты, разумеется, болезненны для сохранения документальной исторической памяти, но все же не столь трагичны, когда они случаются под воздействием не бытовых, а совсем иных причин.

Мировой опыт развития архивного дела, в том числе и в XX в., показывает, что в истории почти каждой страны существовали, существуют или могут возникнуть факторы, связанные с целенаправленной или непредсказуемой сплошной либо локальной утратой архивных документов.

Первый фактор утраты документов или создающий угрозы такой утраты связан с войнами и военными конфликтами, приводящими к сплошным или локальным утратам документов. Эти утраты, по большому счету, непредсказуемы и потому бывают ужасны по последствиям для сохранения документального наследия любой страны.

По данным археологических раскопок, жители Старой Рязани во время татаро-монгольского набега 1280 г. постарались спасти свои ценности в виде золотых и серебряных украшений, других в повседневности понятных ценностей, и ничего не сделали для сохранения документов — все, что осталось после этого разорения

¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Фронтные письма 1941—1945 гг. как молитвы // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24—47.

² Костанов А. И. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 108—109.

выглядит случайным. Для московских архивов 1812 год обернулся гибелью многосотенных и многотысячных частных документальных коллекций графа А. И. Мусина-Пушкина, профессора МГУ Ф. Г. Баузе и др., включая гибель таких национальных святынь, как Слово о полку Игореве и Троицкая летопись, — сегодня от их продажи (не дай Бог) или сдачи под залог можно было бы построить целые города. Кстати, близкие и слуги Мусина-Пушкина проявили все тот же средневековый «рязанский прагматизм», вывезя из московского дома графа на Разгуляе столовое серебро, шубы, хрусталь и прочие понятные ценности, в том числе имущественные документы графской семьи, и не озаботились по-настоящему спасением библиотеки и документальной коллекции графа¹. Военный смерч 1812 г. уничтожил значительную часть документального наследия Беларуси, в числе утраченных оказались документы Кобринского уездного суда, Борисовской духовной управы, архивов Орши, даже части архива князей Радзивиллов и др.²

Каток Первой мировой войны, прокатившийся по территории современной Беларуси, не смог уничтожить богатейшие библиотеку и архив известного еврейского религиозного деятеля М.-М. Шнерсона, своевременно вывезенных в Москву и в прибалтийские города. Однако он не пощадил сотни родовых, монастырских архивов, ставших известными еще в XIX в. Огромный ущерб документальному наследию России был нанесен во время Великой Отечественной войны в результате боевых действий, варварского обращения с архивами оккупантов, вывоза ими архивов в Германию специальными формированиями оккупационных войск, утрат в результате эвакуации и реэвакуации, сознательного уничтожения архивов в ситуациях, связанных с угрозами их захвата противником. Уже в ходе Великой Отечественной войны и после ее окончания советская власть попыталась определить ущерб, нанесенный Архивному фонду страны. Первичные документы инвентаризации этого ущерба дали возможность подготовить и издать сводный каталог утраченных в то время архивных фондов государственных и партийных архивов³. Он включил около 6 тыс. названий фондов. Если предположить, что каждый из таких фондов в среднем насчитывал около 100 дел, получается, что Россия утратила свыше 600 тыс. единиц хранения ценнейших документов по дореволюционной и первых десятилетий послереволюционной своей истории. Так, например, в результате бомбардировок Ленинграда Российский государствен-

¹ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. С. 152—158.

² Шумейко М. Ф. Собрать рассеянное. Минск, 1997. С. 13—15.

³ Государственные архивы Российской Федерации: утраченные архивные фонды. Кн. 1. М.; СПб., 1999; Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 4. Кн. 2: Архивы ИРПС. М., 2005.

ный исторический архив лишился свыше 6 тыс. дел дореволюционного Управления казенных железных дорог, филиал Государственного архива Тверской области в городе Ржеве — 117 дел Холмской городской думы, Государственный архив Воронежской области — 351 дело Воронежского наместнического правления и т. д. На самом деле потери были, конечно же, больше, поскольку приведенные цифры относятся к утратам официальных хранилищ — общесоюзных, областных и районных архивов. Документальные утраты учреждений, организаций и предприятий, в принципе определяемые, нуждаются в специальном исследовании.

По некоторым подсчетам, в годы Великой Отечественной войны Белоруссия, несмотря на проведенную эвакуацию в восточные районы СССР, из приблизительно 20 млн дел, находившихся в государственных и ведомственных архивах, утратила 14—15 млн¹.

Было бы ошибкой полагать, что эти и другие утраты принадлежат далекому прошлому. В 1992 г. во время грузино-абхазского конфликта одной из стратегических целей стал государственный архив автономии. Всего через несколько лет такая же участь постигла и государственный архив Чеченской республики, одновременно являвшийся и государственным архивом Республики Ингушетии². Один из участников событий на Украине в 2014 г. С. Бурых вспоминал, как в ноябре этого года в Макеевке уничтожился архив Макеевского государственного проектного института Укроборонпрома: «В конечном счете перед самым отъездом, 21 ноября, мы с начальницей первого отдела сожгли архивы. Барышня из первого отдела — сторонница России, но служебные обязанности выполняла четко: раз положено уничтожить в случае форс-мажора, значит, жжем»³.

В последнее столетие человечество попыталось выработать превентивные меры и способы предотвращения утрат больших массивов документов в преддверии или в ходе войн и военных конфликтов. Одним из проверенных способов является немедленная эвакуация документов из зон боевых действий и их укрытие в специально построенных хранилищах или размещение в недоступных для врага местах. Так произошло в первые месяцы Великой Отечественной войны, когда ценой неимоверных усилий центральные архивы СССР, находившиеся в Москве, были перемещены за Волгу⁴. Развитие новых технологий в области репрографии, которые с 1950-х гг. открыли возможности для массового, быстрого и отно-

¹ Шумило М. Ф. Собрать рассеянное. С. 50.

² Что стало с архивом Чеченской республики (интервью с В. А. Еремченко) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 22—25.

³ Мусафирова О. Батальон «Сомали» захватил здание нашего института // Новая газета. 2017. 8 марта. С. 9.

⁴ Копылова О. Н. К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. 1990. № 5. С. 37—44.

сительно дешевого копирования документов, позволило приступить к созданию страховых фондов на большие массивы документов, имеющие жизненно важное практическое и особо важное историческое значение с их обособленным хранением от подлинников, гарантирующим в случае гибели оригиналов сохранение их копий.

Однако в условиях повседневности реализация этих и подобных мер оказывается далеко не безупречной. Дневник директора архива АН СССР Г. А. Князева за годы Великой Отечественной войны¹ красноречиво показывает, насколько сложной бывает в экстремальной военной ситуации — блокады Ленинграда — сохранение документов. Конкретные факты об этом из дневника можно было бы приводить до бесконечности. Мы не будем этого делать, попытавшись представить их типологию.

Ситуация первая: полная организационная неготовность архивной службы Академии к войне. Только в первый день войны ее руководитель, по его свидетельству в дневнике, «написал инструкцию для службы на случай воздушной или пожарной тревоги», а также «наметил переноску наиболее ценных материалов в более безопасное хранилище»², закрепленные соответствующими приказами, которые были выполнены. Только на седьмой день войны директор занялся составлением «на всякий случай», как он пишет, плана эвакуации архива. Однако, реально оценивая ситуацию с этими действиями и их результатами, Князев признает: «Все наши меры — жалкие паллиативы! Были у меня представители других / академических / архивохранилищ. Везде такое же положение. Никаких предварительных мероприятий по охране ценностей на случай войны не было сделано»³. Более того, практически все дни блокады вопрос об эвакуации или мерах по дополнительной защите академического архива оставался подвешенным, неопределенным. «Очень путаные сведения получаем из разных источников, — записывает Князев в своем дневнике в начале июля 1941 г. — То все едем, то не все едем. То складываемся целиком, то частично расплываемся. Ничего толком не знаем»⁴.

Ситуация вторая: в условиях отсутствия сколько-нибудь продуманного плана эвакуации архивных документов импровизированные решения об их судьбе в условиях военного времени являются жестом отчаяния с непредсказуемыми последствиями. В своем дневнике Князев на седьмой день войны пишет о спорах относительно сохранения «жемчужины» академического архива — архива М. В. Ломоносова: «Наконец решили, что рациональнее всего будет поместить рукописи Ломоносова вместе с рукописями Пуш-

¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний: дневники 1941—1945. СПб., 2009.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 65.

кина в бронированной комнате в И/нституте/ Л/итературы/», т. е. Пушкинском Доме. Но успокоения нет, потому что через пару дней директор этого самого архива Пушкинского дома Городецкий приходит к Князеву за советом о том, как сохранить в пока еще не блокадном Ленинграде в условиях войны рукописи Пушкина, Ломоносова, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого и др. В конце концов наиболее ценную часть документов академических архивов удалось вывезти из блокадного Ленинграда.

Ситуация третья: разрушение в результате военных действий и в условиях блокады и без того далекой от совершенства инфраструктуры архива, прежде всего отопительной и канализационной систем, электроснабжения, создавшие невыносимые условия хранения документов и работы сотрудников архива. Например, 13 декабря Князев фиксирует: «В хранилищах мороз, в служебных комнатах тоже... Все время гаснет электричество, и тогда сотрудники сидят в полутьме. На лестнице тьма кромешная. Запереть двери на улицу нельзя: не слышно стука, а без электричества звонок не действует»¹. И, наконец, как определенный горький итог произошедшего в январской (1942 г.) записи: «И случилось так, что и этот замечательный Архив сейчас находится в состоянии склада, в полуразрушенном состоянии, и в читальном зале при морозной температуре недавно стучал молоток и визжала пила, когда сотрудники мастерили самодельный гроб. Если обстоятельства изменятся и могут быть произведены восстановительные работы, много для этого потребуется сил и энергии»².

Ситуация четвертая: это пресловутый, но вполне реальный человеческий фактор. В своем дневнике Князев приводит многочисленные примеры самоотверженных действий сотрудников архива по созданию минимально возможных в условиях военного времени условий для более безопасного сохранения архивных документов: «авральный» перенос наиболее ценных из них в более защищенные хранилища, укрепление окон и дверей, налаживание постоянного вечернего и ночного дежурства, заготовка песка на случай пожара, прием документов личного происхождения от эвакуируемых или умерших ученых, противодействие уничтожению документов текущего делопроизводства в академических учреждениях, участие в строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом и т. д. Но уже 16 октября 1941 г. Князев записывает: «С грустью подмечаю, как начинают нарушаться заведенный /в Архиве/ порядок. Уже курят и в других служебных помещениях, где это не разрешалось, правда, не осмеливаясь еще курить в хранилищах»³. Третьего

¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний... С. 347.

² Там же. С. 424—425.

³ Там же. С. 432.

декабря 1941 г. одна из разорвавшихся недалеко от архива бомб была — впервые со времени обороны Ленинграда — четыре окна и в архиве. Князев фиксирует события утра следующего дня: «Сотрудники все-таки работали... Грелись у плиты и курили, зажигая папиросы лучинкой... Это в Архиве, при мне. Я молчу...»¹

Однако не только разрушение инфраструктуры расхолаживало сотрудников. Голод ослабил людей настолько, что уже в конце января 1942 г. пришлось отказаться от ночных дежурств по архиву. На 231-й день войны, 7 февраля 1942 г. Князев фиксирует: «На службе то же: холод, мерзость запустения... Сотрудники устали, осунувшиеся, ничего не делающие». Наконец, запись от 6 марта 1942 г.: «Ходят на службу, служат, чтобы иметь карточку служащего. И только. Вот, что осталось от моих героев — сотрудников Архива, дежуривших ночью и днем, сидевших на крыше, не жалевших сил при первой нашей эвакуации в июле. И многие уже не встают с постели...»² Меньше становилось не только сил у сотрудников, но и самих сотрудников. Голод и холод сделали свое дело.

И, наконец, ситуация пятая: это отношение власти и академического руководства к архиву. Дневник Князева фиксирует если не полное равнодушие, то торопливо-небрежное восприятие ситуации, в которой оказались академические архивы Ленинграда. Сначала принимались противоречивые решения об эвакуации архивных документов академических учреждений. Затем о них просто постарались забыть. Князев и его подчиненные оказались в одиночестве, борясь не только за спасение архива, но и за свою жизнь.

В конце концов блокадная эпопея документов академических учреждений Ленинграда, включая Архив Академии, завершилась благополучно: наиболее ценные из них удалось эвакуировать, а те, что остались на прежних местах хранения за небольшим исключением пощадили германские снаряды и бомбы. Дневник Князева показывает, что, несмотря на героизм и самоотверженность архивистов, несмотря на охватившую их затем в условиях голода и холода апатию, сохранение академических бумаг стало делом случая — не оказалось ни одного попадания в хранилища немецких снарядов и бомб. Возможно, военный историк, изучив дислокацию советских зенитных батарей, защищавших небо над центром города, а также расположение германских батарей сможет показать, что бомбы не случайно пощадили архивохранилища Пушкинского Дома или академического архива, также как артиллерийские снаряды не поразили их. Но даже если и будет доказана такая «неслучайность» в условиях войны и военных конфликтов, она не может быть при-

¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний... С. 336.

² Там же. С. 461.

знана допустимой, в особенности, когда речь идет об архивных документах.

Второй фактор, влияющий на сохранность архивных документов, связан с техногенными катастрофами, когда в местах сосредоточения больших массивов документов случаются пожары, отключается отопление, электропитание и т. д., нарушающие нормальный режим хранения. Техногенные катастрофы приводят к непредсказуемым локальным утратам документов. Они обладают как свойством внезапности, так и являются следствием накопления усталости в инфраструктуре архивов, которая в принципе является прогнозируемой. И современность, и давнее, и недавнее прошлое, к сожалению, пусть без пугающей периодичности, но дают немало примеров документальных утрат по этой причине. Два пожара (1598 г. и 1629 г.) уничтожили большую часть тобольских архивов XVI в. Этот деревянный город, бывший долгое время административным и политическим центром Сибири, в XVII в. горел еще восемь раз¹. Два московских пожара XVII в. оставили немало лакун в приказном делопроизводстве. Пожар в 1982 г. в Костромском областном государственном архиве уничтожил десятки тысяч документов по истории одного из древнейших регионов страны². Не менее разрушительный пожар в городе Каменец-Подольском в 2003 г. уничтожил многие фонды филиала Исторического архива Украины, хранившие документы не только по истории Украины, но и России, Польши, Беларуси, Литвы, Молдовы³. Нейтрализация техногенного фактора угрозы связана только и почти исключительно с постоянным совершенствованием инфраструктуры хранения документов, требующим значительных финансовых затрат.

Не стоит думать, что иногда техногенные катастрофы, приводившие к утратам архивов, обходились без низменных человеческих интересов. Например, нещадно горели архивы уездных канцелярий в дореволюционной России. К сожалению, статистики на этот счет не имеется, хотя ее не так уж и трудно воссоздать. Уездные архивы горели не только вследствие несчастных случаев, но нередко и от поджогов по разным причинам, отражая некое явление, связанное с отставанием прав собственности, особенно на землю. Лишь частично утраченные документы таких архивов продублированы в губернских и центральных ведомственных архивах Российской империи. Но не все поджигатели об этом знали.

¹ Солин В. А. «Хранить нельзя уничтожить»: формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР — СССР: 1918—1950-е годы. М., 2000. С. 71—100.

² См.: Государственный архив Костромской области: справочник. Ч. 1. М., 2005. С. 8.

³ Рыбинская И. В результате пожара пострадали фонды Каменец-Подольского архива // Факты. 2003. 12 апреля.

Не всегда, но и не редко второй фактор взаимодействует с фактором третьим, связанным с экономическим кризисом в той или иной стране и приводящим подчас к сплошной или локальной и почти всегда непредсказуемой гибели документов. В условиях экономического кризиса, когда, как правило, обществу и государству бывает не до архивов, документы часто оказываются просто «бесхозными», а иногда, наоборот, становятся особым объектом пристального внимания, подвергаясь сознательному уничтожению по криминальным соображениям. В 1920-е — первой половине 1940-х гг. экономический кризис в СССР, выразившийся среди прочего в катастрофической нехватке бумаги, привел к трем организованным государством «макулатурным кампаниям». В ходе первой из них (1919—1925 г.) на переработку пошло не менее 251 т документов, во время второй (1928 — сер. 1930-х гг.) — свыше 1 тыс. т, во время третьей (октябрь 1941 — 1945 г.) — около 10 млн дел¹. Нет сомнений в том, что макулатурная кампания 1970-х гг., когда в обмен на бумажные носители документов выдавались талоны на популярную, но дефицитную тогда художественную литературу, изрядно подчистила личные архивы граждан СССР. В той кампании тоже присутствовала кризисная экономика, когда государство, с одной стороны, не имело возможностей удовлетворить духовные интересы своих граждан, а с другой — не имело сил ликвидировать бумажный дефицит.

Нейтрализация негативных последствий экономического кризиса возможна при наличии программы перевода архивов в режим ограниченного функционирования и даже консервации, а также с помощью действий, создающих возможности и условия для немедленной временной резервации (укрытия) архивных документов хотя бы с минимально возможными гарантиями их сохранения.

Четвертый фактор — политический кризис, который почти всегда содержит угрозу целенаправленного уничтожения отдельных архивных документов или их комплексов. Например, на рубеже 1920—1930-х гг. произошло организованное уничтожение нескольких тысяч грамморигиналов и матриц с записями песен, не устраивавших своей идеологией советскую власть и хранившихся на складе в подмосковной Апрелевке². Даже в созданном в 1932 г. Центральном архиве звукозаписей СССР шло уничтожение фонодокументов, «негодных в идеологическом отношении». В последующие годы из-за распространенной практики размагничивания аудио- и аудиовидеозаписей аудиовидеодокументальному наследию страны был нанесен не меньший и невосполнимый ущерб. Подготовка к празднованию 50-летия советской власти привела к созданию отдела «Звуколетопись нашей Родины» в Гостелерадио СССР.

¹ Савин В. А. «Хранить нельзя уничтожить»... С. 71—100.

² Коляда В. А. «Есть звуки, их значенье...» С. 74.

Как пишет В. А. Коляда, «если с записью новых фонограмм дело пошло успешно, то обращение к аудиодокументации прежних лет открыло весьма плачевную картину... составление действительно полной звукозаписи столкнулось с огромными трудностями...»¹ В ходе следственных действий в рамках политических репрессий 1930-х гг. происходило уничтожение изъятых у арестованных документов, «как не имеющих отношения к делу и не представляющих ценности».

Благодаря свидетельствам первого председателя КГБ СССР И. А. Серова нам приоткрылась картина уничтожения важных архивных документов после смерти И. В. Сталина. Серов сообщает, что сразу после смерти Сталина Н. С. Хрущев, Л. П. Берия и Г. М. Маленков поручили помощнику Маленкова Д. Н. Суханову и помощнику Берии по Совету Министров СССР Б. А. Людвигову «просмотреть личный архив Сталина». Уже через несколько дней после ареста Берии Серов вместе с Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко по поручению Президиума ЦК КПСС занялись разбором Особого архива ЦК КПСС. Серов пишет: «Вот мы недели две ходили туда на весь день, чтобы разбираться с документами...» Как можно понять, новоиспеченные архивисты должны были выявить прежде всего документы, связанные с Берией, но их «улов» оказался намного разнообразнее: доносы Сталину о членах Политбюро, включая их интимную жизнь, записки Ежова, «где он ставит вопрос об аресте ряда руководящих деятелей краев и областей», одобренные членами Политбюро, аналогичные записки Хрущева с Украины, Жданова из Ленинграда и др. Серов продолжал: «Закончили разбор документов. Составили опись, доложили в ЦК, а затем сожгли, что не нужно, причем это делали вдвоем, и опять все наши предложения и исполнения утвердили в ЦК».

Вероятно, тогда же Серов и Руденко должны были «не привлекая никого, вскрыть сейфы Берии, доложить и по его (Хрущева. — В. К.) указаниям составить акты и уничтожить часть материалов. Остальные материалы и архив из сейфов в Совмине, Спецкомитете по атомной бомбе и в НКВД—НКГБ были переданы в канцелярию общего отдела ЦК Суханову». Позже выяснилось, что часть документов из сейфов Берии Суханов оставил у себя и после его ареста в 1956 г. Серов передал их в личный архив Хрущева. Как можно понять Серова, с 1954 г. спецгруппа в составе заместителя заведующего административным отделом ЦК КПСС В. В. Золотухина, заведующего сектором того же отдела В. С. Тикунова и сотрудников Комиссии партийного контроля Климова, И. П. Бойцова, П. И. Богоявленского «по материалам НКВД — МГБ разыскивали всякие упо-

¹ Коляда В. А. «Есть звуки, их значение...» С. 182.

² Реабилитации: как это было... С. 418.

минания об участии Хрущева в беззакониях и, как рассказывал мне Малин, эти материалы из общего отдела ЦК, которые были в единственном экземпляре, были уничтожены»¹.

Итак, оказывается, что в 1953—1956 гг., согласно данным Серова, были проведены чистки личных архивов Сталина и Берии, общего отдела ЦК КПСС, НКВД — МГБ СССР, Совмина СССР и Спецкомитета по атомной бомбе. Какая-то часть их была уничтожена, другие документы претерпели различные перемещения и, вероятно, в настоящее время частично сохранились. Не совсем ясное свидетельство Суханова о «решении», принятом в августе 1954 г. партийным руководством КПСС, об уничтожении неких документов² подтверждает свидетельства Серова.

Политический кризис в России в 1993 г., приведший к расстрелу Белого дома, создал реальную угрозу утраты архивов Верховных Советов РСФСР и СССР, предотвращенную самоотверженными действиями российских архивистов³.

Предотвратить уничтожение документов в результате политических кризисов можно по крайней мере тремя способами: национальным архивным законодательством, предусматривающим жесткую уголовную ответственность за несанкционированное уничтожение архивных документов; специально внедренными национальными процедурами учета, хранения и выдачи архивных документов, исключающими возможности принятия решения об их уничтожении любым лицом, любой группой лиц, заинтересованных в этом, без последствий для их судьбы в будущем; этической позицией архивистов, несущих нравственную, профессиональную и уголовную ответственность за сохранность документов.

Пятый фактор — природные катаклизмы, приводящие к непредвиденным локальным утратам документов. Редко, но они случаются, нанося непоправимый ущерб документальному наследию даже развитых стран, либо серьезно повреждая документы. Так, например, произошло в 1997 г. в Польше, когда в результате сильнейшего наводнения были сильно повреждены всеобщие архивы. Предотвращение природных катаклизмов практически невозможно, и поэтому единственной гарантией хотя бы нейтрализации возможных потерь в этом случае является наличие страхового фонда, хранящегося в удаленном от подлинных документов месте.

И, наконец, *шестой фактор* — реально существующий рынок архивных документов, создающий угрозу локальных краж из архивов.

¹ Серов Иван. Записки из чемодана: тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 417, 418, 464, 465, 547.
Н. В. Петров обратил наше внимание на хронологические неточности свидетельства Серова, в частности, на то, что группа Золотухина работала не в 1954, а в 1956 г.

² Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 102, 801—803.

³ Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 3—6.

Он прямо связан с *седьмым* — человеческим — фактором: работником или пользователем архива, которые по разным, как правило меркантильным, причинам не могут устоять перед искушением кражи архивных документов. Отвести угрозу воздействия этих двух факторов сохранению документального наследия любой страны можно только уголовной ответственностью, строгим соблюдением правил работы с архивными документами, высокой степенью социальной защищенности архивистов.

Графически типологию угроз сохранению архивных документов можно представить следующим образом.

Угрозы сохранности архивов носят интернациональный характер. Исполнительный комитет Международного совета архивов (МСА) в 1994 г. предложил Росархиву подготовить основной доклад об угрозах сохранности архивов и мерах по их преодолению для своего Конгресса, который состоялся в 1996 г. в Пекине. В 1994 г. готовя этот доклад, российские архивисты и в самом страшном сне не могли представить, что всего через пару лет архивы страны окажутся под воздействием не одного, а сразу почти всех описанных выше факторов, усугубленных еще целым рядом других, второстепенных, но отнюдь не таких уж малозначимых субъективных решений. Мы не будем здесь повторяться, отослав читателя к нашей книге, где об этом подробно рассказано¹.

Если комплектование архива, как увидим далее, всегда является показателем жизнедеятельности человека, общества, государства, демонстрирует активную жизнедеятельность определенного социума (мы не имеем в виду случаи, когда политический и экономический кризисы рождают «лавинообразное» комплектование в условиях чрезвычайности), то функция обеспечения со-

¹ Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. Челябинск, 2009. С. 93—123.

хранности архивных документов архива в идеале символизирует вечность сохранения состоявшейся жизни и истории человека, общества, государства. Ее успешная реализация сигнализирует об относительном благополучии в обществе, государстве, в личной жизни человека, придает уверенность социуму в том, что, по крайней мере, память о его жизнедеятельности будет сохранена для удивления, восхищения или осуждения будущими поколениями. И, наоборот, сбои в реализации архивом этой функции, особенно когда они приобретают системный характер, всегда являются одним из индикаторов, пусть и не самых важных, неблагополучия в жизни социума.

Для гарантированного обеспечения сохранности архивных документов архив осуществляет комплекс мер, направленных на создание физических и других условий, призванных не допустить их утраты в соответствии с национальными и международными нормативами и рекомендациями. Обеспечение сохранности архивных документов — наиболее стандартизированная функция архивов мира, поскольку она имеет дело с общими физическими сущностями — носителями информации документов, средствами их хранения, поддержания климатического режима и т. д. Вместе с тем в архивах она является и наиболее затратной, требуя строительства специальных зданий и их специализированного технического оснащения. Поэтому, несмотря на стандартизованность, реализация этой функции архива в конкретной жизни напрямую связана с уровнем экономического развития и состояния той или иной страны.

4.2. Пополнение документальной исторической памяти

Выше уже говорилось, что для сбережения документальной памяти человечество опытным путем выработало сложную систему ее депозитариев, главное предназначение которых сводится к ее вечному, т. е. бессрочному, сохранению. Для достижения этой цели решаются несколько задач.

Первая группа задач связана с созданием специальных физических условий, обеспечивающих гарантированно физическую сохранность носителей документальной памяти и средств ее закрепления на длительную перспективу, и своевременной модернизацией технологий, создающих условия для такой сохранности. Решение этой задачи носит преимущественно технологический специальный характер и исключается из рассмотрения в настоящей книге.

Вторая группа задач связана с комплектованием документальной памятью депозитариев исторической памяти. Со временем их разрешение претерпело известную эволюцию, пройдя не менее трех этапов.

Первый этап был связан со стихийным собирательством почти исключительно документов класса неофициального и сакрально-новом историков в рамках личных интересов собирателей, в распространение в первой половине XIX в. В этот период в России сначала зазвучали проекты организованного собирания документальных памятников (первый результативный проект его реализации относится к XVIII в. и связан с сибирской экспедицией Г. Ф. Миллера), а затем в лице сотрудников Румянцевского кружка один из таких проектов начал воплощаться на деле в ходе специальных поисковых экспедиций.

Параллельно с этим начинался этап организованного собирания документальной исторической памяти. Одной из его особенностей стала государственная поддержка такого собирания, воплотившаяся в создании Археографической комиссии при Императорской Академии наук. Для этого этапа характерными стали, во-первых, массовые перемещения оригиналов документов из провинциальных хранилищ в Санкт-Петербург, во-вторых, массовое копирование документальных источников, в том числе официального происхождения, и в-третьих, их приобретение за счет меценатов и государства. Собирание документальной памяти на этом этапе распространилось на все три класса документов, причем для второго и третьего классов оно осуществлялось непосредственно из среды их реального бытования. Второй этап пополнения документальной памяти завершился к началу 1960-х гг. блестящей деятельностью археографических экспедиций Пушкинского Дома во главе с В. И. Малышевым и Института истории Сибирского отделения АН СССР под руководством Н. Н. Покровского. Сегодня так называемая полевая археология все больше и больше обретает эпизодический характер.

Начало третьего этапа пополнения документальной памяти, вероятно, следует связывать с июньским декретом 1918 г., в котором передача с ведомственного на государственное хранение документов официального происхождения признавалась одной из задач государственного архивного строительства. Последующие решения советской власти 1919 г. не только подтверждали эту норму, но и ставили задачу концентрации в государственных хранилищах документов личного происхождения.

Третий этап пополнения документальной памяти, который можно было бы назвать административным, продолжался до начала 1990-х гг. Для него стали характерны попытки научного обоснования состава источников комплектования и жесткая система поступления от них на государственное хранение четко определяемых документальных комплексов, пополнявших документальную историческую память страны на всех уровнях ее формирования.

С 1990-х гг. начался четвертый период пополнения документальной исторической памяти. В этот период в связи с социально-экономическими и политическими преобразованиями в стране было разрушено жесткое администрирование комплектования архивов в результате возникновения негосударственных организаций, документация которых автоматически становилась корпоративной, негосударственной собственностью. Многочисленные административные преобразования государственной сферы управления и хозяйствования дестабилизировали системы источников комплектования государственной собственности, а новые принципы бюджетирования создали угрозу разрушения территориального принципа формирования документального исторического наследия. В результате этих и других обстоятельств сегодня система комплектования носит экспериментальный и неустойчивый характер.

Комплектование архива архивными документами в идеале представляет собой планомерное пополнение его фонда (когда речь идет о ведомственном архиве) или фондов документами, утратившими свое первоначальное целевое назначение. Такое пополнение, за исключением части ведомственных архивов конкретных юридических лиц, осуществляется от источников комплектования, взаимодействующих с архивом в соответствии с его профилем. К настоящему времени сложились три способа передачи документов на вечное хранение: нормативный, договорный и выморочный.

Нормативный порядок передачи документов в архив предполагает их обязательную передачу сюда на вечное хранение по истечении определенных сроков временного хранения в ведомствах, а также в случае банкротства организаций в соответствии с законодательно установленными нормами. Он существует, например, в сфере комплектования государственного, муниципального архива от соответственно государственных и муниципальных юридических лиц.

Договорный порядок передачи архивных документов на вечное хранение распространяется на документы негосударственных юридических лиц и личные архивы граждан. Смысл его заключается в добровольном двустороннем согласии владельца негосударственного корпоративного или личного архива на их передачу для вечного сохранения в государственный, муниципальный архив, архив общественной организации. В соответствии с договором в этом случае устанавливаются порядок и условия сохранения таких архивов, доступ к ним и их использование.

Выморочный порядок поступления документов на вечное хранение практикуется в случае отсутствия их законных владельцев, наследников и распорядителей. Он реализуется с помощью процедур, присущих для любого выморочного имущества.

Процесс пополнения документальной памяти означает возрастание объемных показателей хранения документов в архивах. Не-

сколькo перемеяя мысль В. Н. Автократова (он писал о закономерности «абсолютного возрастания объемных показателей» ГАФ СССР¹), можно говорить о закономерности через комплектование архива обеспечения непрерывности процесса пополнения документальной памяти.

И этот процесс имеет глубокий философский, политический, социальный и нравственный смысл. Он демонстрирует непрерывность государственности того или иного народа. Он показывает жизнедеятельность национального, этнического социума, конкретной экономической, политической, социальной, культурной структуры (институции) во времени. Он свидетельствует, наконец, о существовании государственности, вообще жизнедеятельности определенного человеческого сообщества в конкретное временное измерение. Поэтому прекращение комплектования архива, превращение его в некомплектующийся (исторический) архив, является почти всегда неким знаком, неким рубежом, отражающим происходящее в общем национальном или региональном историческом процессе и в его конкретных проявлениях на уровне деятельности отдельных юридических или физических лиц.

4.3. Экспертиза ценности архивных документов

Ключевым моментом в процессе комплектования архива является экспертиза ценности архивных документов. Экспертиза ценности документа является механизмом, призванным нейтрализовать и предотвратить, с одной стороны, угрозу преждевременного уничтожения документа, а с другой — установить его дальнейшую судьбу. В ее основе лежит идея не освобождения от ненужного хлама, а, наоборот, выбор всего того, что сохраняет какое-то время полезность, а значит, и относительную ценность, а также имеет абсолютную ценность, и потому рано или поздно человеку, обществу, государству, человечеству через столетия и тысячелетия обязательно потребуются для решения тех задач, о которых современный человек может даже не догадываться. С ее помощью определяется полезность и ценность документа и его совокупная полезность и ценность. Происходит выбраковка части документальной памяти и обеспечивается сохранение другой части, которая и пополняет документальную историческую память.

Приблизительно до начала XVIII в. абсолютная ценность документа в общественном сознании преимущественно определялась его практическим значением и древностью. Критерий практической значимости документа прежде всего подразумевал его роль в сфере

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 77—78.

собственности, особенно на землю, с одной стороны, а с другой — являлся важным для подтверждения сословной принадлежности человека и его причастности к службе государю. В этом смысле определение ценности документа носило сословный и в первую очередь продворянский характер. Практическую ценность имели и документы, зафиксировавшие различные формы зависимости одного человека перед другим. Древность же документа казалась всего лишь интересной для его сохранения как нечто необычное, как редкость, вызывающая удивление и по этой причине подлежащая сохранению вечно.

Но уже в петровское время представление о ценности документа начало постепенно расширяться. Написание «Истории Свейской войны» П. П. Шафировым, записи устных воспоминаний о Петре Великом, другие документы личного происхождения, опубликованные И. И. Голиковым и особенно Я. Штелиным¹, открыли их значение в восстановлении событий недавнего времени. Публикация грамоты Максимилиана III к Ивану III, в которой последний назван императором, показала политическую значимость документа².

До начала XIX в. выработка критериев ценности документов носила стихийный и сугубо прагматический характер. Всем было ясно до этого, что, например, международные договора государства должны храниться в архивах бессрочно, т. е. вечно; в зависимости от обстоятельств о некоторых из них следовало знать, но не всегда их афишировать, о других — много и часто говорить, а при необходимости и демонстрировать. Зато не всегда существовало понимание сохранения зафиксированных обстоятельств их подготовки и заключения. Казался важным результат, а не путь, который привел к нему. Таков был прагматизм восприятия документа при определении его судьбы. Позже, уже в первой половине XIX в. так называемые разборочные комиссии, созданные по правительственным распоряжениям, представляли собой попытки организованного определения абсолютной ценности накопленного в стране документального массива.

Приблизительно с середины XIX в. и вплоть до 1917 г. в определении ценности документа как источника исторических исследований все большую роль начинают играть историки. Со временем начал выработываться и специальный инструментарий типологических случаев установления ценности документов, а также механизм его применения.

Развитие исторической науки постепенно подточило стихийно-прагматическое отношение к определению абсолютной ценности

¹ Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным. М., 1786.

² См.: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. М., 1981. С. 145. (№ 19.)

документа и стимулировало новые подходы к выработке критериев его сохранения или ликвидации. Эти критерии приобретали все более и более систематизированную и аналитическую направленность, вылившись в конце концов в систему перечней типов и видов документов, организующих жизнь общества, личности, государства, с указанием сроков их хранения, и даже — в законодательные нормы, устанавливающие такие сроки в отношении ряда видов документов, в первую очередь имущественно-правового и финансового назначения. Совместно с историками архивисты с помощью критериев селекции документов попытались сохранить такую документальную базу, которая давала уже не только ответ на вопрос «что было», но и на другие, подчас не менее важные вопросы: «как было», «почему так было».

Сегодня текущие архивы, хранящие отработавшие свои задачи документы, постоянно ликвидируют те из них, установленные сроки которых истекли, и соответственно накапливают те, срок хранения которых определен как вечный. Происходит своеобразная фильтрация документов через оценку их значения для самопознания личности, общества, государства в исторической ретроспективе: сверху фильтра остаются те, которые обречены на вечное хранение. Остальные уходят в осадок и безжалостно уничтожаются. Судьба первых, главным образом, и интересует нас в настоящей книге.

Судьба документа определяется, как говорилось в теме 2, на стадии его оперативного архивного бытования. Невостребованность документа создает естественную угрозу его ликвидации. Однако, по словам В. Н. Автократова, убывание его предельной полезности сопровождается возрастанием его ценности. Иначе говоря, если в фазе оперативного бытования документа полезность и ценность документа в принципе вещи совпадающие, то уже в фазе покоя они расходятся и полезность документа постепенно переходит в его ценность.

Установление полезности документа есть определение его временного практического значения после утраты им первоначального целевого назначения. По этому показателю выделяются документы с кратковременным сохранением (до 5 лет), среднесрочным сохранением (до 50 лет) и долгосрочным сохранением (до 75—100 лет). Исходным посылом такой селекции является понимание, что каждый документ имеет как бы «остаточное» практическое значение, инерция которого может быть доказательно рассчитана прежде всего на основе существующих законодательных и иных правовых норм. При этом подразумевается, что время может вносить коррективы в сроки хранения каждой из трех групп селекции в сторону их уменьшения или увеличения. Обоснованные сроки хранения по каждой из трех групп документов являются обязательными. Их соблюдение особенно важно в переходные периоды жизни го-

сударства и общества, нейтрализуя возможные манипуляции с документами в преступных целях.

Абсолютная ценность документа, обрекающего его на вечное хранение, связана с его человеческим, социальным и культурным значением для будущего, определяемым исключительно информацией полноты, повторяемости, уникальности информации, уникальности самого документа. Определение абсолютной ценности документа — это своего рода «измерение» его информационного потенциала, оставшегося от его прошедшего оперативного бытования. Такое «измерение» по возможности не должно носить метафизического характера. В соответствии с архивоведческим принципом беспристрастия оно есть не что иное, как попытка сохранения через документы информации, значимой для будущего. По этой причине критерии ее оценки не могут изменяться во времени, подчиняться ему в зависимости от других ценностных представлений, существующих в обществе на том или ином этапе его развития. Критерии оценки документа при его экспертизе, связанные, например, с понятиями правды и лжи, доброго и недоброго, уважения и ненависти, прекрасного и безобразного, успешного и неудачного, прогрессивного и консервативного и т. д., могут внести только субъективизм в оценку документа при его экспертизе. Они должны оставаться категориями историографического порядка, использоваться историком, а не архивистом. Абсолютная ценность документа — это его новое свойство в состоянии покоя, его новая функция, его смысл, позволяющий простраивать прошлое через созданную им же информацию, отражающую ушедший мир сущего.

Современное понимание отнесения документов к числу подлежащих вечному сохранению, основывается на нескольких посылах. Во-первых, абсолютная ценность документа связана с его познавательными возможностями содержать информацию, важную и необходимую для реконструкции прошлого в разные мгновения и в разных, прогнозируемых и не прогнозируемых, аспектах состояния ушедшего прошлого. Во-вторых, ценность документа вскрывается через установление повторяемости его информации в других документах — полной (дублетные документы), основной по ее определяющему содержанию и частичной по разным и отдельным параметрам.

Проблема повторяемости документной информации документов официального происхождения хорошо разработана в архивоведении, став основой современной экспертизы ценности в нашей стране¹. С небольшими корректировками, вызванными концепцией настоящего исследования, мы рассмотрим ее ниже.

¹ Основные положения отбора документов с повторяющейся информацией на государственное хранение. М., 1976.

Выделяются два вида повторяемости текста документа: формальный и аналитико-синтетический. В первом случае документальные свидетельства первичного текста точно полностью или частично воспроизводятся во вторичном тексте. Во втором случае документальные свидетельства первичного текста преобразуются путем аналитико-синтетической переработки в документальные свидетельства вторичного текста. И в том и в другом случаях первичный текст считается поглощенным полностью или частично.

Каждый из этих видов повторяемости текста находит свое выражение в определенных формах.

Формальный вид повторяемости может выступать в формах дублирования, цитирования и суммирования. Дублетная форма представляет собой размноженные различными способами тексты одного и того же документа. Цитируемая форма выступает как открытое или скрытое цитирование всего или части текста одного документа в тексте другого. Суммируемая форма реализуется через простое сложение однородных документальных свидетельств текста одного или нескольких документов в тексте другого.

Аналитико-синтетический вид повторения текста представлен также тремя формами: обобщением, реферированием, изложением. При обобщающей форме документальные свидетельства первичного текста перерабатываются во вторичный текст через их расчленение и различную группировку (анализ) с последующим соединением в нечто новое, единое, целое (синтез). При реферированной форме документальные свидетельства первичного текста передаются в существенно сокращенном виде с элементами их анализа, синтеза и оценки. В форме изложения все документальные свидетельства или часть первичного текста передаются в свободном пересказе, т. е. с возможным изменением структуры первичного текста, его стиля в другом тексте.

Иначе говоря, текст оригинала или копии практически любого документа является результатом некоей переработки текста (текстов) другого (других) документа (документов). Такая переработка может быть представлена несколькими формулами.

Формула № 1: Текст (Т) оригинала (о) =
= Т первичного (Тп) документального источника.

Формула № 2: $T_o = T_{п1} + T_{п2} + \dots T_{пn}$

Формула № 3: $T_o = T_{пц}$,

где ц — цитирование текста первичного оригинального текста.

Формула № 4: $T_o = T_{пц1} + T_{пц2} + \dots T_{пцn}$.

Формула № 5: $T_o = T_{по}$,

где o — однородные свидетельства текстов одного или нескольких документальных источников.

Формула № 6: в ней T_o представляет все или разные комбинации пяти предшествующих формул.

Все приведенные выше формулы представляют собой сравнительно простую переработку первичных текстов документов в новый текст нового документа-оригинала. Например, по формулам 1 и 2 готовились такие организационные документы, как приказы с дословным воспроизведением текстов нормативных и организационных документов вышестоящего по подчиненности юридического лица. По формулам 3 и 4 создавались тексты, например, таких документов, как обзоры писем трудящихся во власть и в СМИ или обзоры общественных настроений в сводках ВЧК — ОГПУ — НКВД. По формуле 5 возникали тексты таких документов, как отчеты. Однородные данные, например, о состоянии колхозного строительства в первый этап коллективизации группировались здесь по таким показателям, как число крестьянских дворов, вовлеченных в колхозы, количество трудодней, приходящихся на трудоспособного члена колхоза и т. д. После того как коллективизация стала состоявшимся фактом, данные таких отчетов группировались уже с ориентацией на показатели эффективности колхозного труда и приходные и расходные статьи бюджетов колхозов.

Эти же формулы показывают, что познавательные возможности текста оригинала как результата сравнительно простых методов обработки исходных первичных текстов в целом зависели от достоверности последних, исключая всегда возможные случаи чисто механических ошибок, в первую очередь, когда документальный текст создавался по формуле 5.

Несколько иначе обстоит дело, когда речь идет о тексте оригинала, создающихся на основе более сложных форм переработки первичных документальных текстов. И обобщение, и реферирование, и изложение испытывают на себе воздействие не менее двух факторов. Первый фактор связан с профессиональным умением автора (исполнителя) документа, по существу аналитического во всех трех случаях, передать содержание исходных первичных документальных свидетельств, выделить и отсортировать свидетельства важные, не важные, основные, второстепенные, нужные, не нужные для дальнейшего бытования оригинала документа в оперативной фазе. При аналитико-синтетической переработке исходного текста (текстов) происходит потеря определенной части их документальных свидетельств. Однако такая потеря означает всего лишь снижение информационного потенциала текста оригинала по сравнению

с легшими в его основу исходными текстами. Зато в результате данной переработки происходит такое преобразование детализированных документальных свидетельств, которое обеспечивает их особую концентрацию (агрегирование), обеспечивающую получение в тексте оригинала более общих, чем в исходных текстах, документальных свидетельств. При этом надо отчетливо представлять, что оценку качества такого агрегирования можно дать только при его сравнении с исходными текстами.

Различные виды повторяемости информации присущи и визуальным документам. Характерным в этом смысле является пример с работой в 1918 г. режиссера Д. Вертова над документальным фильмом «Годовщина Революции» и его дальнейшей судьбой. Фильм представлял собой монтаж недошедшей до настоящего времени кинохроники различных операторов и в этом смысле теперь является уникальным первоисточником после его реконструкции. Необходимость же в такой реконструкции возникла в связи с тем, что этот документальный источник после его триумфальной демонстрации в России и за рубежом оказался не только разделенным на неидентифицированные части, но и частично был использован при подготовке других документальных и даже художественных фильмов. Таким образом, мы видим на этом примере не менее двух поглощений визуальной информации¹.

Повторяемость информации документов, являющаяся следствием их системности, таким образом, дает возможность отнести в первую очередь к вечному сохранению документы, содержащие агрегированную информацию.

Для названных выше признака определения абсолютной ценности информации документа лежат в основе освобождения от ее первичного состояния. Такое освобождение, осуществляемое в определенных процедурных границах и на основе общепризнанных критериев определения повторяемости и полезности, является не замещением части документальной памяти ее иной новой частью, а избавлением от ее повторяемости и утраченной полезности. Остающаяся часть является не чем иным, как исторической документальной памятью.

Эти два признака являются определяющими, хотя и не единственными, при вскрытии абсолютной ценности документа. Они дополняются, например, критерием автографичности — исторической значимости лица, подписавшего документ. Критерий муляжности документа рассматривает ситуацию, при которой один из документов порождает верер других документов, демон-

¹ Подробнее см.: *Изаолов Н. Детектив в духе Умберто Эко: как разыскивали «Годовщину Революции»* — дебют великого Дзиги Вертова // *Искусство кино*. 2019. № 1 — 2.

стрируя свою особо значимую роль в текущей человеческой жизнедеятельности. В отношении сложившегося массива однородных документов допускается их выборка, рассчитываемая по разнообразным, но обязательно известным параметрам и в определенных временных интервалах и территориальных границах.

Археография и документальное источниковедение имеют дело с документом, как правило, уже прошедшим селекцию. Строго говоря, здесь скрывается существенное противоречие между теоретическими постулатами архивоведения, археографии и документального источниковедения, поскольку две последние дисциплины заинтересованы в наличии максимально полной источниковой базы, соответствующей изучаемому факту, событию, явлению, процессу прошлого. Но сегодня селекции — это неизбежность, объясняемая исключительно экономическими соображениями. Важно отметить, что она, как точка определения судьбы документа, является местом не противопоставления, а пересечения интересов архивоведения, археографии, документального источниковедения. Известность критериев, принципов и механизмов экспертизы ценности, документированность их применения позволяют с оптимизмом смотреть на объективный процесс потери для архивного дела, археографии и источниковедения части документальной памяти, поскольку не только сохраняется другая часть, но и существует возможность реконструкции неизбежно происходящих при экспертизе ценности потерь.

Тем не менее в принципе и сегодня остается спорным вопрос о целесообразности такой экспертизы. Позиция ее противников основывается на том, что почти каждый документ представляет собой зафиксированное мгновение прошлой действительности — как факт этой действительности, как частичка события, процесса и явления ушедшего времени, а потому должен сохраняться вечно. Эта позиция — идеальная модель комплектования, и она содержит рациональный методологический посыл.

Скорее всего новые информационные технологии рано или поздно решат вопрос в русле этой позиции, так как они неотвратимо разрушают два аргумента сторонников экспертизы документов: «проблему полнок» и проблему поиска нужной информации в ее безграничных по существу в данном случае пределах. Но это близкое или отдаленное будущее. Для сегодняшнего состояния архивного дела две эти проблемы сохраняют свою актуальность, и архивоведение должно предложить их разрешение с позиций современных реалий.

Таким образом, экспертиза ценности документа есть вынужденное, но в настоящее время оправданное вмешательство в его судьбу. Снова, как и на стадии его собственно оперативного бытования, неприкосновенность документа подвергается угрозе теперь уже ре-

ального физического уничтожения. С большей частью документов так и происходит. Но благодаря экспертизе ценности остается разделенный массив документов, который и становится носителем документальной исторической памяти. Иначе говоря, архивоведение обосновывает и предлагает своеобразную «прополку» всего создаваемого в процессе человеческой жизнедеятельности документального массива, которая в конце концов закрепляется разнообразными нормативами, обязательными для исполнения.

4.4. Реконструкция документальной исторической памяти

Существующее и постоянно формируемое документальное историческое наследие представляет собой выборку из всего создаваемого документального массива. Научная обоснованность такой выборки, т. е. репрезентативность, относительна, поскольку не обеспечивает гарантированную уверенность ее обеспечения сколь угодно неопределенных запросов будущего. Поэтому потеря информации при экспертизе ценности документов происходит неизбежно.

Архивоведение признает, что определение ценности документа как интеллектуальный процесс — вещь, с одной стороны, субъективная, а с другой стороны, в реальной жизни — переменчивая во времени. Их хотя бы частичная нейтрализация связана с организацией экспертизы ценности как процесса консилиумного характера, а также документированием этого процесса для будущего исследователя. И то и другое обеспечивается сегодня проверенной временем системой экспертных органов архивных учреждений и набором постоянно обновляемых нормативных и методических документов, обеспечивающих их деятельность. Они дают возможность реконструкции документальных массивов, не ставших объектами вечного сохранения.

Говоря о реконструкции документальной памяти, следует иметь в виду, что под этим мы понимаем два ее состояния: 1) реконструкцию той части памяти, которая прошла экспертизу ценности и была согласованно ликвидирована; 2) реконструкцию сознательно или стихийно ликвидированной документальной памяти, которая могла иметь историко-познавательное значение.

Важнейшей основой реконструкции первого случая является знание существовавших систем и подсистем документации: формальных, т. е. общепризнанных и официальных, в том числе тайных, и неформальных, т. е. персональных и складывавшихся на основе традиций и обычаев. Это обеспечивает получение знания о степени диффузности информации, т. е. ее проникновении по горизонтальным и вертикальным документальным связям. В равной степени

подобная реконструкция является задачей архивоведения и документального источниковедения. Однако, если для архивоведения в такой реконструкции интерес представляет проблема глубины и полноты диффузности документной информации, то для документального источниковедения — вопросы еще и ее достоверности и характера переработки.

Наличие ситуаций второго случая, связанного с утратами документов в силу разных обстоятельств или их сознательным по разным, в том числе политическим мотивам, уничтожением (как правило, не документированном), означает, что исключается сама возможность установления подлинной картины того или иного факта, события, явления, процесса прошлого, а значит, и доказательства того, что они имели место в прошлом. Например, по подсчетам А. И. Костанова до нашего времени сохранилось лишь 6—7 % документов 20 уездных архивов Сибири¹. Реконструкция таких утрат вполне реальны, особенно когда речь идет о документальных утратах XIX—XX вв., — это одна из задач архивоведения и документального источниковедения. Более того, само понятие «реконструкция утраченного документального наследия», ее теория и методика должны стать важным разделом архивоведения и документального источниковедения.

Ясно, однако, что реконструкция утраченных по форс-мажорным обстоятельствам массивов документации должна стать задачей, прежде всего, документального источниковедения и ее решение может принести впечатляющие результаты. Из этого следует, что само понятие «реконструкция», ее теория и методика должны стать важным разделом источниковедения. Однако их разработка немислима вне интеграции с принципами, методами и технологиями, существующими в архивоведении. Архивоведение подсказывает объект реконструкции — документ, дело, фонд. Оно открывает возможности для выработки методов реконструкции. При этом, говоря о методах реконструкции, очевидно, следует признать, что в каждом конкретном случае они, а также их набор, будут различны. Однако важно подчеркнуть, что в их основе обязательно останутся чисто архивоведческие инструменты: нормативно-методические документы, регулирующие функционирование систем и подсистем документации, типовые и отраслевые перечни, акты о выделении документов к уничтожению, номенклатуры дел и т. д., архивоведческие наблюдения и выводы о принципах и механизмах повторения документной информации, ее видах и формах и т. д., а также представления о типичности утраченных фондов, дел и документов, устанавливаемой по аналогичным сохранившимся фондам, делам и документам.

¹ Костанов А. И. Документальная история Сибири... С. 276.

Подводя итоги этой темы, заметим, что сохранение документальной памяти основывается на применении архивоведческого принципа **необходимого и достаточного**. Необходимое в данном случае — это признание безальтернативности сбережения документальных свидетельств о человеческой жизнедеятельности, **временное или вечное**, и создание возможностей и условий для их сбережения. Достаточность — это мера выборочного сохранения навечно документальной информации, определяемая специальным познавательным инструментарием, позволяющим говорить о репрезентативности этой меры документального наследия по отношению к общему объему создаваемой документальной памяти.

Контрольные задания

1. Покажите основные угрозы утраты архивных документов и способы их нейтрализации и парирования.
2. Рассмотрите основные этапы осмысления необходимости пополнения документальной исторической памяти и современное состояние ее комплектования.
3. Назовите объекты и методы реконструкции документальной памяти.

Тема 5

КЛАССИФИКАЦИЯ И УПОРЯДОЧЕНИЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

5.1. Из истории документальных классификаций

Любое научное знание невозможно без классификации его объекта и предмета, тем более, когда речь идет о безграничном и далеко не всегда наблюдаемом, но реально существующем множестве документов. Выше говорилось, что любой создаваемый документ за редким исключением можно отнести к одному из трех классов: класс документов официального происхождения, класс документов неофициального (личного) происхождения, класс са-кральных документов. Рассмотрим, каким образом эти три класса документов упорядочивались в классификациях отечественных исследователей.

Как показывает обстоятельный очерк истории классификации исторических источников в России и СССР, данный Л. Н. Пушкаревым¹, при всей противоречивости таких классификаций в них на протяжении десятилетий почти всегда особую группу составляли письменные источники. Однако далеко не все из них признавались «документами», а потому от письменных источников часто отделялись в особую классификационную единицу «документы делопроизводственного характера». Другие же письменные источники нередко разбивались на «документальные», например, частные и публичные акты, и «литературные», например, летописи, дневники и др.² И. Л. Шерман впервые все письменные источники предложил поделить на источники официального и неофициального происхождения. В первую группу он отнес «актовые или документальные материалы» (грамоты, уставы, договоры, протоколы, циркуляры и др.). Вторую группу, по Шерману, составляли «источники

¹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 135—187.

² Там же. С. 167.

повествовательные, литературные или частного характера» (летописи, дневники, письма, мемуары и др.)¹.

М. Н. Черноморский, автор первого учебника по источниковедению истории СССР советского периода и преподаватель МГИИИ, выделяя группу письменных источников, предложил далее систематизировать их по видам документов, тем самым испытав воздействие документоведческих классификаций, использовавшихся при преподавании документоведения и делопроизводства в МГИИИ — не случайно видовое основание классификации письменных источников в это время отставал и другой преподаватель этого института О. М. Медушевская.

Недостатки и достоинства названных и других классификаций источников были в свое время подробно рассмотрены Л. Н. Пушкаревым. Уточним еще некоторые особенности таких классификаций. Классификации документальных источников советского периода практически специально не охватывали документирование деятельности силовых структур, а в части группировки документирования партийных структур, прежде всего КПСС, представляли собой импровизации, в которых не просматривались хотя бы какие-то элементы логического упорядочения, а господствовали идеологические клише и пресловутый «принцип партийности». Ни одна классификация даже не упоминала документальные источники сакрального происхождения. Важным стало постепенное признание того, что классификация исторических источников по какому-либо одному основанию невозможна, о чем не раз писали В. И. Стрельский и М. А. Варшавчик². В то же время сохранялось убеждение в том, что одним из оснований таких классификаций должен обязательно оставаться хронологический подход — по формациям или по иным хронологическим периодизациям. Более или менее общепринятой становилась точка зрения о возможности классификации по трем принципам: по содержанию, происхождению и видам источников.

Говоря о классификации исторических источников, Пушкарев в ее схеме наметил их типы, роды и виды. Под типом источника он понимал «способ кодирования заключенной в источнике информации» и в соответствии с этим выделял письменные, вещественные, устные (фольклорные), этнографические типы источников, данные языка, кинофотодокументы, фонодокументы³. В исследовании Пушкарева мы не найдем толкования рода исторического источника. Однако в письменном типе исторических источников он с большими оговорками выделяет два их рода — документаль-

¹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. С. 168.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 189—206.

ные и повествовательные. К первому роду Пушкирев отнес документальные письменные источники, «которые сами по себе являются как бы документом, подтверждающим историческое настоящее — настоящее, конечно, ко времени создания документа». Во втором роде автор выделяет повествовательные письменные источники — в них «отображается и далекое прошлое в виде рассказа, предания... и живое настоящее, ибо любой источник есть одновременно и исторический факт, тысячами нитей связанный со средой, временем и местом своего создания»¹.

Такое деление письменных источников на роды традиционно основывалось на ограниченном понимании документа только в его делопроизводственной среде создания и бытования как официального документа и противопоставлении этому пониманию источников неофициального происхождения. Это деление фактически игнорировало наличие в каждом из двух родов письменных источников, одинаковых по характеру информации. Выделение двух родов письменных источников не получило убедительных аргументов.

Намного более убедительной выглядит у Пушкирева следующая степень классификации письменных источников — по их виду. По Пушкиреву, вид источника — это исторически сложившийся комплекс письменных источников, «для которых характерны сходные признаки их структуры, их внутренней формы»². При этом Пушкирев впервые упоминает «делопроизводственную документацию», в которой можно обнаружить документы с общностью «формуляра, названия и других признаков формы». Пушкирев в своей книге предложил их классификацию, оговариваясь, что каждый исследователь видит ее по-своему. В роду документальных источников Пушкирев выделяет такие их виды, как картографические (карты, планы), статистические (экономическая статистика, статистика населения, политическая и культурная статистика), актовые (политические, социально-экономические, юридические), «канцелярские» (грамоты, реестры, книги, указы, деловая переписка). К роду повествовательных письменных источников автор относит «личные» (письма, дневники, мемуары), художественные (очерки, корреспонденции, лирика, драма, романы, рассказы, повести), исторические (исторические повести, хронографы, летописи), научные (исторические труды, философско-социологические труды, географические описания)³.

Мы не будем подробно рассматривать терминологическое несовершенство, неполноту и противоречивость классификации Пушкирева.

¹ Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. С. 212.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 207.

карева видов письменных источников. Например, группа видов источников, объединенных понятием «канцелярские», не содержит актов, грамот с канцелярским происхождением, к группе видов хужожественных источников отнесены «корреспонденции», в группе видов научных письменных источников отсутствует научно-техническая документация и т. д.

Автор пишет о том, что «некоторые виды письменных источников могут быть объединены (в пределах рода) в особые категории, имеющие схожие особенности происхождения, содержания и формы»¹. К числу таковых он относит, например, картографические документы, акты, летописи, мемуары и др. По Пушкареву, такие группы письменных источников можно назвать разрядами. Это наиболее неопределенное и потому спорное предложение автора, на наш взгляд, отражает его неуверенность в возможности найти единое основание деления письменных источников на виды, в основе которого может лежать целевое функциональное предназначение письменного источника при его создании.

5.2. Современные классификации документов

В теме 1 мы говорили о принципе классификации документов как одном из важнейших в архивоведении. В теме 2 мы выделили первый уровень такой классификации, основанный на сфере происхождения документов — классы документов официального, неофициального и сакрального происхождения.

Классификация документальных источников, основанная на сфере происхождения документов, о которой мы уже говорили, включает:

- класс документов официального происхождения;
- класс документов неофициального происхождения;
- класс документов сакрального происхождения.

Эта классификация носит в большей степени познавательный, чем организационный характер, хотя в ней имеется и элемент организационный, если учесть, что традиционно класс сакральных документов в России преимущественно хранится в рукописных отделах библиотек и музеев.

Классификация документальных источников, основанная на виде носителя и способе закрепления на нем информации, включает:

- письменные документы;
- визуальные документы;
- аудиодокументы;
- электронные документы.

¹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. С. 256.

На этом основании организуются архивы или внутри них — соответствующие специализированные архивохранилища. Допустима такая классификация и на уровне архивного фонда или архивной коллекции. Как видим, она в большей степени носит организационный характер и широко применяется в архивах мира.

Документальная историческая память как средоточие бесконечного числа структурированных сообщений документов, выступающих в процессе познания в виде совокупности свидетельств о прошлом, классифицируется на основе их содержания. Такая **классификация, основанная на содержании структурированных сообщений**, предлагает выделение неограниченного числа классов, подклассов и групп документов в соответствии с их содержательной заданностью, например: имущественные, сословные, хозяйственные, экономические, правовые, международные, дипломатические и т. д. и т. п. Такая классификация предложена в фундаментальном справочнике «Классификатор документальной информации, хранящейся в архивах России»¹.

Эти и другие классификации документов важны применительно к каждому особому случаю их сохранения, поиска и использования. Классификация, основанная на виде носителя, дает возможность создания системы архивов, учитывающей особенности сохранения документов на каждом виде носителей. Тематическая классификация открывает новые возможности эффективного поиска документной информации на основе каталогов и автоматизированных систем.

Опыт и время показали эффективность для архивного дела еще трех архивоведческих классификаций: пофондовой, функциональной и познавательной, к рассмотрению которых мы и приступаем.

Попондовая классификация архивных документов стала результатом многовековой практической работы по упорядочению документов. Ее главный смысл заключается в том, что все документы, создаваемые в процессе деятельности юридического или физического лица, а также поступающие к ним извне, представляют собой не только единый и физически обособленный массив, но и некую совокупность взаимосвязанной документной информации, предметность которой четко определяется задачами, решаемыми тем или иным фондообразователем. В результате вся безграничная совокупность документов, создаваемая в процессе человеческой жизнедеятельности, локализуется по их отдельным совокупностям, объединенным деятельностью конкретных фондообразователей.

Попондовая классификация документальной памяти для архивоведения и архивного дела является фундаментальной основой

¹ Единый классификатор документной информации Архивного фонда Российской Федерации. М., 2007.

ее упорядочения. И в теоретическом плане, и в практическом отношении эта классификация фиксирует сложившиеся исторически сегменты документальной памяти, демонстрируя их неизменность и неприкосновенность от какого-либо вмешательства. Она же обеспечивает эффективный поиск нужной информации.

Разновидностью пофондовой классификации можно считать классификацию, в которой ее предметом является архивная коллекция. В ней документы объединены не общим происхождением, а видом, содержанием, географической принадлежностью и другими признаками архивных документов.

Пофондовая классификация в познавательном смысле открывает возможности ее детализации по уровням управления и хозяйствования фондообразователей (рангам фондообразователей). В зависимости от времени их деятельности количество таких уровней бывает разным, но в принципе типичным можно считать *четырёхуровневую классификацию в пределах определенных систем документации*: фонды фондообразователей высшего и центрального звена управления, фонды фондообразователей регионального (губернского, республиканского, краевого, областного) звена управления, фонды местного (уездного, районного, муниципального) звена управления, фонды хозяйствующих субъектов и личные архивные фонды.

Однако и это еще не предел пофондовой классификации. Она открывает возможности распределения фондов в зависимости от сфер деятельности их фондообразователей. В этом случае мы можем говорить, например, о фондах фондообразователей культуры, спорта, здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства и др.

Функциональная классификация документов исходит из того, что каждому документу, как говорили мы в теме 2, присуща определенная целевая заданность. В соответствии с этим выделяются функции документов. В литературе нет единого понимания и классификации функций документов. Не углубляясь в разбор разных точек зрения по этому вопросу, скажем только, что спектр всех мнений сосредоточен между широким теоретическим их толкованием и сугубо детальным прагматическим пониманием. В первом случае при таком подходе к классификации функций неизбежно стирается грань между документом и другими материальными носителями информации, во втором при детализации функций утрачиваются связи между определенными группами документов, реализующими одинаковые функции. Кроме того, в таких классификациях очень часто вопреки логике класс документов официального происхождения искусственно разделяется на «делопроизводственные документы» и документы, относящиеся к «нормативно-законодательной, судебной-следственной, дипломатической и другим сферам

деятельности», как будто последние не являются, во-первых, официальными документами и, во-вторых, «делопроизводственными документами»¹. В этом смысле функциональная классификация преодолевает такие противоречия.

Рассматривая документ как оперативный регулятор процессов жизнедеятельности государства, общества, человека, мы можем выделить его несколько основополагающих функций: директивную, организационную, коммуникационную, информационную, учетно-отчетную, репродуктивную, персонифицированную, регулятивно-специальную, творческую, духовную.

Функциональная заданность документа определяет его тип. Таким образом, функциональная классификация в соответствии с типами составляющих ее документов может выглядеть следующим образом.

Функциональная классификация документов по типам:

- директивный тип документов;
- организационный тип документов;
- коммуникативный тип документов;
- информационный тип документов;
- учетно-отчетный тип документов;
- репродуктивный тип документов;
- персонифицированный тип документов;
- регулятивно-специальный тип документов;
- творческий тип документов;
- духовный тип документов.

Директивный тип документа содержит властные, обязательные для исполнения в определенных объеме и порядке структурированные сообщения, а также нормы их исполнения. К директивному типу документов относятся, например, законы, постановления, решения, приказы, резолюции, декларации, распоряжения и др. В советское время в условиях функционирования тоталитарного государственного механизма существовал, например, такой тип директивного документа как постановления Политбюро ЦК ВКП (б) — КПСС.

Организационный тип документа включает структурированные сообщения, определяющие процедуры, последовательность, ответственность исполнения директивного типа документов. К организационному типу документов принадлежат, например, планы, протоколы заседаний и совещаний.

Коммуникативный тип документа содержит структурированные сообщения, оперативно регулирующие процессы организационного исполнения задач, поставленных в директивных и организационных типах документов, решение вопросов, возникающих в процессе

¹ Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург, 2015. С. 37.

совместной деятельности физических лиц, а также во взаимоотношениях между юридическими и физическими лицами. К коммуникативному типу документов относится, например, переписка.

Информационный тип документа состоит из структурированных сообщений, которые фиксируют, а иногда и анализируют состояние выполнения задач директивных и организационных документов в определенный момент их решения, а также в процессе взаимодействия юридических и физических лиц. К информационному типу документов можно, например, отнести справки, докладные записки, сводки, анализы состояния чего-либо.

Учетно-отчетный тип документа включает структурированные сообщения, отражающие результаты решения задач, поставленных в директивных и организационных документах в целом или за определенный временной период. К учетно-отчетному типу документов помимо, например, традиционных отчетов о деятельности, можно отнести статистические документы.

Репродуктивный тип документа содержит структурированные сообщения, которые отражают внешнее состояние решаемой задачи, какого-либо факта, события, явления, процесса, материального, физического природного объекта. Репродуктивный тип документа представлен, например, фонозаписями, фотографиями, видеозаписями, описаниями путешествий и т. д.

Персоналифицированный тип документа состоит из структурированных сообщений, фиксирующих состояние и пребывание человека в качестве официального субъекта, взаимодействующего с официальным юридическим лицом. Персоналифицированным типом документа является, например, персональная анкета, послужной список, паспорт, другие личные документы.

Регулятивно-специальный тип документа включает структурированные сообщения, обеспечивающие достижение специальных, сугубо специфических задач человеческой жизнедеятельности. К регулятивно-специальному типу документа относятся, например, карты, правила, инструкции, научно-техническая, технологическая документация.

Творческий тип документа содержит структурированные сообщения, отражающие личные творческие устремления человека и их результаты, предназначенные для публичного и непубличного обращения. Творческий тип документа, представлен, например, художественными произведениями, научными исследованиями, личными дневниками, мемуарами, личными письмами человека.

Духовный тип документа представлен разновидностями класса документов сакрального происхождения. Функциональная классификация документов сакрального происхождения была впервые предложена К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым в их описании

русских и славянских рукописей библиотеки графа Ф. А. Толстова¹. После этого классификация документов сакрального происхождения не раз уточнялась. Мы придерживаемся классификации А. В. Горского и К. И. Невоструева². Они выделяли: документы Книг Священного писания (Евангелия, Апостолы и др.), документы Толкований Священного писания (писания Святых Отцов, писания догматические, писания духовно-нравственные и др.), богослужебные документы (служебники, требники, октоихи, минеи и др.), церковно-исторические документы (патерики, прологи, четьи-миней и др.).

Графически в упрощенном виде класс сакральных документов можно представить следующим образом.

Предложенная классификация имеет свои недостатки, которые прежде всего связаны с документами многофункционального назначения. В советское время, например, план утверждался законом или приказом и имел директивный характер. Наша классификация исходит из основного функционального предназначения документов на стадии их оперативного бытования.

Входящие в состав каждого типа документы имеют некие дополнительные признаки, по которым их можно объединить в опреде-

¹ Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора... графа Федора Андреевича Толстова. В классе сакральных документов они выделили подкласс документов Верознания, куда отнесли группы: Священное Писание (Библия, Евангелие, Апостол, Псалмы), Толкование Священного Писания (труды Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского и др.), Богословие догматическое (сочинения Иоанна Дамаскина, Кирилла Иерусалимского, Симеона Полоцкого и др.), Богословие полемическое, или созидательное (сочинения Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Стефана Яворского, Дмитрия Ростовского и др.), Богословие проповедное (сочинения Иоанна Златоуста), Анастасия Синаита, Андрея Критского, Григория Богослова и др.), Богословие созерцательное (сочинения Аввы Дорофея, Антиоха Черноризца, Ефрема Сирина и др.), Богословие историческое (Патерики, Четьи-Миней, жития святых и др.), книги служебные церковного круга (Псалтирь, Часослов, Триоди, Миней, Требник, Паремийник, Молитвенники, Месалы и др.) (с. XI—XXX).

² Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отд. 1—3. М., 1855—1917.

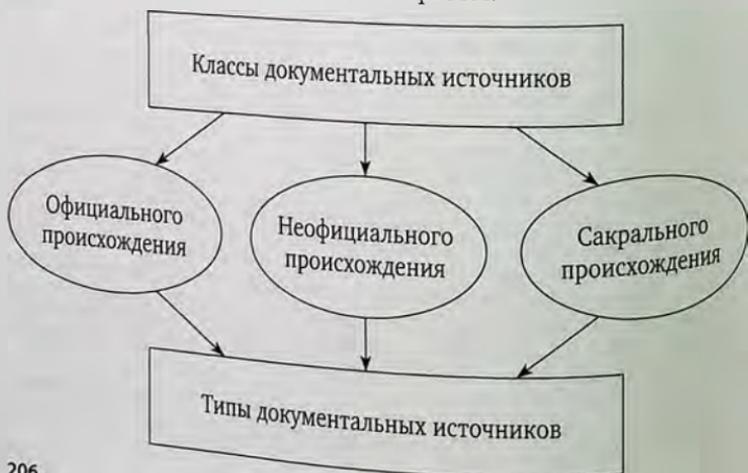
ленные группы, составляющие *виды документов*. Об их основных признаках мы говорили выше в теме 2.

Разумеется, наша классификация типов и видов документов носит в известной мере условный характер. Вне всякого сомнения, она устанавливает реально существующие три класса документов. Безусловно, она достаточно адекватно отражает основные типы документов существующие внутри каждого класса. Что же касается видового состава каждого типа документов, то здесь мы обнаруживаем наличие целого ряда «переходных» или присущих нескольким типам и даже классам документов их видов.

В принципе функциональная классификация документов, основанная на функции документа во время его оперативного бытования, может быть продолжена. Например, директивный тип документа может быть классифицирован по его авторам на: 1) постановления, решения партийных органов в соответствии с их иерархией; 2) постановления и решения органов исполнительной власти в соответствии с их иерархией; 3) совместные постановления, решения партийных и государственных органов; 4) постановления, решения, приказы общепромышленного (ведомственного) характера; 6) приказы конкретных организаций и т. д.

Нетрудно заметить, что функциональная классификация документов имеет прежде всего организующее и поисковое значение. В соответствии с ней формируются отдельные части документальной памяти, в том числе дела в архивном фонде, и осуществляется их поиск в рамках традиционного НСА. Однако в определенной мере она показывает характер и уровень документальных свидетельств разных типов документальных источников.

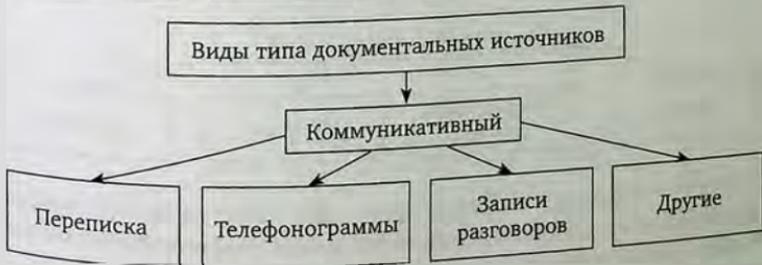
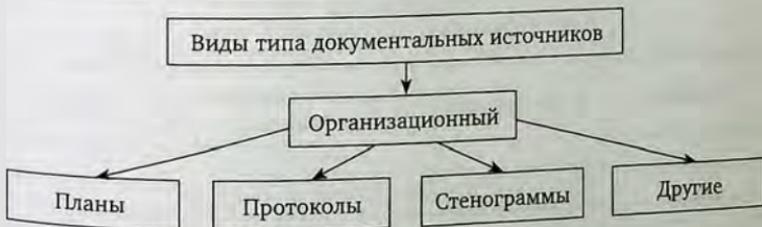
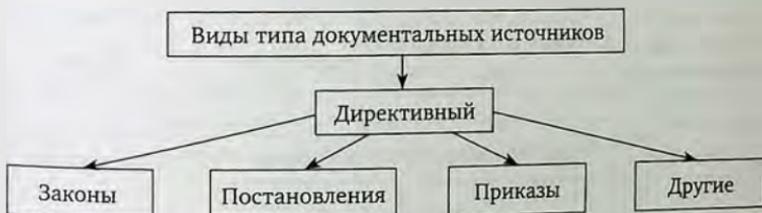
Итак, первый и самый общий уровень классификации документов — уровень отнесения их к одному из трех классов. Графически его можно представить следующим образом:

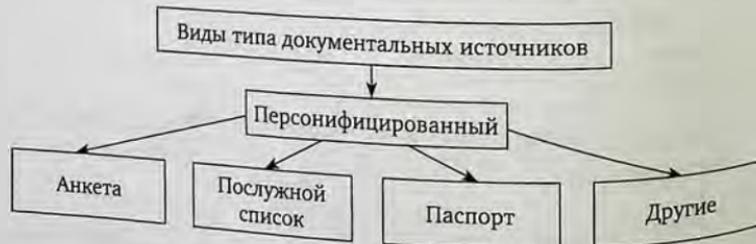

Второй уровень классификации представлен типами документальных источников и графически в отношении класса документов официального происхождения может выглядеть следующим образом.

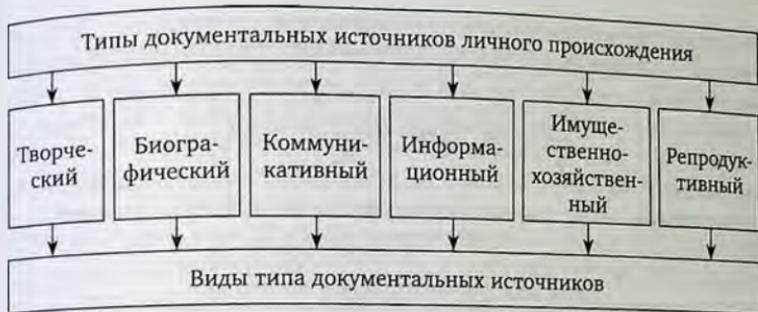

Третий уровень классификации документальных источников раскрывает состав видов документов, составляющих каждый их тип. Графически он может быть представлен в виде восьми нижеследующих схем.

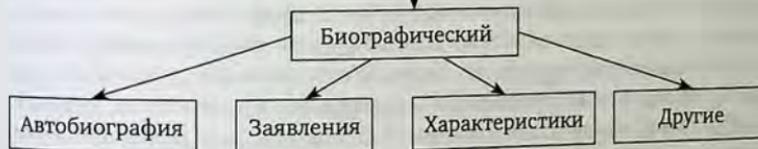
Соответственно классификация документальных источников класса личного происхождения по их типам графически может быть глядеть в виде семи схем следующим образом.

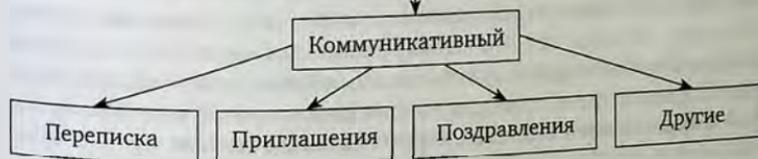
Виды типа документальных источников

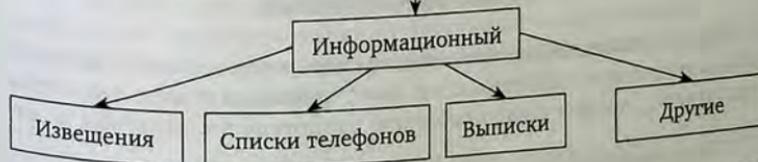
Виды типа документальных источников

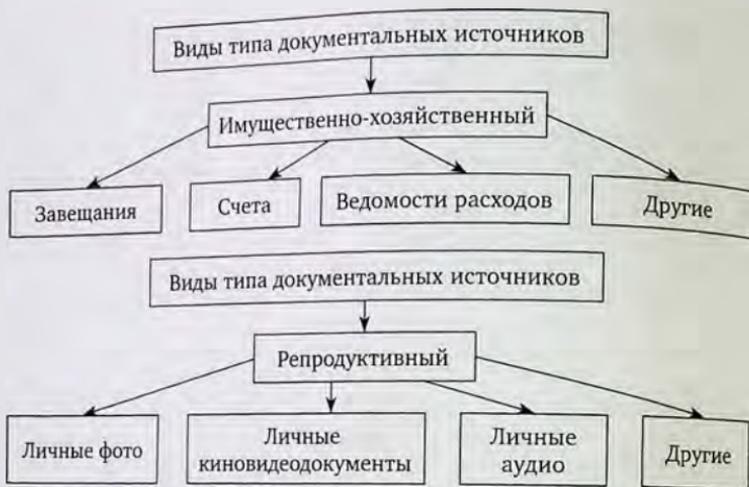

Виды типа документальных источников

Виды типа документальных источников

И. Д. Ковальченко скептически относился к возможности создания общей классификации исторических источников на основе их «содержания», справедливо признавая такую возможность в «конкретно-исторических работах». Он писал: «Поскольку содержание источников в плане отражения ими объективной действительности чрезвычайно многообразно, и одни и те же виды источников и даже отдельные источники содержат информацию о самых разнообразных сторонах этой действительности, постольку дать классификацию источников по содержанию, идя от самих источников, не представляется возможным. Но такая классификация может быть проведена на основе выделения исследователем тех или иных сторон и черт исторической действительности. Подобная классификация будет представлять группировку типов и видов источников по степени их ценности для изучения интересующих исследователя явлений исторической действительности»¹. Автор разделяет эту точку зрения, но полагает, что в конкретном исследовательском проекте классификация документальных источников возможна не просто «по степени их ценности» для такого проекта, но и с учетом фиксации ими динамики развития изучаемых в его рамках проблем.

5.3. Познавательная (прикладная) классификация архивных документов

Наше понимание документального исторического источника как документального свидетельства, выступающего в виде свидетельства-факта, свидетельства-события, свидетельства-явления и сви-

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 125.

детельства-процесса, предполагает возможность *познавательной классификации архивных документов*. Она основывается на объективно присущих связях между определенными документальными комплексами, на наличии между ними последовательных соединений, раскрывающих состояние и изменение документального свидетельства. В случае с документами официального происхождения в них можно обнаружить инициацию некоего властного решения, его подготовку, утверждение, организацию реализации и ее результаты. Для документальных источников личного происхождения такая связь определяется какими-то целеполаганиями их авторов, приводящими также к неким результатам.

Познавательная классификация учитывает степень ценности документальных источников при их использовании в рамках конкретной исследовательской темы. Однако на первое место она ставит такое распределение, которое позволяет установить процесс трансформации факта, события, явления, процесса прошлого.

Познавательная классификация архивных документов всегда носит выборочный характер, поскольку изначально настроена на упорядочение документальных исторических источников в рамках конкретного исследовательского проекта. Она имеет часто определяющее значение, например, при подготовке тематической документальной публикации. Говоря словами Ковальченко, это — отражение в такой формальной классификации документальных источников исторического факта в «системе» и «взаимодействии» с другими фактами¹. Как представляется автору настоящей книги, «взаимодействие» таких фактов наиболее последовательно отражается в определенных документальных «цепочках»: конкретных типах, видах и разновидностях систем и подсистем документации, зафиксировавших некие действия. В принципе любая из таких цепочек состоит из четырех звеньев, или «гнезд», документов, отразивших такие действия: инициация и разработка решения — принятие решения — организация реализации решения — результаты и последствия реализации решения.

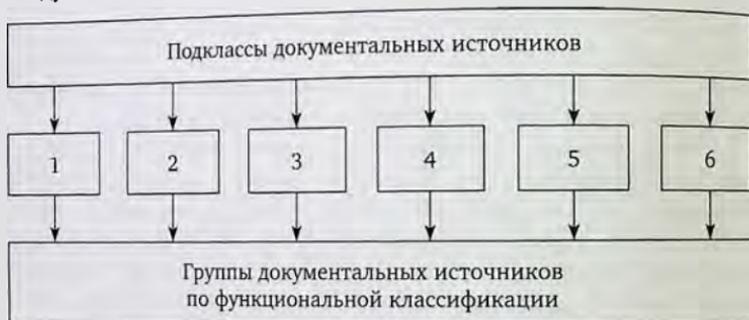
В рамках этой классификации в *классе документов официального происхождения* можно выделить шесть больших подклассов документов, часть которых выше мы отнесли к типам документов:

- 1) подкласс документов директивного характера, решающих и ставящих стратегические, политические задачи регулируемого объекта;
- 2) подкласс документов исполнительных решений директивных документов с выработанными механизмами их исполнения;
- 3) подкласс документов, отражающих организацию реализации исполнительных решений;

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. С. 132.

- 4) подкласс документов, фиксирующих результаты и последствия реализации директив и исполнительных решений;
- 5) подкласс специальной документации, определяющей технологические процессы реализации директивных решений;
- 6) подкласс документов, характеризующих организацию деятельности юридических лиц, участвующих в процессе реализации директивного решения.

В соответствии с этим графически первый уровень нашей познавательной классификации документальных источников официального происхождения по их подклассам может быть представлен следующим образом.

Каждый из этих подклассов документальных исторических источников в свою очередь состоит из нескольких групп. Следует отметить, что основополагающие документы подклассов документов «директивной инстанции» и организационно-распорядительных документов при их подготовке, как правило, сопровождалась значительными комплексами документов обслуживающего, вспомогательного характера: справками, объяснительными записками, заключениями ведомств и различных специалистов, а также уже готовыми проектами решений. Поэтому подкласс документальных источников директивного характера (в схеме обозначен цифрой 1) включает группы: а) подготовительные документы (справки, аналитические записки, доклады, стенограммы, протоколы заседаний, проекты решений и т. д.), отражающие инициацию, ход подготовки и обсуждения директивных решений; б) законы и другие нормативно-правовые акты; в) концепции; г) прогнозы; д) собственно директивные решения, оформленные в принятом порядке. Так, например, в 1920 г. решение протокола заседания Президиума ВСНХ о национализации завода огнеупорного кирпича в Нижнем Новгороде, принадлежавшего Кустину, сопровождалось выписками из журнала заседаний коллегии Нижегородского отделения Всесоюзного объединения химической промышленности, протоколов заседаний Центрошмота, президиума и коллегии химического отдела Нижегородского

городского губернского Совета народного хозяйства, перепиской Президиума, химотделов ВСНХ и Нижегородского губСНХ, центрального заводууправления¹.

Подкласс документов исполнительных решений директивных документов (в схеме обозначен цифрой 2), как правило, состоит из групп документов разного уровня происхождения: а) подготовительные документы (стенограммы, протоколы заседаний, варианты разработки исполнения директивных решений, пояснительные записки, расчеты и т. д.); б) программы; в) собственно исполнительные решения в виде постановлений, распоряжений, приказов, правил, инструкций, планов и т. д.

Подкласс документов, отражающих организацию реализации исполнительных решений (в схеме обозначен цифрой 3) особенно разнообразен. В него входят: а) отдельные виды и разновидности документов, характерные для первого и второго подклассов документов официального происхождения; б) различного рода балансы, лимиты, ордера, ведомости, графики, журналы, методики; в) договоры, контракты, заключения, лицензии; г) задания, заказы, заявки, заявления, иски, нормативы; д) переписка; е) поручения, предписания, представления. Число групп, видов и разновидностей этого подкласса документов официального происхождения можно было бы продолжить, в чем, по большому счету, нет необходимости — сошлемся на соответствующие справочники и указатели к ним.

Подкласс документов, фиксирующих результаты и последствия реализации директивных решений (в схеме обозначен цифрой 4) включает: а) различного рода отчеты и докладные, пояснительные записки к ним; б) специальные тематические доклады; в) оперативные донесения, рапорты и информации; г) обзоры, описания, переписки, сведения, сводки, таблицы; д) статистические документы и т. д.

Подкласс специальной документации, определяющий технологические процессы реализации директивных решений (в схеме обозначен цифрой 5), включает целые системы и подсистемы специальных документов, в том числе: а) картографическую документацию; б) геологическую документацию; в) метеорологическую документацию; г) чертежи и др.

Подкласс документов, характеризующих организацию деятельности юридических лиц (в схеме обозначен цифрой 6), участвующих в процессе реализации директивных решений, включает: а) положения (уставы) об их деятельности; б) кадровую документацию (личные дела, приказы по личному составу и др.); в) бухгалтерскую документацию; г) учетно-отчетную документацию и др.

¹ Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства: 1920 год: сборник документов. М., 2000. С. 29.

Таким образом, наша познавательная классификация в отношении документальных источников официального происхождения представляет собой объединение двух классификаций — основанной на отражении в документальных источниках трансформации факта, события, явления, процесса прошлого и функциональной классификации документальных источников.

Класс документальных источников неофициального происхождения в принципе может также в отдельных своих частях фиксировать инициацию решения, его разработку и принятие, организацию реализации, результаты и последствия реализации решения, например, в дневниках и мемуарах одного или нескольких лиц. Однако в первую очередь этот класс документов важен отражением в нем человеческих судеб.

Подкласс биографических документов (анкеты, свидетельства, автобиографии и др.) показывают жизненные пути людей, их учебу, работу, перемещения по службе, родственные и семейные связи, роль в общественной и политической жизни.

Подкласс творческих документов и подготовительных материалов к ним (рукописи научных, литературных и других работ, мемуары, дневники) раскрывает творческую деятельность людей, их вклад в разные сферы человеческой жизнедеятельности, особенности творческой лаборатории.

Подкласс имущественно-хозяйственных документов (завещания, ведомости доходов и расходов, счета и др.) отражает имущественное положение людей, их хозяйственную деятельность, бытовые и материальные условия жизни.

Подкласс коммуникативных документов (переписка, извещения, приглашения и др.) фиксирует творческие, общественные, родственные связи людей, их личные, семейные и творческие планы, случившиеся в жизни события.

Подкласс коллекционных документов (конверты, марки и др.) отражает личные увлечения людей в собирании определенных видов документов, в том числе по истории собственных родов.

Подкласс официальных документов, как правило, связан с участием в их подготовке создателей архивных фондов личного происхождения и включает в основном их копии.

Покажем возможности познавательной классификации всего на одном примере. В истории документа в нашей стране был период, когда важнейшие и фактически нормативно-правовые акты принимались и функционировали вне публичной сферы, в закрытой форме. Это преимущественно непубличные постановления руководящих структур РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, являвшиеся обязательными для исполнения партийными организациями, государственными структурами и членами партии.

Постановления, как политические и нормативные документы, содержали решения долгосрочного стратегического значения и многочисленные решения оперативно-организационного характера, конкретизирующие стратегические решения, подчас уточняющие и даже поправляющие их. Примером стратегического решения можно считать постановление Пленума ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. относительно руководства партии социалистов-революционеров: «Предредить вопрос о предании суду Верховного Трибунала ЦК партии с.-р.»¹. Все остальные решения высших органов РКП(б), других партийных, а также советских и государственных органов по существу представляли собой своего рода организационно-техническое сопровождение обеспечения достижения этого стратегического решения с оперативной реакцией на возникающие конкретные проблемные ситуации. Другим примером таких стратегических решений является постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», определявшее комплекс мер по высылке, расселению кулацких семейств, конфискации и распоряжению их имуществом. Последовавшие после этого другие многочисленные решения Политбюро по этому вопросу вносили в него не только серьезные коррективы, но и представляли собой подчас детальные не только инструктивные, но и прямые организационные вмешательства в ход дел на местах². Примечательно, что такие вмешательства оперативно-организационного характера стали оформляться со временем не только соответствующими решениями и постановлениями высших органов партии, но и директивами в виде, например, шифротелеграмм лидеров партии.

Постановления Политбюро и Секретариата, содержавшие стратегические и оперативно-организационные решения высшего уровня, рождали своеобразные «пучки» документов организационно-распорядительного характера. Эти «пучки» представляли собой подкласс организационно-распорядительной документации в виде взаимосвязанного комплекса документов — решений коллегиальных органов, приказов, инструкций, директивных писем, протоколов внутриведомственных и межведомственных совещаний и заседаний, докладов, докладных записок, сводок, информационно-аналитических обзоров. Так, например, серия январских 1930 г. решений Политбюро ЦК ВКП(б) породила постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» и «О воспрещении

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 147.

² Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930. Юн. 1. М., 2005. С. 70—76.

самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества¹. Эти же партийные решения послужили основанием для издания Приказа ОГПУ № 44/21 «О ликвидации кулака как класса»². Соответствующие приказы, продублировавшие и конкретизировавшие приказ ОГПУ, были изданы полномочными представительствами (ПП) ОГПУ в регионах. Этими приказами в аппаратах ПП ОГПУ создавались оперативные тройки, оперативные группы в округах и областях и районные оперативные группы для непосредственного руководства выселением.

Приказом ОГПУ № 44/21 предусматривалось составление «табелей донесений» — своего рода отчетно-информационных документов, предусматривавших среди количественных показателей подготовку «основных (кратких) данных о ходе операции, политическом состоянии районов», особо — «об эксцессах, выступлениях, противодействиях, активных действиях банд, контрреволюционных организаций и принятых мерах»³, а также составление других документов отчетного и статистического характера. Примером такого рода отчетно-информационного документа является докладная записка председателя ГПУ УССР В. А. Балицкого председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому, заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде, начальнику Секретно-оперативного управления ОГПУ Е. Г. Евдокимову от 12 июля 1931 г. об итогах выселения кулаков из УССР⁴.

В ноябре — декабре 1932 г. Политбюро трижды рассматривало вопрос «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов», результатом чего стало соответствующее постановление. Уже 27 декабря в развитие этого постановления ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу СССР и обязательной прописке паспортов». Оно вызвало к жизни серию приказов союзных и республиканских ведомств, в том числе, например, приказ ОГПУ № 009 от 5 января 1933 г. о чекистских мероприятиях по введению паспортной системы в СССР⁵, подготовку аналитико-информационных докладов разного уровня, циркуляров и приказов, представлявших собой оперативный отклик на складывающуюся ситуацию по паспортизации и выселению⁶.

В нашей познавательной классификации документальной исторической памяти **класс сакральных документов** представляет интерес, во-первых, как носитель свидетельств о развитии письмен-

¹ Политбюро и крестьянство... С. 50—51.

² Там же. С. 90—104.

³ Там же. С. 103.

⁴ Там же. С. 108—114.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Там же. С. 150—172.

ности и языка и, во-вторых, как отражение становления развития религиозного сознания с его специфическими отношениями к миру, человеку и Богу. Эта особая сфера познания, основанная на вере и внечеловеческом авторитете. Она требует специальных знаний в классификации ее источников на основе познавательного подхода, а потому исключается из нашего исследования, ограничиваясь результатами функциональной классификации документов данного класса.

Как видим, познавательная классификация документов официального и личного происхождения существенно не отличается от их функциональной классификации, предложенной нами выше. Однако она может служить ориентиром при экспертизе их ценности, поскольку нацеливает на сохранение тех из них, которые наиболее полно зафиксировали развитие факта, события, явления, процесса.

5.4. Универсальная классификация архивных документов

Данная классификация не просто объединяет классификации, рассмотренные выше. Она придает цельность и демонстрирует особость частей документальной памяти.

Универсальную классификацию архивных документов (документальной памяти) представлена в табл. 5.1.

Таблица 5.1

Универсальная классификация архивных документов

Основания классификации документов	Класс		
	Официальный	Неофициальный	Сакральный
По сферам их происхождения	Официальный	Неофициальный	Сакральный
По организации хранения	Фонд/коллекция	Фонд/коллекция	Коллекция
По уровням управления и хозяйствования («рангам») фондообразователей	Высших, центральных и местных органов управления и хозяйствования	Общероссийских деятелей	Нет
	Региональных органов управления и хозяйствования	Региональных деятелей	Нет
	Местных органов управления и хозяйствования	Местных деятелей	Нет

Основания классификации документов	Класс		
По сферам деятельности фондообразователей	Государственное управление	Государственное управление	Нет
	Промышленность	Промышленность	Нет
	Сельское хозяйство	Сельское хозяйство	Нет
	Здравоохранение	Здравоохранение	Нет
	Наука	Наука	Нет
	Культура	Культура	Нет
	Другие	Другие	Нет
По функциям (типам) документов	Директивные	Нет	Нет
	Организационные	Организационные	Нет
	Коммуникационные	Коммуникационные	Нет
	Информационные	Информационные	Нет
	Учетно-отчетные	Учетно-отчетные	Нет
	Репродуктивные	Репродуктивные	Нет
	Персонифицированные	Персонифицированные	Нет
	Регулятивно-специальные	Регулятивно-специальные	Нет
	Духовные	Духовные	Нет
Другие	Другие	Нет	
По состоянию и развитию факта, события, явления, процесса прошлого. Инициация действия	Комплексы документов директивного характера	Комплексы документов биографического характера, творческих документов и подготовительных материалов к ним, коммуникационные, коллекционные	Нет
Реализация действия	Комплексы документов организационного характера; комплексы научно-технических, технологических и других документов	То же	Нет

Основания классификации документов	Класс		
Фиксация результатов и последствий реализации директивных решений	Комплексы документов отчетного, учетно-отчетного характера, статистические документы и др.	То же	Документы, связанные с торжественными молебнами по случаю полученного результата
Документация, характеризующая организацию деятельности юридических лиц, участвующих в инициации, реализации и фиксации результатов, принятых решений и действий	Комплексы уставных, организационно-распорядительных, кадровых, бухгалтерских и других документов	То же	То же
По видам носителя документа и способам закрепления информации	Письменные документы	Письменные документы	Письменные документы
	Визуальные документы	Визуальные документы	Визуальные документы
	Аудиодокументы	Аудиодокументы	Аудиодокументы
	Электронные документы	Электронные документы	Электронные документы

Таким образом, предложенная классификация представляет собой попытку объединения всех рассмотренных выше классификаций архивных документов. Она преследует две цели.

Первая цель носит эвристический характер. Ее достижение демонстрируется на процедуре и последовательности поиска нужной пользователю документальной памяти: сначала по классам документов, потом по входящим в каждый из трех классов архивным фондам (коллекциям), затем по типам и видам документов, по со-

стоянию и развитию факта, события, явления, процесса прошлого и, наконец, по видам носителей документов.

Вторая цель носит познавательный характер. Ее достижение обеспечивается выявленными документальными цепочками, зафиксировавшими в документальной исторической памяти зарождение, развитие, результаты и последствия случившегося факта, события, явления, процесса, интересующих пользователя.

Таким образом, рассмотренные классификации архивных документов раскрывают нам, во-первых, организацию хранения документальной исторической памяти, во-вторых, ее структуру и, в-третьих, дают возможность адресного поиска в ней нужной пользователю архивной информации. Они являются важным инструментом создания поисковых средств по документальной исторической памяти и в конечном счете обеспечивают эффективность ее актуализации, т. е. использования, о чем пойдет речь в следующих темах.

Контрольные задания

1. Расскажите об истории разработки классификаций архивных документов и документальной исторической памяти.
2. Дайте характеристику классификации архивных документов, основанной на виде носителя и способе закрепления на нем информации.
3. Объясните классификацию архивных документов, основанную на содержании их структурированных сообщений.
4. Рассмотрите пофондовую классификацию архивных документов.
5. Покажите, в чем суть функциональной классификации архивных документов.
6. Охарактеризуйте познавательную (прикладную) классификацию архивных документов.
7. Объясните универсальную классификацию архивных документов.

Тема 6

АРХИВ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

6.1. Функциональная универсальность архива

На протяжении XIX в. и вплоть до конца 1920-х гг., наконец в 1970—1980-е гг. люди, представлявшие профессию историка-архивиста, пытались осмыслить и донести до сведения общественности и властных структур понимание того, что такое архивный документ, архив и каково должно быть отношение к ним. В разные периоды нашей истории это удавалось с разным успехом, но сегодня мы можем уверенно сказать, что именно это и составляет основную интригу архивного дела любой страны.

Легко заметить, что результат этих усилий — отношение к архивам — в нашей стране всегда определялся пониманием роли архивного документа в современной жизни. Это понимание менялось во времени, отражая само время не менее ярко, чем документы, его запечатлевшие. Сегодня мы вновь стоим перед если не переосмыслением, то уж во всяком случае перед акцентированием отдельных аспектов понимания архивного документа и архива. Собственно говоря, главный по своей злободневности аспект такого понимания и вынесен в название настоящей темы.

«Архивы — память народа» — этот словесный китч советского архивного дела тем не менее имеет глубокую содержательную основу. Это действительно память. Память о великих свершениях и героических делах, служащая делу созидания, нравственного воспитания народа, могущая стать одной из составляющих той национальной идеи, которую так долго и с разным успехом ищет российская душа и российское государство. Память откровенная в деталях, всеобъемлющая в мелочах, подчас недобрая, а потому зловеще мстительная, грозно сохраняющая те злые семена, которые не раз в нашей истории бросались, выращивались и вновь бросались в народ для вызревания. Архивы являются надежной гарантией того, чтобы память народа оставалась живой и многомерной, свободной от идолов и знающей подлинных героев, не замутненной мифами и просветленной подлинными свершениями. Без такой памяти нет самого государства.

«Архивы — фундамент, источниковая база исторической науки» — и это словесное клише вполне точно отражает познавательную функцию архивов. Окунаясь в прошлое, как бы материализованное в подлинных документах, исследователь черпает в них не только факты, подчас противоречивые, нередко недостоверные, часто неопределенные, на основе анализа которых он создает частные и общие полотна прошлого, но и ощущает особый аромат ушедшей жизни, дающий ему новые импульсы вдохновения.

Архивы — организации культуры, хранящие культурные ценности и просвещающие народ. С таким пониманием архивов невозможно не согласиться, хотя порой это приходится доказывать, так как, к сожалению, современному обычному человеку всегда понятней такие организации культуры как цирк, планетарий, зоопарк, театр, музей или библиотека — хотя бы потому, что в каждом из таких учреждений он побывал однажды.

Архивы — это один из инструментов социальной защиты граждан. И с этим определением невозможно не согласиться, если вспомнить, что ежегодно они исполняют миллионы так называемых социально-правовых запросов, связанных с трудовыми биографиями и иными социальными интересами людей.

Последние три-четыре десятилетия человеческой истории создали условия для нового понимания архива. Он стал субъектом информационных процессов, частью информационных ресурсов и информационной системой. В таком технократическом понимании архива можно легко увидеть новый вызов времени. Он связан с реальным значением информации в жизни общества и государства. Архивные документы стали информационным продуктом, потребляемым масштабно и активно. В этих условиях со всей остротой встают вопросы о целесообразности, границах, характере контроля за этим информационным ресурсом. Ясно, что такой контроль необходим, хотя бы для того, чтобы не допустить утечки информации о государственной тайне, тайне личной жизни в интересах безопасности государства и граждан, а также такой концентрации вне пределов России архивной информации о ее истории, которая могла бы стать критической для информационной безопасности страны. Но также ясно, что современный мир отторгнет любые знаковые для престижа страны ограничения на доступ и использование архивной информации. Обоснованное и законодательно оформленное разрешение этой проблемы возможно лишь тогда, когда государство будет не только постулировать свои принципы регулирования информационных ресурсов, но и обеспечивать их реализацию финансовыми средствами. Сегодня последнее условие выполняется в экстремально ограниченных объемах, ставя архивистов перед болезненно нелегким выбором между получением дополнительных средств для сохранения архивов и недопущением угроз информационной без-

опасности конкретному архиву, документальному историческому наследию России.

Наконец, важно подчеркнуть и еще одну функцию архивов. Подобно гимну, гербу, флагу государства, они являются символами государственности. Здесь хранятся не экскременты государственного организма, а его протоплазма, застывшие немой укором и вдохновением его нервы и кровь, слезы и пот. Пусть будет образцом для России то упорство и та настойчивость, с которыми страны Европы добиваются от нас возвращения своих архивов, перемещенных в СССР во время Второй мировой войны. И даже при немыслимом крайнем варианте, которым угрожают России ее недобрые пророки, память о нашем государстве должна сохраниться. Не жалкие останки, доставшиеся современному человечеству от архивов, например, Римской империи, а полноценные архивы, сохраненные поколениями российских архивистов — в этом ответственность нашего современного государства перед будущим человечеством. В нежелании прислушаться к призыву об этой ответственности может скрываться лишь бессилие помочь в разрешении сегодняшних проблем российских архивов.

Место архивов в современном мире определяется ролью, которую играет в нем документ как носитель документальной исторической памяти. Любой архив — это уникальная и универсальная институция.

Обеспечивая использование или организуя использование документальной исторической памяти в научно-исследовательских целях, эта институция имеет признаки научной организации. Пропандируя историю родного края, общероссийскую историю, архив выступает в качестве культурно-просветительского учреждения. Исполняя социально-правовые запросы граждан, архив является одним из элементов системы социальной защиты в современном российском обществе. Востребованность документальной исторической памяти для решения практических задач модернизации страны, в интересах государственного и корпоративного управления делает архив самой мощной, надежной, адресной, оперативной и деликатной информационной структурой, являющейся составной частью управленческой деятельности. Аутентичный характер хранящихся в архиве документов, их неприкосновенность означают, что они носят доказательный характер, превращая архив в правовую структуру. Иначе говоря, через сферу использования архивных документов архив демонстрирует свой универсальный характер, отличный от других институций, существующих в государстве. Эта универсальность находит свое отражение во временной структурной неустойчивой неопределенности положения, например, государственных архивов в системе государственных

институтов. В нашей стране архивы находились в ведении Наркомпроса РСФСР, ВЦИК СССР, НКВД СССР, правительства страны, Министерства культуры, а ныне оказались в ведении Администрации Президента Российской Федерации. Аналогичная неопределенная неустойчивость государственных архивов характерна и для других стран. В этой перманентной изменчивости подчиненности мы видим недооценку универсальной природы государственных архивов, которая может быть преодолена самым высоким рангом их подчинения.

6.2. Типология архивов

С учетом сказанного выше рассмотрим состояние документа в фазе его покоя, т. е. его вечного архивного хранения. Поскольку в архиве документ, ставший архивным документом, включается в некую совокупность себе подобных, уже переживших все стадии своего бытования, эта некая совокупность как предмет архивоведения представляет и познавательный и практический интерес.

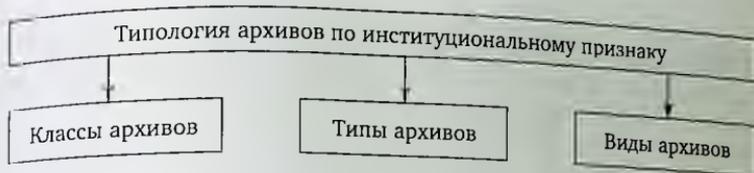
В любом государстве и во все времена архивное дело представляло собой особую сферу человеческой жизнедеятельности. Она связана с сохранением, пополнением и использованием документального наследия. Архивное дело в интересах человека, общества, государства призвано упорядочивать и управлять этим наследием, хранящимся в различных типах и видах архивов. Архивоведение предлагает им свои рекомендации. Они в полной мере относятся и к классификации архивов как одного из элементов их рационального упорядочения и эффективного поиска архивной информации.

Выше, говоря о жизненных циклах документа, мы использовали термин «архив» в разных его толкованиях. Здесь уточним его понимание.

Архив — это обособленная, организованная и не организованная совокупность документов, утративших и не утративших своего первоначального целевого назначения и хранящихся в специально предназначенном для такого хранения учреждении, имеющем юридическое лицо, или в специальном подразделении юридического лица, а также в комплексе документов, накапливаемых в процессе деятельности физического лица.

Можно говорить о классах, типах и видах архивов. Графически эта самая общая типология выглядит следующим образом.

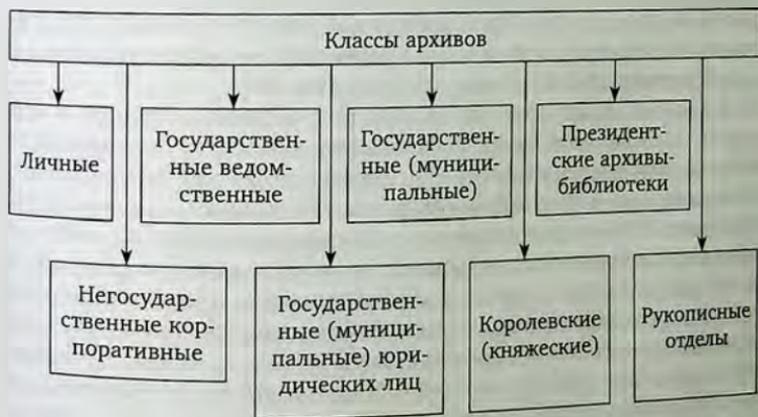
³ Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения.

В мире и России существуют не менее семи классов архивов:

- 1) личные архивы — архивы документов, связанные с личной общественной, трудовой жизнью человека, семьи, рода;
- 2) негосударственные корпоративные архивы — архивы негосударственных юридических лиц, в том числе церковные, частноуниверситетские и др.;
- 3) государственные ведомственные архивы — архивы высших органов государственной власти и государственного управления;
- 4) государственные (муниципальные) корпоративные архивы — архивы государственных (муниципальных) юридических лиц;
- 5) государственные архивы и архивы органов местного самоуправления;
- 6) королевские (княжеские) архивы;
- 7) архивы-библиотеки бывших президентов;
- 8) рукописные отделы библиотек, музеев, научно-исследовательских учреждений и других институций.

Графически эти классы предстают следующим образом.

Если говорить о классе документов, связанных с личной, общественной, трудовой жизнью человека, семьи, рода, то форма их бытования — **личный архив** — это совокупность документов, созданных, собранных, сохраненных, организуемых человеком, семьей, родом и распоряжающихся ими по своему усмотрению. В этом случае архив может являться: а) обычной частью движимой собственности, приравненной к мебели, одежде, посуде и т. д.; б) про-

должением библиотеки или даже частью каких-то коллекций¹; в) специально организованной самим владельцем самостоятельной совокупностью документов². В архивах этого класса можно обнаружить документы личного происхождения, официальные документы в подлинниках или копиях, например, личные или связанные со служебной деятельностью человека документы.

Личный архив имеет несколько разновидностей. Это собственно личный архив — архив одного лица, семейные и родовые архивы — архивы семей и родов. Родовые архивы, т. е. архивы нескольких поколений людей, связанных родственными связями, создавались на протяжении двух-трех столетий, поэтому большинство дошедших до нашего времени родовых личных архивов относятся к до-революционному времени. Они в основном связаны с известными дворянскими родами и включают прежде всего документы имущественно-хозяйственного характера. Персональный личный архив включает все автографы и другие документы, связанные с деятельностью особо выдающихся и великих людей прошлого той или иной страны.

Класс личных архивов является своеобразной «зоной риска» для жизни документа — тут все для него находится в состоянии неопределенности, все на вполне законных основаниях зависит от собственника и правообладателя, а также от определенных исторических обстоятельств. Перевод такого рода архивов из «зоны риска» в зону более или менее прогнозируемой будущей жизни в государственном, муниципальном или корпоративном архиве является задачей многоплановой и не всегда разрешимой.

В классе личных архивов важную роль играли, особенно в прошлом, личные архивы-коллекции. Они являются определенной компенсацией возможных и случившихся утрат документов и превентивным способом предотвращения таких утрат. Как вполне отчетливое общественное, научное и культурное явление в России коллекционирование документов организационно оформилось в XVIII в., отразив общественно-политические процессы и новый уровень духовной жизни страны. В самом деле, на фоне вполне распространенного коллекционирования монет, медалей, хрусталя, природных камней, драгоценностей, иных вполне по-обывательски понятных ценностей собирание документов свидетельствовало, с одной стороны, не только о признании их в качестве неких «раритетов», которыми, наряду с золотыми изделиями, картинами мож-

¹ Таковыми были, например, личный архив, рукописное, книжное, нумизматическое, художественное собрания графа А. И. Мусина-Пушкина. См.: Козлов В. П. Кругок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»...

² См., напр., интересное повествование на основе одного из таких архивов (рядного советского служащего А. Я. Бронштейна) в кн.: Илизаров Б. С. И Слово вос-крешает... С. 53—87. (Глава «Жизнь».)

но было похвастаться перед современниками, но и о стремлении с помощью таких документов изучать прошлое. На рубеже XVIII—XIX вв. наиболее масштабно и результативно второй подход к документу в частном коллекционировании был реализован в деятельности графов А. И. Мусина-Пушкина, Н. П. Румянцев, Ф. А. Толстого и их сотрудников. Коллекционные интересы этих людей были направлены на собирание преимущественно рукописных книг древней традиции, включая документы сакрального происхождения в многочисленных списках, и базировались на приобретении таких документов в среде их отдельных владельцев: мещан, купцов, крестьян-старообрядцев, церковнослужителей, а также документов, вращавшихся на антикварно-книжных рынках Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ярославля и др.

В XIX в. социальный состав коллекционеров документов резко расширяется и демократизируется. Наряду с крупными государственными деятелями, такими как князя В. Ф. Одоевский, М. А. Оболенский, А. Б. Лобанов-Ростовский, графы А. С. Уваров, Н. П. Румянцев, Ф. А. Толстой, С. С. Ланской, коллекционированием документов начали активно заниматься ученые (А. С. Норов, И. Д. Беляев, Ф. И. Буслаев, В. И. Григорович, Н. М. Карамзин, И. Я. Лукашевич, А. Ф. Малиновский, Н. А. Маркевич, М. П. Погодин, М. П. Полуденский, А. Н. Попов, Н. И. Попов, И. Е. Забелин, Е. Ф. Будде, А. П. Голубцов, П. И. Севастьянов, Н. С. Тихонравов, В. М. Ундольский и др.), издатели и журналисты (Н. А. Полевой, А. Д. Чертков и др.), представители купеческого сословия (В. Н. Басин, П. Ф. Карабанов, Т. Ф. Большаков, Ф. Ф. Мазурин, Д. В. Пискарев, Г. Д. Юдин, А. И. Хлудов, И. И. Царский, И. А. Вахромеев), средние и мелкие чиновники (П. Я. Актон, Н. П. Дуров, С. В. Ешевский, И. К. Зинченко, Д. В. Разумовский, А. К. Федоров и др.).

Всего от XIX в. до нас дошло в составе государственных архивохранилищ не менее 600 документальных коллекций, в каждой из которых число рукописных единиц составляло от 10 номеров и больше¹. В основном это рукописные книги древней традиции (сакральные, нарративные документы и др.). Однако важно отметить, что пусть и редко, но в таких коллекциях встречаются списки документов, носивших либо конфиденциальный характер (например, мемуары Е. Р. Дашковой), либо документы и их копии, которые по цензурным условиям XIX — начала XX вв. не могли быть публичными (например, сочинения «О повреждении нравов в России» М. М. Щербатова, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Записка о древней и новой России» и «Записка о Польше» Н. М. Карамзина, агитационные сочинения народников и народо-вольцев и др.).

¹ Здесь и далее приводятся подсчеты, сделанные автором на основе опубликованных справочников.

В XX в. в России сохранилась устойчивая традиция частного коллекционирования документов древнерусской рукописной традиции в среде ученых и педагогов (И. С. Абрамов, И. К. Андронов, Г. М. Залкинд, В. Г. Зыкин, А. В. Кокорев, А. И. Маркушевич, В. Н. Перетц, С. А. Поляков, Н. А. Пушешников, М. Н. Тихомиров, М. И. Успенский и др.). Наряду с ними мы видим представителей крестьянства, в основном старообрядческого (Ф. А. Каликин, А. И. Брысиц, М. И. и О. И. Шабловские и др.), инженеров (Н. А. Залесский, В. В. Егоров, А. П. Гранков и др.), столяра Н. С. Плотникова, бухгалтера И. А. Смирнова, певчего церковного хора И. Г. Иванова и священника Г. Г. Юдина, торговца времен нэпа М. И. Полякова и т. д.¹

Собирательская деятельность этими людьми документов древнерусской и славянской рукописной традиции проходила в условиях гонений на церковь. По этой причине, с одной стороны, их коллекционный интерес в значительной степени реализовывался в полуполюгальных условиях, а с другой — он в первую очередь был связан с изъятием церковных ценностей, включая и документы из церковных учреждений в 1920—1950-е гг. Именно вопреки и благодаря этим двум обстоятельствам значительная часть документального наследия России древней традиции была сохранена, поступив затем на государственное хранение в виде частных собраний.

Подобных частных собраний, поступивших на государственное хранение в XX в., сегодня насчитывается не менее 200 с числом единиц хранения не менее 10 номеров в каждой.

Применительно к XX в., а также к XIX в. термин «коллекционирование» нельзя считать полностью корректным. Более адекватным является термин «сбирательство». Коллекционирование — это прежде всего сбирание редкого, раритетного, имеющего вполне реальную стоимость. В XX в. этот термин более правомочно применять в отношении таких документов, как грампластинки, марки, почтовые конверты, открытки. Сбирательство — это нацеленность не только на редкость, раритетность, но прежде всего на сбор всего, что может послужить приращению нового знания о прошлом и, как правило, в его документальной составляющей, не имеющей отношения к официальному документированию.

Советская власть с большим подозрением относилась к антикварно-книжному рынку, где волею судеб вращались и документы. Его корпоративность всегда и везде затрудняет контроль над финансовыми потоками. Однако для советской власти главной угрозой было не это. Важно было сохранить идеологический контроль над рукописным антикварным рынком, не допустить обращения на нем идеологически опасных документов. Поэтому их обращение здесь проходило нелегально, в кругу близко знакомых друг с другом ст-

¹ См. напр.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. М.; Л., 1965.

бирателей. Одним из выдающихся людей среди них был И. С. Зильберштейн¹.

Интересы Зильберштейна в основном были связаны с собиранием документов по истории российской культуры, в первую очередь искусства, и рассматривались им в качестве своеобразного дополнения к его другим коллекциям, прежде всего живописи. К тому же, благодаря своему авторитету, энергии и предприимчивости Зильберштейну удалось в рамках, строго ограниченных официальной идеологией и политикой, получить поддержку советской власти, что дало ему возможность сравнительно беспрепятственных контактов в среде российской эмиграции и получения скромных финансовых ресурсов на приобретение различных документов по истории российской культуры.

Уже в начале XX в. в России возникла мощная традиция собирания документов политического характера — первоначально по истории революционно-освободительного движения, а затем, после 1917 г. — по истории второй российской Смуты, потом по истории СССР вообще. Начало этой традиции было связано с именем В. Л. Бурцева, собравшего богатейший документальный комплекс, который он широко привлек для публикации в специальном историко-документальном журнале «Былое». В основе его собрания лежали документы личного происхождения: письма, дневники, мемуары, а также копии документов из архивов специальных служб Российской империи².

Традицию Бурцева подхватил и поднял на необычайную высоту Б. И. Николаевский. Оставаясь с 1922 г. и вплоть до смерти в 1966 г. за границей, Николаевский всю свою жизнь собирал документы по истории СССР, которые он широко использовал в своих многочисленных исторических сочинениях. Свыше 800 коробок оригиналов и копий архивных документов, собранных Николаевским, ныне хранятся в Гуверовском институте войны, революции и мира в США³.

В этой же связи нельзя не упомянуть роль Д. Б. Рязанова как директора Института Маркса и Энгельса в собирании в России и за рубежом документов по истории революционного движения, несмотря на то, что оно происходило в рамках официальных, государственных проектов⁴.

¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Рефлекс цели // И. С. Зильберштейн: штрихи к портрету: к 100-летию со дня рождения. М., 2006. С. 13—25.

² Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.

³ Урылов В. В. Его страстью был архивизм (о Б. И. Николаевском) // Россия в США: сборник статей. М., 2001. С. 269—289; Ахметова Ф. Д. «Мне не в чем жалеть, Россия, пред тобой»: Николаевский Борис Иванович (1887—1966). Уфа, 2003.

⁴ Подробнее см.: Д. Б. Рязанов — ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000.

С конца 1920-х по начало 1950-х гг. собирание документов политического характера, связанных с именами лиц, подвергшихся репрессиям, в СССР означало немалый риск для собирателей. Смелостью было даже их сохранение в семьях правообладателей. Однако приблизительно с середины 1950-х гг. намечается определенный перелом. Именно к этому времени, например, относится создание историко-художественной летописи ГУЛАГа Евфросинией Керсновской, чьи мемуары-рисунки были продублированы и сосредоточены у нескольких лиц для обеспечения гарантированной сохранности¹.

В 1960-е гг. частное собирание документов в СССР приобрело новые черты. Они были связаны с развитием диссидентского движения, заявившего о себе многочисленными публицистическими, литературными, историческими и другими сочинениями (так называемый Самиздат) и произведениями, публиковавшимися за рубежом (так называемый Тамиздат). Их многочисленные, как правило, машинописные списки, расходились по стране, вероятно, в тысячах экземпляров, оседая в основном в личных архивах советской интеллигенции. Вероятно, не все, но многие из их представителей, опасаясь неприятностей, после прочтения такие документы уничтожали. Имена тех, кто не только читал, но и целенаправленно собирал документы «Самиздата» и «Тамиздата», автору не известны.

Однако люди, не боявшиеся этого делать, в СССР были. Первым среди них оказался, вероятно, А. И. Солженицын. Готовя свое монументальное историко-документальное исследование «Архипелаг ГУЛАГ», он собрал огромную коллекцию письменных документов, включая записи устных свидетельств об этом зловещем явлении в истории нашей страны. Это собрание, несмотря на неопределенность его дальнейшей судьбы, останется фундаментальным дополнением к официальной документации, отразившей историю ГУЛАГа.

Сохранение гражданами страны своих личных архивов и их последующая передача в официальные архивохранилища есть также собирание документов, ибо в основе этого явления лежит осознание их ценности для чего-то в будущем. Сомнения и стеснительности в представлении о такой ценности не должно быть ни у кого. Путеводитель по Народному архиву, созданному благодаря энтузиазму его многолетнего директора Б. С. Илизарова и комплектовавшемуся на добровольной основе поступлениями в этот архив документов граждан СССР и России, показывает, что сохранение документов личного характера и личного происхождения в советской России и СССР оставалось тоненьким, но все же ручейком данной традиции².

¹ Керсновская Е. Сколько стоит человек. М., 2008. С. 10.

² Центр документации «Народный архив»: справочник по фондам. М., 1998.

Справочник «Личные архивные фонды в архивохранилищах СССР»¹, другие архивные справочники показывают, что процесс сбережения личных архивов граждан нашей страны оставался и остается вполне реальным, и если и не носит массового характера, то все же сохраняет свое значение в сбережении документальной исторической памяти о жизни и деятельности тысяч людей.

Корпоративные архивы негосударственных юридических лиц, входя в состав принадлежащей им собственности, как и личные архивы, разнообразны по организации сохранения и использования хранящихся в них документов и характеру их содержания. Корпоративные предпринимательские и подобные им архивы, где документ рассматривается лишь как оперативный либо отработавший свою задачу инструмент бизнеса, отличаются, например, от архивов общественных объединений, также являющихся одним из видов корпоративных архивов.

В мире не существует общепринятых принципов, правил и норм организации, сохранения и публичного использования негосударственных корпоративных архивов. Например, известно, что в США архив династии Рокфеллеров без каких-либо последствий был подвергнут его владельцами сознательным и масштабным чисткам². В современных российских условиях существование таких архивов в соответствии с архивным законодательством не является обязательным, а всего лишь желательным. Разумеется, реальная действительность, жизнь, работа понуждают создавать корпоративные архивы, но подчеркнем, их создание не является, согласно российскому законодательству, обязательным. Из этой нормы российского архивного законодательства вытекают и последствия, связанные с сохранением документа, создаваемого в процессе деятельности негосударственной корпоративной организации. Лишь за небольшими исключениями обязательного сохранения некоторых видов документов, которые регулируются специальным законодательством, такой архив может быть ликвидирован или запрещен к публичному использованию, подвергнуться любым деформационным воздействиям, включая нарушение неприкосновенности документов в стадии их покоя. «Зона риска» для документа в такого рода случаях ничуть не меньше, чем в ситуации с личными архивами. Более того, она много больше по своим последствиям для граждан страны, для государства, поскольку затрагивает интересы не отдельных людей, а их целых сообществ.

В Республике Беларусь, наоборот, за корпоративными архивами негосударственных юридических лиц архивное законодательство предусматривает жесткий контроль со стороны государства.

¹ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР.

² Фурсенко А. А. Архив Рокфеллеров // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 7. Л., 1976. С. 324—325.

В развитых странах корпоративные архивы негосударственных юридических лиц часто самоорганизуются, объединяясь для более экономного существования по родам деятельности, общественным интересам, политическим пристрастиям. Это своего рода объединенные ведомственные архивы, когда-то успешно действовавшие в СССР и ликвидированные в ходе административных преобразований новейшего времени.

Корпоративные архивы государственных (муниципальных) юридических лиц — это так называемые ведомственные архивы¹. Как правило, архивное законодательство любой страны мира распространяется на их деятельность в полном объеме. Оно же во всех странах предусматривает после истечения определенных сроков хранения документов в ведомственных архивах передачу их в государственные или муниципальные архивы.

Статус негосударственных и государственных корпоративных архивов (самостоятельные или не самостоятельные юридические лица) в современном мире всегда связан с разными конкретными обстоятельствами, в том числе с исторически сложившимися традициями организации архивного дела в той или иной стране, и в принципе не подчиняется какой-либо закономерности. Существует, пожалуй, одна устоявшаяся тенденция, связанная с тем, что корпоративные архивы государственных силовых структур по преимуществу являются юридически самостоятельными лицами, в том числе и в Российской Федерации, и далеко не везде после определенных сроков ведомственного хранения документов передают их в государственные архивы. Другие корпоративные архивы, как правило, являются структурными подразделениями негосударственных и государственных юридических лиц.

Государственные и муниципальные архивы в любой стране являются ядром национальной архивной службы. Именно здесь в конце концов (иногда через столетия) концентрируются официальные документы государственных и муниципальных юридических лиц, а также по взаимной договоренности личные архивы физических лиц и негосударственные корпоративные архивы. В отличие от корпоративных архивов и архивов муниципальных образований, статус которых бывает также разнообразен, государственные архивы, как правило, имеют статус юридического лица и являются самостоятельными объектами и субъектами хозяйствования. Система государственных архивов в любой стране, как правило, приспособлена к ее административно-территориальному делению. Следует отметить, что в последнее время в ряде стран на общегосударственном уровне происходит объединение национальных библиотек и на-

¹ В России издан единственный путеводитель по ведомственным архивам Архив внешней политики Российской империи : путеводитель. Minneapolis, 1996.

циональных архивов, например, в Канаде и Иране. Время должно показать целесообразность такого объединения и его последствия прежде всего для национальных архивов.

Королевские (княжеские) архивы и архивы-библиотеки бывших президентов государств представляют собой некий гибрид государственного и личного, семейного, родового архивов. В мире их организация отличается большим разнообразием и так же, как корпоративные архивы, связана с традициями. Эти архивы могут наряду с документами личного происхождения вполне законно хранить документы официального происхождения, связанные с государственной деятельностью первого лица государства, не говоря уже о специально изготовленных копиях таких документов. Их статус как особого государственного символа формально и не формально чрезвычайно высок. Доступ к ним и использование их документов, как правило, регулируется не нормами общенационального архивного законодательства, а специальными нормативными актами.

Рукописные отделы библиотек, музеев, научно-исследовательских учреждений, общественных организаций и других институций, как правило, специализируются на хранении документов негосударственного происхождения, а также документов, так или иначе связанных с основным профилем деятельности таких институций. В России первое такое хранилище возникло в начале XIX в. в императорской Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. С самого начала оно специализировалось на концентрации личных архивных фондов, документальных коллекций, рукописей древней традиции. Возникший затем частный Румянцевский музей положил начало Отделу рукописей Государственной библиотеки Российской Федерации, в советские времена пополнившимся не только личными фондами, рукописями древней традиции, но и фондами общественных организаций, а также церковными и поместно-вотчинными архивами. Еще в дореволюционной России в ряде научно-исследовательских учреждений Академии наук возникли рукописные подразделения, специализировавшиеся на хранении личных фондов ученых и документов, соответствовавших профилю научных исследований таких организаций. Ныне они составляют целостную систему научно-отраслевых и мемориальных хранилищ Российской академии наук¹.

Рукописные отделы являются важным звеном в сохранении документальной исторической памяти любой страны. В них концентрируются преимущественно документы негосударственного происхождения и тем самым формируются документальные массивы

¹ См., напр.: Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979.

особой части исторической памяти, связанной с жизнедеятельностью человека и общественных объединений.

Продолжая типологию архивов, можно выделить среди них два типа архивов: комплектующиеся и некомплектующиеся, обычно называемые историческими.

Комплектующиеся архивы постоянно пополняют состав своих фондов и (или) состав документов фондов.

Исторические архивы в определенные моменты национальной истории прекратили пополнение состава своих фондов и документов фондов, ограничиваясь лишь случайными поступлениями, в том числе копий архивных документов, относящихся к профилю исторического архива, например, поступающих из-за рубежа. Наличие исторических архивов в той или иной стране сигнализирует о случившихся в ее истории крутых переломах, прежде всего революциях и войнах, в результате которых ломались прежние системы государственного устройства и ликвидировались фондообразователи архивных фондов, либо страна утрачивала свою независимость. И, наоборот, страны, не переживавшие в своей истории катаклизмов, как правило, не имеют специальных исторических архивов.

Ряд стран, переживших период колониализма, например, Китай, Вьетнам, имеют свои системы исторических архивов. В России и на постсоветском пространстве также существуют исторические архивы. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) хранит документы Московского царства и часть документов Российской империи по XVIII в. включительно¹. Российский государственный исторический архив (РГИА) стал плодом октябрьских событий 1917 г., сконцентрировав документы высшего и центрального уровней управления Российской империи XIX — начала XX в.² Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив новейшей истории³, ряд архивов субъектов федерации, созданные после событий 1991 г. на базе документов органов, учреждений и организаций КПСС, также стали архивами историческими в связи с ликвидацией КПСС⁴.

В зависимости от *профиля архива*, т. е. общетематической и видовой заданности хранящихся документов, выделяют два вида архивов: архивы универсальные и специализированные.

Универсальные, т. е. многопрофильные, архивы хранят архивные документы на любых носителях с политематической информацией.

¹ Архивы России: Москва и Санкт-Петербург: справочник-обозрение и библиографический указатель. М., 1997. С. 146—152.

² Там же. С. 152—157.

³ Там же. С. 196—208.

⁴ Государственные хранилища документов бывшего Архивного фонда КПСС: справочник. Новосибирск, 1998.

Специализированные архивы хранят документы на определенных носителях или с информацией определенной тематической заданности. В зависимости от носителей информации документов в мире и России существуют разнообразные **киновидеофотоархивы** (например, Российский государственный архив кинофотодокументов — РГАКФД¹), **аудиоархивы** (например, Российский государственный архив фонодокументов — РГАФД²), **электронные** и другие архивы. В соответствии с тематической заданностью информации архивных документов имеются экономические (например, Российский государственный архив экономики — РГАЭ³), литературы и искусства (например, Российский государственный архив литературы и искусства — РГАЛИ⁴), научно-технические (например, Российский государственный архив научно-технической документации — РГАНТД⁵), геологические, метеорологические, академические, университетские, картографические и другие архивы. Большинство архивов субъектов федерации — многопрофильные, в ряде субъектов федерации имеются электронные, научно-технические архивы, архивы литературы и искусства, кинофотоархивы, архивы бывшей КПСС, служб безопасности и т. д.

Таким образом, названные классы, типы и виды архивов представляют собой некие разнообразные по своему статусу, уровню, организации деятельности структуры, функциональное назначение которых связано с сохранением и использованием определенных частей документальной исторической памяти. Их типологию можно представить в следующем виде (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Типология архивов

Класс архива	Тип архива	Вид архива	Разновидности архивов
Личные архивы	Комплектующиеся. Некомплектующиеся	Персональные. Семейные. Родовые	Писателей. Историков. Инженеров. Художников. Другие
Негосударственные корпоративные архивы	Комплектующиеся. Некомплектующиеся	Специализированные	Промышленные. Здравоохранения. Сельского хозяйства. Другие

¹ Архивы России... С. 190—195, 259—261 и др.

² Там же. С. 187—189.

³ Там же. С. 168—171.

⁴ Там же. С. 172—175.

⁵ Там же. С. 180—186.

Класс архива	Тип архива	Вид архива	Разновидности архивов
Государственные (ведомственные) корпоративные архивы	Комплектующиеся	Специализированные	Военные. Служб охраны и порядка. Налоговые. Финансовые. Другие
Корпоративные архивы государственных (муниципальных) юридических лиц	Комплектующиеся	Специализированные	Строительные. Образовательные. Коммунального хозяйства. Другие
Государственные архивы и архивы органов местного самоуправления	Комплектующиеся. Некомплектующиеся	Многопрофильные. Специализированные	Федеральные. Субъектов федерации. Муниципальные
Королевские (княжеские) архивы	Комплектующиеся	Универсальные	Нет
Архивы-библиотеки бывших президентов государств	Некомплектующиеся	Универсальные	Нет
Рукописные собрания библиотек, музеев, научно-исследовательских и других организаций	Комплектующиеся. Некомплектующиеся	Многопрофильные. Специализированные	Библиотечные. Музейные. Научные. Университетские. Другие

Система архивов любой страны отражает ее государственное устройство, социально-экономический уклад и особенности национальной истории. В целом в мире существует трехзвенная система государственных и муниципальных архивов: общегосударственный (национальный, федеральный) архив нередко с его филиалами в региональных административно-территориальных единицах (провинциях, штатах, областях и др.) — государственный архив административно-территориальной единицы — муниципальный архив. Другие классы, типы и виды архивов в разных странах имеют свои особенности.

Документы каждого архива являются органической составной частью общего документального исторического наследия страны, храня разные по объемам и характеру документальной информа-

ции архивные документы, своеобразные «архивные кирпичики», из которых и складывается здание национальной документальной исторической памяти. На основании этого В. Н. Автократов выявил даже одну из закономерностей архивоведения, связанную с «распределением» архивной информации в соответствии «с принятой структурой» ее хранения¹.

В то же время любой архив представляет собой ограниченную совокупность архивных документов. Она может расширяться в объеме, но всегда будет находиться в пределах той сферы, которая определяется профилем архива. Это значит, например, что в корпоративном архиве нефтяной компании никогда не появятся фонды организаций культуры, в некомплектуемом государственном архиве — фонды действующих учреждений и организаций и т. д., хотя пересекающиеся документные комплексы разных по своему профилю архивов в реальной жизни имеются. Часть из них возникает исключительно по субъективным причинам, не имея никакого научного архивоведческого смысла. Например, трехчастная раздробленность архивных документов высшего звена руководства КПСС — Политбюро (Секретариата) ЦК КПСС — в современной России почти два десятилетия являлась отражением случайных обстоятельств и теперь постепенно замещается двухчастной. Иные ситуации связаны с недостаточной архивоведческой проработкой логического разделения пересекающихся зон комплектования архивов разных профилей.

В любом случае, говоря об архиве как предмете архивоведения, следует иметь в виду, что понятие «профиль архива» является одним из определяющих. Этот системообразующий признак архивоведческого знания вносит организующее начало в прикладное архивоведение — архивное дело. Профиль архива есть не что иное, как его модель, включающая такие его признаки, как принадлежность архива к определенному классу, типу, виду и подвиду. Профиль архива определяет сущностной, предметный, видовой и материальный (в смысле носителей информации документов) его креатив, его специфическое, особое и всегда индивидуальное положение среди других архивов. Профиль архива не только индивидуализирует, но персонализирует его, выступая одним из самых общих поисковых признаков архивных документов и архивной документной информации.

6.3. Основные элементы информационной системы архива

Несмотря на сложившееся в мире многообразие архивов любой из их классов, типов, видов, разновидностей имеет общие фундаментальные основания и представляет собой информационную

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 78

систему, состоящую из различных уровней информационных подсистем.

Верхний уровень информационной системы архива представлен всей совокупностью его фондов и коллекций. Средний уровень информационной системы — это фонд или коллекция как совокупность дел, информация которых или сами они как физические сущности связаны между собой историческими и (или) логическими связями либо каким-то признаком формирования коллекции. Нижний уровень информационной системы представлен единицей хранения, объединяющей документы по какому-либо из общих признаков их информации. И, наконец, сам архивный документ — самодостаточный элемент информационной системы.

Совокупность архивных фондов и коллекций архива является результатом действий по реализации его модели, в основе которой, как уже говорилось выше, лежит его профиль. С одной стороны, профиль архива — понятие материальное, предметное, находящееся в постоянном изменении из-за простого приращения числа фондов комплектуемого архива и документов его фондов, либо в состоянии, исключающем какую-либо изменчивость. Поскольку такое приращение в идеале и в нормальной жизни должно происходить и происходит не одновременно, а во времени, это значит, что профиль архива — понятие не только физическое и предметное, но и историческое. С другой стороны, это понятие информационное, имеющее отношение к любому архиву, хранящему хотя бы больше чем один архивный фонд, поскольку в процессе реализации выбранной модели архива на основе его профиля происходит накопление документной информации.

На совокупности архивных фондов и коллекций архива как части его информационной системы мы и остановимся ниже.

Прежде всего отметим, что профиль архива определяет взаимодополняемость информации его архивных фондов и коллекций. Она проявляется:

- а) между архивными фондами вышестоящих фондообразователей и архивными фондами подчиненных им фондообразователей;
- б) между архивными фондами однотипных фондообразователей разной территориальной принадлежности;
- в) между архивными фондами разных по характеру деятельности фондообразователей, связанных одной сферой или одним предметом деятельности постоянно, регулярно или одновременно;
- г) между архивными фондами фондообразователей — юридических лиц и архивными фондами личного происхождения, а также архивными коллекциями;
- д) между архивными фондами личного происхождения фондообразователей-современников и фондообразователей последующего времени, изучавших их жизнь и деятельность;

е) такие же связи архив обеспечивает между архивными фондами ликвидированных фондообразователей и архивными фондами фондообразователей, занявших сферу их деятельности, ответственности, разумеется, если они сохраняют свою актуальность для человеческой жизнедеятельности.

Наличие совокупности архивных фондов и межфондовых связей между их документами, которые обеспечивает архив, делает его своеобразным накопителем архивных документов и документальной исторической памяти со строго заданными хронологическими, географическими, тематическими, видовыми и другими параметрами.

На рис. 6.1 показан характер накопления архивом документальной информации и существующие информационные связи между его документальными комплексами.

Рис. 6.1. Схема накопления архивом документальной информации и существующих информационных связей между его документальными комплексами

К сожалению, практика не всегда соответствует этому теоретическому посылу. Например, современный Государственный архив

Российской Федерации¹ представляет собой искусственное формирование комплекса архивных фондов, вырванных по политическим соображениям из фондов императорской России (например, Министерства внутренних дел), ныне сосредоточенных в РГИА, фондов высших органов власти и государственного управления СССР и РСФСР и комплекующихся фондов высших органов государственной власти и государственного управления Российской Федерации. Этот конгломерат архивных фондов высшего уровня происхождения, нарушивший профиль комплектования и модель нескольких других федеральных архивов, останется неудачным памятником советского и российского архивного дела. В самом деле, если это главный государственный архив новой России — Российской Федерации — то причем здесь архивные фонды императорской России и фонды, как и императорская Россия, ушедшей в прошлое РСФСР? Если же в таком конгломерате заложена идея преемственности российской государственности, то почему к нему не добавлены принципиально важные для понимания такой преемственности фонды РГАДА и РГИА, а заодно и РГАЭ?

Ответы на эти вопросы очевидны и предполагают в соответствии с архивоведческой теорией о профиле и модели архива уточнение профиля ГАРФ, к чему, разумеется, Россия сегодня не готова. К сожалению, такое решение и в будущем будет затруднено, учитывая те затраты, которые уже были сделаны на создание общего по фондам этого архива НСА.

Таким образом, первый, высший, уровень модели архива, связанный с профилированием состава его фондов, свидетельствует о несовершенстве и ошибках его построения в реальной жизни прошлой и современной России. Корень этих ошибок в современной России — в недооценке архивного документа, в механистическом приравнивании его к движимому имуществу и в стремлении разграничить право собственности на него, а точнее, на некий комплекс документов, в который он входит. Это механистическое отношение к документу легко исправить законодательными нормами, которые могли бы показать, что официальный документ — это не лес, не вода, не другие природные богатства страны, не книга, автор которой имеет особые права на нее, а некое особое общественное достояние, подлежащее особому регулированию. И в его основе должен находиться не принцип собственности на архивные документы, а принципы сохранения, доступности, эффективного поиска и использования документальной исторической памяти.

Тем не менее мы все же должны констатировать, что модели большинства архивов России в своей информационной составляю-

¹ Архивы России... С. 137—145.

щей за небольшим исключением являются больше естественными, нежели искусственными. Их построение, несмотря на многочисленные субъективные факторы, все же опирается пусть на отдельные, но существующие и даже в ряде случаев едва ли не общепринятые подходы.

От уровня совокупности архивных фондов, определяющих модель архива на основе его профиля, перейдем к рассмотрению его важнейшего системообразующего признака — архивного фонда. *Архивный фонд* — одно из ключевых понятий архивоведения, прямо связанных с организацией хранения, учета, поиска и использования архивных документов. Некая множественность архивных документов, объединенная в дела, соединяется в нем в конкретную совокупность дел, связанных общностью своего происхождения от одного конкретного фондообразователя — юридического или физического лица, а также в ряде случаев историческими и логическими связями между несколькими юридическими или физическими лицами.

Архивный фонд является результатом выявленной В. Н. Автократовым «первой закономерности архивоведения», смысл которой состоит в том, что «всякая организованная деятельность общественной системы типа «учреждение», сопровождающаяся документированием, вызывает образование генетически единого фонда документной информации, отражающего содержание и структуру (его, т. е. «учреждения». — В. К.) деятельности»¹. Автократов, на наш взгляд, проявил излишнюю осторожность в характеристике этой закономерности, распространив ее, как можно понять, лишь на документы официального происхождения. Между тем жизнедеятельность любого человека по крайней мере в наше время обнаруживает такую же закономерность. Кроме того, принципиально важно говорить не о едином фонде «документной информации», а о документах фонда как о физической и информационной единой сущности, что имеет принципиально важное значение в прикладном архивоведении, т. е. в архивном деле.

Архивный фонд в архиве выступает как физическая сущность, требующая физического размещения, соблюдения определенных параметров безопасности и т. д., т. е. всего того, что необходимо для сохранения документа, о чем говорилось выше. Однако в данном случае нам важно подчеркнуть, что архивный фонд представляет собой логически упорядоченную совокупность дел, между которыми также существуют информационные связи. Они проявляют себя во времени деятельности (жизни) фондообразователя, в пространстве его деятельности, в предметности и структуре его деятельности, в типах и видах документов, создаваемых им.

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 77.

Иначе говоря, в архивном фонде связи между входящими в его состав делами могут быть организованы в соответствии:

- а) с хронологией деятельности фондообразователя;
- б) по географии его деятельности;
- в) в соответствии с его организационной структурой;
- г) на основе предметов ведения, сфер ответственности или избранных сфер деятельности фондообразователя;
- д) по типам и видам документов, создаваемых фондообразователем.

Нетрудно заметить, что основания таких связей повторяют принципы организации документов в дела и также могут представлять их различные комбинации. Эти основания и их комбинации определяют структуру архивного фонда и его материальную и информационную модель как концентрированных в нем по тем или иным признакам совокупностей архивных документов.

Архивный фонд является целостной и самостоятельной информационной системой. В нем документ обретает естественно сложившиеся в процессе своего оперативного бытования или логически определяемые связи с другими документами — сначала на уровне дела, затем совокупности дел и, наконец, в пределах фонда. Такие связи являются информационными и первичными по своему существу, определяя их вторичное физическое объединение. Деятельность фондообразователя объединяет все такие связи. Подобно тому как профиль архива является системообразующим признаком в архивоведении и организующим признаком в архивном деле, понятие «фондообразователь» выступает таким же системообразующим признаком в архивоведении и организующим признаком в его прикладной составляющей — архивном деле. Фондообразователь объединяет теоретически и практически в целостную и самостоятельную информационную систему созданные и сконцентрированные в процессе его деятельности архивные документы архивного фонда. Например, Н. Д. Чечулин, работая над своей книгой «Города Московского государства в XVI в.» обнаружил, что рукопись писцовых книг Епифанского и Веневского уездов 1571—1572 гг. хранилась не среди «городовых» книг, как другие аналогичные писцовые книги, а в фонде Разрядного приказа, курировавшего службу бояр и чинов «государева двора». Это дало ему возможность высказать мысль об особом, «государевом», статусе этих двух городов в XVI в.¹

Для определенных видов архивных документов с неясным происхождением, сложным и запутанным бытованием, особо важным мемориальным значением, объединяемых в коллекции, принципами организации их связей являются хронологический, географический, номинативный или тематический. На основе хронологического прин-

¹ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1898. С. 262

цтва организованы связи между архивными документами в «Древ-
лехранилище» РГАДА¹. Ряд собраний древнерусских рукописей Пул-
кинского Дома организован на основе географического принципа
их бытования до поступления в архив, например, «Карельское»,
«Керженское», «Мезенское», «Печерское», «Пинежское» и др.

Введенное Автократовым понятие «ранг» фондообразователя²
является удачным признаком, указывающим на степень кумулятив-
ности, т. е. воздействия на регулируемые объекты созданных и от-
ложившихся в процессе деятельности фондообразователя докумен-
тов, их составе и разнообразии, представленных в архивном фонде.
Однако само по себе это понятие мало что дает без уточняющих его
признаков. Но как только мы начнем формулировать эти признаки,
они неизбежно в своей глубинной основе заставляют выстраивать
не только иерархию документов и существующих между ними свя-
зей, но и иерархию ценности документальных свидетельств, что
в принципе нельзя считать допустимым. Например, в соответствии
с такой иерархией фондообразователь — законодательный орган
получит, вне всякого сомнения, высший ранг. Однако это ни в коей
мере не говорит о том, что принятый им закон отражает в большей
степени историческую действительность, чем письмо рядового че-
ловека о действии этого закона в повседневности. Вероятно, все
же единственным, хотя и формальным, признаком ранга фондоо-
бразователя является ежегодный объем документов, остающихся
после экспертизы ценности, а также их видовое разнообразие. Они
показывают степень реальной вовлеченности фондообразователя
в решение проблем современности, даже если эти проблемы узко
специализированы.

На наш взгляд, в современных условиях не следует абсолютизи-
ровать архивный фонд как один из системообразующих признаков
архива, в первую очередь, когда речь идет об организации хранения
комплексов специальной документации. С позиций классического
архивоведения, где принцип происхождения является первенствующим,
очень трудно его реализовать в случаях, когда, например, для
определенных типов специальной документации организации до-
кументов по географическому, хронологическому, тематическому,
объектному и другим признакам является не только уже состоявшей-
ся реальностью, но и более эффективна при поиске и предметном
изучении документов, а современные информационные технологии
способны восстановить не только естественные, но и скрытые связи
между документами, в том числе в рамках их общих фондообразо-

¹ Шумилов В. Н. Государственное древлехранилище хартий и рукописей: спи-
сочные материалы фонда № 135. М., 1971.

² Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения.
С. 115.

вателей. В этом смысле автор разделяет точку зрения Автократова об особенностях формирования в архиве отдельных документальных комплексов, хотя и не видит необходимости создания в связи с этим «архивоведческих субдисциплин»¹.

Следующий уровень информационной системы архива — архивное дело. В нем накопление документальной информации и организация информационных связей осуществляется по одному из следующих признаков: а) хронологический; б) повидовой (номинативный); в) тематический; г) номинативно-хронологический; д) номинативно-тематический.

В соответствии с хронологическим признаком организации документов они располагаются в деле по хронологии их создания (поступления). Эта простейшая информационная связь документов имеет большее информационное значение, когда она используется в комбинации с другими.

На основе повидового признака связь между документами определенного комплекса устанавливается с учетом их вида. Для документов официального происхождения это означает формирование общности документов по так называемому номинативному признаку, например, приказы — в одно дело, письма — в другое, планы — в третье, отчеты — в четвертое и т. д. Для документов личного происхождения номинативный признак определения связей документов означает их объединение по формам выражения духовной жизни человека: творческие произведения, письма, дневники и т. д. Для документов сакрального происхождения таким объединяющим признаком также является их вид.

Тематический признак организации связей между архивными документами предполагает концентрацию их разных видов и разновидностей в пределах определенного предмета деятельности фондообразователя. Дополненный хронологическим и номинативным признаками организации документов — по дате их создания или по их видам — он позволяет проследить развитие факта, события, явления, процесса во времени и в неопределенной множественности видов документов.

Номинативно-хронологический и номинативно-тематический признаки организации информационных связей между документами являются более совершенными, нежели признаки чисто повидовой (номинативный) и просто тематический. Первый из них дает возможность в архивных документах закрепить динамику развития документального факта, события, явления, процесса в определенных видах документов. Второй открывает возможность отразить в определенных видах документов некую общую предметность их структурированных сообщений.

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 74—75.

Тематический, тематико-хронологический и тематико-номинативный признаки организации связей между архивными документами присущи прежде всего документам официального происхождения. Функциональная предметность деятельности их фондообразователей позволяет отражать ее через тематические подборки документов, формируемые в дела. Для документов личного происхождения тематический, тематико-хронологический и тематико-номинативный признаки организации связей применимы при создании коллекций архивных документов, формируемых не на основе целостных личных фондов, а на их «следах». Например, коллекция документов личного происхождения о Великой Отечественной войне в архиве может быть представлена делами «Письма времен войны», «Дневники времен войны», «Воспоминания о войне».

Тематический, тематико-хронологический и тематико-номинативный признаки организации связей между архивными документами обеспечивают не только максимально предметную концентрацию информации в деле, но и ее эффективный адресный поиск.

На рис. 6.2 представлен характер накопления в архивном деле документальной информации и существующие информационные связи между составляющими это дело документами.

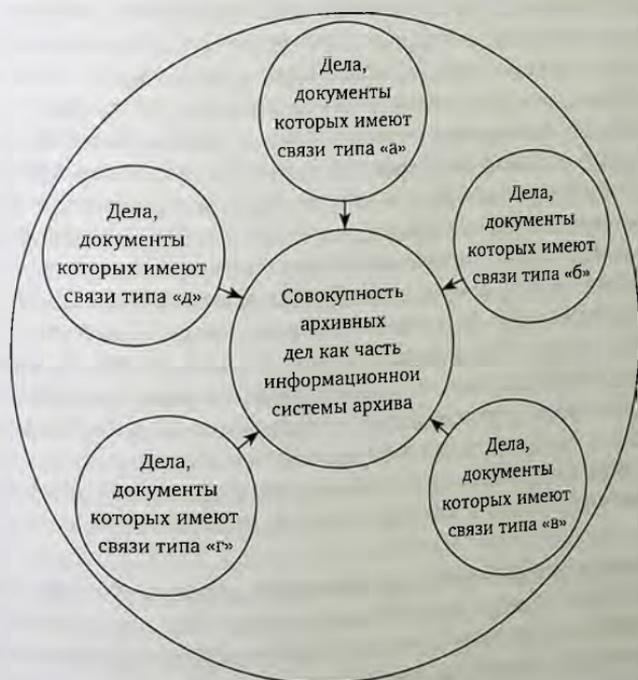

Рис. 6.2. Схема накопления в архивном деле документальной информации и существующих информационных связей между составляющими это дело документами

Нижний уровень информационной системы архива — архивное дело — позволяет выйти на системообразующий элемент любого архива — архивный документ. Архивный документ является своеобразным геном для архивоведения, конструируя все процессы, связанные с функционированием архива. Он является результатом селекции, объектом сохранения и поиска. Ради всего этого и существует архив.

6.4. Архивная среда бытования архивного документа в фазе покоя и фазе его публичного состояния

Одним из важных достижений советского архивоведения являлось сформулированное В. Н. Автократовым понятие «архивная информационная среда» как «система, состоящая из двух подсистем: совокупности документной ретроспективной информации и приданных ей поисковых средств»¹. Теоретические идеи Автократова формировались под сильным воздействием разработок в области теории информации. Этим и объясняется, что ни документ, ни архивный документ в его теории архивоведения не присутствует не только в объекте, но и в предмете архивоведения. Но раз нет документа как физической, материальной сущности, то нет и архива как институции, обеспечивающей сохранение документа.

Мы вынуждены констатировать расхождение логики наших рассуждений с логикой Автократова и в соответствии с этим попытаться дать свое видение важного состояния документа в фазе покоя в архиве. Выше мы убедились в том, что архивный документ может находиться в разных типах архивов и проявлять себя на разных уровнях информационных подсистем таких архивов: в деле — вполне предметно, в фонде и коллекции — через совокупность дел, в архиве — через совокупность фондов. Вопрос о том, существуют ли некий общий знаменатель, некие общие параметры и принципы, присущие жизни документа при его попадании в любой архив, и ответ на него являются принципиально важными.

Понятие «архивная среда бытования архивного документа», на наш взгляд, и является таким общим знаменателем.

Архивная среда бытования архивного документа — это совокупность параметров среды его нахождения, обеспечивающих его заданное сохранение и учет, средства его эффективного поиска для публичного, основанного на законе, здравом смысле и общепринятых нравственных нормах, использования.

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 68.

Эту среду составляют несколько элементов. Во-первых, несмотря на то или иное состояние архивного документа, как показано выше, он принципиально может иметь с другими документами архивной среды его бытования функциональные, исторические и логические связи. В этих условиях при любом варианте возникает необходимость по крайней мере закрепления его стратиграфии среди других документов этой среды. Во-вторых, архивная среда бытования документа характеризуется вполне реальными физическими показателями: температурой воздуха, влажностью, освещенностью, условиями размещения на полке и т. д. В-третьих, в архиве архивный документ оказывается среди миллионной и даже миллиардной совокупности других архивных документов, причем такая совокупность может быть уже упорядоченной или еще не организованной, либо организованной не полностью, что соответственно отражается и на состоянии архивного документа как уже идентифицированного или еще не идентифицированного в системах его учета и эффективного поиска.

Рассмотрим подробнее каждый из трех названных параметров архивной среды бытования документа.

Архивная среда бытования архивного документа в его *информационной составляющей* прежде всего требует преодоления неопределенности его существования среди других документов. Она обеспечивается логической упорядоченностью архивного документа. Это предполагает, во-первых, обязательную идентификацию каждого документа среди других документов дела (единицы хранения), фонда, архива. Иначе говоря, речь идет о его описании — указании на вид, авторство, дату создания, основное содержание и т. д. Во-вторых, это требует определения связи и взаимосвязи конкретного архивного документа с другими документами архивной среды его бытования — внутри существовавших документационных систем, а также в пределах исторически и логически сложившихся документальных комплексов: дела, фонда, коллекции, архивных фондов, других архивов. Для документов официального происхождения такие связи и взаимосвязи, складывающиеся в основном в делопроизводстве, как правило, остаются неприкосновенными, хотя и не исключают их модернизации даже в архивной среде бытования архивного документа. Для документов личного происхождения такие связи выявляются в процессе обработки на основе достаточно отработанных и общепринятых схем их упорядочения.

Все названные выше принципы организации связей между архивными документами в пределах дела основаны на логических построениях, изначально, т. е. в процессе бытования документа в качестве оперативного регулятора современности, применяемых в делопроизводстве при формировании дел в соответствии с номенклатурой дел каждого конкретного юридического лица, либо в ар-

хиве при научно-технической обработке документов, например, **личного** происхождения. Каждый из них, все они в совокупности или в различных комбинациях представляют собой некую модель организации архивных документов в пределах их ограниченной определенными признаками совокупности — модель дела. Эти же логические основания лежат в основе организации связей между делами, входящими в состав архивного фонда.

Физическая упорядоченность документа связана с тем, что он представляет собой неразрывное целое информации и ее материального носителя, включая способ закрепления на нем информации. Учитывая физический признак документа, следует отметить, что для архивной среды бытования архивного документа важно видеть в нем прежде всего материальный объект. Как материальный объект документ и сохраняется. В качестве такового он в первую очередь требует размещения, поддержания своего физического состояния с помощью специальных технических средств, обеспечивающих его сохранность, хранение, перемещение. Понятно, почему. Во-первых, в качестве материального объекта архивный документ постоянно испытывает на себе воздействие фактора времени и фактора архивной физической среды своего бытования. Это воздействие связано с угрозой негативных изменений в его физическом состоянии, иногда создающими условия для его утраты, а иногда и приводящих к такой утрате. Во-вторых, находясь в архивной среде своего бытования, архивный документ как материальный объект не утрачивает свойства движения. Такое движение создает дополнительные угрозы его физическому состоянию и даже утраты. Архивная среда бытования архивного документа среди прочего призвана нейтрализовать или парировать эти угрозы, используя разработки естественных и технических наук и развивающиеся технологии хранения, реставрации и учета. При этом она опирается на два собственно архивоведческих требования.

Первое исходит из необходимости минимально возможного числа раз обращения к подлиннику архивного документа, **максимального** ограничения его движения в архивной среде бытования, что обеспечивается копированием документа и передачей копии в **специальный фонд пользования архива**, который и используется в повседневной работе, в том числе пользователями в читальном зале. Второе требование предполагает для гарантированного сохранения информации архивных документов создавать их копии для включения в **страховой фонд**, хранящийся в удаленном от архива месте с соблюдением общепринятых параметров хранения копий. Копии фонда пользования и страхового фонда, не заменяя подлинного архивного документа, являются его почти аутентичными представителями. Оба фонда открывают возможности частичной **нейтрализации угрозы утраты** или ухудшения физического состояния

оригинала архивного документа, обеспечивая последнему почти абсолютный покой, а в случае непредвиденной утраты — гарантию сохранения его информации.

Важность для архивоведения второго признака архивной среды бытования документа — его *учетной упорядоченности* — вызывает необходимость рассмотрения этого признака в качестве самостоятельного параграфа.

6.5. Учетная упорядоченность архивного документа в архивной среде его бытования

Архивный документ является не только физическим объектом, но и материальной ценностью. В мире не существует общепринятых критериев определения материальной ценности, т. е. стоимости документа. В принципе стоимость архивного документа связана со временем его создания — чем он древнее, тем он дороже, т. е. чем он дольше сохраняется, тем больше он стоит, хотя бы учитывая затраты на его сохранение.

На стоимость архивного документа оказывает воздействие фактор его распространенности: тиражированный документ всегда ниже по стоимости, нежели документ, существующий в единственном экземпляре. Разумеется, важным показателем стоимости архивного документа является наличие в нем автографа исторически значимого лица, драгоценных металлов и камней, художественное оформление. При определении стоимости конкретного документа учитывается и значимость его информации — вещь субъективная, но с помощью специальных общепринятых критериев относительно определяемая.

Все эти и множество других факторов и определяют стоимость архивного документа. Она наиболее адекватно проявляет себя, когда документ попадает в сферу купли-продажи и прежде всего на официальные торги, например, аукционы. Именно рыночная цена и определяет стоимость архивного документа, которая в принципе со временем не уменьшается, а увеличивается *относительно и абсолютно*.

Как носитель частички документальной исторической памяти и материальный объект, имеющий определенную стоимость, документ в архивной среде его бытования прежде всего по этим причинам является объектом учета и требует *учетной упорядоченности*. Практика, нормативные требования предусматривают *две формы учета*: статичный и динамичный.

Статичный учет архивного документа фиксирует его логически или исторически сложившееся положение *относительно* других документов дела, в фонде, архиве, а также его физическое состояние.

Он реализуется в основных и вспомогательных учетных документах архива. прежде всего в описях дел фондов. Особенностью статичного учета архивного документа является не только его собственно учетная функция, но и функция надежного поискового средства.

Статичный учет фиксирует положение архивного документа в фазе его покоя. Как и архивный документ, в этой фазе статичный учет неизменен, неразрывно связан с самим документом и может быть лишь продублирован системами учета с использованием современных информационных технологий.

Динамичный учет архивного документа связан, как уже говорилось выше, с присущим документу или его копии в фонде пользования свойством движения в архивной среде его бытования и вне ее (временно в сторонние организации вне архива). Динамичный учет призван фиксировать нахождение архивного документа в каждой из точек его движения, изменяющих его местонахождение, и персональную ответственность лиц, связанных с перемещением документа, а также хронику такого перемещения. Динамичный учет архивного документа в современных условиях наиболее восприимчив к внедрению современных информационных технологий.

Учет учета архивного документа в архивной среде его бытования диктуется прагматическими соображениями, связанными, с одной стороны, с материальной стоимостью документа, а с другой — немислимым для какой-либо иной сферы человеческой жизнедеятельности по своим объемам объектом учета. В последнем случае с архивными документами по объему можно сравнить, вероятно, лишь денежные знаки, которые, впрочем, являются также тиражированными документами. Учет учета документа в архивной среде бытования позволяет не только определить его место в больших массивах документов, но и гарантированно предотвратить искажение первичных учетных документов, связанных с наличием архивного документа в архиве. Учет учета документа придает всей системе учета свойства системности, взаимодополняемости и взаимопроверяемости.

6.6. Архивный документ в системе первичной и вторичной архивной информации архива

Теперь важно представить процессы, связанные с состоянием архивного документа в архивной среде применительно ко второй части его составляющей — информации. Это более сложное явление в сравнении с физическими параметрами состояния архивного документа.

Названные выше четыре уровня информационных подсистем архива (архив — архивный фонд — архивное дело — архивный документ) представляют собой четыре элемента системы его *первичной*

архивной информации. Она, отражая состояние покоя архивного документа, в равной мере может быть статичной и неизменной, когда речь идет об исторических (некомплектуемых) архивах и находящейся в постоянном изменении, связанном с пополнением (например, когда речь идет о ведомственных и комплектуемых архивах). Первичная архивная информация архива и есть частичка документальной исторической памяти.

Система вторичной архивной информации призвана обеспечить эффективный и адресный поиск необходимой пользователю части документальной исторической памяти. Ее создание основывается на аналитико-синтетической переработке первичной архивной информации. Такая система всегда динамична в развитии своих новых подсистем и способов их модернизации. Существовало и существует также несколько уровней подсистем системы вторичной архивной информации архива.

Нижний уровень первой из таких подсистем связан с подокументным описанием документов, входящих в состав некоей совокупности документов — дела, на основе аналитико-синтетической переработки информации каждого документа. Получающийся при этом вторичный информационный продукт носит как учетный, так и поисковый характер, а потому еще не дает больших возможностей для его персонифицированного поиска в большом массиве других документов архива, либо требует значительных финансовых затрат для создания такой персонифицированной подсистемы подокументного поиска и учета, например, каталогов или современных поисковых систем в электронном формате.

Второй уровень подсистемы системы вторичной архивной информации относится к такой аналитико-синтетической переработке информации нижнего уровня первичной архивной информации, которая обеспечивает фиксацию и поиск дела с исходным, поисковым документом в фонде или коллекции. Эта переработка проводится созданием описи дел фонда — основным не только поисковым, но и учетным документом архива. *Опись фонда* как информационный продукт обладает надежными свойствами не только эффективного учета, но и эффективного поиска нужного документа.

Список фондов архива, как учетный документ, является первым шагом к созданию еще более высокого уровня подсистемы системы вторичной архивной информации архива.

На основе аналитико-синтетической переработки описей дел фондов и коллекций архива создается исключительно справочный инструмент по поиску в нем документа — *путеводитель по фондам архива*. Путеводитель по фондам архива — одно из самых выдающихся достижений прикладного и теоретического архивоведения. Он локализует поиск нужного документа, во-первых, в пределах архива, во-вторых, в пределах конкретного фонда и, в-третьих, хотя

и не всегда, даже на уровне совокупности дел и определенного дела. Подобно ледоколу, раздавливающему ледовую броню и создающему водный путь следующим за ним кораблям, путеводитель по фондам архива взламывает толщу миллионов документов архива и открывает первый, самый приближенный, но и самый верный путь к поиску конкретного документа и их совокупности. Путеводитель по фондам архива — это не только «архивный ледокол», но и своего рода «архивный маяк», без которого поиск пользователем архива определенного документа становится бессмысленным или превращается в бессистемный поиск с неопределенным результатом в бескрайнем море архивных документов.

«Четырехчленка» первичной и «четырёхчленка» вторичной архивной информации в своих основах ориентированы прежде всего на статичные учет и поиск документа. Однако жизнь, все более усложняясь, все чаще ставит задачу поиска не только того или иного документа, а некоей заданной, востребованной информации, зафиксированной в совокупности документов архива. В то время, когда появилась такая востребованность, в архивах, как в библиотеках и музеях, стали создаваться различного рода *каталоги*, распределявшие структурированные сообщения совокупности документов архива по различным предметам и темам. Так возник *пятый уровень подсистемы* системы вторичной архивной информации, основанной на вторичной тематической упорядоченности первичной информации документов архива. Такая упорядоченность не только предметно структурирует информацию документов архива. Она открывала большие возможности для точечного и многовекторного поиска нужной информации в ее целых тематических блоках. Однако ручной режим пользования такими каталогами, не говоря уже об идеологизированных схемах классификации в них информации, не всегда обеспечивали эффективный поиск необходимой первичной архивной информации.

Внедрение современных информационных технологий и деидеологизация прикладного и теоретического архивоведения на основе принципа беспристрастия архивоведения в значительной степени обеспечили преодоление этих недостатков. Поиск с их помощью необходимой информации по документам архива быстр и эффективен, а создание посредством их полнотекстовых баз данных исключают любую идеологию, засоряющую поиск, поскольку теперь он основывается исключительно на естественных формальных и предметных признаках структурированных сообщений документов. Вряд ли это можно назвать особым, шестым, уровнем подсистемы системы вторичной архивной информации. Скорее всего это ее технологически модернизированный пятый уровень.

Именно в этом наиболее ярко проявляется динамизм, универсальный характер вторичной документной информации архива.

В ней структурированные предметные сообщения документа виртуально и логически раздробляются, чтобы стать частичками некоего целого, важного для пользователя своей тематической, предметной заданностью. Разумеется, при создании таких систем вторичной архивной информации пока есть свои проблемы и трудности, связанные, например, с разработкой тезаурусов, системы ключевых слов, большими трудовыми и финансовыми затратами на их реализацию и т. д.

Автоматизированные системы поиска, включаясь в систему вторичной архивной информации архива, открывают возможности для многочисленных комбинаций структурированных предметных сообщений архивных документов и представляют результаты таких комбинаций, в том числе сформулированных в запросе пользователя.

Функционирование вторичной архивной информации — поразительно важное явление в бытовании архивного документа. Благодаря вторичной информации устанавливаются трудно выявляемые без нее связи и взаимосвязи документов и их структурированных предметных сообщений, в конечном счете отражающих факт, событие, явление, процесс прошлого.

6.7. Вторичная архивная информация и преодоление дискретности документальной исторической памяти

Выше отмечалось, что любой архив представляет собой организованную информационную систему, основанную на определенном сегменте документальной исторической памяти. Дискретность документальной памяти, иначе говоря, разрывы ее естественно существовавших документальных комплексов — в своей основе явление объективное и, как показано в начале этой темы, определяется классом, типом, видом, т. е. профилем архива, или его моделью, а она, в свою очередь, создается под воздействием различных факторов, связанных с управлением человеческой жизнедеятельностью.

В принципе дискретность показывает разделенность во времени, пространстве и даже в пределах одного архива организации документальной исторической памяти. Она является следствием воздействия при ее формировании не менее трех факторов. Во-первых, существующая система организации хранения документальной исторической памяти в соответствии с моделями архивов изначально распределяет ее на сегменты. Во-вторых, в истории архивного дела имели место разрывы, искусственные разделения архивных фондов по разным, как правило, субъективным причинам. В-третьих, комплектование негосударственной части документальной исторической памяти может носить вариативный характер, завися от распоряжения фондообразователя или фондодержателя,

свободных в своем выборе не одной, а нескольких архивных институций.

Дискретность документальной исторической памяти связана с раздроблением: а) исторически сложившегося и существовавшего профиля архива; б) архивного фонда; в) архивного дела; г) архивного документа. Каждое такое дробление снижает эвристические возможности и информационный потенциал архива, архивного фонда, архивного дела и архивного документа.

История архивного дела в России знает немало примеров всех четырех видов дискретности документальной исторической памяти, не обоснованных объективными обстоятельствами.

Дискретность вида «а» поразила, например, фонды Русского заграничного исторического архива, существовавшего в Праге и переданного в конце 1940-х гг. в СССР. Однако впоследствии часть его фондов оказалась в ряде республик бывшего СССР¹.

Дискретность вида «б» затронула, например, РГИА в Санкт-Петербурге: в 1950-е гг. огромный фонд Департамента полиции был изъят из фонда МВД Российской империи и передан в Москву в ЦГА-ОР СССР. Ее испытал ряд сибирских архивов, когда после создания императорской Археографической комиссии их части были перемещены в Санкт-Петербург и ныне составляют фонды рукописного отдела Санкт-Петербургского Института истории². Этот вид дискретности присущ личным архивам, когда их создатели, владельцы и распорядители сознательно разделяли такие архивы по разным хранилищам, руководствуясь самыми разнообразными соображениями.

Дискретность вида «в» особенно характерна для старинных документов и прежде всего рукописей древней традиции, представляющих собой сборники документов. Она, с одной стороны, отразила читательские интересы, игравшие свою роль в формировании сборников — конволютов — за счет разрушения первоначальных сборников. С другой стороны, к этому толкали исследовательские интересы и интересы коллекционеров, разделявших рукописные сборники по самым разным соображениям. Например, известны случаи такого разделения ряда сборников Иосифо-Волоколамского монастыря, сделанные П. М. Строевым в начале XIX в.³

Дискретность вида «г» — явление редкое и, как правило, объясняемое случайными обстоятельствами.

¹ Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге : межархивный путеводитель. М., 1999.

² Костомов А. И. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX в. Владивосток, 2007.

³ Землин А. А. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1977. Вып. 38. С. 15—29.

Архивоведение для преодоления дискретности архивных документов предлагает создание межархивных, межфондовых путеводителей и указателей, баз данных и т. д., а также обычное физическое воссоединение разорванных «цепочек» документов и их комплексов, например, в виде коллекции документов. Так, справочник по фондам Русского заграничного исторического архива смог «соединить» искусственно распыленные по архивохранилищам бывших республик СССР фонды этого архива и, преодолев тем самым их дискретность, фактически реконструировать архив в его первоначальном состоянии. В археографии искусственная и естественная дискретность документа преодолевается документальной публикацией, объединяющей своей моделью документ с другими документами, относящимися к проблематике документальной публикации. В документальном источниковедении учет принципа дискретности позволяет не только нейтрализовать разрывы документов, но и объединять документальные свидетельства разных документов об одном и том же факте, событии, явлении, процессе прошлого.

Преодоление дискретности документа означает преодоление его искусственного разрыва с когда-то единой функциональной «цепочкой» других документов либо с вполне естественным, независимым от этой «цепочки» возникновением документа. Документоведение призвано максимально нейтрализовать угрозу искусственного разрыва с помощью правил и нормативов. Однако и оно бессильно, когда такой разрыв совершается под воздействием политических решений, общественного давления или иных факторов. Например, письмо А. Н. Шелепина Н. С. Хрущеву об уничтожении учетных дел военнопленных польских офицеров, написанное от руки и в единственном экземпляре, осталось вне официального делопроизводства КГБ СССР. Факт уничтожения этих дел в результате устного согласия Хрущева с предложением Шелепина в настоящее время связан только с этим документом¹.

6.8. Архивный документ в системе категорий его различной ценности как документального достояния

Обычно, говоря о документальной исторической памяти как документальном достоянии, под архивным документом понимается ценный документ, подлежащий вечному сохранению. Однако архивоведческая теория, учитывая практику работы с ценными документами, рассматривает это понятие как родовое по отношению к двум другим — особо ценный документ и уникальный документ.

¹ Катюнь: пленники необъявленной войны. М., 1999. (Россия. XX век. Документы). С. 601—603.

Таким образом, документальная историческая память представляется тремя категориями документов: ценными, особо ценными и уникальными.

Особо ценный документ определяется в современном архивном законодательстве как ценный документ, «имеющий непреходящую культурно-историческую и научную ценность, особую важность для общества и государства, и в отношении которого устанавливается особый режим учета, хранения и использования». Соответственно *уникальным документом* закон признает особо ценный документ, «не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и (или) по внешним признакам, невозможный при утрате с точки зрения его значения и (или) автографичности».

Возникает вопрос: для чего нужно такое тройное деление документов, признанных подлежащими вечному сохранению? В принципе человечеству свойственно категорирование продуктов своей жизнедеятельности. В его основе лежат прагматические соображения. Прежде всего, это признание неодинаковой стоимости предмета среди себе подобных. По этой причине обоснованно или нет, но картины итальянских или голландских мастеров живописи кажутся более ценными по своей стоимости, чем картины русских художников-передвижников — в этом случае помимо субъективных критериев мастерства действует объективный критерий времени. Реальная жизнь определяет категорирование интеллектуальных продуктов в чрезвычайных ситуациях. Так, например, угрозы их утраты во время войн, когда возможности парирования этих угроз ограничены, вынуждают спасать самое ценное для жизнедеятельности.

Так и в архивном деле. Например, при угрозе утраты архивных документов нескольких однотипных учреждений предпочтение для первоочередного сохранения при чрезвычайных ситуациях будет отдано документам их органа управления, исходя из того, что в них так или иначе деятельность подчиненных учреждений нашла отражение. В других случаях могут действовать иные соображения. Так, при разработке плана эвакуации в 1941—1942 гг. ленинградских архивов первоочередными к вывозу за пределы блокадного города стояли архивы М. В. Ломоносова и А. С. Пушкина — здесь действовал не просто критерий их ценности (документы этих архивов были уже изданы), а реликвийности: оригиналы документов двух великих россиян являлись святынями, символизировавшими духовную силу народа. Эти примеры показывают, что существуют ситуации, когда оценки архивного документа с позиций его материальной стоимости являются не главными, подчиняясь каким-то иным соображениям.

Практика показывает, что если выделение особо ценных документов в документальном наследии является вещью вполне ре-

ализуемой, то в отношении уникальных документов дело обстоит намного сложнее. Архивное законодательство страны предполагает ведение их специального государственного реестра, который пополняется в течение многих лет. По состоянию на 10 октября 2019 г. в этом реестре зафиксировано 750 документов. Реестр включает документы, представленные 14 федеральными и 22 государственными архивами субъектов федерации. Нами проведен анализ 240 из них. Основную группу среди них составили оригиналы законодательных документов (конституции, законы, императорские указы) — 54 названия. Далее следуют документы личного происхождения (дневники, письма, рисунки и др.) — 39 названий. Следующая по численности группа уникальных документов (33 названия) — это всевозможные грамоты (жалованные, духовные, губные и др.). Группа планов, чертежей, атласов представлена 25 названиями. Класс сакральных документов (евангелия, миные, триоди и др.) представлен 23 названиями. Международные договоры и декларации, а также всевозможные протоколы насчитывают по пяти названий. Технические документы, связанные исключительно с освоением космоса, различные приказы соответственно насчитывают по пять и четыре названий. И, наконец, различного вида другие документы занимают в реестре от одного до двух названий, всего 45 названий.

Эта достаточно общая статистика при более углубленном анализе включенных в реестр документов не вызывает никаких вопросов, когда речь идет о документах и их списках, датируемых по XVI в. включительно, законодательных источниках типа конституций, Соборного уложения 1649 г., основополагающих для государственного устройства и его преобразований манифестах, указах и законах. Иначе говоря, два критерия их включения в реестр — *время создания документа и роль документа в реальном регулировании жизни страны в тот или иной период ее истории* — очевидны. С некоторыми колебаниями можно признать уникальность «Грбовника дворянских родов Российской империи» и «Титулярника русских царей» 1672 г., учитывая *уникальность их художественного оформления*.

Но далее начинаются вопросы, которые распространяются не только на всю группу «других документов», но и на многие документы из других групп. Так, малообоснованным выглядят включение в реестр указов о пожалованиях чинами, например, графа П. А. Румянцева чином генерал-фельдмаршала, различных боевых рапортов, например, о взятии крепости Исмаила, семейного альбома императора Александра II, чертежей монастырских землевладений, крепостей, ревизской сказки о мещанах г. Курска 1782 г., отдельных произведений Н. М. Муравьева, П. И. Пестеля, Н. И. Островского, записи русской народной песни «Ой, да уже хо-

дила детюнчка», «Декларации Общества работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР» и т. д. Вызывает сомнение необходимость включения в реестр вариантов уникальных документов, например, доклада Н. С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС. Важные сами по себе для изучения истории создания оригинала доклада, они не стали документами прямого действия, как сам доклад.

Таким образом, выборочный анализ реестра показывает, что включение в него уникальных документов носит явно неуверенный и неустойчивый характер из-за отсутствия четко сформулированных механизмов их определения. Возможно, разработанная ВНИИДАД методика определения уникальных документов будет способствовать более качественному отбору уникальных документов для этого реестра. Однако ясно одно: выделение уникальных документов не должно быть излишне усложненным процессом, и не должно приобретать характер огрубленных, маловразумительных решений.

В этой связи можно высказать несколько самых общих соображений. Законодательное определение уникальных документов через особо ценные документы предусматривает четыре принципа их установления: а) непреходящую культурно-историческую и научную ценность; б) особую важность для общества и государства; в) не имеющих себе подобных по содержащейся в них информации и (или) по внешним признакам; г) невозможность при утрате с точки зрения их значения и (или) автографичности.

Попробуем прокомментировать каждый из этих принципов. Принцип «а» по своей сути предусматривает наличие группы критериев времени создания документов. Вторая составляющая часть этого принципа — «научная ценность» — практически не поддается критериальному определению по двум причинам. Во-первых, «научная ценность» отдельных документов в ее источниковедческом смысле, как увидим ниже, определяется на основе других принципов и критериев. Во-вторых, эта ценность часто связана с познавательным значением не одного, не двух, а определенных комплексов документов, что дискредитирует саму цель Государственного реестра уникальных документов.

Принцип «б» также несет в себе элемент неопределенности, можно полагать, что он подразумевает реальное судьбоносное значение уникального документа в его оперативной фазе бытования в изменениях и организации жизни государства и общества в тот или иной период их истории и тем самым предполагает выработку группы критериев, связанных с выяснением силы воздействия такого документа на государственную и общественную жизнь.

Принцип «в» означает единичность, неповторимость информации и (или) внешних особенностей носителя такой или иной ин-

формации и нацеливает на выработку критериев бесподобности информации и (или) ее носителя.

Принцип «г» нуждается в предварительном пояснении. Практически все уникальные документы за исключением находящихся в закрытой форме бытования, т. е. засекреченных, обнародуются. Это значит, что понятие «невосполнимость» их утраты носит правовой смысл, т. е. указывает на неопределенно длительное юридическое значение оригинала документа.

В соответствии с критериями времени создания особо ценных архивных документов среди них уникальными могут являться:

- 1) все рукописные списки по XVI в. включительно любых произведений;
- 2) все изображения, созданные разными способами фотографирования до 1870-х гг.;
- 3) все аудиозаписи, созданные разными способами записи звука до 1925 г.;
- 4) все кинозаписи, созданные разными способами записи движения без звука до 1940 г.;
- 5) все озвученные кинозаписи, созданные по 1940 г. включительно;
- 6) комплексы документов, имеющих признаки личных архивных фондов или являющиеся таковыми, по XVII в. включительно.

В соответствии с критериями особой важности для общества и государства особо ценных документов уникальными среди них могут быть признаны:

- 1) конституции;
- 2) законы, указы, манифесты, объявляющие коренные реформы государственного устройства, управления, организации хозяйствования;
- 3) концепции, программы экономических, социальных, культурных преобразований страны независимо от результатов их реализации;
- 4) постановления, распоряжения высших органов государственной власти, центральных партийных органов, связанные с обеспечением и ограничением прав и свобод граждан;
- 5) окончательные варианты технологических документов устройств, имеющих судьбоносное значение для обороны страны и технического прогресса человечества, а в случае их отсутствия — промежуточные варианты таких документов.

В соответствии с критериями бесподобности информации и (или) ее носителей среди особо ценных документов уникальными можно считать:

- 1) оригиналы обобщающих документов, зафиксировавших результаты всех общегосударственных переписей физического, природного состояния, состояние населения, землевладения, землеполь-

зования, хозяйствующих структур Московского царства, Российской империи, СССР, РСФСР, Российской Федерации, а в случае их отсутствия — оригиналы документов с аналогичными данными регионального характера:

2) оригиналы или копии утраченных оригиналов рисунков, чертежей, фотографий, замеров не сохранившихся недвижимых памятников истории и культуры, отнесенных к общемировому и общероссийскому культурному достоянию, технических изделий мирового уровня или не имеющих аналогов в мире, признанных изобретениями;

3) оригиналы отдельных документов, представляющих собой опередившие время не реализованные или частично реализованные грандиозные проекты освоения природы, возведения сооружений;

4) оригиналы отдельных документов, зафиксировавших результаты завершения основополагающих событий, явлений и процессов, происходивших на территории Московского царства, Российской империи, СССР, РСФСР, Российской Федерации и имевших определяющее значение для жизни людей;

5) оригиналы основополагающих документов, определявших жизнедеятельность сословий, классов, социальных и профессиональных групп на протяжении не менее одного поколения;

6) оригиналы отдельных документов о ключевых сражениях во время войн России;

7) оригиналы документов, содержащих первые оперативные и итоговые сообщения, независимо от формы их бытования, о катастрофах общегосударственного масштаба;

8) все документы, имеющие в своем оформлении драгоценные металлы и камни;

9) отдельные документы с художественным оформлением выдающихся художников;

10) отдельные документы на редких носителях, созданные в чрезвычайных ситуациях;

11) все авторские документы-автографы существующих ныне персональных архивных собраний, а также собраний выдающихся людей, создающихся спустя 100 лет после их смерти;

12) отдельные документы — рукописные или машинописные тексты-автографы выдающихся людей, оказавшиеся вне их персональных собраний;

13) оригиналы отдельных документов с резолюциями-автографами первых лиц государства, впечатляюще отражающими их отношение к представленным документам и определявшими их дальнейшую судьбу;

14) оригиналы отдельных документов иностранного происхождения, законно перемещенных на территорию Московского царства, Российской империи, РСФСР, Российской Федерации.

В соответствии с критериями неопределенно длительного юридического значения оригинала документа, подтверждающего государ-

ственный суверенитет и целостность Российской Федерации, среди ценных архивных документов уникальными являются:

1) оригиналы всех документов, удостоверяющих прошлые и современные границы Российской империи, СССР, Российской Федерации;

2) оригиналы документов, определявших и определяющих административно-территориальное деление Древней Руси, Московского царства, Российской империи, СССР, Российской Федерации и изменения в нем на разных этапах ее существования;

3) оригиналы всех утративших и не утративших юридическую силу международных договоров Московского царства, Российской империи, СССР, РСФСР и Российской Федерации.

Рассмотренные выше принципы и критерии определения уникальных документов в составе документального наследия Российской Федерации исходят из того, что они могут быть использованы не в рамках отдельных депозитариев документальной памяти, не в пределах отдельного субъекта Российской Федерации, не в рамках той или иной формы собственности, а только в масштабах Государственного архивного фонда Российской Федерации. Иначе говоря, уникальность особо ценного документа на уровне, например, конкретного архива не может рассматриваться как автоматическое включение его в Государственный реестр, а лишь как открывающаяся возможность для этого.

В этой теме мы рассмотрели «жизнь» документа в состоянии покоя в архивной среде его бытования — в качестве физического объекта, носителя первичной документной архивной информации с ее преобразованием во вторичную архивную информацию. Эта «жизнь» документа призвана обеспечить ему комфорт и создает условия для его поиска с целью трансляции его информации для пользователей документальной исторической памяти, о чем и пойдет речь в следующей теме.

Контрольные задания

1. Покажите универсальность архива как уникальной институции.
2. Рассмотрите типологию архивов.
3. Дайте характеристику основных элементов информационной системы архива.
4. Расскажите об архивной среде бытования архивного документа в фазе покоя и фазе его публичного состояния.
5. Рассмотрите архивный документ в системе вторичной архивной информации архива.
6. Охарактеризуйте вторичную архивную информацию.
7. Расскажите, что такое дискретность документальной исторической памяти и каковы пути ее преодоления.
8. Дайте определения категорий архивных документов вечного хранения.

Тема 7

ТРАНСЛЯЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

7.1. Постоперативная востребованность документальной исторической памяти и ее виды

История архивного дела в России и других странах показывает несколько направлений использования архивных документов, утративших свое первоначальное функциональное назначение, т. е. оказавшихся в состоянии покоя и ставших частью документальной исторической памяти. Выше мы не раз говорили о том, что изобретение документа отразило потребности людей в создании наряду с речевым и зримым еще одного типа коммуникаций между ними, способного преодолевать пространство и время с большей эффективностью, нежели обычная человеческая речь или иные физические способы коммуникации, например дымовые сигналы. Далее мы отмечали, что с усложнением человеческого общения усложнялись типы и виды документов в соответствии с усложнением структурированной информации и способов ее закрепления, изобретением новых носителей информации. Мы также обращали внимание на то, что процесс создания документов все более демократизировался, затрагивая уже не только круг избранных, что в конце концов привело к возникновению общества всеобщего документирования. В любом человеческом сообществе на разных этапах его развития и в разных состояниях существует не только документальная форма коммуникаций между людьми, носящая оперативный характер, но и некая востребованность документа уже после утраты им основного целевого назначения или первоначального практического значения. Со временем документ начинает востребоваться уже не только потому, что без него было просто невозможно достижение какой-то поставленной цели, но и в силу того, что он сохраняет свое значение как носитель свидетельств о достижении этой цели.

И российская, и зарубежная художественная литература немало сделала для того, чтобы показать архивный документ как ненужный

«хлам», архив — как некий склад бумаг, а архивиста — как несчастливое, озлобленного на весь мир человека, неудачника и пьяницу¹. На самом же деле, как мы могли убедиться из предшествующих тем, документ после утраты своего первоначального целевого значения и экспертизы ценности, заканчивая одну, начинает другую жизнь в качестве носителя информации о прошлом и как вещественный остаток от этого прошлого. Запросы современности к документальной исторической памяти многообразны, но в принципе их можно свести к **нескольким видам востребованностей**, отвлекаясь от многочисленных нюансов, не влияющих кардинально на их сущность.

В *постпрактической востребованности* документальной исторической памяти особенно отчетливо обнаруживается связь прошлого и настоящего, причем в ряде случаев неизбежная и даже обязательная для разрешения проблем современности.

Постпрактическая востребованность документальной исторической памяти — одно из ее выдающихся свойств, которое одновременно характеризует и особость общественной жизни в части, связанной с ее потребностью в информации о прошлом. Эта потребность постоянна, хотя и изменчива во времени. Она имеет как точечный, так и массовый характер. Ее разнообразный спектр отражает нередко общественные интересы ярко и поучительно.

В мире всегда существовали, существуют и будут существовать не менее пяти видов востребованности документа после утраты им своего первоначального целевого назначения. *постпрактическая практическая, постпрактическая социальная, постпрактическая юридическая, постпрактическая историческая и постпрактическая политико-идеологическая.*

Вид востребованности, который условно можно назвать *постпрактическим практическим востребованием* документальной исторической памяти связан с использованием архивного документа, находящегося в фазе покоя, для решения новых практических задач. В рамках того или иного человеческого сообщества такое использование было продемонстрировано очень давно. Например, в Средневековье для правящей элиты важное значение имели документы, связанные с историей родов. Мореплаватели Средневековья пользовались картами и описаниями морей, океанов и земель, созданными в глубокой древности. Современные реставрации и реконструкции памятников недвижимости невозможны без их первичных чертежей. При возобновлении строительства БАМа привлекались документальные наработки российских картографов, проектировщиков и инженеров конца XIX — начала XX в. Для восстановления и модернизации после пожара Останкинской телевизионной башни

¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. С. 37.

привлекались ее первичные чертежи и технологическая документация. Иначе говоря, в постпрактической практической востребованности документ, утративший свое первоначальное целевое назначение, используется для решения иных практических задач, возникающих в процессе человеческой жизнедеятельности часто спустя столетия после его создания.

В современных социально ориентированных обществах социальная защищенность конкретного человека прямо связана с его трудовой биографией, отраженной в разных видах документов. Поэтому *постпрактическая социальная востребованность* документальной исторической памяти, т. е. ее использование для удовлетворения широких социальных и моральных запросов человека, особенно в XX в. — веке массовых миграций, войн и связанных с ними плана, массовых политических репрессий, этнических чисток — в наше время остается постоянной и очень высокой¹.

XX век оказался для России веком грандиозных потрясений. Революционные события 1917 г. сломали традиционный государственный уклад страны и в конечном итоге привели ее к Гражданской войне. Две мировые войны беспощадными цунами пронесли над Россией, затронув судьбы каждого человека — их реальные последствия сохраняются до сих пор. Репрессии 1920-х — начала 1950-х гг. искалечили жизни миллионов людей. Грандиозные проекты социалистического строительства породили мощные миграционные процессы внутри СССР, которые в начале 1990-х гг., после очередного в XX столетии слома государственности, резко обострились и оложнились. Экономические, политические и административные реформы 1990-х гг. привели к возникновению и оформлению новых, часто противоречивых, жизненных и духовных ценностей и реальных жизненных обстоятельств.

Поэтому начиная с 1953 г. и особенно со второй половины 1980-х гг. интерес к документу в российском обществе стал неотъемлемой составляющей общественной жизни, например, в плоскости политической, моральной и материальной реабилитации жертв незаконных репрессий в отношении правящих слоев дореволюционной России, социальных групп (крестьянства, священнослужителей и др.), политических противников большевиков, репрессированных народов, конкретных людей. Созданный в стране соответствующий правовой механизм реабилитации не мог функционировать без привлечения архивных документов. В его архивно-документальном обеспечении приняли участие не только государственные архивы, но и архивы Министерства внутренних дел России, Федеральной службы безопасности России, ряд других ведомственных архивов.

¹ Подробнее об этой востребованности см.: Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. С. 243—245.

Подтверждались факты незаконного так называемого раскулачивания, осуждения по политическим мотивам, репрессии по национальному и религиозному признакам, пребывания в спецпоселениях и т. д. К сожалению, полная статистика работы архивов по этому направлению отсутствует, однако, созданный неправительственной организацией Обществом «Мемориал» банк данных о жертвах репрессий, насчитывающий около 1,5 млн имен, показывает тот минимальный объем дел, который был представлен архивами в институты, занимающиеся реабилитацией. Только в 2006—2007 гг. федеральные государственных архивы исполнили более 4400 запросов граждан этой категории (в том числе иностранных и лиц без гражданства). В 2006 г. в целях урегулирования условий ознакомления с материалами прекращенных уголовных, административных, фильтрационно-проверочных дел, в том числе в исследовательских целях, Министерством юстиции было зарегистрировано специальное «Положение» о порядке доступа к ним¹.

Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии для россиян сегодня является не только героической, но и особо святой страницей советской истории, в которой граждане России находят источник духовных сил для национального возрождения и процветания. Война оказалась Великой не только по величию подвига, совершенного в ней советским народом, и всемирно-историческим последствиям победы над фашизмом. Велики оказались жертвы СССР и противоборствующей стороны.

Документы этого времени последние десятилетия были непосредственно вовлечены в распутывание узлов, доставшихся от времен Второй мировой войны и Великой Отечественной войны. В значительной степени эта работа носила гуманитарный характер и проходила и проходит по нескольким направлениям.

Первое из них связано с выяснением судеб погибших на полях сражений воинов Советской армии. С помощью архивных документов обстоятельства их гибели, места захоронений ныне зафиксированы в издающейся многотомной «Книге Памяти», а также в создаваемом банке данных, доступном в Интернете и содержащем оцифрованные документы на каждого погибшего. Родственники и потомки теперь имеют возможность узнать прижизненную и посмертную судьбу своих близких и предков.

Второе направление распутывания с помощью архивных документов последствий войны связано с обеспечением социальной защиты мирных граждан СССР, насильственно угнанных на территорию Германии и ее сателлитов. Тогда, в 1944—1946 гг., когда невольники третьего рейха проходили после освобождения проверку в фильтрационных лагерях, их судьбы в фашистском плену,

¹ Регистрационный номер 8296.

зафиксированные в специальных опросно-проверочных документах, может быть, представляли интерес только для готовившегося Нюрнбергского процесса. Однако со второй половины 1990-х гг. документы об этих судьбах, сохраненные в российских архивах, оказались востребованными и вовсе не ради исторического изучения одного из самых нечеловеческих явлений Второй мировой войны. Преодолевая самую мрачную страницу своей истории, Германия, а чуть позже Австрия согласились выплатить денежные компенсации ныне живущим невольникам фашистского государства. Сегодня эта гуманитарная акция с участием российских архивов завершилась¹.

Конец войны, особенно войны несправедливой со стороны поверженного врага, всегда сопровождается возмездием, в том числе пленом. На территории СССР, включая Россию, военнопленных оказалось свыше 4 млн: японцев, немцев, итальянцев, венгров, французов, болгар и т. д. Свой грех служения фашистскому рейху и японскому милитаризму они искупали в течение нескольких лет трудом на территории СССР, чтобы потом в своем подавляющем большинстве вернуться на родину. Но кто-то не вернулся, оставшись лежать в земле теперешних самостоятельных государств Казахстана, России, Узбекистана, Украины, Беларуси и других республик бывшего СССР. Российские архивы передали в соответствующие страны все сохранившиеся данные об их упокоении на территории бывшего СССР. Более того, для Германии и Японии Россия реализовала грандиозные проекты по микрофильмированию и сканированию учетных дел всех военнопленных, понимая, что бывшим военнопленным, еще здравствующим, уже умершим ныне или их родственникам на их родине полагаются определенные компенсации за пребывание в плену. В настоящее время, например, Японии переданы микрофильмы сотен тысяч учетных дел японских военнопленных. Это стало третьим направлением постпрактического социального использования документов по преодолению последствий Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Холокоста — это слово и скрывавшаяся за ним трагедия еврейского народа в годы Второй мировой войны долгое время были неизвестны советскому человеку. Лишь во второй половине 1980-х гг. документы российских архивов об этой трагедии оказались востребованными. Ныне копии их тысяч страниц пополнили фонды музеев Холокоста в Иерусалиме и Вашингтоне, в других городах мира, напоминая людям о случившемся и воспитывая ненависть к фашизму.

Одно из основных направлений деятельности российских архивов связано с исполнением роли социальных нотариусов — без-

¹ См.: Заявление ФГУ «Фонд взаимодействия и примирения» от 30 августа 2010 г. URL: www.fondvp.ru (дата обращения: 26.10.2020).

возмездного официального подтверждения трудовых биографий граждан, зафиксированных в разнообразных архивных документах. Специфика социальной защиты граждан России, других стран — бывших республик СССР — заключается в том, что она учитывает, например, при начислении пенсии трудовой стаж гражданина, условия его труда, наличие наградений и поощрений и т. д. Его особые заслуги перед государством, регионом поощряются также определенными льготами. Реализация тех или иных прав граждан России на социальную защиту и льготы возможна только при подтверждении их правомочности с помощью соответствующих архивных документов. Ежегодно по России в целом в этих целях востребуется около 1 млн дел, причем реальная востребованность в них в начале XXI в. постоянно росла: в 2003 г. — 1600 тыс., в 2007 г. — 3100 тыс. В 2019 г. таких запросов исполнено свыше 4319 тыс. Связано это с двумя факторами. Во-первых, вопреки советской архивной практике в новой России на государственное хранение в массовом объеме стали поступать трудовые биографии граждан из архивов обанкротившихся и ликвидированных организаций и, во-вторых, в начале этого века в России был принят ряд актов, расширивших социальные права граждан, что потребовало их дополнительного документального подтверждения.

Документальное обеспечение реабилитационного процесса, социально-правовых запросов граждан России и зарубежных стран привело к созданию многочисленных баз данных. Из всех имеющихся в архивных учреждениях России баз данных социально-правового характера примерно 13 % составляют базы данных о репрессиях.

Постпрактическая правовая, или юридическая, востребованность документальной исторической памяти связана прежде всего с разнообразными имущественно-хозяйственными отношениями, в которые когда-то архивный документ был вовлечен и которые по разным причудам истории неожиданно актуализируются после его практического оперативного использования. В глобальном масштабе такая востребованность очень характерна после распада государств, когда на их основе вновь возникшие государства активно заявляют свои права на когда-то существовавшую общегосударственную собственность. Документ в этих и других случаях, связанных с претензиями на собственность, становится юридически значимым доказательством, часто даже независимо от своего вида и роли в сравнении с другими документами в процессе их совместного оперативного бытования. После распада СССР России пришлось с помощью архивных документов доказывать свое право на собственность, например, ряда объектов в Германии (ГДР), Болгарии, Венгрии, Польше. Свои претензии на бывшую общесоюзную собственность за рубежом предъявляли и постсоветские государства. В связи с изменениями форм собственности многих

российских предприятий, в основном их приватизацией, оказались востребованы документы, например, о когда-то случившихся зем-
леотводах под них.

Особая постпрактическая правовая, или юридическая, востребованность документальной исторической памяти характерна для межгосударственных отношений. Возникающие приграничные споры участвующие в них стороны подкрепляют с помощью заключенных когда-то договоров, картографических документов, документов о хозяйственном освоении спорных территорий той или иной стороной.

Постпрактическая научно-историческая востребованность документальной исторической памяти связана с присущим архивному документу свойством быть носителем информации о произошедшем и тем самым выступать документальным историческим источником, содержащим документальные свидетельства о прошлом. Говоря словами теории когнитивной истории, это эпистемологическая востребованность документа. Вплоть до конца XVIII в. такая востребованность была уделом избранных — специально уполномоченных властными структурами доверенных лиц — историографов. Однако класс буржуазии после Великой Французской революции громко заявил о своих правах на использование архивных документов в исторических исследованиях. Борьба за это право в мире, в том числе в России, шла на протяжении всего XIX в., пока, наконец, в разных странах в разное время, с разным успехом и в разных формах победа сторонников доступности для использования архивных документов в исторических исследованиях не была закреплена нормативно. Ныне использование архивных документов в исторических исследованиях является не просто «правилом хорошего тона», но непременным условием доказательности исследовательских выводов. Для того чтобы обеспечить источниковую востребованность документов в архивах создаются читальные залы, развиваются разные формы предоставления исследователям копий документов, в том числе через Интернет¹. Такое использование в России резко расширилось после 1991 г. в связи с массовым рассекречиванием ранее недоступных архивных документов.

Неудивительно поэтому, что с начала 1990-х гг. неуклонно росло число посетителей читальных залов государственных и муниципальных архивов России. Если в 1992 г. в целом по стране архивы всех уровней посетило чуть больше 42 тыс. читателей, то в 2007 г. их стало более чем в два раза больше — около 97 тыс. (речь идет не о числе человекопосещений, а о количестве записавшихся в читальные залы архивов). Всего же за 1992—2000 гг. в государствен-

¹ Подробнее об этой востребованности см.: Козлов В. П. Бог сохранил архивы России. С. 198—257.

ных и муниципальных архивах было свыше 1065 тыс. посещений читателей. Только в 2019 г. их число составило свыше 643 тыс. Автор не берется судить, много это или мало, — здесь была бы важна аналогичная статистика по другим странам, но более чем двукратный рост числа читателей только в 1990-е гг., безусловно, впечатляет.

По данным архивной статистики в 1993 г. 46 тыс. читателей только в государственных и муниципальных архивах было выдано свыше 1194 тыс. дел, т. е. приблизительно в среднем 20 дел на читателя. В 1998 г. почти 63 тыс. читателей этих архивов выдано более 1343 тыс. подлинных дел и 130 тыс. дел фонда пользования в виде микрофильмов, ксерокопий, электронных копий, т. е. всего свыше 1,5 млн дел или приблизительно в среднем 23 дела на читателя. В 2007 г. приблизительно 97 тыс. читателей эти же архивы предоставили около 1,5 млн подлинных дел и около 220 тыс. дел фонда пользования, т. е. всего около 1700 тыс. дел или в среднем 16 дел на одного читателя. Всего же, по не полным данным, за первое десятилетие нынешнего века около 65 тыс. читателей совершили более 1 млн посещений архивов России. Каждый из них в среднем получал для изучения по 20 дел ежегодно.

Показательно, что если среднее число читателей федеральных архивов, расположенных в основном в Москве и Петербурге, последние 20 лет, несмотря на нелегкое экономическое положение их иногородних пользователей, оставалось стабильным (около 11 тыс. человек в год) с неуклонной тенденцией в последние годы к снижению до 9 тыс. читателей, то в государственных архивах субъектов федерации и в муниципальных архивах субъектов федерации оно выросло с 7 тыс. в 1992 г. до свыше 45 тыс. в 2007 г., т. е. в пять раз, а в муниципальных архивах — с 23 600 в 1992 г. до 42500 в 2007 г., т. е. почти в два раза. Эта статистика, с одной стороны, свидетельствует о том, что снижение числа посетителей в читальных залах федеральных архивов объясняется все более расширяющимся предоставлением их информационных ресурсов (включая НСА) в Интернете (например, Архива Коминтерна), а с другой стороны, показывает усиление интереса исследователей страны к местной истории, отраженной в документах региональных и муниципальных архивов. Таким образом, документы удовлетворяют общественные потребности в одном из их проявлений, каким является потребность в изучении истории своей страны и своей «малой родины»: республики, края, области, города, поселка, деревни.

Законом Российской Федерации «Об архивном деле в Российской Федерации» (2004 г.) государственным и муниципальным архивам предоставлено право подготовки и издания документаль-

ных публикаций. Тем самым на законодательном уровне была закреплена давняя традиция существования одного из направлений работы российских архивов, ведущая свое начало со второй половины XVIII в. За три последних десятилетия архивами России всех уровней подготовлено и издано свыше 2 тыс. документальных изданий, т. е. в среднем ежегодно около 130 документальных публикаций в виде кодексов. В стране в эти же годы с периодичностью шесть номеров в год издается журнал «Исторический архив», публикующий на своих страницах только документальные исторические источники. Документальные издания последних 20 лет, например, такие как «Трагедия советской деревни», «Деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД», «История сталинского Главного управления лагерей», «Атомный проект СССР», «Становление и развитие советского оборонно-промышленного комплекса», «Политические партии в России в конце XIX — начале XX вв.» (получила Государственную премию Российской Федерации в области науки и техники) и другие отразили заинтересованность российского общества в изучении ранее замалчивавшихся страниц отечественной истории и в значительной мере документально обеспечили возможности для такого изучения¹.

За последние три десятилетия в России произошли кардинальные изменения в демонстрации архивных документов на выставках. В Выставочном зале федеральных архивов в Москве ежегодно проводится не менее четырех — шести выставок, посвященных юбилейным датам, крупным событиям отечественной и всемирной истории, например: «Агония третьего рейха», «1953 год: между прошлым и будущим», «XX съезд КПСС», «Сталин и Тито», «1937 год», «Философский пароход». Особенности современной демонстрации архивных документов на выставках являются, во-первых, полнота документального раскрытия тематики выставки (в некоторых выставочных проектах одновременно принимало участие до 20 архивов разного уровня), во-вторых, обязательная кооперация подготовки выставок с ведомственными архивами и государственными музеями, в-третьих, оригинальное художественное и дизайнерское оформление концептуальных идей конкретной выставки, в-четвертых, издание каталогов выставок. Ряд документальных выставочных проектов был реализован совместно с архивами Дании, Швеции, Финляндии, Монголии, Вьетнама, Сербии, Болгарии, Испании, Украины, Беларуси, Словении, Чехии, США и демонстрировался не только в России, но и в соответствующих странах.

Среднее число посетителей каждой выставки колеблется от 6 до 10 тыс. человек за приблизительно 1—1,5 мес. ее экспони-

¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Документальная память в археографическом зна-нии. М., 2017.

рования. Разумеется, это намного меньше, чем в музеях. Однако следует иметь в виду, что в музеях помимо временных тематических экспозиций имеются постоянно действующие экспозиции, привлекающие посетителей своим образовательным потенциалом. С учетом последнего обстоятельства можно считать, что по числу посетителей временные документальные архивные выставки вполне сопоставимы с аналогичными музейными. Демонстрация документа на выставке — наиболее доступный способ взаимодействия прошлого с настоящим, пропаганды прошлого и роли документа в современном мире в условиях его постпрактической источниковой востребованности.

Постпрактическая политико-идеологическая востребованность документальной исторической памяти связана с ее использованием в качестве одного из инструментов в политической борьбе и формировании идеологии. Она стара как мир. Люди и их сообщества очень давно поняли, что даже древний документ можно использовать с помощью соответствующих интерпретаций в качестве своеобразного интеллектуального «выстрела» по политическим и идеологическим противникам. Примеров этому — тысячи, причем в современном обществе такое использование документа случается особенно изощренно и широко.

Одним из первых масштабных случаев использования документов в политических целях в России стала рассылка из Москвы в ряд уездных центров для публичного оглашения подборки документов из канцелярии Лжедмитрия I, осуществленная правительством Василия Шуйского. Смысл этой подборки заключался в показе «самозванства» убитого в результате заговора в 1606 г. Лжедмитрия I и в доказательстве его стремления сделать Россию вассалом польского короля¹. Другой пример: в 1718 г. Петр I, еще будучи царем, но уже готовясь провозгласить себя императором, распорядился перевести и опубликовать на русском языке и языке германского оригинала грамоту императора Священной Римской империи Максимилиана I царю и великому князю Василию III. Многословно-торжественный заголовок, данный издателями («В Посольской канцелярии в Москве при разборе старинных архив или дел и писем, найдена грамота подлинная его цесарского величества Римского Максимилиана, за его собственною рукою и печатью златою 1514 году, писанная на немецком старинном языке, к царю и великому князю всероссийскому, Василию Ивановичу, ко отцу царя Иоанну Василиевичу, которого помянутый цесарь в той грамоте своей титуловал цесарем всероссийским...», которая «яко вещь древняя и курioзная, и ко утверждению без прекословному того высокого

¹ Станиславский А. Л. К истории второй «окружной» грамоты Василия Шуйского // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 134—135.

достоинства за толку уже лет всероссийским монархом надлежит, и от цесаря Римского, яко в свете первый градус имеющего монарха воздаванного») однозначно утверждал, что еще в XVI в. германский император Священной Римской империи по крайней мере одного из правителей России признавал равным себе, т. е. императором¹.

В 1918 г. бывший матрос-балтиец Н. Маркин, назначенный после октября 1917 г. секретарем наркома иностранных дел Советской республики, издал секретные договоры императорской России с рядом европейских государств рубежа XIX — начала XX в. о союзах и разделе сфер влияния². Молодое советское государство тем самым отмежевывалось от них, а самое главное, публикуя договоры, демонстрировало миру верность ленинского понимания империалистической сущности современных мировых держав. Тогда многим этот необычный шаг показался символом новой политики, предвестием открытости российских архивов. И, действительно, нечто подобное вскоре произошло. Ранее недоступные материалы Департамента полиции, других органов политического сыска Российской империи, документы царской семьи уже в 1920-е гг. начали широко вводиться в общественный оборот, создав возможности для, например, начала издания одной из крупнейших документальных серий — «Восстания декабристов».

Постпрактическая политико-идеологическая востребованность документов была реализована, например, при подготовке процесса над эсерами и в ходе его. Специальная комиссия Политбюро ЦК РКП(б) 6 мая 1922 г. приняла решение: «Истпарту³ поручить подбор всех фотографий, мемуаров, воспоминаний и пр., характеризующих кровавую работу союзников и эсеров во время Гражданской войны», устроить выставку этих документов⁴. К июлю 1922 г. в распоряжении большевиков оказался «парижский архив» Административного центра партии эсеров, выкраденный ГПУ и включавший бумаги А. Ф. Керенского, Н. Д. Авксентьева, В. М. Чернова, в том числе их переписку. Специальная комиссия Политбюро по подготовке этого процесса немедленно приняла решение: «1. Принимая во внимание исключительную важность полученного из Парижа архива для судебного следствия... немедленно передать в распоряжение ГПУ несколько высококвалифицированных и ответственных работников для содействия работе в разборе архива... 2. По мере опубликования на суде наиболее важных документов из архива Керенского, Чернова публиковать их в "Правде", воспроизводя фак-

¹ См.: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. М., 1981. С. 145. (№ 19.)

² Хорхордина Т. История Отечества и архивы: 1917—1980-е гг. М., 1994. С. 38—39.

³ Истпарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б).

⁴ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 396.

симиле и в переводах на иностранные языки сообщать по радио за границу. 3. Признать необходимым издание брошюры с кратким, чисто деловым, предисловием, дающим общие указания на способ получения документов, их перечисление, как общую характеристику всех документов, так и точную характеристику документов, печатаемых в данном издании, и наиболее важные доказательства подлинности этих документов...»¹

Документальная публикация части этих документов была подготовлена уже к середине августа 1922 г. под названием «Работа эсеров за границей» и с сопроводительным письмом НКВД² направлена полномочным представителям РСФСР за рубежом. В нем подчеркивалась необходимость доведения до общественности Запада, что партия эсеров «не только пользовалась полной поддержкой правительств Антанты, как и находящихся под ее влиянием государств, в ее преступной деятельности, но что п/артия/ с/оциалистов-/р/эволюционеров/ существовала прямо на деньги иностранных капиталистических держав»³.

Б. И. Николаевский пишет о том «страшном оружии», которым стал для Сталина его тайный архив, не приводя, впрочем, убедительных доказательств. Однако он, в частности, сообщает детали, ныне хорошо известные: «Делались огромные усилия, чтобы этот архив пополнять. Специальные уполномоченные производили обследование провинциальных и столичных архивов старых, дореволюционных полицейских учреждений, выискивая там материалы, которые могли компрометировать настоящих и будущих противников Сталина... Дело это ставилось, конечно, как особо секретное. Наиболее «драгоценные» материалы не передавались даже в секретный архив секретного отдела секретариата ЦК, а хранились в особых сейфах личного секретариата Сталина. Но в партии о существовании этого секретного архива и о шантажистских приемах Сталина было известно в достаточной мере широко. Троцкий в своих статьях, написанных в связи с процессами 1936—1938 гг., рассказал, что слухи об этом архиве «через систему сообщающихся сосудов» доходили до него еще в Москве; он знал, что «все факты, порочащие советских сановников, собираются Сталиным с научной тщательностью и составляют особый архив, откуда извлекаются по частям, в меру политической надобности»⁴. Вероятно, Николаевский имел в виду постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 9 февраля 1925 г. «Об изъятии документов», которым создавалась специальная группа по изъятию историко-партийных документов из архивов госу-

¹ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 290.

² НКВД — Народный комиссариат иностранных дел.

³ Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 353.

⁴ Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 150—151.

дарственных учреждений, партийных организаций, членов партии для концентрации их в будущем секретном архиве ЦК¹. Подобное изъятие можно рассматривать и как политическое «оружие», и как способ защиты от возможного неконтролируемого использования документов в зарубежных антибольшевистских пропагандистских кампаниях.

С 1926 г. начинается планомерная «разработка» архивов политического сыска императорской России по выявлению секретной царской агентуры, подкрепленная февральским (1927 г.) циркуляром Централхива РСФСР, на основе которой затем в Главном архивном управлении НКВД СССР составлялась «Спецкартотека»².

Политическими интересами, связанными с подготовкой Нюрнбергского процесса, объяснялась оперативная разборка документов архива концлагеря в Освенциме, а также трофейных архивов германских нацистских учреждений, хранившихся в Особом архиве СССР. Документы этого архива впоследствии широко использовались в качестве документальных доказательств на судебных процессах над нацистскими преступниками³.

Выделяются не менее пяти форм использования архивного документа в политико-идеологических целях.

Первую и самую крайнюю форму, хотя, как правило, почти всегда малоизвестную, можно назвать *селективной*. Селективная форма использования архивного документа в политике и идеологии на самом деле означает исключение любой возможности его использования когда-либо. Она достигается давно проверенным способом — его уничтожением. Мир и Россия знают немало примеров этого, а еще больше — вообще не знают и вряд ли когда-нибудь узнают, если только не изобретут в будущем особо изощренные и доказательные методы реконструкции. Например, макулатурные кампании в архивах СССР, проведенные в 1920—1940-х гг., хотя и были продиктованы бумажным дефицитом, в их реальном исполнении содержали попытки освободиться от документов «эксплуататорских классов». Результаты известны: были утрачены многие фонды банков, заводов, помещичьих хозяйств феодальной и капиталистической России.

Вторая форма политико-идеологического использования архивных документов — это их *сокрытие*, засекречивание не только на определенный, но и на неопределенный сроки. Каждая страна

¹ В. И. Ленин, КПСС и партийные архивы: сборник документов. М., 1989. С. 38.

² Копылова О. Н. В поисках «Спецкартотеки» ГАУ НКВД СССР // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 31—37.

³ Ковчинская С. Г. Из истории использования документов Центрального государственного (Особого) архива СССР в 1946—1965 гг. // Актуальные вопросы истории, политики и права: материалы межведомственной научно-практической конференции 25—26 апреля 2006 г. Петрозаводск, 2006. С. 121—124.

прошла, проходит и будет проходить через преодоление этой формы политического использования архивных документов. Насколько известно, по состоянию на начало XXI в., например, Франция не рассекретила документы о коллаборационистском движении на ее территории в годы Второй мировой войны. В интересах «дружбы народов СССР» документы о националистических и фашистских движениях на Украине и в Прибалтике также оставались на секретном хранении. Более того, лишь в начале XXI в. они стали осторожно вводиться в научный оборот, и только в последние 15 лет начали обнародоваться в специальных тематических документальных публикациях.

Умолчание, сокрытие документов — это тоже политика. Умный и циничный Августин Блаженный писал: «Хотя всякий, кто лжет, хочет скрыть истину, но не всякий, кто хочет скрыть истину, лжет... Ибо большей частью мы скрываем истину не при помощи лжи, а с помощью умолчания». Мир хотя и догадывался, но мало что знал реально, например, о цене коллективизации или политической борьбе в СССР, потому что все архивные документы об этом находились в спецхране. «Заморозка» в секретных хранилищах документов об этом не менее чем на 70 лет затормозила изучение важнейших страниц советской истории. Ошеломляющий по своей откровенности и тревожному прогнозу так называемый Доклад Комиссии академика Кирилина¹, показавший перед какой экономической пропастью оказался СССР в конце 1970-х гг., засекреченный и чудом сохранившийся вопреки решению Секретариата ЦК КПСС об уничтожении всех его экземпляров, хотя бы частично, но реабилитирует так называемую «команду Горбачева», бестолково, но все же начавшую неизбежную перестройку. Цена сокрытия этого архивного документа по политическим соображениям, отсутствие реакции на него со стороны тогдашнего руководства страны среди прочих причин для СССР оказалась слишком велика.

Третья форма политико-идеологического использования архивных документов — это их *частичная или полная фальсификация*. Она может выступать как фальсификация документа, никогда не существовавшего, и как специальная фальсификация документально-исторического источника, созданного для «поправления» прошлого, часто очень давнего, из современности².

Этой третьей форме политико-идеологического использования никогда не существовавших документов внешне противоречит, а фактически с ней сливается, выступает союзником, четвертая фор-

¹ Лацис О. Неуслышанное предупреждение: в 70-е годы власть имущие не хотели слышать даже робких реформаторов // Известия. 1993. 27 августа. С. 5; Черкас П. П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. С. 462—463.

² Подробнее см.: Козлов В. П. Тайны документальных фальсификаций, или Сбманутая, но торжествующая Клио: анализ подделок документальных исторических источников по истории России в XVIII — начале XXI века. М., 2015.

ма, которую условно можно назвать *реверсивной*. Смысл ее в том, что подлинный и достоверный документальный исторический источник стараются представить сфальсифицированным. Наиболее яркий пример — агрессивные и наукообразные попытки доказать, что документальные источники по Катынской трагедии являются подделкой российских архивистов начала 1990-х гг. Понятна политическая подоплека этой акции, которая состояла в том, чтобы обелить сталинизм, освободить его историю от одного из преступлений с необъяснимой мотивацией.

На первый взгляд безобидная, но на самом деле очень опасная по своей привлекательности и внешней убедительности пятая форма политико-идеологического использования документальных исторических источников может быть названа *конструктивистской*, или *потребительской*. О ней в ином ракурсе мы говорили выше в теме 3. Суть ее состоит в подборе источников под определенную политическую конструкцию прошлого и настоящего. В России она отчетливо прослеживается уже в XVIII в. Ярко и простодушно она была обоснована историком первой трети XIX в. Г. И. Спасским. Поводом для этого послужила, казалось бы, задача ординарная: на фоне такого важного в истории России явления, как присоединение Сибири, выяснить обстоятельства смерти Ермака. Историки XVIII — начала XIX в., опираясь на версию Тобольской летописи, полагали, что Ермак, спасаясь от войск Кучума, утонул в Иртыше. Однако в распоряжении историка начала XIX в. Н. М. Карамзина, помимо Тобольской летописи, имелись Есиповская и Строгановская летописи. Последняя, в отличие от двух первых, сообщала о гибели Ермака на поле битвы, хотя содержала и ссылку на версию о смерти Ермака в водах Иртыша. Карамзин, вообще придававший большое значение Строгановской летописи, на этот раз принял версию Тобольской и Есиповской, даже не упомянув о сообщении Строгановской. И понятно, почему. Карамзину было важно описанием менее героической гибели Ермака подчеркнуть свою общую оценку его личности и деятельности как «буйного», «беглого атамана волжских разбойников», выполнявшего огромной важности государственное дело, но проявившего «легковерие, неосторожность».

Спасский подловил Карамзина на его игнорировании Строгановской летописи. И тут же невольно согласился с Карамзиным, правда, с иным намерением: «Не взирая на сии противоречия, — писал он, имея в виду разные версии трех летописей, — я осмеливаюсь сказать, что гораздо *сообразнее* с великими качествами храброго Ермака окончить жизнь *свою как* герою с оружием в руках, нежели утонуть при беге с места битвы...»¹ Вот и вся доказательная исто-

¹ Спасский Г. И. Сибирская летопись Саввы Есипова // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1. С. 154—155.

рия, которая не окончилась на самом деле и была еще раз эффектно продемонстрирована в другое время и при показе других обстоятельств гибели иного героя в фильме «Чапаев».

Ныне иные времена, но не обязательно иные нравы. Украинские архивисты и историки проделали колоссальную, важную и нужную работу по выявлению и опубликованию документов по истории голода на Украине в 1929—1933 гг. Однако эта работа исходила из политической идеи «голодомор как геноцид украинского народа». Голод на Украине был документально освещен досконально. Однако получилась «фотография», сделанная фотоаппаратом с ограниченным по обзору объективом: голод на Украине стал изолированным явлением со зловещим подтекстом его преднамеренной организации из Москвы. Зато использование этой «фотографии» различными политическими силами достигло заоблачных политических высот. Пример с «голодомором — геноцидом украинского народа» здесь более чем показателен, учитывая масштабное использование документальных источников в угоду откровенному глобальному политическому проекту.

Возникает вопрос: когда, при каких обстоятельствах появляется сама идея использования архивных документов в политико-идеологических целях? Она появляется всегда, когда прошлое стремятся использовать в политических разборках современности, особенно когда проблемные вопросы современности восходят прямо к давнему и недавнему прошлому либо так или иначе могут ассоциироваться с ним. Архивный документ в таких случаях становится одним из инструментов политических сил в достижении своих целей. Он превращается не только в свидетельство о проблемных вопросах прошлого, но и в некое «доказательство» в руках противоборствующих политических сил.

Использование архивных документов в политических и идеологических целях ориентировано прежде всего на массовое общественное сознание. Его эффективность определить очень трудно, разве только с помощью специальных социологических замеров. Однако несомненно, что такое использование способно обеспечить манипуляцию общественным сознанием. Например, более двух десятилетий назад опубликованное из РГАСПИ письмо П. Тольятти о судьбе итальянских военнопленных в СССР после Второй мировой войны, вырванное из общего исторического и документального контекстов, да еще и немного сфальсифицированное текстуально, сыграло свою роль при выборах в итальянский парламент, в результате чего коммунисты потерпели поражение¹.

Документ, ставший документальным историческим источником, т. е. частичкой документальной исторической памяти, одно-

¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Тайны документальных фальсификаций... С. 568—579.

временно всегда превращается в беспристрастное свидетельство прошлого независимо от целей его обнародования. Однако политическая составляющая цели такого обнародования, вероятно, всегда какое-то время преобладает над его научно-познавательной ролью. Судебное рассмотрение конституционности указов Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина по так называемому «делу КПСС» исключительно благодаря архивным документам превратилось в рассмотрение роли партии большевиков в истории России и СССР. Более 40 томов документов, извлеченных и подобранных из партийных архивов, и в обывательском сознании, и в сознании суда не могли не произвести сильнейшего политического впечатления и идеологического воздействия.

Политические обстоятельства в одних случаях способны актуализировать архивный документ ради самой идеи человечности, справедливости, демократии, объективного познания прошлого исторической наукой. Спорят о Тмутараканском камне, надпись на котором — тоже документ. Однако его находка и оперативное опубликование так же, как и опубликование в это же время (конец XVIII в.) надписей на так называемых Двинских камнях, есть ответ на политические события — присоединение причерноморских и белорусских земель к России. В судьбе этих важных документальных источников политика, таким образом, сыграла свою позитивную роль — она способствовала их введению в общественный, а значит, и в научный оборот. И в этом случае, какими бы ни были политические расчеты, их результатом становятся созданные архивными документами условия познания прошлого, способные оздоровить государство и общество. При всех издержках процесса именно так произошло в России в начале 1990-х гг. Поэтому нельзя не приветствовать результаты «архивной революции» в России 1990-х — начала 2000-х гг.

Однако широта случившегося тогда процесса не сопровождалась его глубиной. Например, осторожность российских властей в начале 2000-х гг. в отношении рассекречивания документов о голоде в СССР открыла путь для определенных политических сил Украины не без успеха продвинуть в международных организациях упоминавшийся выше проект «голодомор — геноцид украинского народа». Цена такой осторожности — не только позиция России в качестве оправдывающейся стороны, но в конечном итоге — отставание российской исторической науки от украинской в объективном изучении проблемы минимум на пять лет.

Резюмируя сказанное, отметим следующее. У любого государства должна быть осмысленная политика в широком смысле этого слова в отношении использования архивных документов. В кризисные моменты ее главный смысл заключается в том, чтобы об архивах хотя бы не забывали, чтобы не случились их утраты. В других слу

чаях необходимо всегда оставлять простор для маневра, главными поводами в котором должны быть общественное мнение гражданского общества и предложения профессиональных историков и архивистов. Нет и не может быть у нас сейчас тайн, например, в истории Великой Отечественной войны, кроме тайн, связанных с личными обстоятельствами военных судеб ее участников, — и по совести, и по чести, и по политическим мотивам современной и будущей России.

Пытаясь раскрыть главный смысл вечной коллизии — использование архивного документа в политических и идеологических целях, — нельзя не признать того, что вряд ли эта коллизия когда-либо разрешится в интересах всего общества, а значит, в интересах настоящего прогресса человечества. Такой прогресс среди прочего связан с нравственным состоянием человека и человеческих сообществ. Во всяком случае, до тех пор, пока политика сохраняет свой внеморальный, вненравственный модус, а общество представляет собой не толерантное плюралистическое сообщество, а кипящий китайский котел со сладкой и горькой пищей, символически разделенной всего лишь половинной частью знака бесконечности. Кто был в Китае или в настоящем китайском ресторане, тот, вероятно, имел возможность задуматься над этим странным, элементарно простым аппаратом для приготовления исключительно китайской пищи, привлекательной не только для китайцев. Половинная часть знака бесконечности в этом котле, разделяющая горькое и сладкое, кажется и трудным и радостным образом бытия частички документальной исторической памяти.

7.2. Факторы, ограничивающие востребованность документальной исторической памяти

Мы обозначили и описали факторы, вызывающие востребованность документа в постпрактический период его бытования, а также привели некоторые примеры той или иной его востребованности. Эти факторы постоянны, неизменчивы и вряд ли когда-либо уйдут в историю и будут считаться принадлежностью только несовершенной прошлой и современной организации жизни. Они — вечны, пока существует современная человеческая цивилизация. С этим связан один из парадоксов существования документа в повседневности: чем больше он бывает востребован, тем меньше у него возникает возможностей для удовлетворения такой востребованности.

Дело в том, что на пути такой востребованности стоит немало преград, влияющих на возможность доступа к документу, востребованному по той или иной причине.

Они также достаточно многообразны, чаще всего субъективны. Их можно свести к нескольким группам.

— физическое состояние документа иногда не позволяет ознакомиться с его оригиналом из-за плохого качества носителя или средства закрепления информации;

— ограничения, связанные с техническими возможностями знакомства с архивной информацией (наличие микрофильмов, объем выдачи дел и документов, сроки их предоставления, продолжительность знакомства с ними и т. д.);

— ограничения, связанные с техническими возможностями копирования или оперативной обработки информации (наличие копировального оборудования, самих возможностей копирования подлинников и т. д.);

— ограничения, накладываемые самим архивом, например, по причине контроля за приоритетом в публикации документа или комплекса документов в подлинном виде.

Так, случаи ограничения доступа из-за физического состояния документов редкие, но не исключительные. Плохое качество бумаги и чернил приводит к массовым «угасаниям» текстов документов, созданных в советском делопроизводстве 1920-х гг. Ксероксные, принтерные, факсовые тексты 1990-х гг. стремительно выцветают уже в наше время. Отсутствие столетиями надлежащих условий хранения документов приводило к их безвозвратному поражению плесенью, жучками-короедами — следы таких поражений можно обнаружить в каждом современном архиве и не только России. Как правило, такие документы консервируются «до лучших времен» в надежде на то, что со временем будут изобретены более совершенные способы реставрации¹. Один из них — сканирование — уже сегодня показал свою эффективность в отношении документов с угасающими текстами.

7.3. Несвобода и свобода документальной исторической памяти

Выше было показано, что одним из свойств части документальной исторической памяти является ее неактивированное состояние, смысл которого заключается в ограничении доступа к ней еще в период бытования документа как регулятора человеческой жизнедеятельности. Явление это — вневременное и интернациональное. Его регулирование, в том числе законодательно, в реальной повседнев-

¹ Так, например, поступили китайские архивисты с «ямными архивами» — обугленными остатками китайских архивов, которые японцы, покидая Китай, сжигали в ямах. Ныне в Китае разработана эффективная технология их реставрации.

ности имеет высокую степень субъективности. В не меньшей мере этот субъективизм проявляет себя при реализации соответствующих законодательных норм — при засекречивании и рассекречивании документа.

Несвобода и свобода документальной исторической памяти являются одним из ее коренных свойств. Это свойство, с одной стороны, по своей сути носит *альтернативный характер*, а с другой — такой альтернативе присуще *свойство колебательности* в соответствии с общественно-политическими настроениями общества и политической государственной в формировании выгодного для его целей общественного сознания.

Вообще говоря, засекречивание документа является своеобразной формой цензуры его публичного использования. В основе засекречивания часто лежат не только соображения защиты реальной государственной тайны и тайны личной жизни, но и меняющаяся политическая конъюнктура. Засекречивание не только тормозит освоение документальной исторической памяти, но подчас способно скрыть важные исторические явления. Например, тотальное засекречивание документов о голоде в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. превратило это явление в некое легендарное событие, не имеющее документального подтверждения.

Засекречивание документа в подавляющем большинстве случаев встречает негативную реакцию общественности. В определенные исторические моменты общественное давление встречает сопротивление властных структур, либо, наоборот, давление общественности мобилизует процесс рассекречивания. В XX в. в России эти две противоположные тенденции обнаружили себя в 1917—1920 г., на рубеже 1950—1960-х гг., на рубеже 1980—1990-х гг., а также в начале 2000-х гг.

Радикализм в переводе непубличной формы бытования документа в его публичную форму является одним из признаков неустойчивого государственного и общественного состояния. В более или менее стабильных состояниях государства и общества такие радикальные перемены в доступе исключаются и переводятся в рамки определенных законодательных норм.

Сказать, что выработка и принятие таких норм даже в современных стабильных демократических государствах — дело простое и давно состоявшееся, значит, исказить существующие реалии¹.

Альтернативность несвободы и свободы документальной исторической памяти выражается в двух, прямо противоположных установках и реальных действиях.

Первая обосновывает требование максимального ограничения ее публичности и доступности, мотивируя это исключительно инте-

¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Бог сохранял архивы России. С. 169—178.

ресами государства. В первую очередь это требование распространяется на ту часть документальной исторической памяти, которая зафиксировала однозначно негативные свидетельства о фактах, событиях, явлениях прошлого. Все это знать не обязательно и даже вредно, поскольку угрожает превратить историю в сплошной клубок ошибок, преступлений и мешает исключительно позитивному взгляду на прошлое, разрушает чувство патриотизма и препятствует воспитанию новых поколений людей на позитивных исторических примерах, утверждают сторонники этой альтернативы. Несвобода документальной исторической памяти для государства и общества лучше, полезней, чем ее свобода, считают они.

Вторая альтернатива исходит из убеждения в том, что все тайное в документальной исторической памяти должно быть явным. Сторонники этой альтернативы полагают, что свобода документальной памяти является одним из условий очищения общества и государства от негативного наследия прошлого, важным средством воспитания у людей понимания ошибок и преступлений, случившихся в прошлом, как возможности недопущения их повторения в современной жизни. Несвобода документальной памяти, утверждают сторонники этой альтернативы, есть консервация, а то и один из способов реставрации негативного наследия прошлого, неизбежно заставляющих государство действовать по дискредитировавшим себя лекалам.

В истории России обе эти альтернативы успешно реализовывали себя, нося колебательный характер. Вплоть до начала XIX в. торжествовала первая альтернатива. В начале XIX в. она слегка «подверглась эрозии» благодаря указу Александра I, разрешавшему Н. М. Карамзину «невозбранно пользоваться» всеми библиотеками и архивами империи для подготовки «Истории государства Российского». Однако тот же Карамзин был вынужден отказаться от намерения написать историю Отечественной войны 1812 г. в связи с недоступностью архивов. При Николае I первая альтернатива вновь укрепилась. Например, А. С. Пушкин не смог получить доступ к следственному делу Е. И. Пугачева. К архивам имел доступ только избранный круг лиц. Во второй половине XIX в. этот круг заметно расширился в связи с деятельностью ученых архивных комиссий, сумевших мобилизовать региональные архивы для изучения местной истории.

Вторая альтернатива пробила себе дорогу после Февральской революции 1917 г., в результате которой стали доступны даже архивы карательных органов Российской империи. Она сохраняла свою роль приблизительно до конца 1920-х гг., реализуя себя под лозунгом разоблачения деяний царского режима и документально-го освещения революционно-освободительного движения в России. Новой власти, заявившей о разрыве с прежней государственностью, было легко раскрывать тайны, за которые она не несла от-

ветственности ни перед собственным народом, ни перед мировым сообществом. Однако эта же новая власть начала создавать свои тайны и прятать документы о них на полках архивов. Процесс оказался столь стремительным и масштабным, что к началу 1930-х гг. едва ли не треть всех документов, находившихся в архивах, стала практически недоступной. К тому же понятие «государственная тайна» было дополнено понятием «тайна партийная». В конце 1920-х гг. архивы превратились в своеобразные вспомогательные идеологические учреждения, обслуживавшие марксистскую историографию в ее советском обличье, или же органы, в функции которых входило содействие оперативно-розыскной и иной деятельности государственного аппарата. Провозглашенный принцип партийности архивного дела и не декларируемый, но строго соблюдавшийся в конкретной деятельности архивов принцип «государственной целесообразности» определили на десятилетия многие практические шаги в области сохранности, экспертизы ценности архивных документов, их использования, подготовки и издания НСА, сборников документов.

С началом 1930-х гг. альтернатива свободы документальной исторической памяти стала утрачивать свою роль, окончательно потеряв какое-либо значение в результате передачи архивной службы страны в ведение НКВД СССР. После этого период неограниченного торжества первой альтернативы продолжался приблизительно до 1956 г., когда архивная служба оказалась в непосредственном ведении Правительства СССР.

В 1920—1950-х гг. вопрос о доступности документальной исторической памяти исключался из публичного обсуждения, тем более в рамках архивоведческой или историографо-источниковедческой проблематики. Предметно он ставился в партийно-государственных структурах, исключительно в плане применения принципа дозированности архивной информации, обусловленного политическими и идеологическими соображениями. Административно-командная система позволяла и в архивном деле проводить этот принцип в жизнь безукоризненно четко. Приведем пример, ставший известным относительно недавно. В 1948 г. работники Военно-исторического архива обнаружили рукопись известного военного деятеля России начала XX в. А. А. Брусилова под названием «Мои воспоминания», которая была проникнута антисоветским духом. По донесению тогдашнего министра внутренних дел С. Н. Круглова ЦК КПСС немедленно принял решение о закрытии доступа к архивным материалам, связанным с именем Брусилова, что неукоснительно соблюдалось вплоть до 1962 г.¹

¹ См.: Тайна одной фальсификации: Брусилов А. А. «Мои воспоминания» // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 372—403.

Некоторая либерализация общественной жизни в СССР во второй половине 1950-х гг. позволила вынести на повестку дня вопрос о доступности архивной информации. Постановление Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г., хотя всего лишь «упорядочивало режим хранения архивных документов», тем не менее, пусть и двусмысленно, декларировало их «лучшее использование». С этого времени российские архивы приступили к большой работе по подготовке и изданию научно-справочных пособий, прежде всего путеводителей по архивам, сборников архивных документов. Впервые в плановом порядке были рассекречены целые комплексы документов, в том числе дореволюционного времени, документы, подписанные некоторыми лицами, впоследствии подвергшимися репрессиям, и др. Впрочем, слегка качнувшаяся в сторону либерализации стрелка политического и идеологического курса ничуть не затронула фундаментальных принципов политики в отношении доступности архивов¹. По-прежнему отсутствовала правовая база их функционирования, что ничуть не мешало осуществлять скрытое манипулирование архивной информацией. Весьма показательным, что именно тогда архивные документы, связанные с именем Брусилова, становятся доступными с санкции ЦК КПСС. Это произошло после того, как группой историков и архивистов была показана его лояльность по отношению к советской власти.

Идеи «оттепели» открыли ограниченные возможности для внедрения в сферу доступности советских архивов слабых ростков второй альтернативы. Однако с середины 1960-х гг. они были подавлены, и вплоть до начала перестройки первая альтернатива определяла ограничения доступности советских архивов².

Новая смена политического курса в середине 1960-х гг. заморозила, а вскоре фактически вернула в прежние рамки едва начавшийся процесс обеспечения свободы архивной информации. В 1986 г. Главархивом СССР была введена в действие «Инструкция о работе государственных архивов с секретными документальными материалами». Она закрепила существование архивных документов так называемого ограниченного доступа. Такие документы не имели каких-либо грифов секретности, но доступ к ним осуществлялся с теми же ограничениями. Это привело к тому, что к 1987 г. только в госархивах бывшего СССР объем охваченных теми или иными ограничениями документов составлял более 50 % от их общего объема. Именно тогда в спецхран был вновь возвращен ряд дореволю-

¹ Подробнее см.: Павлова Т. Ф. Доступ к архивным документам в период хрущевской оттепели (вторая половина 1950-х гг.) // Отечественные архивы. 2012. № 5. С. 13—26.

² Павлова Т. Ф. Доступ к архивным документам спецхранов в начале 1960-х — середине 1980-х гг. // Отечественные архивы. 2014. № 3. С. 13—26.

ционных фондов: штаба Отдельного корпуса жандармов, органов политического сыска царской России, белоэмигрантских организаций и др.¹

С началом перестройки в России наконец-то появились уже не условия, а сама возможность гласного обсуждения и практического решения проблемы доступности документальной исторической памяти. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений (1—3 октября 1986 г.) Е. К. Лигачев, в то время член Политбюро ЦК КПСС, призвал архивное руководство страны принять «разумное и взвешенное решение» в отношении доступности архивов. Этот острожно-двусмысленный призыв означал реакцию ЦК КПСС на недовольство части обществоведов недоступностью архивной информации, которое в то время наиболее резко и смело выражалось в публичных выступлениях ректора МГИАИ Ю. Н. Афанасьева и других историков, разделявших его взгляды на доступ к архивам.

Третьего декабря 1986 г. постановлением Секретариата ЦК КПСС для решения вопросов, связанных с расширением доступа к архивам, в том числе содержащим статистическую информацию, была создана специальная комиссия. По рекомендациям комиссии к маю 1987 г. 14 министерств и ведомств перевели из режима ограниченного пользования на открытое хранение 767 195 архивных дел, Центральное статистическое управление СССР — 92 589 единиц хранения. Комиссия предложила в течение 1987—1988 гг. провести «работу по пересмотру их состава и возможному переводу части документов на режим ограниченного доступа или открытого хранения»².

Показательно, что кого-то в ЦК КПСС рекомендации комиссии не удовлетворили. Во всяком случае, неизвестный автор в небольшой справке к записке комиссии написал: «Прошло свыше 30 лет после постановления Президиума ЦК КПСС от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов». Оно по-прежнему наиболее полно выражает суть вопроса, решение которого требуется и в настоящее время»³.

Тем не менее в 1988—1991 гг. в архивах России и СССР была осуществлена, пожалуй, наиболее масштабная работа по уточнению режима хранения архивных документов и снятию с них ограничений на доступ. В новом журнале «Известия ЦК КПСС» стали публиковаться ранее закрытые архивные документы, содержащие информацию высшего уровня. Институт теории и истории социа-

¹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 4. Оп. 35. Д. 57. Л. 43.

² Там же. Л. 41—42.

³ Там же. Л. 56.

лизма при ЦК КПСС приступил к реализации программы публикации рассекречиваемых архивных документов.

Этот «перестроечный» период открытия российских архивов не только сохранял многие черты прежней системы, старых подходов и решений, но и обнаруживал зарождение новых негативных явлений. Главным регулятором деятельности архивов, в том числе в вопросах доступа к архивным документам и их использования, при отсутствии законодательной базы по-прежнему выступали политические и идеологические мотивы. Не случайно в режиме ограниченного доступа оставались документы о национальных и религиозных движениях, нарушениях конституционных прав граждан, функционировании репрессивного аппарата — всего свыше 7 млн дел только в государственных архивах¹. В ряде ведомств СССР было проведено массовое уничтожение целых комплексов архивных документов, представлявших научно-историческую ценность². Сохранялся диктат самих ведомств в отношении определения условий доступа и использования созданных в процессе их деятельности документов, включая и уже хранящиеся в государственных архивах. Как и в былые годы, лишь избранный круг лиц имел доступ к архивам КПСС, ни один из которых к тому же не имел опубликованных справочников даже самого общего характера. Так называемый Особый архив, в котором хранились трофейные документы и фонды Главного управления по делам военнопленных и интернированных, оставался тайным, а его несанкционированная легализация в 1990 г. в газете «Известия»³ была воспринята властями с большим неудовольствием. Появились первые ростки монополизации рассекречиваемой архивной информации отдельными группами лиц и идеи коммерциализации ее использования.

Политические изменения, последовавшие в России после августа 1991 г., запрет КПСС и распад СССР полностью разрушили прежнюю систему регулирования доступа к архивным документам и открыли возможности для реализации принципа свободы информации в рамках второй альтернативы. Уже первые шаги в этом направлении вселяли оптимизм. Начала работать созданная Верховным Советом РСФСР комиссия по передаче-приему архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и их использованию. Распоряжением Президента РСФСР Б. Н. Ельцина от 20 мая 1992 г. была образована Специальная комиссия по архивам при Президенте Российской Федерации во главе с М. Н. Полтораниным в составе представителей Росархива, Министерства иностранных дел РФ,

¹ Елпатьевский А. В. О рассекречивании архивных документов // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 15.

² См.: Козлов В. Л. Российское архивное дело. М., 1999. С. 272. (Сноска 8.)

³ Максимова Э. Пять дней в Особом архиве // Известия. 1990. 17—21 февраля.

Министерства безопасности РФ, Министерства образования РФ, других ведомств, на которую возлагались задачи рассекречивания документов высших органов КПСС, центральных и местных органов власти и управления, сконцентрированных в бывших партийных архивах, архивах Министерства безопасности, государственных федеральных и местных архивах. Верховный Совет РСФСР 19 июня 1992 г. принял постановление «О временном порядке доступа к архивным документам и их использовании». Разработка этого документа проходила в атмосфере острых дискуссий. Наиболее ясно позиции сторон обозначились при обсуждении проекта постановления на комиссии Верховного Совета, где одни заявляли о необходимости полного открытия всех архивов как условия всеобщего покоя и нравственного оздоровления общества, а другие придерживались более осторожной позиции, полагая, что такой подход способен обострить общественную атмосферу в стране. Указ Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 г. отразил промежуточный подход к решению проблемы: он позволил начать массовое рассекречивание архивных документов по истории репрессий в СССР.

Иначе говоря, августовские события 1991 г. вновь, как и в феврале 1917 г., привели к торжеству второй альтернативы. Она начала реализовываться под лозунгами документального разоблачения деяний советской власти, раскрытия «белых пятен» и «черных дыр» российской истории XX в. В результате общество получило в свое распоряжение огромный документальный массив, ранее находившийся на секретном хранении.

Как видим, краткий экскурс в историю доступа к российским архивам показывает, что две его альтернативы обеспечивали колебательные действия вокруг разрешения этой проблемы. На самом деле они ее не решали ни в революционной форме, ни в форме тайной ползучей реставрации. Они представляли собой две крайности, исключительно формировавшиеся под воздействием разных субъективных факторов. Поэтому одновременно с революционной целесообразностью в решении вопросов доступа в 1990-х гг. складывалось понимание того, что торжество любой альтернативы в рамках субъективных и, как правило, политических решений не может быть приемлемо в демократическом обществе. Речь шла о публичном нормативном регулировании вопросов доступа к документальной исторической памяти. Результатом такого понимания стали упомянутое выше постановление «О временном порядке доступа к архивным документам и их использовании» от 19 июня 1992 г., указ Президента Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1, закон «О государственной тайне в Российской Федерации» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 и особенно «Основы законодательства Российской

Федерации «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах», от 7 июля 1993 г. № 5341-1.

«Основы законодательства» установили принцип публичности государственной части Архивного фонда России. Он запрещал организацию тайных государственных архивов, затрагивающих права и законные интересы граждан.

«Основы законодательства» провозгласили принцип общедоступности архивной информации, включая НСА, для пользователей независимо от пола, возраста, образования, национальности, вероисповедания, политических взглядов, профессии, гражданства. Разумеется, речь идет об архивной информации открытого доступа. «Основы законодательства» в этом смысле определенно вводили хронологические ограничения на доступ к секретной информации, а также к информации, затрагивающей тайну личной жизни человека. В первом случае информация архивных документов, содержащая предмет государственной тайны, как правило, могла стать доступной только спустя 30 лет после ее фиксации в документе (критерии и механизмы отнесения информации к категории, содержащей государственную тайну, определялись в принятом Верховным Советом законе «О государственной тайне в РФ»). Во втором случае информация, затрагивающая тайну личной жизни человека — состояние его здоровья, имущественное положение, семейные и интимные отношения и т. п., — могла быть доступна только через 75 лет с момента ее фиксации в документе.

Принцип общедоступности архивной информации является гарантией неотъемлемого права человека на профессиональное и непрофессиональное познание прошлого независимо от целей, которые он преследует при этом, разумеется, в пределах законов гражданского общества и общечеловеческой морали и нравственности.

«Основы законодательства» утвердили принцип свободы распоряжения пользователем найденной или полученной им в государственном архиве информацией. Исключение касалось лишь случаев, когда пользователь обнаруживал коммерческий интерес в ее использовании. «Основы законодательства» разрешали государственным архивам в таких случаях выдавать лицензии, условия и порядок выдачи которых утверждался Правительством Российской Федерации.

В «Основах законодательства» провозглашался принцип бесплатности предоставления архивной информации государственной части Архивного фонда России, исключая использование архивами особого рода запросов (тематическое выявление документов) и отдельные услуги (например, копирование архивных документов), а также, как указывалось выше, в случаях коммерческого использования архивной информации.

«Основы законодательства» зафиксировали принцип личной профессиональной, нравственной, гражданской ответственности пользователя за использование архивной информации. Речь шла прежде всего о неукоснительном соблюдении пользователем обязательств, данных им архиву (например, обязательства ссылаться на место хранения архивных документов, не передавать их копии третьим лицам и т. д.) и точно воспроизводить тексты архивных документов при их публикации или цитировании.

В «Основах законодательства» отсутствовали статьи, регламентирующие профессиональные действия архивиста, этические нормы его поступков. Однако «Основы законодательства» рассматривали архивиста не просто как хранителя старых бумаг, но как доверенное лицо государства и личность, обязанностью которой является соблюдение законодательных норм работы с архивными документами, в том числе регулирование доступа к ним. Иначе говоря, «Основы законодательства» исходили из принципа профессиональной, административной и уголовной ответственности архивиста за сохранение государственной тайны, тайны личной жизни человека и такой же ответственности за необоснованное ограничение доступа к архивной информации под предлогом сохранения государственной тайны и тайны личной жизни.

«Основы законодательства» освобождали российского архивиста от прежних догм и одновременно возлагали на него ответственность исходить в своей профессиональной деятельности из принципа беспристрастия, предполагающего невмешательство в планы и интересы пользователей, сколь бы ни были противоположными политические, нравственные, идеологические, научные взгляды архивиста и пользователя. Любой вид цензуры архивиста, кроме оговоренных в законе, — начиная от тематики исследований и кончая ограничениями на выдачу архивных документов и справочников к ним открытой категории — чреват научным, политическим и нравственным ущербом. Архивист может быть лишь регистратором интересов пользователя, его профессиональным и беспристрастным помощником.

Таким образом, к концу 1990-х гг. Россия имела нормальную, соответствующую международным стандартам нормативную базу обеспечения динамичной доступности документальной исторической памяти. Она исключала альтернативность и колебательность в решении вопросов, связанных с ее публичностью. Нормы «Основ законодательства» о доступе к документальной исторической памяти были фактически повторены в новом законе о российских архивах 2004 г.

К этому времени сложилось несколько процедур рассекречивания архивных документов, а также порядка обеспечения доступа к ним.

Во-первых, в соответствии с Законом Российской Федерации «О государственной тайне» министерства, ведомства, а также учреждения, организации, предприятия их систем могут делегировать свои полномочия по рассекречиванию архивных документов соответствующим государственным архивам, в которых хранятся их документы. После принятия «Основ законодательства» государственным архивам такие полномочия передали Министерство финансов Российской Федерации, Министерство науки и технической политики Российской Федерации, Государственный комитет Российской Федерации по статистике, Комитет Российской Федерации по стандартизации, метрологии и сертификации.

Во-вторых, рассекречивание архивных документов, в том числе хранящихся в государственных архивах, осуществляется в плановом или инициативном порядке самими министерствами и ведомствами, а также учреждениями, организациями, предприятиями их систем (инициатива может исходить и от самого государственного архива).

В-третьих, процедура рассекречивания документов министерств, ведомств, учреждений, организаций и предприятий, не имеющих правопреемников, в каждом конкретном случае устанавливается предусмотренной Законом «О государственной тайне» Межведомственной комиссией по защите государственной тайны, которая в настоящее время фактически занимается и практической работой по рассекречиванию архивных документов учреждений, организаций, предприятий федерального и союзного уровней, не имеющих правопреемников.

В-четвертых, особый порядок рассекречивания был предусмотрен для документов, созданных бывшей КПСС, — распоряжением Президента Российской Федерации от 22 сентября 1994 г. создана специальная комиссия по рассекречиванию документов, созданных КПСС.

Охарактеризованный выше порядок организации работы по рассекречиванию архивных документов в целом решил этот вопрос пока еще на федеральном уровне. Он предполагал достаточно сложные процедуры подготовки документов к рассекречиванию и их предварительной экспертизы, требовал немалых трудовых, материальных и временных затрат, но он был понятен архивистам и пользователям, являлся публичным и, хотя и нуждался в совершенствовании, обеспечивал планомерную работу по рассекречиванию.

Однако с конца 1990-х гг. сложившаяся нормативная база начала постепенно размываться. Во-первых, ряд новых законодательных актов, например, об оперативно-розыскной деятельности, внешней разведке, атомной промышленности и другие фактически сделали бессрочным ограничительный срок на доступ к соответствующим архивным документам. Во-вторых, сам механизм рассекречивания становился все более сложным и затратным, действуя оперативно

и эффективно лишь в отдельных случаях, вызванных конкретными поручениями властных структур. Так, например, произошло с массовым рассекречиванием архивных документов по истории советского атомного проекта.

В начале этой книги мы говорили о принципе историзма в архивоведении. Применительно к решению проблемы несвободы и свободы документальной памяти он предлагает уповать на время, которое в конце концов обеспечивает трансформацию несвободы документальной памяти в ее свободу. В поздней императорской России не было более тайного документального комплекса, чем фонд Департамента полиции. Этот статус он частично сохранял и в советские времена. Все же спустя 80 лет этот фонд обрел полную свободу, будто усмехаясь сегодня над теми, кто препятствовал его включению в публичную часть документальной исторической памяти.

Выше проблему несвободы и свободы документальной исторической памяти мы рассмотрели в плане ее засекречивания и рассекречивания и в отношении преимущественно документов официального происхождения. В реальности эта проблема более сложна, когда частью этой памяти является информация так называемого персонального характера, т. е. имеющая отношение к конкретному и в особенности здравствующему человеку. В 1990-е гг. законодательные нормы на этот счет отсутствовали, и поэтому архивисты вынуждены были по собственному разумению решать вопросы, связанные с охраной тайны личной жизни. И практика, и нормативное регулирование, и рекомендации международных организаций в отношении ее разрешения противоречивы и отличаются в разных странах. При этом общий подход, кажется, ни у кого не вызывает возражений и официально закреплен, например, в заявлении Международной Федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА): «поддерживать доступ к информации для исследователей, которые нуждаются в идентифицирующей личность информации для биографических, генеалогических и других научных исследований и публикаций и защищать доступ перед руководством...»¹

Однако та же ИФЛА, имея в виду прежде всего размещение персональных данных в Интернете, это общее положение справедливо предложила ограничить в случаях, когда такие данные «являются неверными, слишком личными, размещены нелегально или неправомерно», из-за чего «может несправедливо пострадать репутация или безопасность человека»². Это достаточно неопределенная рекомендация в реальности трудно выполнимая, но все же в определенных пределах дающая некоторые ориентиры.

¹ Потепко Н. И. Право на забвение: заявление ИФЛА и история вопроса // Библиотечковедение. 2016. Т. 65. № 3. С. 317.

² Потепко Н. И. Указ. соч. С. 316.

С 1990-х гг. когда Интернет стал вещью обычной, оформилось движение за так называемое право на забвение, т. е. право людей ограничить доступ к информации о себе и даже на ее уничтожение. В результате возникла коллизия поиска разумного баланса между правом на забвение и свободой доступа к персональной информации. В настоящее время этот баланс в разных странах и даже в архивах носит разнообразный характер, например, предлагая хронологическое ограничение доступа или замену фамилии человека его индексом, тем самым демонстрируя одну из трудно решаемых архивоведческих проблем. Автор этой книги специально разобрал эту проблему на примере реального случая поправления всех нормативных и этических норм доступа к архивным документам личного происхождения и их использования¹.

В зависимости от доступности архивы можно подразделить на несколько видов: публичные, т. е. общедоступные на равных основаниях для любого гражданина и юридического лица; ограниченно публичные, т. е. доступные для определенных категорий юридических и физических лиц; доверительные, т. е. доступные для доверенных юридических и физических лиц; закрытые, или оперативно-текущие, т. е. доступные только юридическим лицам и их представителям для выполнения служебных задач.

Нетрудно заметить, что эта типология связана, во-первых, с формой собственности на архивы и, во-вторых, с их ведомственной принадлежностью. Совершенно очевидно, что доверительные и ограниченно публичные виды могут быть присущи только частным архивам, а также архивам общественных объединений, в то время как публичный и закрытый виды характерны соответственно для государственных и ведомственных архивов. Таким образом, уже сама классификация архивов показывает наличие вполне официальных ограничителей на доступ к документальной исторической памяти.

В каждом из названных видов архивов, естественно, находятся комплексы засекреченной архивной информации. Это — объективная реальность, ограничивающая публичность архивов наряду с такими субъективными факторами, как наличие необработанных документов, недоступность и некомплектность НСА, условия, выдвигаемые фондодержателями или фондотладельцами при передаче в архив документов негосударственного происхождения, и, наконец, ограничения селективного порядка, произвольно устанавливаемые самими архивистами на основе идей протекционизма. Кроме того, как говорилось выше, существует и еще ряд ограничивающих доступность архивов факторов, которые возникают уже на стадии использования архивной информации.

Таким образом, пользователю приходится преодолевать как бы тройной барьер в доступе к архивной информации и ее ис-

¹ Хохлов В. П. Второе археографическое обозрение истории России XX века. М., 2016. С. 235—263.

пользованию. Он все время испытывает сопротивление ограничительного государственного порядка, решений субъективного характера и ограничений по техническим причинам. Возникают как бы две балансирующие системы, подчас непримиримые друг к другу, негдa естественно совпадающие на основе договоренностей, иное уважение существующих в своих действиях, опираясь на взаимное уважение существующих норм и правил.

В рамках взаимодействия этих двух систем на практике сложилась своеобразная модель преодоления трех названных барьеров. Она включает, прежде всего, механизм преодоления ограничений на доступ и использование архивных документов: нормативное рассекречивание, т. е. рассекречивание архивных документов на основе законодательно закрепленных норм (принятого временного срока, по истечении которого потенциально признается утрата секретности сведений); инициативное рассекречивание, т. е. рассекречивание архивных документов по инициативе пользователя, исходя из признания реальной утраты секретности сведений ранее законодательно закрепленного временного срока, но с соблюдением соответствующих процедур; прагматическое рассекречивание, вызванное практическими обстоятельствами, исключающими саму возможность и экономическую целесообразность сохранения секретности архивной информации в пределах законодательно установленного временного срока; политическое рассекречивание, вызванное государственной необходимостью получить краткосрочный или долгосрочный внутривнутриполитический или внешнеполитический результат.

Завершая эту тему, отметим, что трансляция документальной исторической памяти — это ответ на ее многочисленные общественные запросы. В этом процессе архивный документ вновь трансформирует свою ценность в совсем иную полезность — в способность обеспечивать самопознание общества в интересующей и необходимой ему ретроспективе. Такая трансляция встречает немало сложностей объективного и субъективного характера, но в конечном счете она оправдывает формирование и сохранение документальной исторической памяти, воплощенной в архивных документах и сберегаемой в разных типах и видах архивов.

Контрольные задания

1. Дайте характеристики основных видов документальной исторической памяти.
2. Назовите факторы, ограничивающие документальную историческую память.
3. Расскажите о несвободе и свободе документальной исторической памяти.
4. Рассмотрите типологию архивов по степени их публичности.

Тема 8

АРХИВНАЯ ЭВРИСТИКА КАК ПОИСК ЗАДАННОЙ ЧАСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

8.1. Общее представление об архивной эвристике и ее развитии в России

Российские архивы хранят бесконечное число документов по российской и зарубежной истории, составляющих документальную память страны как части ее историко-культурного достояния. Несмотря на ряд негативных факторов, связанных с формированием и сохранением этой памяти, можно найти прямой или опосредованный ответ практически на любой запрос независимо от его сложности. Однако поиск такого ответа в миллиардной совокупности архивных документов сталкивается с определенными, часто очень значительными трудностями объективного и субъективного характера. Именно обнаружение, выявление нужной архивной информации, как правило, имеющейся в архивах, составляет одну из интриг освоения документальной памяти.

Ныне в определенной степени такой поиск облегчает Интернет, но здесь размещен в основном случайный и всего лишь незначительный фрагмент документальной памяти, в которой поиск нужной информации все равно требует определенных знаний.

Проблема поиска архивной информации составляет самостоятельные разделы архивоведения, археографии, документального источниковедения и как особое специальное знание называется **архивной эвристикой**.

Любая работа с архивными документами начинается с их поиска. В процессе своего становления и развития архивная эвристика прошла несколько этапов. Первый этап, продолжавшийся приблизительно с XVIII в. и до 20-х гг. XIX в., условно можно назвать **сборительским**. Главным смыслом этого этапа, как уже говорилось

в теме б, заключался в поиске любых документальных раритетов, способных чем-либо удивить современников. Это было своего рода документальное «библиофильство», правда, к концу XVIII в. все больше и больше приобретающее определенный целевой характер, связанный с историей средневековой Руси, древнерусских княжеств и Московского царства. Так, например, князь М. М. Щербатов проявил заинтересованное внимание к архиву Ватикана, Г. Ф. Миллер — к документам по истории Сибири. Активную деятельность по разысканию документальных источников по истории допетровской и петровской Руси и России развил граф А. И. Мусин-Пушкин. После того как в его рукописном собрании оказался в конце 80-х гг. XVIII в. список «Слова о полку Игореве», он инициировал первый в истории России масштабный целевой поиск других списков этого произведения по церковным хранилищам всей Российской империи, обеспечивший выдающиеся результаты обнаружения различных документальных источников, прежде всего в архивах церковного ведомства (Синода)¹.

Для собирательского периода состояния архивной эвристики в России было присуще несколько особенностей.

Во-первых, он развивался в условиях «архивного нестроения», одним из следствий которого являлось полное отсутствие публичного и непубличного НСА. Поэтому даже целевой поиск нужной архивной информации за рядом исключений завершался случайными находками. Именно случай, везение обеспечили в 1817 г. К. Ф. Калайдовичу и П. М. Строеву в ходе подмосковной археографической экспедиции найти такие документальные источники, как «Изборник Святослава» 1073 г. и единственный известный до сих пор список «Судебника» 1497 г.²

Во-вторых, в этот период поиск архивной информации в основном осуществлялся «в поле», т. е. в среде частных владельцев документальных источников, и отчасти, преодолевая сопротивление церковных властей, в церковных архивохранилищах. Так называемые ведомственные архивы, уже вполне сформировавшиеся, такой поиск в лучшем случае затрагивал лишь по касательной. Даже Н. М. Карамзин, которому специальным указом Александра I в 1803 г. обеспечивалось право «невозбранно пользоваться» всеми библиотеками и архивами Российской империи, из ведомственных архивохранилищ, по большому счету, смог реально с помощью своих друзей и коллег обследовать документы лишь Московского архива Коллегии иностранных дел.

Начало следующего этапа в развитии архивной эвристики, условно называемого нами *целевым программным*, можно связать с вы-

¹ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»...

² Козлов В. П. Колумбы российских древностей.

ступлением П. М. Строева в 1823 г. на заседании Общества истории и древностей российских¹. Этот этап характеризуется, во-первых, подготовкой и обнародованием различного вида поискового НСА и, во-вторых, разработкой многочисленных программ документальных публикаций серийного характера, потребовавших масштабных поисков соответствующих документальных источников. В это время утверждается преимущественно директивная форма поиска документальных источников, связанная с распорядительными указаниями различных административных структур по их выявлению в разных хранилищах в рамках определенных тематических и видовых запросов. Они были связаны, например, с выявлением документальных источников для серийных изданий «писем и бумаг» императора Петра I, летописей, актов, полного собрания законов Российской империи и др.

В рамках этого периода началось активное развитие целевой индивидуальной архивной эвристики. Она основывалась преимущественно на принципе доверительного поиска архивной информации. Смысл этого принципа мы рассматривали выше: он заключался в получении доступа к архивам определенному доверенному кругу лиц, имевших авторитет людей, «благонадежных» в политическом и идеологическом отношении. Принцип этот выдерживался четко и последовательно, несмотря на общественный авторитет того или иного лица. В соответствии с ним даже государственный историограф Н. М. Карамзин не смог получить доступ к документам военных кампаний русской армии в 1812—1815 гг.

Буржуазные реформы второй половины XIX в. породили новые пользовательские запросы к архивной информации. В своем большинстве они решались в рамках индивидуальной архивной эвристики индивидуального исследовательского характера. Стал возможен, например, поиск архивной информации по истории крепостного права в России или истории русского раскола. В первом случае такие поиски блестяще реализовал В. И. Семевский, во втором — П. И. Мельников-Печерский, которые развернули свои поиски как в государственных ведомственных, так и в личных родовых архивах.

Примерно в течение 10 лет после февраля 1917 г. прикладная архивная эвристика свое основное внимание сосредоточивала на поиске документов о функционировании «царского режима», особенно в годы Первой мировой войны, борьбе с ним революционно-освободительных сил, истории фабрик и заводов России. Поиск соответствующих документальных источников осуществлялся как в рамках директивной, так и в индивидуальной формах. При этом

¹ Подробнее см.: Козлов В. П. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX веков. М., 1999. С. 273—274.

важнейшим принципом таких поисков постепенно становился принцип партийности — по существу субъективный подбор документальных источников, отвечавших политическому курсу и идеологическим установкам правящей партии большевиков. Приблизительно с середины 1930-х гг. вся проблематика поисковых архивных запросов оказалась под жестким контролем государственной и ведомственных архивных служб, руководства научных, образовательных и иных учреждений, в том числе в рамках доверительного обеспечения пользовательских запросов. В лучшем случае они обеспечивались принудительным предоставлением пользователям отфильтрованной работниками архивов архивной информации. При таком положении дел само понятие «архивная эвристика» теряло какой-либо смысл.

После XX съезда КПСС у прикладной архивной эвристики появились реальные стимулы для развития. Они были связаны с несколькими обстоятельствами. Во-первых, возникшие проекты серийных изданий по истории крестьянского и рабочего движения, актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, восстаний И. И. Болотникова, С. Т. Разина, Е. И. Пугачева потребовали резкого расширения документальной среды подготовки этих и других документальных публикаций, а, следовательно, выработки специальных стратегий поиска необходимых документальных источников. В частности, в поиск таких источников были вовлечены архивохранилища низового звена архивной службы страны. Во-вторых, в определенных пределах теперь допускался индивидуальный исследовательский поиск архивной информации по некоторым инициативным темам. Например, широкую известность получили архивные разыскания Г. П. Шторма о жизни и творчестве А. Н. Радищева после его возвращения из ссылки.

Проблематика архивной эвристики начала активно разрабатываться приблизительно в последние 20 лет. Однако сам по себе усеченный термин «эвристика» применительно к поиску архивных документов и архивной информации впервые был употреблен в 1937 г. Б. М. Кочуновым¹. Впоследствии практические вопросы организации поиска в архивах неоднократно рассматривались в архивоведческих пособиях Л. В. Шепелева². В 1970-е гг. эвристические проблемы архивного поиска как способа разрешения историко-архивоведческих задач активно разрабатывал Н. И. Ходаковский³. В многочисленных переизданиях учебника по архивоведению

¹ Кочунов Б. М. Законодательный документ XIX — XX веков // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 320.

² Шепелев Л. Е. Работа исследователя с архивными документами. Л., 1966; Шепелев Л. Е., Горфейн Г. Н. Архивоведение: учебное пособие. Л., 1971.

³ Ходаковский Н. И. Источниковедческая эвристика: (Проблемы поиска письменных исторических источников): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1971.

Е. М. Буровой, Е. В. Алексеевой и Л. П. Афанасьевой архивная эвристика употребляется уже в качестве устоявшегося понятия и как одно из «направлений архивоведения»¹. Интересные рассуждения об архивной эвристике мы встречаем в работах Е. В. Булюлиной². В 2014 г. в РГГУ был подготовлен уже специальный учебник «Архивная эвристика»³. Здесь она названа «дисциплиной», изучающей «методику поиска ретроспективной документной информации с целью эффективного использования неопубликованных документов и сокращения путей их поиска»⁴. Работа Т. И. Хорхординой и А. В. Попова в концептуальном плане широко использовалась в позднейших разработках проблем архивной эвристики, например, в пособии Н. Н. Толстовой⁵.

Все эти и другие работы об архивной эвристике объединяет ряд особенностей. Их положительной стороной являются обзоры основных документальных, включая зарубежные, архивных комплексов на уровне самых общих их характеристик. Здесь также имеются ценные методические рекомендации о приемах, этапах и последовательности поиска нужной архивной информации.

Однако недостатки явно превосходят эти два достоинства. Во-первых, авторы противоречат друг другу в отнесении архивной эвристики то к некоей самостоятельной «дисциплине», то как к «направлению» в архивоведении, то как к «процессу» поиска нужной архивной информации. По существу, речь идет о своде неких прикладных знаний в области архивного дела, связанных с подготовкой и использованием архивных справочников типа обзоров, путеводителей, описей и характеристикой их вторичного информационного потенциала о первичной архивной информации. Во-вторых, адресатом таких рекомендаций является не просто «пользователь» архивов, а исключительно некий «исследователь». Тем самым резко сужается пространственное и содержательное поле поисковых запросов и использования архивов. В-третьих, мы наблюдаем в таких работах явно неустоявшуюся терминологию, отражающую специфику знания в области архивной эвристики, не говоря уже о том, что все авторы старательно обходят вопрос о предмете и объекте архивной эвристики.

Между тем еще В. Н. Автократов попытался (не употребляя термина «архивная эвристика») рассмотреть процесс архивного поиска

¹ Бурова Е. М., Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П. Архивоведение: (Теория и методика) : учебник для вузов. М., 2012. С. 412.

² Булюлина Е. В. Актуальные проблемы архивоведения : учебное пособие. Волгоград, 2011.

³ Хорхордина Т. И., Попов А. В. Архивная эвристика : учебник. М., 2014.

⁴ Хорхордина Т. И., Попов А. В. Указ. соч. С. 15.

⁵ Толстова Н. Н. Архивная эвристика. методические рекомендации : учебно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2015.

как «творческий процесс» и «начало научного исследования» — своего рода особую «коммуникативную ситуацию» с участием пользователя и «информационной среды», которую он определил как системы первичной и вторичной архивной информации¹. Тем самым этот ученый поднял проблему поиска архивной информации с уровня прикладного знания об организации хранения архивных документов и существующих прежде всего опубликованных справочных пособиях об их составе и содержании до уровня рассмотрения передачи информации в рамках схемы «потребитель — архив».

8.2. Объект, предмет и принципы архивной эвристики

С учетом сказанного выше понятие «архивная эвристика» можно рассматривать в двух смыслах. В теоретическом смысле это раздел архивоведения как научной дисциплины об архивном документе и архиве, объясняющий закономерности и особенности концентрации определенных частей документальной памяти в виде ее документов, процессы формирования того или иного интереса к документальной памяти и связанные с этим особенности поисковых запросов. Например, для великокняжеской, царской, императорской России был постоянен интерес дворянского сословия к документам генеалогического характера и с подтверждением собственности на главную ценность тех времен — землю. После 1917 г., когда было ликвидировано сословное устройство общества, генеалогические запросы в архивах резко пошли на убыль. Однако строительство нового советского государства с его отчетливой ориентацией на социальную защиту граждан сделало постоянным интерес к трудовым биографиям людей. В постсоветской России вновь возродился интерес к поиску генеалогической информации, сохраняющий свою востребованность и сегодня.

В прикладном смысле архивная эвристика является разделом архивного дела, раскрывающим технологии, приемы и способы поиска определенных документальных комплексов или выявления архивной информации в соответствии с интересами пользователей архивов. Она часто раскрывает своеобразные «секреты» поиска нужной архивной информации, причем часто их даже трудно обобщить и сформулировать, поскольку они бывают связаны исключительно со знаниями и умениями конкретного человека и нередко открываются ему совершенно неожиданно и даже внезапно.

В целом же архивную эвристику, образно говоря, можно представить в виде карьера разрабатываемой алмазной трубки. Цель повсюду в последней — алмазы, цель архивной эвристики — поиск необ-

¹ Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 255—268.

хотимых документов. Поиск архивной информации носит целевой характер. В его процессе происходит взаимодействие объекта — безграничного, с разной степенью упорядоченности и доступности документального массива и субъекта — пользователя, заинтересованного в максимально полном получении архивной информации об интересующем его предмете поиска. С учетом этого предварительного пояснения мы и можем сформулировать объект и предмет архивной эвристики как особого раздела архивоведения.

Объект архивной эвристики — это процесс взаимодействия с документальной памятью поискового запроса субъекта (пользователя), обеспечивающий достижение поставленной цели поиска.

Между объектом поиска и пользователем находится бесконечное море документальных свидетельств документальной исторической памяти и различные поисковые средства — традиционные и автоматизированные. Таким образом, объект архивной эвристики проявляет себя в системе: пользователь — цель поиска — поисковые средства — документальная память — результат поиска.

Предмет архивной эвристики — приемы и методы выявления документов и документальной информации в соответствии с запросом пользователя.

Выше отмечалось, что принципы любого научного знания — это некие основополагающие утверждения, на основе которых осуществляется достижение определенных целей, в том числе получение нового знания. В архивной эвристике такие принципы можно разделить на две группы: группа принципов, имеющих отношение к пользователю, ищущему нужную архивную информацию, и группа принципов, характеризующих архивную среду поиска такой информации.

Группа принципов, имеющих отношение к пользователю, включает: принцип максимальной полноты информации пользовательского запроса, принцип максимальной достоверности и точности пользовательского запроса, принцип предсказательной силы пользовательского запроса, принцип восхождения от общего к конкретному пользовательского запроса, принцип детерминизма пользовательского запроса, принцип логичности организации поиска целевой архивной информации.

Принцип максимальной полноты информации пользовательского запроса предполагает включение в запрос всех известных пользователю данных о предмете его запроса. Чем больше таких данных, тем более многомерным становится поиск нужного, хотя бы по каждому из указанных признаков.

Принцип максимальной достоверности и точности пользовательского запроса означает соответствие указанных в нем признаков разыскиваемого предмета запроса с его реальным существованием в прошлом. Однако далеко не всегда реальным существованием являются такими признаками, определяя их предположительно. Такое нарушение данного принципа вполне допустимо, так как оно открывает возможность многовариантного поиска целевой архивной информации, в результате которого искомым предметом поиска может быть найден.

Принцип предсказательной силы пользовательского запроса предусматривает интуитивное определение зоны поиска в архивной среде поиска. Принцип признает, что опыт и знания пользователя способны сформировать у него интуитивные представления о наиболее возможных и эффективных зонах поиска нужной архивной информации в архивной среде.

Принцип восхождения от общего к конкретному пользовательского запроса предусматривает структурирование пользовательского запроса в процессе его последовательного исполнения от самых общих параметров такого запроса к более конкретным, в которых пользователь непосредственно заинтересован. Например, запрос, связанный с выявлением архивной информации об административно-территориальном делении уезда (района) или принадлежности какого-либо поселения к административно-территориальной единице может быть исполнен только после выявления архивной информации о более крупной административно-территориальной единице, например, губернии (области).

Принцип детерминизма пользовательского запроса предполагает обнаружение целевой архивной информации как результата причинно-следственных связей, существовавших в прошлом. Этот принцип часто связан с процессуальностью решения определенных вопросов в тот или иной период. Зная, например, функцию Синода в дореволюционной России по определению наказания священников, нарушивших обет священнослужителей, можно точно найти в документах Синода следственное дело о духовном преступлении конкретного священнослужителя любого региона в любое время существования Синода. Крупные нарушения партийных уставов РКП(б) — ВКП(б) — КПСС в обязательном порядке рассматривались в соответствующем верховном контрольном органе партии.

Принцип логичности организации поиска целевой архивной информации связан со знанием пользователем некоторых фундаментальных основ современной организации хранения документальной памяти по ее административно-территориальным, хронологическим, ведомственным, отраслевым признакам, признакам вида носителей документов, в соответствии с которыми строится профиль любого архива. Этот принцип позволяет в процессе целе-

вого поиска архивной информации немедленно сузить зону ее поиска в пределах определенной архивной среды.

Группа принципов, имеющих отношение к архивной среде поиска целевой архивной информации включает: принцип историчности формирования современной архивной среды поиска целевой архивной информации, принцип системности архивной среды поиска целевой архивной информации,

Принцип историчности формирования современной архивной среды поиска целевой архивной информации означает, что при ее поиске учитываются перемещения, слияния архивов, изменения их профилей, подчиненности и другие изменения в сети архивов в разные периоды их существования. Знание таких изменений позволяет пользователю проследить судьбы отдельных архивных комплексов и установить их современные места хранения.

Принцип системности архивной среды поиска целевой архивной информации, интересующей пользователя, основывается на том, что она почти всегда является составной частью определенной системы документации человеческой жизнедеятельности. Зная построение этой системы, движение и переработку внутри ее документной информации, можно рассчитать местонахождение интересующего пользователя фрагмента документальной исторической памяти.

8.3. Типы и виды запросов архивной информации

Точность и полнота поиска ретроспективной архивной информации зависят от характера ее востребованности или, иначе говоря, от типа запроса. В соответствии с этим можно выделить персонафицированные, тематические и повидовые типы запросов.

Персонафицированный тип запроса связан с поиском информации о жизнедеятельности конкретного человека. В зависимости от задач поиска можно выделить: биографический вид запроса персонафицированного типа; имущественно-хозяйственный вид запроса персонафицированного типа; социальный вид запроса персонафицированного типа; творческий вид запроса персонафицированного типа; образный вид запроса персонафицированного типа; аудиовизуальный вид запроса персонафицированного типа.

Биографический вид запроса персонафицированного типа ставит задачу поиска информации о фамилии, имени, отчестве определенного лица, его рождении, смерти, вероисповедании, браке, местах работы, родственных связях, сословной принадлежности, роде занятий.

Имущественно-хозяйственный вид персонафицированного типа запроса предполагает поиск информации об имущественном и хо-

зыйственном положении определенного человека — его обеспечении жильем, живым и мертвым инвентарем, землей, крепостными крестьянами, денежными и иными капиталами, размере приусадебного и иного земельных участков, кредитах, страховой стоимости имущества и др.

Социальный вид запроса персонифицированного типа предусматривает поиск архивной информации о заработной плате, условиях труда человека, его членстве в общественных организациях, включая партии и профсоюзы, гонорарах, наградах и иных поощрениях, льготах и др.

Творческий вид персонифицированного типа запросов связан с поиском архивной информации о нематериальной деятельности человека и его духовной жизни в качестве представителя различных творческих профессий или лица, активно фиксирующего свою духовную жизнь в письмах, дневниках, воспоминаниях.

Образный вид запроса персонифицированного типа нацелен на поиск документальных свидетельств, характеризующих жизнь и деятельность человека, его характер и особенности поведения в кругу знакомых, родных и близких.

Аудиовизуальный вид запроса персонифицированного типа предполагает поиск архивной информации об изображении и голосе человека в различных его состояниях: в качестве официального лица во взаимодействии с государством и обществом, на различных мероприятиях с его участием, в событиях и ситуациях государственной, общественной и частной жизни, на природе, в путешествиях и др.

Тематический тип запроса включает: событийный вид запроса тематического типа; учрежденческий вид запроса тематического типа; процессуальный вид запроса тематического типа; административно-территориальный вид запроса тематического типа; организационный вид запроса тематического типа; имущественно-хозяйственный вид запроса тематического типа, предметный вид запроса тематического типа.

Событийный вид запроса тематического типа связан с поиском документов и документальных свидетельств о конкретном событии, случившемся в прошлом. Такое событие может быть связано исключительно с региональной историей, общероссийской историей и его отголосками в региональной истории, с историей зарубежных стран и международных отношений, а также с участием в них конкретных лиц.

Учрежденческий вид запроса тематического типа предусматривает поиск документов и документальных свидетельств о создании, реорганизациях, ликвидации, преобразованиях конкретного юридического лица или их совокупности, сфере, характере, результатах его деятельности за все время существования или за определенный временной период.

Процессуальный вид запроса тематического типа предусматривает поиск документов и документальных свидетельств, связанных с установлением определенных явлений и процессов прошлого, например: отмена крепостного права, формирование чиновничества, крестьянское движение. Это наиболее сложный и трудоемкий для удовлетворения вид запросов.

Административно-территориальный вид запроса тематического типа нацелен на поиск документальной информации об административно-территориальном делении страны и конкретного региона, а также возникновении и истории конкретных поселений.

Организационный вид запроса тематического типа касается поиска документальной информации об организации жизнедеятельности сословий и групп населения, политических партий и общественных объединений, а также различных сфер управления, производства, жизнеобеспечения.

Имущественно-хозяйственный вид запроса тематического типа предполагает поиск документов и документальной информации о хозяйственной деятельности юридических лиц, конкретных регионов, страны в целом.

Предметный вид запроса тематического типа ставит целью поиск документов о создании и функционировании предметов в самом широком смысле этого слова — от различных сооружений до всевозможных изделий.

Повидовой тип запроса характеризуется поиском конкретного документа или совокупности документов определенного вида. Он представлен индивидуальным видом запроса повидового типа, списочным видом запроса повидового типа и неопределенным видом запроса повидового типа.

Индивидуальный вид запроса повидового типа предполагает поиск конкретного документа, представляющего чем-либо особый интерес для пользователя, например, конкретного распорядительного или отчетного документа.

Списочный вид запроса повидового типа нацелен на поиск двух и более документов одного или нескольких видов, например, отчетов за определенный период конкретного юридического лица, совокупности конструкторской и технологической документации на конкретное изделие.

Неопределенный вид запроса повидового типа связан с выявлением списков конкретного произведения, например, древнерусских повестей и сказаний.

8.4. Факторы, затрудняющие архивный поиск

Предложенная типология запросов касается субъекта архивного поиска. Однако выше мы говорили о том, что поиск архивных документов и архивной информации осуществляется вполне предметно

в определенной архивной среде — одном из элементов объекта архивной эвристики, представленной документальными отложениями по предмету запроса и справочным инструментарием к ним. Без понимания особенностей этого элемента поиск существенно осложняется. Он встречает определенные трудности, связанные с воздействием объективных факторов, затрудняющих его результативность или обрекающие поиск на нулевой результат. Речь идет о секуляризации, фрагментации, сегментации, сепаратизации и дискретности документальной исторической памяти.

Секуляризация документальной исторической памяти представляет собой перемещение ее физических носителей за территориальные границы страны и их формальную передачу под юрисдикцию других государств или юридических лиц таких государств без возможности их возвращения либо возвращения в страну законного происхождения путем равноценного обмена или изготовления копий. Для России так же, как и большинства других стран, такая секуляризация оказалась связанной либо с войнами, либо с возникновением на территории Российской империи и СССР новых государств. Проблемность целевого поиска таких секуляризованных частей документальной памяти заключается в том, что, во-первых, они нередко бывают засекречены, во-вторых, являясь публичными, остаются без надлежащей научной обработки, в-третьих, поиск зависит от норм доступности архивов в той или иной стране. Например, приблизительно до середины 1950-х гг. в американском Гуверовском институте войны, революции и мира оставался на секретном хранении архив русской императорской заграничной разведки, переданный туда русским посланником во Франции В. А. Маклаковым. До сих пор остается недоступным архив русской эскадры в Биверте, хранящийся в Морском музее Франции в Марселе. Огромное число архивных документов официального и личного происхождения было вывезено из России первой волной русской эмиграции. Ныне эти архивы разбросаны по архивохранилищам государственных и негосударственных организаций многих стран мира, начиная от Австралии, Аргентины, Парагвая и кончая США и Голландией.

Фрагментация документальной исторической памяти в первую очередь связана с форс-мажорными обстоятельствами, в результате которых какая-то часть документальной памяти оказывается утраченной. Выше мы подробно рассматривали факторы, воздействующие на сбережение архивных документов и способствующие фрагментации документальной исторической памяти.

Смысл сегментации документальной исторической памяти заключается в раздроблении ее хранения в соответствии с ее административно-территориальной, отраслевой принадлежностью и в зависимости от форм собственности на ее носителей — документы. В большинстве случаев такая сегментация является абсолютно

нормальным явлением и, как правило, закреплена законодательно. Однако в истории архивного дела страны имелись многочисленные случаи субъективного порядка, нарушавшие территориальный принцип организации хранения архивных документов и принцип недробности архивного фонда.

Сепаратизация документальной памяти связана с тем, что ее отдельные части, формально входящие в состав Архивного фонда РФ, фактически исключены из публичного оборота, даже в их исторической составляющей. Поиск в них целевой архивной информации практически невозможен, он подменяется либо доверительным доступом к ней, либо ее избирательным, независимым от интересов пользователя предоставлением по усмотрению распорядителей документов.

Дискретность документальной исторической памяти рассмотрена нами выше. При целевом архивном поиске она затрудняет получение позитивного результата в связи с разрывом по объективным и субъективным причинам частей документальной памяти, имеющих отношение к проблематике архивного запроса.

8.5. Документальные отложения и их роль в архивном поиске

Выше мы говорили, что архивный поиск осуществляется в архивной среде, составными частями которой являются документальные отложения и поисковый инструментарий к ним. Под *документальными отложениями* мы понимаем сколь угодно неопределенные массивы документов, взаимосвязанных и не взаимосвязанных, разобщенных сепаратными разломами и не разобщенных, в которых потенциально или реально могут находиться документальные источники по теме запроса.

Эти документальные отложения выступают как видимое и ненаблюдаемое множества. *Видимое множество* документальных отложений представлено организованной публичной совокупностью документов, объединенных темой запроса. *Ненаблюдаемое множество* документальных отложений состоит из неорганизованной либо недоступной по разным причинам совокупности документов, относящихся к теме запроса.

Наличие этих двух признаков документальных отложений прежде всего предполагает установление максимального объема видимого множества документальных отложений и перевода ненаблюдаемого множества документальных отложений в видимое множество.

Современная практика работы с документальной исторической памятью дает нам разнообразный материал для понимания характера документальных отложений, на базе которых осуществляет-

ся поиск по запросу. Составители многотомной документальной публикации «Трагедия советской деревни» постарались использовать максимальный объем документальных отложений, связанных с темой. «Выявление архивных документов, — пишут они, — проводилось в наиболее содержательных с точки зрения освещения темы фондах — Политбюро, Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б), ЦИК и ВЦИК, СНК и Совета труда и обороны СССР, СНК РСФСР, ОГПУ, наркоматов земледелия, юстиции, внутренних дел, Колхозцентра и др.»¹.

К максимальному выявлению видимого множества документальных отложений стремились и составители сборника «Рязанская деревня в 1929—1930 гг.», готовя его на базе архивных фондов Рязанского губернского и окружного исполкомов Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, рязанских окружного комитета ВКП(б), ОГПУ, административного отдела окружного Исполкома, прокуратуры, районных, уездных исполкомов, губернского и окружного земельных отделов, союзов сельскохозяйственных коллективов, уездных и районных комитетов ВКП(б)².

Следует отметить, что выявление абсолютного максимума документальных отложений достигается далеко не всегда. В отношении названных выше документальных публикаций этот максимум уходит в бесконечность в силу масштабности фактов, событий, явлений, процессов прошлого и объемов отразивших их документов.

Существуют, однако, и субъективные факторы, ограничивающие видимое множество документальных отложений. С поразительной откровенностью о некоторых из них рассказали составители сборника «Атомный проект СССР»: «Не обнаружены документы аппарата Уполномоченного ГКО по науке... Не удалось найти документы Комиссии по изотопам при Отделении неорганической химии (ОНХ) АН СССР и часть документов Комиссии по проблеме урана; погибли во время войны практически все документы Украинско-физико-технического института... В течение нескольких лет велись переговоры с РНЦ «Курчатовский институт» об использовании в сборнике документов его архива, но удалось ознакомиться только с частью материалов фонда института и личного фонда И. В. Курчатова... Не удалось одновременно провести выявление, отбор, расселение и подготовку к публикации ряда довоенных работ, опубликованных в малодоступных журналах, отчетов... так как работа с ними надолго задержала [бы] издание тома»³. Д. Н. и И. А. Анто-

¹ Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: 1927—1937: документы и материалы : в 5 т. Т. 2. М., 2000. С. 30.

² Рязанская деревня в 1929—1930 гг.: хроника головокругения: документы и материалы. М., 1998.

³ Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 1: 1938—1945. Ч. 1. М., 1998. С. 13.

новы, авторы фундаментальной монографии «Метрические книги России XVIII — начала XX в.», проведя детальное изучение метрических книг как документального исторического источника, были вынуждены констатировать ограниченность своей источниковой базы по причине «сложности» выявления в архивах страны метрических книг¹.

Иногда тема архивного запроса (когда она обусловлена определенными видовыми, пространственными, хронологическими границами) сама по себе обеспечивает использование максимального объема документальных отложений. Здесь следует назвать публикации «Реввоенсовет Республики: протоколы 1920—1923 гг.», «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): повестки дня заседаний», которые однозначной заданностью тематики предопределяли использование стопроцентного объема документальных отложений².

Существуют конденсированные и неконденсированные документальные отложения. Под *конденсированными* документальными отложениями понимаются отложения документов, отразившие в едином, целостном документном комплексе документальные факт, событие, явление, процесс прошлого, соответствующие запросу. Такие отложения при выявлении документальных источников по конкретной теме запроса фактически исключают необходимость использования методов вертикального, горизонтального и разломного зондирования. Составители документальной публикации «Чему свидетели мы были...» имели дело именно с такого рода отложениями — комплексной подборкой копий писем царских дипломатов 1934—1940 гг.³ Публикация «Политбюро и церковь»⁴ основана в первую очередь на конденсированных документальных отложениях — четырех тематических делах архива Политбюро ЦК ВКП(б), сконцентрировавших документы о выработке генеральной линии партии и правительства в отношении религии и церкви (протоколы заседаний Политбюро, подготовительные материалы к ним, служебная переписка и др.). Конденсированные документальные отложения составили основу сборников «Следственное дело патриарха Тихона»⁵ (собственно следственное дело, хранящееся в Центральном архиве ФСБ) и «Кронштадтская трагедия 1921

¹ Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX века. М., 2006. С. 195.

² Реввоенсовет Республики: протоколы: 1920—1923 гг. М., 2000; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): повестки дня заседаний. Т. 1. М., 2000; Т. 2. М., 2001; Т. 3. М., 2001.

³ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934—1940: сборник документов: в 2 кн. М., 1998.

⁴ Политбюро и церковь: 1922—1925 гг. Новосибирск; М., 1997.

⁵ Следственное дело патриарха Тихона: сборник документов. М., 2000.

года»¹ (более 300 томов следственного дела на участников восстания из Центрального архива ФСБ).

Под *неконденсированными* документальными отложениями имеют в виду отложения документов, в которых документальные факт, событие, явление, процесс прошлого, соответствующие запросу, случайно или в силу свойства рациональности документационных систем отразились в отдельных, иногда в пределах конкретного документального отложения, точечных документах. Их выявление по теме запроса осуществляется путем применения методов вертикального, горизонтального и разломного зондирования.

С неконденсированными документальными отложениями чаще всего приходится иметь дело при тематических и повидовых запросах. Составители серийного издания «Атомный проект СССР» наряду с конденсированными документальными отложениями по теме в фонде Специального комитета по атомному проекту при ГКО имели дело с неконденсированными документальными отложениями в фондах СНК СССР, ГКО, научных институтов АН СССР, разведывательного управления Генерального штаба, НКВД — МВД и др. Аналогично обстояло дело и с поиском документов для документальной публикации «Кронштадтская трагедия 1921 года». В ней использованы не только конденсированные документальные отложения, как показано выше, но и неконденсированные (фонды ВЦИК, штаба РККА², секретариатов Л. Д. Троцкого и Э. М. Складского, Петроградского губернского комитета РКП(б) и др.). Составители серии «Трагедия советской деревни» поиск интересных документов осуществляли как в конденсированных документальных отложениях (протоколы Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по крестьянскому делу, фонд Колхозцентра СССР и т. д.), так и в неконденсированных отложениях по теме запроса в фондах СНК СССР и РСФСР, ОГПУ и др. С неконденсированными документальными отложениями пришлось столкнуться при поиске документов для издания «Избранных трудов» М. Х. Султан-Галиева³ Сочинения этого государственного и общественного деятеля оказались рассеянными по различным фондам архивов Татарстана, РГАСПИ, ГАРФ, РГВА⁴ и др.

Многие документальные факты, события, явления, процессы прошлого находят отражение как в поверхностных, так и в *донных* документальных отложениях. *Поверхностные* документальные отложения — отложения документов верхнего уровня документационных систем, имеющие отношение к теме запроса. Под *донными*

¹ Кронштадтская трагедия 1921 года. документы : в 2 кн. М., 1999.

² РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

³ Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань, 1998.

⁴ РГВА — Российский государственный военный архив.

документальными отложениями понимаются отложения документов низших уровней документационных систем, касающихся темы запроса. Поверхностные документальные отложения свидетельствуют о развитии и состоянии документальных факта, события, явления, процесса в целом, а донные документальные отложения — о состоянии и развитии этих же или иных документальных фактов, событий, явлений, процессов в частности, деталях, в реальном приближении к действительности. В зависимости от задачи поиска документальной исторической памяти привлекаются те или иные документальные отложения либо их совокупность. Например, при подготовке документальной публикации «Военнопленные в СССР»¹ были использованы исключительно поверхностные документальные отложения, а в основу публикации «Рязанская деревня в 1929—1930 гг.» легли донные документальные отложения. В изданиях «Трагедия советской деревни», «Кронштадтская трагедия 1921 года» использованы как поверхностные, так и донные документальные отложения.

Поиск документов, как правило, предполагает выявление максимума документов по теме запроса. Такое выявление происходит из документальных отложений, обладающих, по крайней мере, тремя тормозящими признаками — факторами архивной среды, в данном случае — совокупности документов, прямо относящихся к теме запроса.

1. В подавляющем большинстве случаев — это *сплошная среда*, т. е. сколь угодно большой, неопределенный по своим параметрам, организованный и неорганизованный массив документов. Так, для полного освещения темы документальной публикации «Экология и власть»² потребовались бы документы как высшего, так и низшего уровней управления и хозяйствования.

2. Это *разряженная среда* — массив документов, в котором поиск необходимого документа может быть только точечным.

3. Это *сопротивляющаяся среда*, под которой имеется в виду с разной степенью освоенный, известный, доступный и публичный массив документов. Такая среда постоянно обладает свойством внезапного увеличения и уменьшения, связанный, например, с утратой по разным причинам документов, их рассекречиванием или повторным засекречиванием. Преодоление сопротивления сплошной документальной среды, нейтрализация ее внезапного увеличения или уменьшения предполагает использование некоторых принципов, учитывающих существовавшие и существующие традиции и нормы документирования жизни и деятельности физических и юридических лиц в разные исторические эпохи.

¹ Военнопленные в СССР: 1939—1956 : документы и материалы. М., 2000.

² Экология и власть: 1917—1990. М., 1999.

8.6. Методы поиска архивной информации

Выявление документов по теме запроса связано с их поиском, т. е. точно рассчитанной адресностью установления местонахождения документа, который может иметь какое-либо отношение к теме. Свойство рациональности документационных систем, о котором мы говорили в теме 2, открывает возможность установления движения документов и вычисления вертикальной и горизонтальной зональностей, т. е. предельно возможных мест (зон) их миграции и концентрации.

Иначе говоря, при поиске документов для трансляции документальной исторической памяти учитываются их вертикальные, горизонтальные и хаотические миграции. Представление о миграции документов является одним из фундаментальных при выявлении документов по теме запроса. Оно предполагает использование методов горизонтального, вертикального и разломного зондирования документов.

Метод горизонтального зондирования документов предусматривает изучение связей документов по горизонтали документационных систем, в которые он входил или с которыми был связан в процессе реализации возложенной на него функции. Он позволяет выявить документы, создававшиеся учреждениями одного уровня разных ведомств и организаций в процессе решения одной общей задачи, поставленной перед ними вышестоящими учреждениями. Выявленные и изученные на основе данного метода документы дают возможность получить объемную, многостороннюю картину решения такой задачи на различных уровнях функционирования разных государственных и негосударственных структур. Этот метод применили составители сборников «Экология и власть», «Трагедия советской деревни» при поиске документов, отразивших конкретный факт, событие, явление, процесс в результате взаимодействия двух и более наркоматов и министерств СССР в части закрепленной за каждым из них ответственности.

Метод вертикального зондирования документов заключается в изучении их связей по вертикали документационной системы, к которой они принадлежат. Этот метод помогает выявить документы, создававшиеся учреждениями одного ведомства разного уровня в процессе решения одной конкретной задачи. Благодаря этому методу удается проследить процесс принятия конкретного решения и его реализацию на различных уровнях и в пространствах. Его использовали, например, составители серии «Атомный проект СССР», которые на основе решений Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам разработки атомного оружия затем выявляли документы, последовательно отражавшие реализацию этих решений по схеме: Полит-

бюро ЦК ВКП(б) — Спецкомитет при СТО — СНК (СМ) СССР — наркоматы (министерства) — предприятия (институты) и т. д.

Метод разломного зондирования документов основывается на присутствии, как говорилось выше, объективном свойстве дискретности, т. е. разделенности документов по теме поиска во времени и пространстве. При работе над ними принципиально важной становится нейтрализация дискретности документов — преодоление разломов, разобщения всей совокупности документов, отразивших тот или иной факт, событие, явление, процесс прошлого. С помощью метода разломного зондирования выявляются документы, создававшиеся не только в пределах одной или нескольких ведомственных систем, но и вне их, скажем, в процессе деятельности конкретных, никак не связанных друг с другом физических и юридических лиц, а также документы, созданные много позже случившегося факта, события, явления, процесса (например, мемуары). Этот метод были вынуждены применить составители «Избранных трудов» Султан-Галиева, чьи произведения оказались распыленными в различных архивных фондах или сохранились лишь в виде газетных и журнальных публикаций. Он же был использован при поиске документов по истории создания в СССР атомного оружия в личных фондах ученых страны. Разломное зондирование обеспечило и поиск интересных документов для сборника «Адмирал Кузнецов» в личном фонде адмирала и личных фондах его друзей и сослуживцев¹.

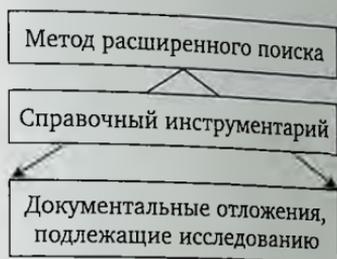
Следует подчеркнуть, что любой вид зондирования способствует адресному поиску не просто документов, но и их подлинников, которые в соответствии с правилом нарушения неприкосновенности документа во второй фазе его бытования гарантируют наивысшую степень информативности документальной исторической памяти. Вертикальное, горизонтальное, отчасти разломное зондирование помогают обнаружить подлинники, как правило, в архивных фондах адресатов документов.

Названные методы важны при поиске документов в рамках выполнения больших тематических и повидовых запросов. Однако и в этих случаях, не говоря о других, более частных, возникает необходимость использовать более конкретные методы поиска.

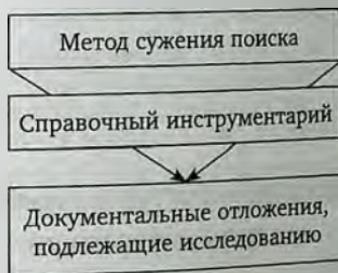
Метод расширения поиска предполагает выявление архивных документов по всем возможным каналам их движения как в фазе оперативного, так и в фазе постоперативного бытования. В первом случае этот метод опирается на методы горизонтального и вертикального зондирования, во втором — использует метод разломного зондирования, учитывающего непредсказуемые перемещения документов и их комплексов по разным форс-мажорным обстоятельствам, прежде всего в связи с изменениями системы архивов или

¹ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. М., 2000.

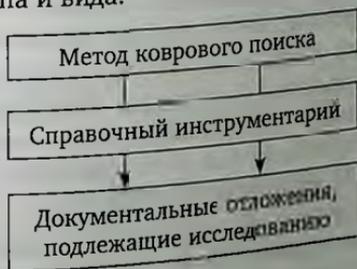
административными решениями о перемещении архивных комплексов.

Метод сужения поиска предполагает его изначальное сосредоточение на определенном архивном фонде или группе фондов, вероятность нахождения в которых архивных документов, соответствующих поисковому запросу, является прогностически наибольшей. Так, например, реализация персонализированного типа запроса связана в первую очередь с фондами тех учреждений, в которых работал или с которыми так или иначе в процессе своей жизнедеятельности был связан человек.

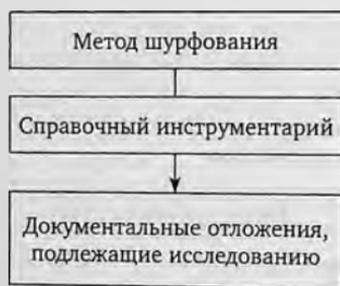

Метод коврового поиска предполагает сплошное обследование архивных фондов и коллекций, включая и те из них, которые, на первый взгляд, имеют самое отдаленное отношение к запросу того или иного типа и вида.

Любой поиск архивных документов исходит из принципа заданной точности их обнаружения. Этот принцип в наибольшей степени находит свое отражение при применении метода шур-

фованья. Он основывается на точно установленных механизмах концентрации искомых архивных документов и архивной информации в определенных фондах и коллекциях, которые основаны на знании принципов управления и хозяйствования и формировании их фондов в процессе экспертизы ценности на основе действующих перечней документов с указанием сроков их хранения. Так, например, для документов советской эпохи и постсоветского времени характерно сохранение приказов в организации, создающей их, и планов и отчетов учреждения — в вышестоящих по отношению к нему организациях. Метод шурфования, как правило, почти однозначно позволяет найти искомые приказы или отчеты в соответствии с нормативными указаниями места (фонда) их вечного сохранения.

8.7. Справочный инструментарий поиска архивной информации

Применение названных выше методов поиска архивных документов и архивной информации невозможно без использования соответствующего справочного инструментария, раскрывающего состав и содержание документов архивов Российской Федерации. Он в настоящее время представлен опубликованным традиционным и автоматизированным поисковым аппаратом.

Опубликованный общероссийский традиционный поисковый инструментарий по архивам России дает представлением об общем составе и содержании государственных архивов бывшего СССР, его библиотек и музеев, а также бывшего Архивного фонда КПСС¹.

Опубликованный региональный традиционный поисковый инструментарий по архивам России представлен в первую очередь фундаментальным справочником по архивам Москвы и Санкт-

¹ Государственные архивы СССР : справочник. М., 1989 ; Документы ГАФ СССР в библиотеках, музеях и научно-отраслевых архивах. М., 1991 ; Государственные хранилища документов бывшего Архивного фонда КПСС : справочник. Новосибирск, 1998.

Петербурга¹. Он содержит общую библиографию справочной литературы по архивам, музеям и библиотекам, библиографию, каталоги и другие справочники по отдельным видам архивных документов, источники по различным темам исследований, литературу по архивному делу, архивоведению, археографии и истории государственных учреждений России, сведения о 274 федеральных архивах, ведомственных архивах, архивах ведущих телевизионных, кино- и радиокомпаний, муниципальных и ведомственных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, архивах академических, научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений, профсоюзных и других общественных и религиозных организаций, рукописных собраниях библиотек, музеев. Его англоязычная версия содержит аналогичные дополненные данные по состоянию на начало 2000-х годов².

Опубликованный общероссийский традиционный поисковый инструментарий по архивам России специализированного характера дает представление об отдельных классах и тематических комплексах архивных документов³.

Четвертая группа традиционного поискового инструментария архивных документов представлена путеводителями по государственным архивам федерального и регионального уровней. Практически все эти архивы имеют такие путеводители, в ряде случаев дополненные каталогами и обзорами⁴. На настоящее время два крупных ведомственных архива — МИД и ФСБ — имеют справочники типа путеводителей⁵. Ряд бывших партийных архивов также имеет путеводители. На сайте Росархива размещена база данных «Путеводители по российским архивам», включающая сведения о 31 справочнике типа путеводителя федеральных архивов и 63 — по региональным, опубликованным в 1987—2008 гг. Однако следу-

¹ Архивы России: Москва и Санкт-Петербург: справочник обзрение и библиографический указатель. М., 1997.

² Archives of Russia. A Directory and Bibliographic Guide to Holdings in Moscow and St. Petersburg. Band 1—2: M. E. Sharpe, Armonk, New York London, England, без даты изд.

³ Личные архивные фонды в хранилищах СССР. Т. 1—3. М., 1962—1970; Научно-отраслевые и мемориальные архивы АН СССР. М., 1970; История Русской православной церкви в документах региональных архивов России. М., 1993; Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ. М., 1994; Путеводитель по фондам Белой армии в РГВИА. М., 1998; Государственное древлехранилище хартий и рукописей. М., 1971; Воспоминания и дневники XVIII—XX веков в ОР ГБЛ. М., 1976; Архивы Кремля и Старой площади. М., 1996; Фонды Русского заграничного архива в Праге: межархивный путеводитель. М., 1999; Тематический указатель к коллекциям микрофотокопий зарубежных архивов, хранящихся в ЦГАОР СССР. М., 1978 и др.

⁴ О путеводителях и других опубликованных справочных пособиях по федеральным архивам дает представление издание: Федеральные архивы России и их научно-справочный аппарат. М., 1994.

⁵ Архив ВЧК: сборник документов. М., 2007.

ет отметить, что эти справочники устаревают очень быстро, хотя и не утрачивают своего поискового значения.

Этот недостаток в определенной степени восполняется созданием *автоматизированных архивных поисковых систем*, о которых мы писали выше. Их подавляющая часть, включая электронные описи федеральных архивов, находится в публичном доступе, а некоторые размещены в Интернете¹.

В архивном поиске в конкретных ситуациях определенную помощь могут оказать различные биографические, библиографические и энциклопедические справочники. Их наиболее полный перечень и подробные поисковые возможности показаны в книге Я. Н. Шапова². Здесь приведены данные об универсальных энциклопедиях и энциклопедических справочниках, исторических энциклопедиях и справочниках, указаны общая библиография, историческая библиография, биографические и биобиблиографические справочники, литературные справочники, региональные и географические справочники.

8.8. Стратегия и тактика архивного поиска в зависимости от типа и вида запроса

Тип запроса определяет стратегию архивного поиска. Персонализированный тип запроса ограничивает зону архивного поиска, связанную с взаимодействием человека с государственными и общественными структурами и с другими людьми. Тематический тип запроса определяет зону архивного поиска в процессе взаимодействия друг с другом государственных и общественных структур. Повидовой тип запроса устанавливает зону поиска в соответствии с правилами и традициями документирования человеческой жизнедеятельности. Вид запроса диктует выработку тактики поиска, сужая во всех случаях зоны поиска, обозначаемые типом запросов.

При биографическом виде запроса персонализированного типа, прежде всего, для лиц, родившихся после 1724 г., т. е. времени введения метрических книг, и после 1918 г., т. е. времени введения книг регистрации актов гражданского состояния, первоначально важно использовать метод шурфования. Он позволяет обнаружить метрические книги с годовыми записями о рождении, смерти, крещении, бракосочетании как в фондах приходских церквей, так и в фондах епархиальных управлений, а книги записи актов гражданского состояния — в региональных (областных) архивах и архивах органов ЗАГС. Этот метод используется и в случае,

¹ Размещены на портале «Архивы России».

² Шапов Я. Н. Справочный инструментарий историка России. М., 2007.

если от интересующего лица остался личный архивный фонд. Метод расширения поиска позволяет обнаружить фонды учреждений, с которыми ранее была связана жизнь и деятельность человека, а в них — документы о нем. Выявленные при этом особые факты жизни и деятельности человека, например, его связи с современниками, позволяют с помощью метода шурфования установить документальные следы этих связей в виде переписки в архивных фондах его коллег, друзей и знакомых. Метод расширения поиска позволяет обнаружить персональные данные, например, о лицах дворянского сословия в архивных фондах уездных и губернских дворянских правлений, о крестьянстве — в первичных документах ревизий населения, которые до 1861 г. отложились в личных архивных фондах душевладельцев-дворян. Для военнослужащих царской армии было характерно ведение специальных послужных списков, хранящихся в фондах соответствующих воинских частей или видовых коллекциях послужных списков. Метод сужения архивного поиска предполагает обнаружение самых поздних документов о жизни и деятельности интересующего пользователя лица. Как правило, в таких документах, например, личных делах, содержатся сведения о предшествующих местах работы и обстоятельствах деятельности человека.

Имущественно-хозяйственный вид персонализированного типа запроса предусматривает применение метода шурфования при наличии личного архивного фонда. Здесь можно обнаружить всевозможные денежные и иные счета, описи имущества, закладные, страховые, налоговые документы, договоры на получение гонимых, трудовые, сберегательные книжки и др. Однако часто такой запрос требует расширенного поиска в фондах организаций, связанных со страховой, налоговой, залоговой деятельностью, землеустройством, банкротством, подворным описанием и т. д.

Социальный вид запроса персонализированного типа реализуется через метод шурфования для поиска документов, связанных с трудовой деятельностью человека. Это личные дела работника в фонде организации, с которой связана его трудовая деятельность, лицевые счета, ведомости выдачи заработной платы. Метод шурфования используется при подтверждении наличия государственных наград или званий — указы или приказы о них хранятся в фондах Общесоюзного или республиканского Верховных советов или в фондах соответствующих министерств и ведомств. Однако нередко социальный запрос предполагает выявление документов о всевозможных денежных поощрениях и льготах. В этих случаях неизбежно применение метода расширенного поиска о введении таких льгот. Документы об этом находятся в архивных фондах вышестоящих структур, как правило, органах управления. Здесь, например,

можно обнаружить приказы о введении особых условий оплаты труда и списки лиц, на которые эти условия распространяются.

Творческий вид персонифицированного типа запросов требует применения метода шурфования в случае, когда обозначенная персона оставила после себя личный архивный фонд с документами творческого характера. Эта ситуация облегчает поиск творческих документов в таком фонде. Однако она не исключает, а при отсутствии личного фонда предполагает применение в первую очередь метода суженного поиска в фондах организаций и лиц, с которыми была так или иначе связана персона запроса.

Образный вид запроса персонифицированного типа требует применения исключительно метода суженного поиска в фондах организаций и лиц, с которыми была так или иначе связана персона запроса и в фондах организаций, среди функций которых имеются функции характеристики человека, например, партийные, советские, контрольные организации, органы суда и прокуратуры.

Аудиовизуальный вид запроса персонифицированного типа удовлетворяется, прежде всего, использованием метода шурфования в личном фонде искомой персоны и расширенным поиском в фондах связанных с ним лиц, в фондах организаций, к которым имел отношение человек, а также в фондах, специально занимавшихся официальной и неофициальной аудиовизуальной фиксацией событий и лиц.

При поиске архивных документов, связанных с событийным видом запроса тематического типа первоначально используется метод сужения архивного поиска, т. е. поиск архивных документов в фондах юридических и физических лиц, оказавшихся непосредственно связанными с конкретным событием. Например, освящение церкви в конкретном поселении фиксировалось в обязательном порядке в документах епархиального управления, а участие в его процедуре гражданских властей — в различных фондах губернского управления. Однако иногда важно установить не просто событие, а его общественный резонанс. В этом случае невозможно обойтись без метода расширенного поиска, обеспечивающего выявление документов, зафиксировавших впечатления участников или современников о событии, например, в дневниках, переписке, мемуарах.

При поиске архивных документов в рамках учрежденческого вида запроса в первую очередь используется метод шурфования — установление наличия архивного фонда такого учреждения. Документы такого фонда в принципе должны содержать основополагающую информацию о создании, задачах, функциях, структуре, результатах деятельности, реорганизациях и ликвидации учреждения. Отсутствие фонда вызывает необходимость использования метода сужения архивного поиска, который в данном случае связан

с поиском информации об учреждении в фонде организации, которой оно было подчинено.

Процессуальный вид запроса тематического типа требует, прежде всего, использования метода коврового поиска. Масштабы его применения связаны с географией и хронологией изучаемых явлений и процессов. Например, изучение истории коллективизации в энском районе в 1935—1941 гг. потребует просмотра архивных фондов колхозов, МТС, районного управления сельского хозяйства, районного советов, райкомов партии, конференций по сельскому хозяйству и т. д. Далее возникает необходимость применить метод расширения поиска до губернских (областных) архивных фондов управления сельского хозяйства, областных комитетов партии и советов, областных представительств НКВД, статистики, землеустройства и т. д. В этом же случае потребуется применение и метода шурфования, связанного с поиском документов о коллективизации в энском районе в архивных фондах республиканских наркоматов земледелия, сельского хозяйства или республиканского Колхозцентра.

Административно-территориальный вид запроса тематического типа в зависимости от вида административно-территориальной единицы и хронологии ее изучения требует применения в первую очередь метода шурфования. Связано это с тем, что административно-территориальное деление страны, вплоть до уездов и районов, являлось исключительной компетенцией верховной власти и определялось, например, императорскими указами или постановлениями Верховного совета республики. Метод шурфования дает возможность выявить такие указы за определенное время. Этот же метод позволяет обнаружить описания состояния отдельных административно-территориальных образований и поселений в документах личного происхождения: дневниках, описаниях путешествий, письмах. Вместе с тем подобный вид запроса связан и с применением метода сужения архивного поиска, когда речь идет об истории конкретного поселения. В этом случае выявляются архивные документы, зафиксировавшие различные описания той или иной административно-территориальной единицы, например, писцовые книги, Генеральное межевание 1780-х гг., ревизии, переписи населения, военно-статистические, квартирмейстерские описания, списки населенных мест, земские переписи и др.

Организационный вид запроса тематического типа нуждается в применении метода коврового поиска архивных документов, поскольку организация жизнедеятельности является важнейшей составляющей существования человеческих сообществ и информация об этом в той или иной форме имеется в любом архивном фонде. Однако архивные документы об отдельных сторонах такой жизнедеятельности можно обнаружить с помощью метода сужения

архивного поиска. Например, жизнедеятельность крепостных крестьян дореформенной России детально зафиксирована в документах поместно-вотчинных архивных фондов, особенно крупнейших российских родов землевладельцев и душевладельцев. О жизни советской деревни можно получить важные сведения из крестьянских писем во власть и в СМИ, которые выявляются с помощью метода шурфования.

Имущественно-хозяйственный вид запроса тематического типа касается, прежде всего, различных количественных показателей производства, заготовки, реализации каких-либо продуктов, финансирования, расходов, доходов и т. д. В этом случае выявление архивных документов осуществляется преимущественно с помощью метода шурфования, нацеленного на поиск в первую очередь отчетных документов. Например, отчеты МТС содержат подробные сведения не только о производственной деятельности этих хозяйствующих субъектов, но и данные об их оборудовании с оценкой балансовой стоимости.

Предметный вид запроса тематического типа в первую очередь предполагает использование метода шурфования отдельно по каждому элементу системы: конструирование — создание (производство) — эксплуатация предмета поискового интереса. Тем самым можно получить полное представление о бытовании любого изделия от его создания до применения. Достигается это путем шурфования фондов проектных, производственных и эксплуатационных структур. Однако метод шурфования в ряде случаев важно дополнять методом расширенного поиска в случаях, когда создание изделия имеет не рядовое, а особо важное значение. Так, например, идея строительства московского метро и ее реализация были предметом рассмотрения не только государственных, но и партийных структур, в результате чего архивные документы об этом можно обнаружить в личных архивных фондах лидеров ВКП(б).

Индивидуальный вид запроса повидового типа, списочный вид запроса повидового типа, неопределенный вид запроса повидового типа учитывают особенности движения и концентрации документов и документальной информации и удовлетворяются применением метода шурфования.

Поиск любой архивной информации неизбежно бывает связан с организацией ее хранения. Выше мы могли убедиться, что в России система такого хранения в своей подавляющей части основывалась на профилировании архивов с учетом состава и содержания архивных документов и соблюдении принципов происхождения и недробимости архивных фондов. Наличие совокупности архивных фондов и межфондовых связей между их документами, которые обеспечивает архив, делает его своеобразным накопителем архивных документов и документальной исторической памяти

со строго заданными хронологическими, географическими, тематическими, видовыми и другими параметрами. Эти обстоятельства существенно облегчают архивный поиск. Однако за два последних столетия, в течение которых и была сформирована современная система российских архивов, как уже отмечалось выше, возникали различные обстоятельства субъективного и форс-мажорного порядка, которые деформировали системность организации хранения архивных документов. Эти обстоятельства и сегодня затрудняют архивный поиск.

Изумительная по своей простоте пофондовая организация сбережения документальной памяти содержит в себе выдающиеся эвристические возможности, позволяя преодолеть непредсказуемые деформации организации хранения архивных документов. Обнаружение нужных фондов, в том числе фондов, оказавшихся вне их обязательного хранения, или их частей в таком случае всегда облегчает дальнейший архивный поиск, который связан уже с работой с описью фонда — еще одним поразительным по простоте и эффективности инструментом поиска архивной информации.

Наконец, еще одно важное замечание, которое характеризует архивный поиск. Особая черта документирования человеческой жизнедеятельности последних трех столетий — масштабная повторяемость архивной информации. Выше мы рассмотрели виды и формы такой повторяемости, учитывающиеся при экспертизе ценности архивных документов. Явление повторяемости облегчает поиск архивной информации. Во-первых, знание ее закономерностей дает возможность просчитать места ее концентрации. Во-вторых, та или иная форма повторяемости позволяет частично или почти полностью, когда речь идет о повторяемости в форме дублирования, реконструировать информацию не обнаруженного или утраченного оригинала документа.

Контрольные задания

1. Дайте определение архивной эвристике и расскажите, как она развивалась в России.
2. Рассмотрите объект, предмет и принципы архивной эвристики.
3. Назовите и охарактеризуйте типы и виды запросов архивной информации.
4. Укажите факторы, затрудняющие архивный поиск.
5. Дайте характеристику документальных отложений и покажите их роль в архивном поиске.
6. Назовите методы поиска архивной информации.
7. Охарактеризуйте справочный инструментарий поиска архивной информации.
8. Рассмотрите стратегию и тактику архивного поиска в зависимости от типа и вида запроса.

Заключение

Если человек, никак не связанный с работой с документом, посмотрит на все накопленное документальное наследие и узнает объем создаваемого ежедневно документального массива, несомненно, у него возникнет впечатление хаоса. Это все равно как в детстве, когда все мы, не обремененные еще элементарными знаниями в астрономии, смотрели на ночное небо, на котором мириады мерцающих звезд казались простым нагромождением светящихся точек. Астрономия разобралась и продолжает разбираться с объектами во Вселенной, совершенствуя инструменты их познания.

Документ, как и язык, — не просто система знаков, а своеобразный инструмент организации жизни общества, человека, государства. Документ является феноменальным продуктом человеческой цивилизации. Он создается ею уже несколько тысячелетий, регулирует ее жизнедеятельность и ею же, если возможно такое выражение, «потребляется», хотя бы как свидетельство о прошлом. Документ как публичный и непубличный регулятор жизнедеятельности человеческих сообществ, документ как артефакт, сохраняющийся в архиве, документ как источник познания прошедшего, документ как явление культуры в повседневности — только эта самая общая проблематика для современного исследователя не менее важна и интересна, чем изучение истории какой-то иной сферы человеческой жизнедеятельности и возникающих в процессе ее человеческих интеллектуальных продуктов.

Феноменальное свойство документа быть не только регулятором процессов современной жизни, но и запоминать ее, делает документ частичкой документальной памяти — всего накопленного и создающегося массива документов.

Архивоведение как научная дисциплина призвана упорядочивать свой объект — документы, этот лишь внешне кажущийся хаотичным документальный массив. Оно разрабатывает новые принципы и методы управления документами и совершенствует проверенные временем приемы и способы их сохранения и трансляции запечатленной в них информации.

Архивоведение решает задачи, связанные с судьбой документа после реализации им функций по организации человеческой жизнедеятельности в тех сферах, где без документа как регулятора действительности невозможно достижение какого-либо результата.

Оно разрабатывает исходные принципы и критерии определения полезности и ценности документа в постпрактической (постпериодической) фазе его бытования, объясняет присущее ему свойство запоминания происходящего, обосновывает основополагающие подходы, связанные с формированием, упорядочением, трансляцией документальной памяти, генерируемой документом, как особом типе носителя исторической памяти.

Архивоведение призвано показать и объяснить феномен документа как особого интеллектуального продукта человеческой жизнедеятельности и особость архива, хранящего документы, как одного из депозитариев исторической памяти, представляющего собой не только некую институцию, но и информационную систему с первичной и вторичной документной информацией, систему, в конечном итоге заточенную на обеспечение вечного сохранения архивных документов и их публичности.

Рассмотрение своей проблематики и выработку предложений по ее разрешению архивоведение осуществляет на основе анализа различных практик архивного дела, в том числе касающихся их нормативно-методической упорядоченности. В этом смысле упоминавшийся выше метод наблюдения за предметом и объектом архивоведения является исходным для получения и анализа эмпирических данных с их последующим аналитическим рассмотрением.

Документ и архив составляют сущность архивоведческого знания. В кругу вещественных «интеллектуальных продуктов» мыслительной деятельности человека, когда речь идет не об отвлеченной деятельности вообще, а о деятельности в настоящем и прошлом, документ занимает не просто особое, но первенствующее место. Это, конечно же, тоже «вещь», стоящая в одном ряду с книгой, рукотворным парком, архитектурным сооружением, орудиями труда и т. д. Однако эта вещь как интеллектуальный продукт человека обладает специфическими свойствами. Она способна регулировать и одновременно запоминать мгновение действительности, отражать как ее статику, так и динамику, а также некие результаты человеческой деятельности, опять же в их статике и динамике. Она неизменна, если принято решение о ее сохранении. Она системна, т. е. взаимосвязана с себе подобными и с другими интеллектуальными продуктами человеческого социума. Она целостна и последовательно организована, запрограммирована при своем бытовании, начиная от своего создания как регулятора реальной действительности, выражающей ее полезность, и кончая преобразованием в носителя документальных свидетельств об ушедшей реальной действительности, придающих ей ценность. Она все больше и больше становится всеобщим неотъемлемым элементом современной человеческой жизни, организация которой без нее невозможна. В этой вещи есть все — и строгий формализм, практицизм

и механизм, технологичность, присущие другим продуктам человеческого умоделия, и, говоря словами М. Блока, «человечина» в непосредственной фиксации различных состояний конкретного человека и его различных сообществ.

Документ, в зависимости от настройки взгляда на него, изменчив как хамелеон и неопределенен в своем состоянии как ртуть. Мы попытались посмотреть на документ как носитель документальной памяти с позиций архивоведения. Обнаруженные в результате этого особенности состояния документа есть разные формы его преобразования при неизменной сущности его информации и ее носителя.

Четыре парадокса жизни документа, как кажется автору, ему удалось обнаружить и описать. Парадокс первый, определяющий соотношение информации и документа: человеческое общество шло и идет не просто по пути развития информационного общества, а по пути общества всеобщего документирования, в котором не информация, а документ является доминирующим фактором человеческой жизнедеятельности. Парадокс второй: рост объемов публичной информации и публичных документов сопровождается едва ли не пропорциональным ростом непубличности того и другого, стремительно накапливающегося в депозитариях их сохранения и непубличной ликвидации. С этим парадоксом связан третий парадокс: накопление объемов документов, особенно в крупных депозитариях исторической памяти, совершенствование инфраструктуры их хранения создают новые угрозы для обеспечения их безопасности, пропорционально усиливающиеся по мере совершенствования средств и методов их предотвращения. Нейтрализация и парирование этих угроз требует все больших финансовых вложений, например, связанных с периодическим обновлением баз оцифрованных документов. Жизнь документа в повседневности свидетельствует об этом достаточно убедительно. Парадокс четвертый означает, что без носителя информации нет информации, а без информации нет документа. Следовательно, документ есть не просто соединение информации и ее носителя, а их объективно предопределенное, необходимое и обязательное единство.

Документ един во всех своих ипостасях — и как регулятор действительности в документоведении, и как объект и предмет архивного хранения и использования в архивоведении, и как предмет и объект документальной публикации в археографии, и как объект источниковедческого анализа в документальном источниковедении, и как неоспоримое доказательство истинности произошедшего в историческом исследовании. Однако такое единство, обеспечиваемое двумя составляющими его элементами — носителем информации и самой информацией, — не означает постоянства его свойств на разных стадиях его бытования и эволюции. Не менее важным и нужным было бы рассмотрение документа как прямого и опосре-

дованного цивилизационного проявления, как элемента внутриобщественного взаимодействия, как элемента взаимодействия человека и общества, человека и государства, элемента взаимодействия между людьми и пока малопонятным взаимодействием человека с неким надчеловеческим авторитетом.

Традиционно считалось и считается до сих пор, что документ всегда вторичен, всегда отражает лишь некую волю и мысль. И это действительно так в подавляющем большинстве ситуаций. Однако имеются случаи, когда документ, подчас давно утративший свою первоначальную функциональную заданность, определяет действия настоящего, когда он, например, в своей постпрактической практической или постпрактической политической востребованности диктует современности решения и действия. Примеров этому в нашей сегодняшней жизни более чем достаточно. Иначе говоря, бывают ситуации, когда уже отработавший свое дело документ, спустя время вдруг становится вновь самодостаточным, да еще с таким запасом энергии, который и не предполагался в момент его создания.

Под понятием «документ» скрывается не некая одинокая обособленная сущность, а бесконечная множественная совокупность с постоянной переменчивостью и безусловной тенденцией, с одной стороны, к объемному росту в каждый момент организации человеческой жизнедеятельности, а с другой — к постоянному накоплению в депозитариях исторической памяти. Почему это происходит и зачем это надо — вопросы не праздные, связанные с историей человечества в прошлом и в настоящем. Это какое-то особое явление современной цивилизации, требующее изучения так же, как и другие ее проявления — политика, экономика, культура и т. д. Понять и объяснить это явление, явно вторичное в сравнении с процессами, происходящими в обществе, государстве, с человеком в каждое историческое мгновение их существования, но находящееся в неосомненной зависимости, а иногда и взаимосвязи с этими процессами, — значит, понять не только сам феномен документа, но через него — историю человека, общества, государства не только в прошлом, но и, через документ этого прошлого, настоящее.

Создание документа есть производное от бытия человека, общества и государства, от их состояния и деятельности, но и без существования документа бытие человека, общества и государства не возможно, особенно в наше время. Современный человек может прожить без стула, автомобиля, книги, но без документа в современном обществе — едва ли. Основное и второстепенное, главное и производное в документе оказываются в неразрывной связке, обеспечивая единство и цельность человеческой жизнедеятельности, ее естественное объективное, субъективное, правдивое, ложное, полное, неполное, точное, реальное и идеальное запоминание в документальных свидетельствах и последующее преобразование по-

следних для использования в невообразимо невозможных, непредвиденных при создании документа целях.

Как важнейший элемент предмета архивоведения — архива — документ, включенный в архив, оказывается здесь в особой среде и обретает необходимую упорядоченность. Архив обеспечивает его вечное сохранение, эффективный поиск и трансляцию. В архиве документ обнаруживает различные (общие и частные, конкретные и эксклюзивные) взаимосвязи с другими документами и элементами архивной среды его бытования, выступая одним из элементов определенным образом профилированной большой совокупности документов и являясь носителем свидетельств о прошлом.

Архив как особый депозитарий является хранителем конкретной совокупности документальной памяти. Ее формирование является следствием трансформации документа из регулятора человеческой жизнедеятельности в носителя свидетельств о ней. В результате такой трансформации создается особый тип исторической памяти — *историческая документальная память* с присущими только ей особенностями запоминания прошлого.

Документальная историческая память в архиве выступает в качестве первичной архивной информации архивных документов и приданных ей поисковых средств в виде вторичной архивной информации. Архив обеспечивает актуализацию и развертывание той части документальной исторической памяти, которая хранится в нем.

Актуализация и развертывание документальной исторической памяти происходят в архиве для решения разных задач и в разных формах. Для нас важна, прежде всего, источниковая, познавательная сущность документальной исторической памяти.

Хранение документа в архиве означает абстрактную возможность его превращения в документальный исторический источник. Она становится действительностью после приобретения архивным документом характера публичности. Эта действительность, в свою очередь, представляет собой абстрактную возможность самопознания общества в ретроспективе его прежних состояний.

Документ и архивный документ имеют равновероятные возможности своего бытия и небытия, конечного и бесконечного бытования, вечного сохранения и забвения. Архивоведение призвано регулировать их судьбу: с одной стороны, оно способствует вытеснению, удалению, забыванию части их, а с другой — обеспечивает создание новой их целостности. Архивоведение, таким образом, нейтрализует неопределенность формирования документальной исторической памяти, вносит в нее элементы упорядочения ради ее трансляции сегодня и в будущем. В этом заключается не только познавательная, регулирующая, но и гуманистическая сущность архивоведения как научной дисциплины.

Рекомендуемая литература

1. Автократов, В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения / В. Н. Автократов. — Москва, 2001.
2. Антонов, Д. Н. Метрические книги России XVIII — начала XX века / Д. Н. Антонов, И. А. Антонова. — Москва, 2006.
3. Архивы России: Москва и Санкт-Петербург: справочник-обозрение и библиографический указатель. — Москва, 1997.
4. Баталин, В. Н. Кинохроника в России: 1896—1916: описание киносъемок, хранящихся в РГАКФД / В. Н. Баталин. — Москва, 2002.
5. Бергсон, А. Материя и память // Бергсон, А. Собрание сочинений. Т. 1. — Москва, 1992.
6. Булюлина, Е. В. Актуальные проблемы архивоведения: учебное пособие / Е. В. Булюлина. — Волгоград, 2011.
7. Бурова, Е. М. Архивоведение: (теория и методика): учебник для вузов / Е. М. Бурова, Е. В. Алексеева, Л. П. Афанасьева. — Москва, 2012.
8. Валк, С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / С. Н. Валк. — Санкт-Петербург, 2000.
9. Воробьев, Г. Г. Документ: информационный анализ / Г. Г. Воробьев. — Москва, 1973.
10. Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции / подготовка текста и комментарии А. А. Зимина; под редакцией и с предисловием Л. В. Черепнина. — Москва, 1978. — Вып. 1—3.
11. Грюнберг, П. Н. История начала грамзаписи в России: каталог вокальных записей отделения компании «Граммофон»: сборник / П. Н. Грюнберг, В. Л. Янин. — Москва, 2002.
12. Данилевский, И. Н. Историческая текстология: учебное пособие / И. Н. Данилевский. — Москва, 2018.
13. Данилевский, И. Н. Источниковедение. Теория, история, метод: Источники российской истории: учебное пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — Москва, 1998.
14. Илизаров, Б. С. Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения / Б. С. Илизаров. — Москва, 1984.
15. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общей редакцией А. К. Соколова. — Москва, 2004.

16. Киселев, И. Н. Информационная система архива — модель и воплощение / И. Н. Киселев // Отечественные архивы. — 1997. — № 6. — С. 28—33.

17. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — Москва, 1987.

18. Козлов, В. «Архивная революция» в России (1991—1996) / В. Козлов, О. Локтева // Свободная мысль. — 1997. — № 4. — С. 116—128.

19. Козлов, В. П. Бог сохранял архивы России / В. П. Козлов. — Челябинск, 2009.

20. Ларин, М. В. Информационное обеспечение управления : учебное пособие / М. В. Ларин. — Москва, 2018.

21. Ларьков, Н. С. Документоведение : учебное пособие / Н. С. Ларьков. — Томск, 2005.

22. Левин, В. И. Носители информации в цифровом веке / В. И. Левин. — Москва, 2000.

23. Коляда, В. А. «Есть звуки, их значенье...» / В. А. Коляда. — Москва, 2008.

24. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. — Москва, 2008.

25. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. — Москва, 1975.

26. Раскин, Д. И. Архивоведение : учебник для академического бакалавриата / Д. И. Раскин, А. Р. Соколов. — Москва, 2017.

27. Тельчаров, А. Д. Архивоведение / А. Д. Тельчаров. — Москва, 2018.

28. Хорхордина, Т. И. Архивная эвристика : учебник / Т. И. Хорхордина, А. В. Попов. — Москва, 2014.

29. Хорхордина, Т. И. История архивоведческой мысли : учебник / Т. И. Хорхордина. — Москва, 2012.

30. Хорхордина, Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди / Т. И. Хорхордина. — Москва, 2003.

31. Швецова-Водка, Г. Н. Общая теория документа и книги : учебное пособие / Г. Н. Швецова-Водка. — Москва ; Киев, 2009.

Новые издания по дисциплине «Архивоведение» и смежным дисциплинам

1. *Попов, А. В.* Архивоведение: зарубежная Россия : учебник для вузов / А. В. Попов. — Москва : Издательство Юрайт, 2020.
2. *Раскин, Д. И.* Архивоведение : учебник для вузов / Д. И. Раскин, А. Р. Соколов. — Москва : Издательство Юрайт, 2020.

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:
в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:
список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:
в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию
e-mail: gred@urait.ru

Новые издания и дополнительные материалы доступны
на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Учебное издание

Козлов Владимир Петрович

АРХИВОВЕДЕНИЕ

Учебник и практикум для вузов

Формат 70×100¹/₁₆.
Гарнитура «Charter». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25,53.

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru